

ГОДЫ ТЕРРОРА

КНИГА ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Том 4

ООО «Издательский дом
«Типография купца Тарасова»
ПЕРМЬ
2012

ББК 63.3(2) 615-49
Г59

Ответственный за выпуск
А. М. Калих

Редактор
А. М. Калих

Корректор
Т. Н. Назукина

Книга подготовлена Пермским краевым отделением Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Организационная поддержка:
Комиссия по восстановлению прав
реабилитированных жертв политических репрессий
(председатель – С.В. Митрофанов, секретарь – И.Е. Соловьева)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Пермской краевой администрации

Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий.
Часть 6, том 4. – Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2012. – 372 с.; илл.

ISBN 978-5-91437-062-3

- © Пермское краевое отделение Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»
- © ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2012

ТАЙНА ПУСТЫХ КЕНОТАВИЙ

16 лет назад на пожертвования рядовых пермяков был построен Памятник жертвам политических репрессий

«Какая связь между репрессиями и старинным Егошихинским кладбищем?» Этот вопрос довелось нам услышать, когда на Егошихинском кладбище проходил митинг памяти жертв политических репрессий. Связь есть, и самая прямая...

Старшее поколение жителей Перми хранит память о местах захоронений жертв массовых репрессий советского периода. Одно из них обнаружено на Егошихинском кладбище в Разгуляе, фактически – в самом центре города. В 1996 году при большом стечении народа на Старом Егошихинском кладбище (есть еще и Новое, ближе к Всехсвятской церкви), как раз напротив бывшей тюрьмы НКВД №1, был открыт памятник жертвам политических репрессий. Мемориал представляет собой звонницу, поставленную на бетонную пятиконечную звезду, вверху – «терновый венец» из колючей проволоки. Есть глубокий смысл в исторической параллели между двумя памятниками: репрессированным – и красному командиру Окулову, чье надгробие на этом же кладбище также

имеет в основании пятиконечную звезду. Не всем такая «переключка» нравится, но что делать, если история строительства идеального коммунистического общества была обильно полита кровью.

Место для мемориала было выбрано неслучайно: по свидетельствам старожилов, жителей окрестных улиц и священника Успенской церкви, где-то в этом логу наискосок от тюрьмы закапывали в первые десятилетия Советской власти расстрелянных жертв коммунистического режима; был среди погибших и православный священнослужитель. Так что далеко не всех увозили на расстрел в «столичный» Свердловск, чтобы бросить потом в общую могилу на 12-м километре Московского тракта.

Людей, убитых или умерших в застенках НКВД, закапывали еще и в другом месте: вторым слоем на территории мусульманского участка. Приведем одно из свидетельств:

«До войны, до 1949 года, я проживал по ул. Тихой, д. №8. В то время это была односторонняя улица, на другой стороне было кладбище. ...Углом оно выходило как раз к нашему дому (мы пацанами птиц ловили на кладбище). Вот с угла я лично и наблюдал 2-3 раза захоронения тел, привозимых из тюрьмы. Выкапывалась неглубокая могила, а затем в нее сбрасывали до десяти трупов примерно. Все трупы были голыми, к ноге привязан номерок. Привозились они на телеге, в деревянных ящиках... Моя мать работала в тюрьме машинисткой (трудо-вая книжка сохранилась), она рассказала начальнику тюрьмы об этих зрелищах (так как момент захоронения наблюдали и другие, забора в этом месте не было), и хоронить днем перестали... (Как выяснилось из показаний других старожилов, хоронить стали на восходе солнца. – В.Г.) Мне было в ту пору лет 11-12. На днях я был в тех местах. Дома нашего давно нет. Почти в том месте, где производились тюремные захоронения, настроены гаражи. Там же производились захоронения и после войны. Так что едва ли что может дать эксгумация. Но ясно, что «пачками» уголовников никогда не расстреливали...» (В.Я. Мошев, 1925 г.р., бывший работник прокуратуры).

Подобными воспоминаниями о тех днях 1937-1938 гг. поделились с нами также Р.С. Комарова, В.П. Климов, Е.В. Леонтьев, жившие в ту пору на близлежащих к кладбищу улицах.

А вот история, о которой не писала еще ни одна газета. В 20-30-е годы заведовала кладбищами (то есть всеми: и новым, и старым, и «начменов») активистка-коммунистка Валентина Ч. Проработала она на этой должности лет семь. Конец ее карьеры был печальным, она покончила с собой. Толчком к самоубийству послужило то, что «начальник кладбища» слишком

много узнала, насмотрелась на то, как прятали концы в землю доблестные чекисты... Нервы не выдерживали и у не таких. Застрелилась она в свой день рождения.

Всего-то – горсточка земли...

На старинном городском кладбище есть немало и пустых кенотавий (с греческого: кенотаф или кенотавия – пустая могила, устраивалась, когда человека нельзя было похоронить). Символические захоронения устраивались и устраиваются потомками тех, кто погиб в тюрьмах и лагерях, кто был превращен в «лагерную пыль». Люди едут за сотни километров, чтобы поклониться родному человеку на месте его гибели, и привозят с мест братских захоронений щепотку праха, земли, чтобы потом «подхоронить» ее к семейным могилам. Жертвами тоталитаризма становились не только «социально чуждые» и люди с «подозрительными» фамилиями. Есть недалеко от Всехсвятской церкви могила Честиковых, к которой родственники однажды принесли щепотку земли, взятую на севере Пермской области, на месте бывшего Ныроблага, где теряются следы их предка.

Вспоминает И.А. Бакланова-Макарова, жительница Перми:

– Семья наша корнями происходит из Ординского района, жили предки в деревне Серкино. В крепкой крестьянской семье было восемь детей, из них шесть сыновей. После раскулачивания Честиковых выселили на север Чердынского р-на. Так стали хлебобобы спецпоселенцами. Глава семьи Григорий Владимирович умер там, под Ныробом, в 1939 году. Пришел срок, и крепких парней из семьи Честиковых отправили на фронт, и почти все они погибли. На таких людях фактически и выстояла страна, разве не так?.. Не легче было и женщинам из этой семьи. Одна из них, Анна Иосифовна Макарова, моя мама, работала в войну медсестрой, о таких, как она, написала свою повесть «Спутники» Вера Панова. Когда стало можно, когда исчезла боязнь новых репрессий, мы, представители рода Честиковых-Макаровых, съездили в Чердынский район, привезли оттуда горсточку земли сюда, к нашим родственникам, чтобы семья символически соединилась.

Подобную «процедуру» проделали, в разные годы, но уже после перестройки, потомки многих наших репрессированных земляков: летчика Поткина, красного командира Шадрина, врача Орлова (воспоминания сына его, тоже врача, профессора Вадима Александровича Орлова, см. в Книге памяти «Годы террора» – часть 6, т. 2, П., 2010 г.).

Особо хотим отметить в этом ряду православного священника протоиерея Александра Тетюева, расстрелянного в 1937 году под Свердловском. Он причислен к лику православных святых новомучеников. Его потомки, дочь Любовь Тетюева, привезли с мемориала на 12-м километра щепотку земли и подхоронили капсулу с прахом (сказано: все мы из праха, т.е. земли, вышли – и в прах обратимся) в семейную оградку могилы брата отца Александра, тоже протоиерея Николая Тетюева, возле Всехсвятской церкви. Теперь на надгробии есть и фотография святого, к нему приходят поклониться богомольцы.

Намоленные места

Посмотрим, кого же сегодня относят к категории репрессированных из тех, кто похоронен в Егошихинском некрополе – ныне Пермском Парке памяти.

Жертвами красного террора стала группа белогорских монахов (захоронения возле Всехсвятского храма), один из которых теперь причислен к лику местночтимых святых новомучеников. В отдаленном углу Нового кладбища прихожане того же храма показали нам холм – братское кладбище монахов, священников, расстрелянных в годы гражданской войны.

Священник отец Леонид Зубарев, похороненный у изгороди Всехсвятского храма, потерял остатки своего здоровья (он уже перед арестом был болен) в северных лагерях. Его усиленно обрабатывали чекисты, стремясь сделать своим «стукачом». Сломать не удалось.

В День памяти жертв политических репрессий пришли на Егошихинское и преподаватель ПГУ Нонна Петровна Потапова с дочерью. Они помянули своего родственника, православного священника Накорякова, репрессированного во время службы в Карагае. «Намоленное» место, почитаемое верующими, есть возле Успенской церкви («старокладбищенской»): у надгробий священников отца и сына Ярушиных похоронен епископ Хрисанф (Клементьев, 1862-1931). Не раз подвергался он арестам и ссылкам. На могиле его в 30-е годы тайно проводил службу епископ Стефан (Знамировский).

К теме репрессий, безусловно, относится и установка креста на месте предполагаемого захоронения расстрелянных в 1918 г. придворных последней царицы Российской империи – графини Анастасии Гендриковой и гофлектрисы Екатерины Шнейдер, учившей Александру русскому языку, когда она еще была принцессой Гессенской, невестой Николая Романова.

Гении местности

В книге «Годы террора» (часть первая – 1998 г., вторая часть вышла осенью 2000 г.) говорится о трагическом конце одной из славных представительниц пермской интеллигенции. В годы гражданской войны бывшая начальница мужской гимназии 57-летняя О.В. Циммерман была арестована ЧК «за агитацию против Советской власти» и умерла в исправдоме № 1, проведя в заключении более 14 месяцев. Оттилия Владимировна – одна из трех сестер Циммерман, которые, по устойчивой литературной легенде, послужили прототипами Антону Чехову при создании его знаменитой пьесы «Три сестры». На территории лютеранского кладбища теперь установлен мемориальный знак в честь трех сестер Циммерман, а на здании бывшей гимназии, созданной ими (ныне фармуцилище), укреплена мемориальная доска.

В лагере погиб известный краевед, юрист В.Н. Трапезников, автор летописи г. Перми (1874-1937). Его родственники похоронены как раз вблизи памятника жертвам репрессий. Таких, как Трапезников, называют «гений местности». Владимир Николаевич был и активным левым, участником революционного движения на Урале, в 1902 г. сидел и в царской тюрьме. А приговорен к расстрелу краевед был как «участник контрреволюционной повстанческой организации Перми, которая ставила своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания». Его обвиняли в том, что «вместе с В. Владимирским пытался сорвать вооруженное восстание в Перми в 1905 году...».

Нордическая фаза

Не секрет, что среди репрессированных было немало правоверных большевиков. К таким жертвам можно причислить и латыша Андерсона Франца Андреевича (1895-1951): последние годы жизни работал доцентом ПГУ, но в его жизни были годы, проведенные в «сталинском санатории».

Трагично сложилась жизнь у семьи пермяков по фамилии Маркс: Михаил Федорович (1896-1939), Анна Максимовна (1900-1947) и Юрий Михайлович (1924-1943). Неподалеку похоронен Станислав Петрович Маркс (1894-1951).

– Мы из обрусевших немцев, семья наша в Пермь приехала из Нижнего Тагила, – рассказывает пермячка Валерия Станиславовна Тецлер (Маркс). – Мой папа, Станислав Петрович,

педагог, литератор, преподавал в авиатехникуме и библиотечном техникуме. Вел одно время курсы в Свердловске для работников НКВД. Осенью 37-го папу арестовали по клевете, он полтора года просидел в тюрьме, был уже в камере смертников. И тут его увидел работник НКВД, который учился недавно у него на курсах. Этот начальник очень удивился. Пообещал разобраться и... делу действительно удалось дать обратный ход. Отца освободили, но из техникума все-таки уволили. Он очень переживал тогда, помню. В поисках работы пришлось уехать в Оханск... На этом же кладбище похоронены мои двоюродные братья.

В жизни ученого с мировым именем доктора геолого-минералогических наук Петра Николаевича Чирвинского (1880-1955), похороненного в «профессорском» квартале (№12) Нового Егошихинского кладбища, также был долгий период, который он сам позже окрестил, как вспоминал его сын, «нордической фазой», поскольку прошла она, после ареста в ночь на Рождество 1931 г., на севере: в Ухте, Карелии, на Кольском полуострове. Десять лет концлагерей ученый получил по 58-й статье за... «сокрытие недр».

Сюда, к Памятнику, приходят люди, чтобы помянуть безвинно погибших родных и близких. Венец терновый над звездой — как зеркальное отражение двух символов нашей истории. Преломленное отражение...

Недалеко от церкви Всех святых есть семейная оградка (Ковалевых), опутанная... колючей проволокой... Кто-то же надумил родственников так «оборонить» усопших. Это уже рикшет советского воспитания.

Но такое еще можно понять. Уму непостижимо другое: последние составы Госдумы «заворачивают» любые дополнения и поправки к федеральному Закону «О реабилитации жертв политических репрессий». Озлобленную реакцию разнокалиберных левых и правых «патриотов», националистов вызвали предложения Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека об учреждении программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима...».

Не хочется верить, что сегодня еще возможен откат в прошлое. Не хочется верить, что страна высочайшей культуры, страна Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова вновь поверит в «светлое тоталитарное будущее».

Владимир Гладышев

НЕ ЗАБУДЬТЕ НАС!

Посвящается Н.В. Самович

На ежда

Дочь меня спросила ,сын просил ответить
Почему нет с нами нашего отца
Обо всем , что было ,пусть узнают дети
Детям расскажу я правду до конца

Муж был арестован, муж мой - враг народа
И с детьми из дома выгнали меня
Постучалась к брату, брат дрожал от страха
Уходи быстрее , ты мне не сестра

Сколько было горя не смогу измерить
То, что рассказала, снова повторю
Муж мой - враг всем людям - не смогу поверить
Пусть меня он слышит : я его люблю!

Он меня услышал , он мне улыбнулся
Навсегда запомню я его слова
" Умирают люди , города истраны
все пройдет на свете, а любовь жива!"

Автор стихотворения – Галина Анатольевна Антонова, дочь Антоновых, когда-то приютивших семью репрессированного П.Т. Гусарова.

«Когда, после ареста отца, мы вернулись в Молотов (Пермь)... и нам совершенно негде было жить, нас не пустил к себе даже родной брат матери. Это и вправду было опасно. Нас приютили давние друзья мамы и папы – Анатолий Степанович (инженер-строитель) и Надежда Степановна (педагог) Антоновы, сами имевшие троих детей».

*Из воспоминаний
Дмитрия Петровича Гусарова*

Семья Валерия Константиновича Архапчева, родившегося в далеком 1941-ом, – одна из многих тысяч, переживших войну, голод, холод, разруху, репрессии. Забыть бы и не вспоминать... А Валерий Константинович не унывает: живет в славном Верещагино, создал общество «Мемориал», заботится о пострадавших в годы сталинского террора. Можно сказать, вынес на своих плечах строительство в Верещагино памятника жертвам политических репрессий. А еще растит внуков, с удовольствием нянчится с правнуками, зачитывается Шукшиным и великолепно поет и играет на баяне.

ПОТОМУ И ВЫЖИЛИ...

Из воспоминаний Валерия Константиновича Архапчева

Моя мама

*Нашей маме –
Вере Михайловне – 16 лет.*

Моя мама, Вера Михайловна Архапчева, с детства любила петь и читать. Первой ее прочитанной книжкой был «Кобзарь» Тараса Шевченко... Она нам рассказывала: «Бывало, заберусь в траву, на полянку, раскрою книжку и, читая стихи, придумываю мелодии к ним. И начинаю петь стихи». Любовь к песне, к музыке осталась с ней на всю жизнь, а потом передалась и нам, ее детям.

Ей было десять лет, когда на Харьковщину обрушился страшный голод. Семье мамы удалось переехать в деревню – там, ближе к земле, был шанс выжить.

Картина голода запомнилась такой: одинокая, неизвестно чья, изможденная лошадь вся в болячках ходит по пустому полю. Люди умирали, их не успевали хоронить...

Позже, в поисках лучшей доли, семья Веры переезжает поближе к городу Феодосия. Там отец девочки, с его-то «золотыми» руками (его так и звали: «мастер нарасхват»), надеялся

найти работу. Большинство жителей здесь говорили по-русски. Пришлось перестраиваться на ходу. За год маленькая Вера научилась писать и говорить на русском языке, в школе получала одни «пятерки». Любимые ее предметы – русский и география.

Но все закончилось в 7 классе. Отец сказал: «Всё, дочка, учиться больше не получится, надо тебе работать». Причина простая – тяжёлое материальное положение семьи. Вера устроилась в рыбный кооператив уборщицей. Начальник устроил девочке необычный экзамен: незаметно для нее начал разбрасывать мелкие монеты и ждать, как она себя поведет. А Вера мыла полы и добросовестно собирала денежки. Наутро возвращала их хозяину. И это в страшные голодные годы! Оценив честность Веры, начальник стал опекать ее, как дочь.

Прошло какое-то время, и мама по совету начальника решилась поступить в гидрометеорологический техникум. Конкурс она прошла легко. По окончании учёбы ее распределили на метеостанцию в Феодосии. Незадолго до войны вышла замуж. Когда началась война, мне было всего семь месяцев. Мама вспоминала, как части Красной Армии поспешно грузились на пароходы и уходили в Севастополь. Моего отца, ведущего специалиста порта Феодосия, секретаря комсомольской организации, готовили к работе в подполье.

Мама навсегда запомнила обрывки бумаги, летающие по обезлюдевшему городу, брошенные машины, закрытые магазины и тишину. Запомнила она и тот день, когда передовые части фашистов вошли в город. На семейном совете приняли решение ехать в деревню. Как вели себя оккупанты в это время? Мама вспоминала: «Странный народ были эти немцы – шныряли по домам и требовали яйцо, молоко, сало». Спасая свою семью от беды, мама выходила к непрошеным гостям и разговаривала с ними на немецком языке.

Крым освободили в 44-м году. Мне к тому времени исполнилось всего 4 года, но некоторые эпизоды тех лет запомнились навсегда. Помню, например, лицо немецкого пилота, летящего над нами на малой высоте. Помню и взрывы сброшенных им бомб. В дальнейшем, заслышав звук любого самолета, я с ужасом бросался под юбку прабабушки, а ночные кошмары стали моими постоянными спутниками.

В том же 44-м запомнил одно раннее утро. Крым освобожден. Я лежу в деревянной кровати, и вдруг в дверь

вваливаются какие-то дяди. Все в доме зашевелились. Я тогда не понимал, что с этих минут началась новая веха в нашей жизни – годы унижений и тяжелых испытаний. Сотрудники НКВД зачитали приказ, дали на сборы полчаса и практически раздетых выгнали на улицу. Отцу, учитывая его работу в подполье, предложили остаться, на что он ответил: «Нет, куда семья, туда и я». И вот вместе с другими несчастными нас, как родственников врагов народа, погрузили на телеги и повезли на станцию Нижнегорск.

В чем причина этой жестокой расправы? Дело в том, что моего дедушку по папиной линии, председателя колхоза (одного из двацатипяти тысячников) арестовали и расстреляли в 1938 году. Этого факта власть не забыла. Так мы не по своей воле отправились на Урал.

Дорога на Урал

Дорога на Урал оказалась очень тяжёлой. Не хватало воды, пищи, по-летнему одетых людей не могла обогреть единственная стоявшая посредине вагона буржуйка. Как стирали, как меняли пеленки, готовили пищу, ходили в туалет – я до сих пор не понимаю.

Однажды произошёл случай, чуть навеки не разлучивший маму с семьей. Как-то состав остановился, и она решила приготовить обед: сварить в котелке немного крупы. Пока хлопотала у костра, поезд тронулся и ушел, а там – дети и свекровь. Рядом остался лишь муж. Остались без документов, без детей, на незнакомой станции... Пришлось принимать решение: любой ценой догнать своих. Пассажирских составов не было, но незнакомая женщина-проводник сжалась над ними и пустила в открытый полувагон. Весь день и всю ночь, лежа на угле, укрывшись от ветра плащ-палаткой, добирались до станции Кын, где и нашли свою семью.

Далее дорога шла через Чусовой, Соликамск, потом Левшино... По пути следования часто раздавалась команда: «Выходи на построение!» Оглашался список, откуда-то появлялись вербовщики и забирали людей.

А нам сказали: «Если хотите жить, езжайте в «Кукетский», будете создавать совхоз с нуля».

После долгих мытарств наша семья, наконец, прибыла на постоянное место жительства на разъезд Кукетский

Верещагинского района. Так закончилась на крымской земле «карьера» отца, подпольщика и патриота, и началась на уральской жизни «врага народа».

В то время в Краснокамске строился бумажный комбинат. Строили его спецпереселенцы – депортированные на Урал поволжские немцы, болгары, греки, крымские татары и люди других национальностей.

На Кукетском власти организовали спецпоселок. Колючей проволоки вроде бы не было, но люди жили на казарменном положении. Выехать невозможно. По линии НКВД всем и всеми командовал комендант. Люди обязаны утром и вечером у него отмечаться. Чтобы попасть, например, в районную больницу или сделать покупки, надо у коменданта выписать пропуск. Комендант по своей значимости приравнивался к начальнику тюрьмы.

Совхоз, который строили ссыльные, назвали Кукетским. Впоследствии он стал отделением совхоза-техникума «Уралец». Это хозяйство организовывалось специально для обеспечения Краснокамска продуктами питания. Перед поселенцами поставили задачу – создать хозяйство в кратчайший срок. Краснокамск по мере возможности помогал техникой, нефтепродуктами. Но все равно задача казалась нереальной. Впрочем, никто не считался с людьми, с их возможностями, с условиями, в которых они жили. Если хочешь жить, – сделай!

Сначала вырубали лес, очищали площадки под строительство. Потом корчевали лес под распашку полей, строили фермы, сушилки для зерна и картофелехранилище. Женщин не жалели, они работали на самых тяжелых участках. Торопились до зимы построить хоть какое-то жилье, монтировали пилораму, водонапорную башню, строили баню, гаражи, нефтебазу, магазин, школу и медпункт.

Пока сооружались бараки, поселенцы жили на остановке Пузьята, в пяти километрах от разъезда Кукетский. Там стояли два станционных здания, в них и ютились, словно селедки в бочке, несчастные люди. В помещениях, в основном, устраивали детей, а взрослые ночевали прямо на улице под открытым небом или в шалашах. Пищу тоже готовили на улице, на огромной общей плите. Сводила с ума антисанитария и постоянная нехватка воды.

Мама и отец с утра и до позднего вечера трудились в Кукетском, с утра пять километров шли на разъезд. Мы же, голодные дети, оставались на попечении немощных стариков. Все время

*1938 год. Заседание комсомольской ячейки.
Константин Афанасьевич Архапчев – второй справа.*

хотелось кушать. Помню, взрослые уйдут на работу, закроют нас в комнатухе, а мы с братом и нашим другом Васей Мерасхариди стекло выставим и в лес убежим. Наберем грибов, сами не зная каких, и возвращаемся к излюбленному месту – лестнице на чердак. Я, старший, бывало, заберусь повыше, а они стоят внизу в крапиве и с нетерпением ждут, когда я их накормлю. А я из собранных грибов достаю червей и сверху по маленькому кусочку бросаю им в открытые рты, как галчатам. Эту «грибовницу» они с удовольствием ели. Благо обошлось без отравлений!..

Люди работали с предельным напряжением, понимали, что общая судьба зависит от каждого. К зиме успели соорудить два больших барака, третий остался недостроенным. В зимнее время в этих помещениях было страшно холодно. Пока топилась буржуйка – еще ничего, но лишь огонь затухал, становилось, как на «северном полюсе».

Мне запомнилось из тех времен главное – ощущение единства. Общая беда, тяжелые условия жизни сплотили народ, люди делились последним, помогали друг другу. Потому и выжили, сделали то, что казалось невозможным.

Победный 1945-й

В День Победы все репрессированные радовались, как дети: кто играл на баяне, кто пел, кто плясал, кто плакал, кто смеялся. Поселились мы в заброшенном доме, можно сказать, в нежилом. В пяти километрах от разъезда. После жизни в бараке это показалось настоящим раем. Впервые после нар, общих коридоров, проходных комнат у семьи появилась отдельная комната. Какое это было счастье!

Но обещанный рай все же не наступил – и здесь основным спутником нашей жизни был голод. Продуктов практически не видели, но и при этом днем в каждую кастрюлю заглядывал оперуполномоченный, проверял, кто что варил и сколько. Помню, тюльку давали раз в месяц, – так это был невероятный деликатес.

От отчаяния и безысходности воровали картошку с поля. Недалеко от нас стояла шаха – сооружение из лап ели и пихты. В ней под лапами хранилась гнилая замороженная картошка на корм скоту. Вот в эту шаху я и делал рейды. Вокруг тьма, зима, а я ползу по снегу. Заберусь в нее, набью карманы, за пазуху, и обратно ползу домой. Промерзну весь, но зато дома мать на горячей плите напечет нам деликатес – крахмальные лепешки, несравнимые ни с чем.

Еще был случай, когда отец завел кроликов. Они ели траву, не переставая. Заботу по доставке корма возложили на меня. Однажды я решил набрать клевер с совхозного поля. Не заметил, как сзади верхом на лошади подкрался объездчик. Не успел я увернуться, получил по спине плеткой. Меня почти вырубил от неистовой боли. Брать что-либо с поля было преступлением: пусть все уйдет под снег, но не трогай! И вот под конвоем меня с мешком доставили в комендатуру, как преступника. Началось разбирательство. Меня хотели отправить в колонию, а отцу устроили такие неприятности, какие мало кому пожелаешь. И лишь благодаря директору совхоза, делу не был дан ход.

Воровство строго каралось: высылали за колючую проволоку в спецлагерь. Моя тетья, Архапчева Валентина Константиновна, за одну картошку по доносу получила год тюремного заключения.

С годами совхоз «Кукетский» стал одной из основных баз по развитию сельскохозяйственного производства в районе, и мы, потомки, обязаны знать его создателей и всегда помнить этих замечательных тружеников.

Особо хочу сказать о немцах. Аккуратные люди, неутомимые работники. Порядок окружал их на рабочих местах и в быту. И на стройке, и в животноводстве, и в полеводстве – они всегда первые.

Добрым словом всегда вспоминаю семьи Броцман, Грауле, Верховских (кузнец экстракласса), Одаевых, Фукс, Петерс, Ной, Гергерт, Гердт (знаменитый сапожник), Мерасхариди, Дубровых, Лифаровых, Шпицерт, Бич, Шмидт, Винс, Шварц, Штоль, Кеслер, Кудряшовых... Пусть меня простят те, кого я не назвал, – время стерло из памяти некоторые имена и фамилии.

Непререкаемым авторитетом в совхозе считался Эрик Иванович Кнауэр. Инвалид (у него не было ноги), но показал себя истинным гением. Ни одной отрасли в местном хозяйстве не существовало без его рационализаторских идей. Сегодня этот замечательный человек живет в Германии. Когда Эрик Иванович узнал, что в Верещагино создается «Книга памяти», он выслал на ее создание денежную помощь – часть собственной пенсии и пенсии его супруги.

Мой отец

Мой отец, Константин Афанасьевич Архапчев, родился в Крыму 1 июня 1914 года. В советские годы его отец, Афанасий Константинович Архапчев, работал председателем колхоза и именовался двадцатипятидесятилетником (в те времена было такое движение). Папа пошел по стопам деда Афанасия: в 60-е годы стал в районе первым «гагановцем» (другое трудовое движение).

14 ноября 1937 года по чьему-то доносу деда и его брата арестовали. В тот же день их расстреляли. Бабушка, Любовь Порфирьевна, осталась с шестью малолетними ребятами. Мой отец, старший из детей, заменил дедушку: кормил, обувал и одевал многочисленное семейство.

Отец трудился в порту Феодосии. Перед войной женился, родились я и мой брат.

Трудовой путь в совхозе отец начинал с плотника. Потом работал на пилораме. Однажды чуть не попал за решетку. Во

время проверки участковый высказал в его адрес непристойные оскорбления. Отец кинулся на обидчика с кулаками. На счастье, рядом оказался старший прораб совхоза Исаак Семенович Морговский, тоже из репрессированных. Он схватил отца и прошептал: «Костя, что ты делаешь? У тебя ведь семья!» Потом была долгая беседа с комендантом. Благодаря заступничеству Исаака Семеновича и директора совхоза, дело замяли.

Папа и мама. 1949 год.

Совхоз «Кукетский» постепенно развивался. В хозяйстве появился крупный рогатый скот, стали выращивать свинину. Для корма животным необходим был фураж. Отца отправили на мельницу производить корм. Вскоре здесь оценили его трудолюбие и добросовестное отношение к работе. Предложили ему должность бригадира животноводства. Это дело пришлось отцу по душе. Здесь он в полной мере раскрыл свои способности.

В конце 50-х совхоз первым в районе начал серьезную селекционную работу по улучшению поголовья крупного рогатого скота. На ферме, опять же впервые в районе, начали применять машинное доение. Это чудо отечественного производства называлось «Ёлочка». Надои на ферме были лучшими в области.

Когда совхоз «Кукетский» влился в «Уралец», его центральное отделение перекочевало в Зюкайку, туда же переместилась центральная ферма. По указанию руководства, отца переправили на центральную ферму. Через некоторое время он вывел и эту ферму в передовые, и она стала одной из лучших в области. Сюда изучать опыт приезжали из всех районов Прикамья! Потом отца перевели на одну из отстающих ферм в деревне Захарята. И опять он справился, вывел ферму на

высокий уровень. После этого отца направили на самую худшую ферму, располагавшуюся в Салтыках. Понадобилось два года непрерывного труда, чтобы салтыковская ферма стала лучшей в совхозе, а затем и в районе.

Казалось бы, человек, семью которого беспощадно обидело государство, имел моральное право обидеться, отойти в сторону. Но он понимал, что трудится для людей, для своих детей. И трудился, не жалея себя. В конце концов, сказалось огромное напряжение, ежедневные поездки на лошади за семь километров в холод, мороз, дождь и слякоть. Здоровье отца пошатнулось, он основательно простудил ноги. Но никогда не ложился на больничную койку.

Пока отца перебрасывали с места на место, центральная ферма стала сдавать свои позиции, и его вновь перевели туда. Людей, которых отправляли поднимать отстающие производства, называли гагановцами. Вот отец и стал первым «гагановцем» в районе. В 1965 году совхоз-техникум «Уралец» давал самые высокие надои молока в районе. Под руководством отца выросли знаменитые доярки, которые полвека назад надаивали до пяти тысяч литров молока в год. За развитие животноводства отца премировали приемником, велосипедом, мотоциклом «Урал». Четыре раза он становился участником ВДНХ, награжден медалями ВДНХ.

На моего отца и на доярку Е.Я. Вшивкову готовили даже документы на присвоение звания Героя Социалистического Труда, но... Не в первый раз нашлись бдительные люди, напомнили, где надо, о родственниках – «врагах народа»... В общем, не получили ни папа, ни та женщина заслуженные награды.

Выйдя на пенсию, отец продолжал работать на центральной ферме. Но пришла тяжелая болезнь. 17 декабря 1985 года его не стало.

О песне, гармошке и о том, как нас воспитывали

Родители приучали нас с детских лет быть самостоятельными. Помню, когда мне было 10, а брату Игорю 8, отец увез нас в лес на делянку заготавливать дрова на зиму. За летний сезон мы должны были припасти 20-22 кубометров дров, то есть спилить елки, очистить, сложить сучья, раскрежевать, а когда все

доставят домой – распилить на чурки, расколоть и сложить в поленницы. Плюс копка огорода, посадка и уборка картошки. Ребята соседские играют в футбол, а мы, пока не сделаем норму, и думать ни о чем не можем!

Отец, конечно же, очень любил детей, но и был строг. Нас было три брата и одна сестра. Всем братьям был один закон: если кто набедокурил, получали все трое, а мне доставалось больше всех – старший, не доглядел.

Люди в то время были раздражительными, нервными – большие испытания выпали на их долю. Лишь одно помогало – песни, музыка. Забывались голод, холод и то, что на теле – лохмотья.

Песня для нас «была и матерью, и Родиной».

Мы, дети, всегда мечтали о своей гармошке. Но она стоила страшно дорого, а у нас не было даже обуви... И вот в один из дней всей семьей поехали в Пермь за обувью. Но вместо нее купили изумительной красоты гармошку. Все были вне себя от счастья. Нас, детей, у мамы с папой к тому времени было уже четверо, все богатство составляли три вилки из нержавеющей стали, купленные по случаю в Перми. Со временем, мы, мальчишки, стали настоящими гармонистами и радовали односельчан своей музыкой.

Когда-то коренных жителей Кукет пугали: «К вам приедут спецпереселенцы, они – чуть ли не людоеды, не вздумайте с ними общаться и подходить к ним близко!» А мы, те самые «людоеды», доморощенные гармонисты, со временем своим

Брат Игорь и отец. 1975 год.

талантом, добротой, рвением в работе растопили недоверие окружающих. Здесь теперь наша Родина, здесь выросли, здесь растут наши дети и внуки.

Долгожданная реабилитация пришла в 1956 году. Власть признала свою вину, но поздно – миллионы людей, ушедших безвинно на тот свет, остались лежать в неродной им земле. Да и признала она вину как-то сквозь зубы, не до конца. И так до сих пор – по принципу «шаг вперед, два назад». Принимаются половинчатые решения, но и они не выполняются. Мы, репрессированные, это на себе чувствуем.

В детстве я мечтал стать моряком, упрашивал отца и мать отдать меня в нахимовское училище, и совершенно не понимал, почему все меня отговаривают. И только повзрослев, понял, что детей «врагов народа» в такие учебные заведения не принимали.

Большое семейство Архачевых. Родители Вера Михайловна и Константин Афанасьевич – во втором ряду (сидят). 1983 год.

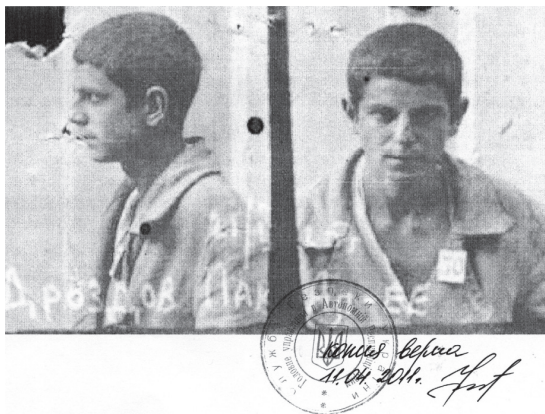
Судьба моей семьи – лишь частичка в море судеб всего народа. Я твердо уверен: мы должны помнить о случившемся, рассказывать о нем детям, чтоб и они, в свою очередь, помнили и не допустили подобного!

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Воспоминания Бориса Павловича Дроздова

Отец

Мой отец, Павел Алексеевич Дроздов, попал в Соловецкий лагерь (Вишлаг был его вторым отделением) по обвинению в контрреволюционной деятельности и участии в подготовке вооруженного восстания в Крыму с целью свержения Советской власти и отторжения Крыма от России. Ему еще не было и 19 лет. Само собой, эти страшные обвинения были сплошной выдумкой чекистов. Но объяснения молодого человека, почти

Первый арест. Отцу 19 лет. Фотография из следственного дела.

мальчишки, никто не хотел слушать.

В Вишлагае он отбывал срок с 1925 по конец 1927 года. А затем остался в Вижаихе (ныне Красновишерск), работал в администрации Вишерского ЦБК (Вишхимза) в качестве бухгалтера. Видимо, по-

казал себя хорошим работником, одно время даже исполнял обязанности главного бухгалтера.

На Урале женился. Там же родилась и моя сестра Галина, ее, к сожалению, уже нет на свете. Мама моя – уроженка села Морчаны (ныне поселок Морчаны, Красновишерский район).

После введения в строй в 1931 году Вишерского бумажного комбината отец продолжал работать в планово-экономическом секторе в качестве и. о. главного бухгалтера до мая 1932 года. А потом получил предложение перейти на работу во вновь организованный трест «Дальстрой», начальником которого по постановлению Совета труда и обороны (ноябрь 1931 года) был назначен Э.П. Берзин. Тот самый знаменитый Берзин, который в 1918 году отличился в подавлении левозсеровского мятежа и раскрытии «заговора послов». Тот самый Берзин, под руководством которого отец работал на строительстве Вишерского бумажного комбината¹.

¹ Э.П. Берзин родился в 1893 году в Старо-Пебальской волости Вольмарского уезда Лифляндской губернии (современная Латвия) в семье крестьянина. Латыш по национальности. Участвовал в боях на фронтах Первой мировой войны. Прапорщик. Был награжден серебряной нагрудной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие», Георгиевским крестом 4-й степени и в 1917 году произведен в офицеры.

После Октябрьской революции участвовал в формировании 1-го легкого арtdивизиона Латышской стрелковой советской дивизии, а затем назначен его командиром. Летом 1918 года сыграл решающую роль в подавлении левозсеровского мятежа в Москве и разоблачении заговора Локкарта.

После некоторых колебаний отец дал согласие. В мае подписал трудовой договор и выехал к новому месту работы. Первые три года работал главным бухгалтером представительства «Дальстрой» во Владивостоке, а осенью 1935 года занял должность заместителя главного бухгалтера треста «Дальстрой». В этой должности он и проработал до момента ареста в июне 1938 года.

Мне было всего четыре года, когда все это произошло. Арест не помню. Через много лет отец рассказал, что его трижды судили, окончательный приговор объявили в сентябре 1941 года: 15 лет исправительно-трудовых лагерей плюс пять лет ссылки.

В исправительных трудовых лагерях Тяньгинского горно-промышленного управления отбыл 13 лет. И не просто отбыл – работал на рудниках. Освободился в апреле 1951 года. Годы ссылки прошли в поселке Усть-Омчуг. Его ценили как специалиста. Назначили бухгалтером в дорожно-строительном управлении, а затем старшим бухгалтером непосредственно в горно-промышленном управлении.

В июле 1956 г. отец был реабилитирован решением Военной коллегии Верховного суда СССР. С Колымы уехал только в 1967 году.

В 1927 г. Э.П. Берзин внёс предложение в ВСНХ СССР о строительстве Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. С 6 января 1931 года — начальник строительства Вишерской целлюлозно-бумажной фабрики ОГПУ, где при нём отбывал заключение Варлам Шаламов, упоминавший Берзина в своих произведениях. В общей сложности Вишерский ЦБК был построен за 18 месяцев.

14 ноября 1931 года назначен директором треста «Дальстрой». Главное управление строительства Дальнего Севера (ГУСДС, Дальстрой) – государственный трест СССР. Главная задача функционирования «Дальстроя» – дешёвая добыча золота, самые крупные резервы которого в СССР находились в районе р. Колымы. Добыча угля, заготовка леса и т. д. осуществлялись лишь для обеспечения жизнедеятельности «Дальстроя», в т. ч. для строительства городов для вольнонаемных (Магадан и пр.), тысяч километров жел. дорог и шоссе и пр. «Дальстрой» имел собственную флотилию, совершавшую 12-15 рейсов в навигацию, перевозившую в трюмах за рейс до 9 тыс. заключённых. В 1939-1953 годах в «Дальстрой» поступало ежегодно 400-500 тыс. человек, разгружавшихся в портах Ванино, Джурма и пр. Очень высокая смертность среди них сохраняла стабильную численность «населения» «Дальстроя» в 2-3 млн. чел. Начальник «Дальстроя» 1934-1937 г. Берзин расстрелян как «враг народа». Его зам. и нач. УСВИТЛАГа подполковник Гаранин, организатор и руководитель т. н. расстрельной «тройки» «Дальстроя», уничтожившей 26 тыс. заключённых в 1937-1939 гг., расстрелян в 1939 как «враг народа». 4 декабря 1937 г. Э.П. Берзин реабилитирован 4 июля 1956 года.

Как одному из руководителей строительства города Магадана перед зданием мэрии города в 1989 году был установлен бюст Э.П. Берзину. Именем Берзина названа одна из улиц города.

СЛУЖБА БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ

Головне управління Служби безпеки України в Автономній Республіці Крим

Автономна Республіка Крим, 95034, м.Сімферополь, бульвар І.Франка,13, тел. (0652) 27-74-00

№ 76/41/Д-5/022968

“11” апреля 2011г.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

по материалам архивного уголовного дела № 022968
в отношении Дроздова Павла Алексеевича.

Дроздов Павел Алексеевич, 18.05.1906 года рождения, уроженец с.Локоны, Крелевещского уезда, Черниговской губернии, русский, беспартийный, образование среднее, из крестьян, на момент ареста – студент первого курса математического отделения физмата Крымского университета.

До ареста проживал по адресу: Крымская АССР, г.Симферополь, ул.Вокзальная, д.6.

12 июня 1924 года **Дроздов Павел Алексеевич** был арестован ОГПУ Крыма.

По постановлению Чрезвычайной тройки при ПП ОГПУ по Крыму от 01.11.1924 года **Дроздов П.А.** осужден по ст.ст. 60 и 64 УК РСФСР - к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на 3 года.

Дроздов П.А. признан виновным в участии в студенческой контрреволюционной террористической организации, деятельность которой направлена на свержение советской власти и созыв учредительного собрания.

По отбытии срока, постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 18.11.1927 года был лишен права проживания в 7 населенных пунктах (Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Крыму и погранполосе) на 3 года. По амнистии от 6.11.1927 года срок наказания сокращен на одну треть.

18.11.1927г. **Дроздов П.А.** был освобожден из лагеря и остался проживать в м.Вижахиха, Чердынского района, В.Камского округа, Уральской области.

Постановлением распорядительной Коллегии от 26.04.1934 года принято к исполнению постановление Президента ЦИКа СССР от 14.04.1934 года о снятии всех ограничений с **Дроздова П.А.**, связанных с судимостью.

По заключению Прокуратуры Автономной Республики Крым от 25.10.1999г. на основании ст. 1 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17.04.1991г., **Дроздов П.А.** считается реабилитированным ввиду отсутствия совокупности доказательств его вины.

Каких-либо сведений о дальнейшей судьбе **Дроздова П.А.** в материалах архивно-уголовного дела не имеется.

Основание: архивно-уголовное дело № 022968

Начальник Главного управления

В.Тоцкий

Архивная справка: «...признан виновным в участии в студенческой контрреволюционной террористической организации».

За что его судили? Вот выписка из приговора Военного трибунала войск НКВД при «Дальстрое»:

«Подсудимый Дроздов был принят на работу в «Дальстрой» в качестве заместителя главного бухгалтера. Ранее (в 1924 г.) судившийся за антисоветскую деятельность в числе участников студенческой контрреволюционной группы в г. Симферополе и сохранивший свои антисоветские настроения, Дроздов принял к безоговорочному исполнению явные вредительские задания Берзина и Эпштейна обманывать государство представлением заведомо ложных отчетов и иных данных о финансово-производственной деятельности «Дальстроя» и связанных с указанными участниками группы единством контрреволюционных намерений, за время с 1.10 1935 г. до июня 1938 г. выполнял следующие вредительские действия:

1. Изготовил вместе с Евгеньевым (главным бухгалтером) и направил в Наркомат заведомо ложные отчеты о финансовой деятельности «Дальстроя» за 1935-1936 годы, показав в них полученные прибыли: в 1935 – 46 млн. руб., в 1936 – 14 млн. руб., в то время, как за эти годы имели место прямые убытки в сумме 55 млн. руб.

2. Умышленно при составлении калькуляции завышал себестоимость грамма добычи золота.

Объяснения Дроздова о его непричастности к антисоветской группе не заслуживают доверия. Факты вредительской деятельности, выполненные по заданию врага народа Евгеньева и участника контрреволюционной антисоветской группы, возглавлявшейся Берзиным, осведомлен не был.

Военный трибунал войск НКВД при «Дальстрое» признает Дроздова П.А. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР. На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319, 320, 326 и 424 УПК РСФСР, Военный трибунал **приговорил:**

Дроздова Павла Алексеевича на основании ст. ст. 58-7, 58-11 подвергнуть тюремному заключению на 15 (пятнадцать) лет с поражением в правах на 5 (пять) лет по отбытию наказания с конфискацией принадлежавшего ему имущества.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит».

По делу проходило 17 человек. Из них 15 были приговорены к расстрелу. Так что отцу еще повезло. Его не расстреляли только потому, что с него сняли обвинения по статье 58-8

Действителен по 1-му мая 1932 г.

Билет ударника

Фамилия ударника Израилов
Имя и отчество Навек Александрович
Место работы М. ан. Фин. кон. отдела ЦБК
Бригада _____
Отметка о самовоспалении до конца пятилетки _____
Отметка о ликвидации ударника _____
Настоящий билет выдан Израилу Н. А. 1932 г.
Организатор Промыш. Воеводства Александров
Продлен на _____ 193 г.
Продлен по _____ 193 г.

Красно-Бухарск
Управление
20/10/32

Строительный отдел
Фабрика
Отдел в производстве
Фабрика
11/1-42
Личн. карт.

Целлолозно-Бумажный Комбинат ВПШХИМЗ

ПРОПУСК

Предъявитель сего тов. Израилов Навек Александрович
состоит на службе в Ц. Б. К. ВПШХИМЗ в должности Инж. 1-й. М. Ф. Фин. Сектор
Действительно по Израилу 1932 г.
Израилов

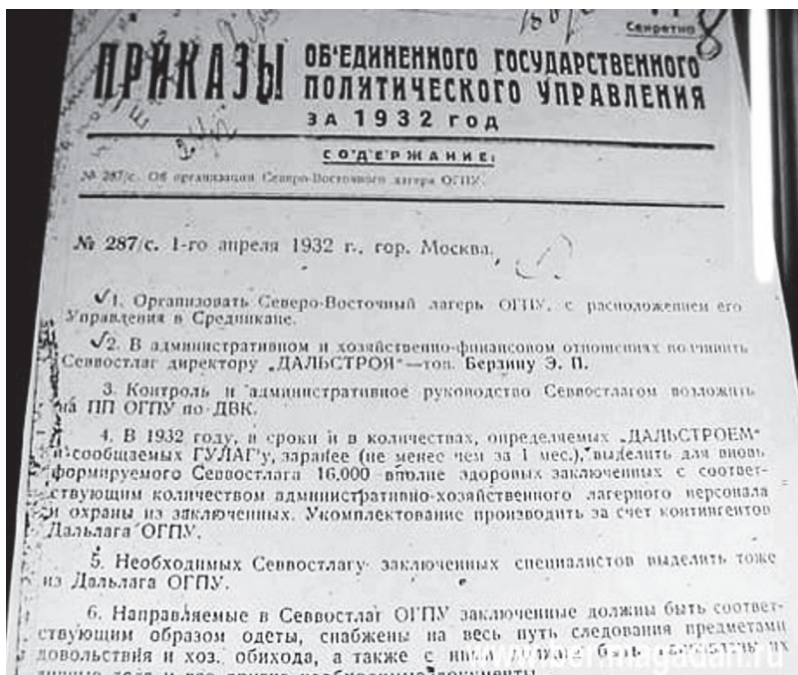
1931 - 2511

Билет ударника и пропуск на объекты ЦБК.

По воспоминаниям отца, Э.П. Берзина обвинили в либеральном отношении к врагам Советской власти и привлечении к работе в «Дальстрое» специалистов, ранее имевших судимости и пробравшихся в трест с целью подрыва экономической безопасности государства.

Вот как вспоминал отец о последней встрече с Э.П. Берзиным в Магадане в 1937 году:

«3 декабря поздно вечером я, как обычно, еще работал. Часов в 12 ночи по внутреннему телефону мне позвонил Э.П. (так называли Берзина между собой его сослуживцы, работавшие с ним еще на Вишере) и сказал, что он только что приехал с трассы, и попросил зайти к нему в кабинет. Поднявшись на второй этаж, я увидел в кабинете, кроме Э.П., Эпштейна. Меня еще тогда поразило несоответствие настроений Берзина и Эпштейна. Э.П. был весел, как всегда (может быть, даже больше обычного), жизнерадостен. Эпштейн же сидел в темном углу кабинета мрачный, как говорится, чернее тучи.

*Приказ о создании еще одного лагеря ОГПУ
в составе «Дальстроя».*

Обратившись ко мне, Э.П. сказал, что необходимо переоформить доверенность на управление делами «Дальстроя» на имя Павлова¹, и передал мне свою доверенность, подписанную председателем СТО Совнаркома В.М. Молотовым. Доверенность переписали на машинке и отправили на квартиру Павлова с курьером.

¹ После ареста Э.П. Берзина директором треста «Дальстрой» становится старший майор госбезопасности К.А. Павлов. С вступлением Павлова в должность руководителя «Дальстроя» в тресте заканчивается период относительного «берзинского либерализма» и начинается жестокая эксплуатация заключённых, получившая название «гаранинщина» – по имени начальника УСВИТЛа полковника С.Н. Гаранина.

В 1939 году К.А. Павлов покидает пост начальника «Дальстроя». До 1946 года занимал различные посты в системе НКВД. В 1946 году уволен в отставку по болезни и отправлен на пенсию. В 1957 году вскоре после XX съезда КПСС, начавшейся кампании по разоблачению культа личности и за полторы недели до ликвидации «Дальстроя», К.А. Павлов застрелился.

Тут же Берзин спросил: «А как будет с отпускными деньгами для меня? Пароход через два часа должен уйти (он был специально задержан для того, чтобы принять на борт Э.П.), а у меня ничего в наличии нет». Я сообщил, что в сейфе есть 3000 рублей наличными. Э.П. сказал, что это его устраивает, трех тысяч ему вполне хватит, чтобы доехать до Москвы. После этого он тепло простился со мной, сказал, что провожать его не нужно, и я могу идти отдыхать. Пожелал всего хорошего и сказал: «До встречи будущим летом».

Все это время Эпштейн сидел в углу и не проронил ни слова. Как я узнал, ему не разрешили выезд под предлогом, что нельзя же новому человеку, Павлову, остаться одному без компетентных помощников.

Это была моя последняя встреча с Э.П. В тот момент я не знал, что уже 4 декабря 1937 года был подписан ордер на арест Берзина, и до Москвы он не доехал, был арестован по дороге».

О лагерной жизни папа не любил, да и не хотел рассказывать. То, что запомнилось, попробую описать. Все «хлебные» места занимали откровенно уголовные элементы. Политзаключенные и уголовники жили в разных бараках.

Один товарищ отца, сосед по нарам, поспорил с охранником и в наказание был отправлен на «воспитание» в барак уголовников. Его два дня били и физически унижали. После возвращения он через два дня покончил жизнь самоубийством.

Выражение «сыграть в ящик» не просто набор слов. На улице была вырыта яма, обшитая внутри досками и закрывавшаяся тяжелой крышкой. Провинившегося помещали в этот ящик и оставляли без пищи на два-три дня. И если летом был шанс выжить, то зимой человек в этом ящике просто замерзал.

О себе

Немного о себе. Родился в 1934 году. До 1938 года проживал в Магадане вместе с отцом, мамой и сестрой. После повторного ареста отца в июне 1938 года мама смогла уехать на «материк». Прятали нас с сестрой у родственников. В 1941 году, когда уже шла война, приехали к бабушке на Урал. Жили в пос. Керчево, на станции Половинка (Губаха), в Соликамске, Боровске.

Памятник Э.П. Берзину в Магадане.

Закончилась война, и мы с мамой уехали в Крым. А в 1951 году нас позвал к себе отец. Поехали через всю страну на Колыму, к месту его ссылки. Окончил школу в пос. Усть-Омчуг Магаданской области с медалью и поступил в МГУ им. Ломоносова на механико-математический факультет. Перед весенней сессией 1955 года меня вызвали на собеседование и предложили «добровольно» написать заявление об отчислении. Бдительные люди из органов откопали, что я сын «врага народа». Пришлось уйти из университета.

Я забрал документы и поступил вновь на первый курс лесотехнического факультета Московского лесотехнического института. Вначале учился на очном отделении, а затем перешел на заочно-вечернее. В 1961 году стал работать в проектно-институте «Мосгипробум». За время работы в институте прошел все ступени. Начал техником, а свою трудовую карьеру закончил в должности главного инженера проекта. В 1994 году вышел на

пенсию, но продолжал периодически работать вплоть до 2001 года.

Живу в Москве. Работа проектировщика связала меня с Пермским краем. Принимал участие в разработке проектной документации таких предприятий, как Соликамский ЦБК, Камский ЦБК, фабрика «Гознак», Пермский бумажный комбинат. Много раз бывал на этих объектах, но на Вишере побывать не довелось, о чем очень жалею. Очень жаль, что Вишерский бумкомбинат, строительству которого отдал часть своей жизни отец, на грани закрытия. Вряд ли кто-то помнит о том, каких жертв потребовало его строительство. Ведь благодаря комбинату, на территории Пермского края появился г. Красновисшерск.

Вот и вся моя жизнь.

Добавлю, что отец и мать умерли в один день в апреле 1967 года. Прах их захоронен на Донском кладбище в Москве.

Об отношении к сыну «врага народа»

Прошлое отца сказалось и на мне. Запомнилось, как в 9-м классе одна очень «деятельная» учительница (парторг школы) пыталась обвинить меня в распространении антисоветской агитации. Это было в начале 1953 года. И только вмешательство начальника управления спасло меня от неприятностей.

Еще два факта из моей жизни. По работе я часто сталкивался со специалистами из зарубежья (финны, шведы, французы, немцы). Но при оформлении документов на выезд за рубеж в деловую командировку мне их всегда возвращали с отказом, мотивируя тем, что группа уже укомплектована. Где-то в начале 80-х годов мне предложили работу в Госплане СССР. Я собрал все документы и передал в отдел кадров. Но их опять же вернули. Правда, на этот раз причиной отказа послужило... отсутствие партбилета.

К большому сожалению, нынешнее поколение мало интересуется трагическими событиями 20-30-х годов, когда репрессии в отношении многих людей были нормой. Мне иногда кажется, что многие молодые люди об этом понятия не имеют. Хуже того, даже среди тех, кого непосредственно коснулись репрессии, есть люди, которые если не оправдывают

их, то все равно считают, что это проводилось в интересах государства.

Что уж говорить о нынешних сталинистах... Они просто не желают обсуждать этот вопрос, считая, что все было правильно. Их невозможно ни в чем убедить. Не помогают ни документы, ни статьи, ни фильмы. Ну да Бог им судья.

Мое поколение уходит. Написал эти странички для нового поколения. Написал, исполняя долг перед отцом, перед всеми, кого не миновала народная трагедия, последствия которой мы чувствуем по сей день.

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА!

***Воспоминания Натальи Васильевны Красноперовой,
педагога, члена общества «Пермский краевед»***

Так сложилось, что о своем дедушке, Коваленко Иване Архиповиче, я долгие годы знала только то, что он пропал без вести во время Великой Отечественной войны. Так сказал мне в детстве отец. Сейчас я могу только предположить, что он, пережив, как «сын врага народа», многое, просто боялся за меня. Родные, кто мог бы больше рассказать о дедушке, ушли из жизни очень рано. Поэтому, когда многие документы ВОВ стали доступны, я начала самостоятельный поиск. Неожиданно для себя я узнала о том, что Иван Архипович был репрессирован и расстрелян 14 марта 1938 года в Минске. Полностью реабилитировали его 18 октября 1958 года. Историю жизни дедушки мне пришлось восстанавливать по материалам архивов, воспоминаниям родных и знакомых.

Пелагея Савельевна и Иван Архипович Коваленко поженились в 1929 году. Жили в родном доме Ивана на хуторе Крушинка Бобруйского района теперь Могилевской области. 25 мая 1930 года родилась их дочь Фаина, а через год Ивана Архиповича арестовали по доносу «за умышленный поджог колхозного имущества» (которого, как выяснилось позже, он не совершал).

Пишу эти строки, а в ушах звучат строки Анны Ахматовой: *«Перед этим горем гнутся горы, не течет великая река, но крепки тюремные запоры, а за ними «каторжные норы» и смертельная тоска...»*. Свою вину арестованный не признал и

был осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей. За хорошую работу 22 декабря 1933 года дедушку освободили досрочно.

Ивану Архиповичу казалось, что самое страшное у него уже позади, жизнь продолжается. 18 февраля 1937 года родился сын Василий. Но уже 9 февраля 1938 года Ивана Архиповича арестовали вновь. Последними его словами, обращенными к жене, были слова: «Береги детей!» При аресте у него изъяли паспорт, военный билет и записную книжку (к сожалению, ничего в его архивном деле не сохранилось).

Домой дедушка больше не вернулся. Имущество семьи (включая и дом) конфисковали в пользу колхоза.

Пелагея Савельевна с детьми, младшему из которых был только год, осталась в буквальном смысле на улице. Знакомые говорили, что ей еще повезло, что ее не сослали с детьми на Урал, ведь это было бы равносильно гибели. Однако идти Пелагее Савельевне было некуда. Родители ее к тому времени уже умерли, в родительском доме жила семья ее старшей сестры Марии. Случилось так, что вскоре арестовали и мужа Марии. Вот тогда в маленьком доме и стали жить две сестры и их шестеро малолетних детей. О судьбе

*1934 год. После освобождения из ИТЛ.
Иван Архипович, Пелагея Савельевна
и их дочь Фаина.*

*Последняя фотография
Ивана Архиповича Коваленко
(конец 1937 года).*

своих мужей они узнали только через двадцать лет.

Пелагее Савельевне, как многим в те годы, пришлось испытать много лишений, пережить немецкую оккупацию, голодные послевоенные годы, но главное, что помогло ей выстоять, – это ее любовь к людям и надежда на встречу с любимым мужем. Из похозяйственных книг Богушевского сельсовета за 1946 год: «Коваленко Пелагея Савельевна, глава семьи, землевладелец, член колхоза Димитрова, вступила 25 октября 1939 г., пишет, читает. Члены семьи: дочь Фаина Ивановна, сын Василий Иванович, муж Иван Архипович, образование пять классов, отсутствует с 1938 г.». Не умереть с голода помог

огородик, где выращивали картофель, овощи и ячмень (сад «разбили» уже только в пятидесятые годы, через дорогу напротив дома). От родителей остался ткацкий станок, на котором в долгие зимние вечера Пелагея Савельевна ткала и себе, и соседям покрывала, дорожки, льняные полотенца. Вязала ребятишкам кофты, шарфы, носки...

Так проходили вечера и ночи бабушки, а днем она трудилась в колхозе. Обычной едой были блины, которые всегда стояли на кухонном столе, прикрытые чистым полотенцем. Рецепт приготовления их был прост: в тертую картошку добавляли ржаную муку грубого помола, воду и соль. На печке в мешочках висели сушеные кукуруза, бобы, фасоль, грибы...

Шли годы. Дети росли. О муже не было никаких известий. Сын Василий после окончания начальной школы уехал учиться

в Бобруйское ремесленное училище. На этом его образование и закончилось бы, ведь «детям врагов народа должно хватать и начального образования». Но в марте 1953 года умер «великий вождь всех времен и народов». В 1954 году Василий Иванович продолжил свое образование в Минске, поступив в техникум. Конечно, со смертью Сталина трудности не закончились. Для сына «врага» были ограничения и в дальнейшей учебе, работе...

Фаина Ивановна после окончания школы в 1946 году начала работать в колхозе. Василий

Иванович уехал в Казахстан, поднимать целину. После XX съезда партии и разоблачения Н.С. Хрущевым культа личности Сталина, Василий Иванович втайне от матери стал разыскивать своего отца. Два года ответа на его вопросы не было. В конце октября 1958 года ему выдали справку, в которой написано:

«...Коваленко Иван Архипович арестован 9 февраля 1938 г. Обвинение: дважды подвергался приводам, трижды судим, оказывал содействие белополякам, организатор банды... Приговор: высшая мера наказания (расстрел) с конфискацией имущества. Расстрелян 14 марта 1938 г. Реабилитирован полностью 18 октября 1958 г. При рассмотрении дела была выявлена подтасовка фактов...».

Трудно Василию было нести эту справку домой, своей матери. Более двадцати лет жизни Пелагеи Савельевны прошли в неизвестности. Много лет она ждала того дня, когда ее муж вернется и она сможет сказать своему самому близкому

*Первые послевоенные годы.
Пелагея Савельевна
с сыном Василием.*

*Семья Фаины Ивановны Андреевой (Коваленко).
1954 год.*

человеку: «Здравствуй, Иван. Как долго я ждала тебя. Вот они, наши дети, я сберегла их». Воспитанная в строгих правилах, она стеснялась (да и боялась) говорить о муже вслух, храня память о нем в своем сердце, в своих детях и внуках. Только сейчас я понимаю, как было ей тяжело. Может, украдкой от детей и внуков она и плакала, но мы этого не видели.

Вспоминая наших бабушек и дедушек, мы невольно возвращаемся в свое детство. Наши воспоминания о них остаются одними из самых теплых. В такие минуты хочется выразить родным свою благодарность и любовь, сделать для них что-то хорошее. Но что же сейчас мы можем сделать для них? Только сохранить о них добрую память, ведь мертвые живы, пока о них помнят. Где похоронен Коваленко Иван Архипович, я не знаю. Все места массовых расстрелов тщательно скрывались. Каждый год 30 октября, в День памяти погибших безвинно, я прихожу с гвоздиками на Егошихинское кладбище к памятнику жертвам политических репрессий и тихо говорю: «Здравствуй, дедушка!»

*«Еще немало на земле рабов,
Еще не все надсмотрщики исчезли,
Но ненависть всегда бессильна, если
Не созерцает – борется любовь».*

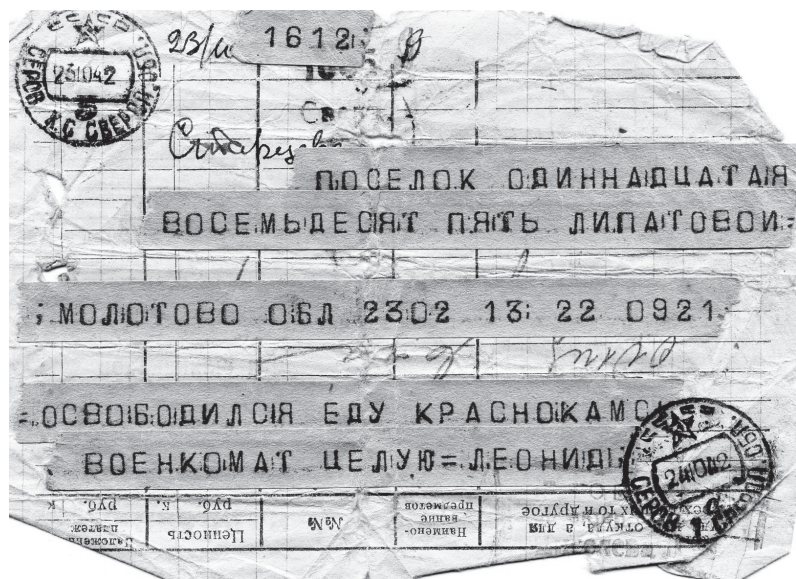
Евг. Евтушенко «Братская ГЭС»

«ОН НАПОМИНАЛ САМОЛЕТ, КОТОРЫЙ НЕ ПРОСИТ ПОСАДКИ»

Воспоминания о Леониде Липатове, заслуженном строителе России, Герое Социалистического Труда, почетном гражданине Перми

Жители Перми, особенно старшее поколение, знают, кто такой Леонид Липатов. Казалось бы, публичный человек, знаменитость. Но поразительно, сколь мало он известен просто как человек! А это была личность. Это был человек, оставивший яркий след в истории края. И при этом – необычайно скромный, даже «закрытый»...

Мы решили восполнить данный пробел, насколько это возможно. Встретившись с теми, кто знал Липатова лучше всех, мы попросили рассказать, каким же был знаменитый строитель в жизни.

Сразу после освобождения он дал телеграмму родным в Краснокамск. Этот уникальный документ хранится у сына Леонида Петровича – Алексея Леонидовича Липатова, управляющего строительно-монтажным трестом № 12.

Дело жизни Леонида Липатова – это крупные строительные комплексы, заводы, здания. Все их трудно перечислить, назовем основные: бумкомбинат и фабрика Гознака в Краснокамске, Закамский микрорайон – поселок с объектами социально-культурного назначения, калийные комбинаты в Березниках и Соликамске, завод «Метанол» в Губахе, предприятия в Чусовом, Лысьве, Нытве, поселке Уральском, курортные корпуса в Усть-Качке. За пределами Прикамья – стройки в Западной Сибири, Нижневартовск, восстановление Ташкента.

А если пройтись по Перми? Сколько зданий возведено здесь «при Липатове», под его руководством! Проектные институты (и здание главка, где он сам работал много лет) по улице Ленина, кинотеатры «Кристалл», «Россия», «Искра»; ЦУМ, библиотека им. Горького, Дворец пионеров (ныне – творчества юных), гостиница «Урал», «Пермэнерго». Да и комплекс издательства «Звезда» на площади Дружбы, в котором обоим авторам этих строк довелось поработать на разных этажах (а в годы газетной, «молодогвардейской» юности В. Гладышеву пришлось даже и пожить, пока не получил комнату в общежитии), – тоже, можно сказать, детище строителя Липатова. Так что хоть и запоздалое, но спасибо вам, Леонид Петрович, за приют, за крышу над головой.

В нашей жизни так важно, чтобы «спасибо» прозвучало, пусть даже и запоздалое.

Леонид Липатов родом с северного Урала, из Надеждинска, переименованного в советские годы в город Серов – в честь одного из героев-летчиков, которых тогда называли «сталинскими соколами». Прекрасно начиналась и карьера Леонида. В 1939 году он с отличием окончил вуз (ныне Уральский политехнический институт). Получил распределение в Краснокамск, с увлечением начал работать на Бумстрое, возводил объекты гиганта бумажной промышленности, как называли тогда строительство целлюлозно-бумажного комбината.

И вдруг – арест...

Из следственного дела Липатова Леонида Петровича:

Год рождения – 1915; место рождения – г. Надеждинск (Серов) Свердловской обл.; русский; беспартийный; служащий; образование – высшее, закончил Уральский политехнический институт; инженер тр. № 6/29; жена, сын; арест

1.01.1941 г. УКГБ по Пермской обл.; осужден по обвинению в АСА, КРД; 23.05.1941 г. вынесен приговор – 10 лет лишения свободы; в мае 1942 г. коллегия Верховного суда СССР отменяет приговор; в октябре 1942 года Л.П. Липатов освобождается из-под стражи.

Дело «соорудили» на базе доносов осведомителей НКВД. «Липатов Л.П. является активным участником антисоветской группы, – говорилось в обвинительном заключении. – Подвергает резкой критике политику ВКПб и Советской власти. В мае 1940 года допустил контрреволюционный выпад и заявил: «У нас в СССР много говорят о демократии, но разве это демократия, если про руководителя, даже самого маленького, не смей ничего говорить».

Конечно, никакого злого умысла в словах Леонида Петровича не было. Были неопытность, молодость и друзья – все недавние выпускники вузов. Они спорили, обменивались мнениями о происходящем в стране. В дискуссиях, как водится, самое активное участие принимал осведомитель. В результате Краснокамский отдел НКВД отрапортовал «наверх» об очередной победе: арестована «антисоветская группа», состоящая из семи человек.

Арестовали Леонида Петровича 1 января 1941 года, и ни часом позже. Не дать человеку отпраздновать Новый год – в этом для НКВДшников было дополнительное удовольствие. Они, видно, сильно спешили. Уже с 3 января начался конвейер допросов.

Липатова, помимо всего, пытались обвинить и во вредительстве, что грозило высшей мерой наказания, расстрелом. Однако свидетели, выступившие в суде, сумели доказать, что он не имеет никакого отношения к авариям и иным чрезвычайным ситуациям на производстве. Да и сами аварии не имели отношения к чьей-либо «вражеской» деятельности. В результате, суд объявил «гуманный» приговор – 10 лет лишения свободы.

Свой «срок» Л.П. Липатов сначала отбывал в Пермской промколонии № 1, действовавшей на базе тюрьмы НКВД № 2. Там же находилась так называемая «шарашка» – особое гулаговское подразделение, где за решеткой работали ученые, инженеры, очень нужные специалисты. Работали уже на войну. Липатова «прикрепили» к секретным разработкам по минометам, конечно, по строительной части.

*Леонид Петрович Липатов после освобождения в 1942 году.
Он же – в 70-е годы, Герой Социалистического Труда,
почетный гражданин города Перми.*

Потом его перебросили в Кунгурскую промколонию. Но Леонид Петрович не смирился. Он боролся за свою свободу до конца. И победил. В октябре 1942 года он выходит на свободу.

Первое, что он сделал, переступив порог тюрьмы, – дал телеграмму жене: «ОСВОБОДИЛСЯ ЕДУ КРАСНОКАМСК» Эта телеграмма до сих пор хранится в семье младшего Липатова – Алексея Леонидовича.

Сам Леонид Петрович не любил вспоминать о годах репрессий, которые, кстати, коснулись еще нескольких его родственников. Липатов-младший, Алексей Леонидович, данный факт биографии прокомментировал кратко, но выразительно:

– Отец хлебнул лиха, что говорить... Этим, наверное, и можно объяснить то, что никакого архива после его смерти фактически не осталось. Научен горьким опытом – письма, фотографии, документы какие-нибудь хранить дома было опасно. В годы репрессий любую бумажку могли подшить к делу, обратив против невинного человека...

Система боялась и избавлялась от людей, способных критично оценивать те ли иные процессы. Система, так сказать, снимала сливки общества до состояния «обрата».

То есть любой, кто поднимался наверх, проявлял признаки «чересчур» самостоятельного мышления, становился потенциально опасен. Отец рассказал мне, как происходил такой процесс. Назначение на должность – наблюдение – арест, с регулярностью в полгода...

Слова эти подтверждаются документами, которые приводит в своем исследовании истории строительной организации коллега Леонида Липатова и его многолетний соратник Александр Николаевич Юзевович (ныне заслуженный строитель России, профессор Пермского технического университета).

Чего стоит, например, такой факт: только в 1939 году сменилось четыре (!) управляющих треста (Ометов, Лагутенков, Ципулин, Фуксман) и шесть главных инженеров!

Великая Отечественная продолжалась, когда Липатов вышел на волю. Такие специалисты, как он, позарез необходимы были на строительстве военных заводов. С 1942 года он – инженер группы подготовки производства особой строительномонтажной части № 29, прораб, затем начальник участка, главный инженер...

Работал на стройках Закамска. Кировский завод, производивший пороха, был главным объектом. Липатов, без преувеличения сказать, понюхал пороха на военном объекте. Не зря же его строительномонтажная часть № 29 называлась особой, и эта организация, позднее трест № 6/29 – редкий случай! – была награждена орденом Отечественной войны. Как говорится в указе от 1 октября 1945 года: «За образцовое выполнение заданий правительства по строительству заводов боеприпасов». А сам Липатов в 1946 году был удостоен медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Правительственная награда была очень дорога для него еще и потому, что она явилась своеобразной формой его реабилитации.

– Отец был трудоголиком, праздно отдыхающим я его не видел, – рассказывает А.Л. Липатов. – Он напоминал нам самолет, который однажды взлетел – и летит, летит и не просит посадки. Никакого хобби у него не было. Начитан был, это да, читать любил.

С самого начала Липатов взвалил на себя громадный объем работы. Это замечали повсюду – и в Прикамье, на объектах, и в Москве, в министерских кабинетах, где Леонида Петровича полушутя-полусерьезно называли «профессором».

Его таланты были замечены и оценены очень быстро. Однажды признание проявилось в совершенно неожиданной форме. Эта ситуация из его тюремного прошлого – одна из немногих, о которых отец рассказал сыну. Алексей Леонидович вспоминает:

– Однажды к отцу явился человек с просьбой принять на работу. Присмотрелся – да это же его следователь! Тот самый, что в свое время пытался выбить из него нужные показания. Разумеется, Леонид Петрович не подписал заранее написанные лживые протоколы. Прошло не так много лет, и вот пришел бывший следователь, просит о помощи. Что делать? Мстить за зло, за обиды, за унижения? Нет, отец был не такой. Все помнил, но мстить не захотел. Назначил на какую-то мелкую должность. Посмотрим, что ты за человек. А человек, как нетрудно предположить, оказался гнилой. Бездельник, работать не привык, да и на руку не чист – проворовался...

Прикамье обязано Л.П. Липатову очень многим. Чего стоит, к примеру, организация крупнопанельного домостроения! При Липатове была заложена – причем в предельно сжатые сроки – мощная производственная база строительной индустрии, появились крупные заводы во многих городах края.

«Он как самолет, который, раз взлетев, уже не хотел или не мог сесть...»

Один из авторов этого очерка, будучи корреспондентом газеты «Звезда», на протяжении многих лет видел Леонида Петровича в работе. Он, не жалея себя, мотался по стройкам, знал их проблемы, помнил по именам и фамилиям не только руководителей, но и рабочих. Липатов не играл из себя доступного всем начальника, не признавал на производстве разболтанность, пустые разговоры «за душу». Все кратко, все четко, даже жестко. Но на него не обижались, признавали – дело требует человек, он профессионал высшей пробы, все указания бьют в самую точку.

Были, конечно, и завистники, тайные «доброжелатели». И пришел их час, они Липатова-старшего «приземлили». Имеется в виду, конечно, его быстрый, почти внезапный уход на пенсию. Хотя, если применять букву закона, то время для заслуженного отдыха тогда уже подкатило, и все вроде было по закону.

По закону – да не по-людски. Проводили Липатова как-то уж очень быстро и скоропалительно. Интрига была, и вдохновители ее известны. Как нам объяснили, «кому-то сильно хотелось порулить»,

В 1994 году мемориальная доска в честь строителя Л.П. Липатова установлена в самом начале улицы, названной его именем.

вот и «ушли» нашего Петровича». Главное, для него самого это стало неожиданностью, ведь он еще был в расцвете сил.

Да тут еще неприятность с пенсией случилась. «Спасибо партии родной», как говорится.

Уже упоминалось, что Липатов участвовал в работе нескольких партийных съездов. Казалось бы, вполне благополучная «номенклатурная единица», не подкопаешься. Удивительно, но факт: большую часть жизни, даже находясь на крупных руководящих постах, Леонид Петрович умудрялся оставаться беспартийным. И лишь когда встал вопрос о назначении начальником «Главзападуралстроя», вступил в партию. Нельзя было иначе.

Вот этот его небольшой партийный стаж, как вспоминает А.Н. Юзефович, и «аукнул» при выходе Липатова на пенсию в 1982 году.

– Дело в том, – поясняет Александр Николаевич старые партийные «заморочки», – что ему и по должности, и по почестям – Герой Социалистического Труда, депутат высшего органа власти и т.д. – полагалась, вообще-то, персональная пенсия. Оказалось, это зависело от того, есть ли у человека не менее 25 лет партийного стажа. А у Леонида Петровича было меньше, и пенсию он получил хоть и персональную, но, я бы сказал, постыдно минимальную.

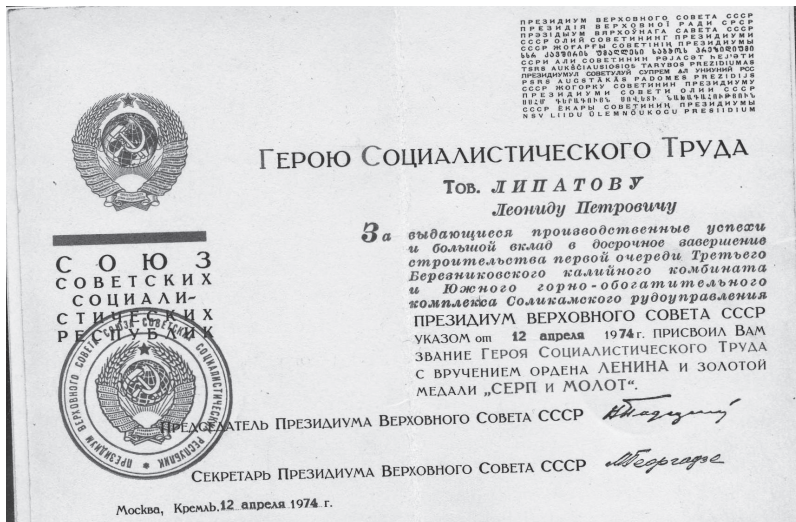
Уж столько написано, как болезненно переживают люди, особенно «трудоголики», расставание с любимым делом. А тут еще и это... Человек смертен, и главное, внезапно смертен, как известно. Умер Леонид Петрович, не дожив пяти часов до Нового года. Так и не успев окончить свою книгу «Дело всей жизни». Она вышла уже после смерти автора.

Его товарищи, сослуживцы сумели воздать должное заслуженному строителю. Одна из улиц Закамска в 1993 году была названа именем Липатова (бывшая Нахичеванская). Пермь показала, что умеет быть благодарной. Решение об этом было принято после обращения двадцати заслуженных строителей России с открытым письмом – просьбой увековечить в Перми память о Герое Социалистического Труда, заслуженном строителе РСФСР, почетном гражданине города Леониде Петровиче Липатове. Через некоторое время на доме № 1 по этой улице была установлена мемориальная доска в честь человека, чья замечательная судьба в каком-то смысле начиналась именно здесь, в этом здании.

...Приближалось 60-летие Липатова. Сослуживцы гадали – что ему подарить? Хотелось, конечно, что-нибудь ценное и полезное, не случайное. Один из ближайших соратников позвонил супруге юбиляра, Маргарите Александровне (а сам-то виновник торжества вообще хотел «замылить» праздник), и, хоть и не с первого раза, но получил необходимую информацию. «Можно ботинки, например...»

Все, гора с плеч! Решение было найдено, отправились за подарком. И только тут коллегам, которые бок о бок работали с шефом много лет, стала понятна простая вещь: да ведь он, Леонид Петрович, – единственный кормилец большой семьи (пять человек!). Неудивительно, что порой на элементарное обновление гардероба ему не хватало средств. Он не обращал внимания на такие мелочи. Это открытие поразило товарищей. Как и хотели, приобрели «полезный» подарок, приплюсовав к ботинкам костюм, который пришелся юбиляру очень кстати.

А если по большому счету... По жизни лучшим подарком для главы большого семейства стало то, что сын Алексей (он появился на свет в 1949 году) как-то сразу определился с профессией: решил тоже стать строителем. Известно, как всем отцам всех времен и народов, греет душу наличие наследника и продолжателя главного дела их жизни.

Орденская книжка Л.П. Липатова.

– Хотя мама мечтала о другой профессии для меня – астронома, – с улыбкой вспоминает Алексей Леонидович. – Не хотелось ей, чтобы в семье появился еще один строитель.

Теперь А.Л. Липатов – сам руководитель треста № 12. Уже при нем в здании управления на Комсомольском проспекте появились пейзажи, на которых известный пермский художник Виктор Кузин запечатлел наиболее заметные здания, возведенные строителями треста № 12. Многие из этих зданий появились еще при Липатове-старшем.

Приятное это занятие – развешивание картин. Замечательная галерея получилась. Мы ходили с сыном знаменитого строителя, отыскивая в лабиринте коридоров и закоулков пейзажи. Алексей Леонидович показывал и рассказывал и как будто сам отыскивал в закоулках памяти драгоценные самоцветные воспоминания...

А потом нам удалось встретиться... с самим Леонидом Петровичем. Нет, это не «глюки». Посмотрели фильм о нем (спасибо А.Н. Юзefовичу, он поспособствовал). Фильм, снятый сослуживцами и товарищами к 90-летию Липатова, когда его уже давно не было в живых. Но для них-то он жив, вот в чем штука. И для нас тоже.

**Владимир ГЛАДЫШЕВ,
Александр КАЛИХ**

ФРАУ МЕРКЕЛЬ

Прошлым летом нам с детьми довелось прожить неделю в Чердыни, в деревянной частной гостинице на крутом берегу реки Колвы. Через дорогу от нас был дом, в который мы каждый день приходили за молоком. Опрятная хозяйка, подлив корову, наливала нам бидончик парного молока. Однажды мы разговорились с Марией Ильиничной и узнали, что девичья фамилия ее – Меркель, а предки – переселенцы из немецкой колонии с Поволжья.

Воспоминания Марии Ильиничны Меркель, жительницы Чердыни

*Меркель Элла Христиановна,
лето 1967 г.*

В Чердыни мы живем не так давно. Всё мое детство, юность и большая часть взрослой жизни прошли в поселке Чусовском на самом севере Чердынского района. Туда в 1943 году была доставлена вместе с другими немецкими женщинами-переселенцами моя мама Элла Меркель.

В школе часто говорили, что у меня имя и отчество, как у сестры Ленина – Мария Ильинична. Но о семье Ленина мои родители, оба репрессированные, даже не говорили. Марией меня назвал отец в память о своей матери.

Моя мама при замужестве свою девичью фамилию Меркель не меняла только потому, что этого делать в то время было нельзя. Первый ее муж был тоже репрессированный – Гарастюк Артем Николаевич, военный. Есть грамоты, подписанные Буденным. Он был в звании капитана. Умер в 1957 году в январе после неудачной операции. Детей у них было четверо – три сына и дочь. Они все считаются людьми, пострадавшими от политических репрессий.

Я родилась в 1959 году от второго мужа, когда трудармия уже перестала существовать, но фамилию мне дали мамину – Меркель.

О том, как маме пришлось после смерти первого мужа, это отдельная история... Пенсию на детей добрые грамотные люди помогли оформить, мама ведь по-русски писать не умела. Она всегда с благодарностью вспоминала тех, кто ей помогал в трудную минуту. Но было много и обидчиков. И только сейчас я понимаю причину ее замкнутости. Она рассказывала о высылке, о трудармии неохотно, мало. Но к моим сорока годам уже начала понемногу делиться со мной воспоминаниями, так как только я жила всегда рядом с ней, а остальные дети разъехались...

У меня хорошая память, поэтому я помню свое детство в мельчайших подробностях. Училась хорошо, в классе меня не обижали, так как я могла всегда за себя постоять. Да к тому же всем помогала с учебой, особенно по немецкому языку. А мальчикам на переменках решала задачки. И с учителями иногда спорила, заступаясь за своих подопечных двоечников.

Когда я училась в четвертом классе, в школу назначили новую директрису. А вместе с ней пришел к нам новый ученик, ее сын. Услышав мою фамилию, новичок в перемену начал дразнить меня: фашистка, фашистка... До этого никто меня так не дразнил. Не помня себя, я схватила указку и стукнула его так, что тонкий конец обломился. Директорский сынок, конечно, нажаловался своей маме, и меня повели в учительскую на «политбеседу». Помню все, как сейчас. Собравшиеся учителя сказали мне, что я поступила, как настоящий фашист, ударив мальчика. И никто его не заставил извиниться передо мной. Это воспоминание до сих пор жжет меня.

Когда мои собственные дочери пошли в школу, я ходила к ним на родительские собрания. Мама с горечью вспоминала, что она сама редко ходила на такие собрания только потому, что там нахваливали детей с русскими фамилиями, а имена Меркелей особо не упоминали, хотя, как я уже говорила, мы все учились хорошо.

В школе иногда раздавали материальную помощь в виде продуктов, одежды. Но не нам. Мама была гордой, ничего не просила, хотя жили мы не богато. На 20 квадратных метрах (две небольшие комнаты) нас обитало восемь человек. Но в доме всегда было тепло, уютно и более чем чисто: все просто

Учреждение АМ-244
 19 марта 19 82 г.
 № 5/3— М-1
 618500 г. Соликамск
 Пермской обл.

СПРАВКА

Дана настоящая тов. Меркель
 Элле Христиановне, 1924 г.р.

в том, что она работала в предприятии учреждения АМ-244 в трудовыми
 на разных работах с „20“ мая 19 43 года
 по „1“ апреля 19 45 года.

Переведена в учреждение Ш-320 пос. Ныроб
 Справка составлена на основании архивной учетной карточки

Нач. отдела кадров *Нашкина* Зав. архивом *Белый*
 731

Справка о работе Э.Х. Меркель в трудовыми.

блестело. Кровати с накрахмаленными подзорами и накидуш-ками, непременно белоснежными, занавесочки накрахмалены. И одевала она нас хорошо.

Сама мама была скромной в одежде, но очень аккуратной. До глубокой старости она не надевала что попало и терпеть не могла на одежде дырки, отпоротые подошлы, оторванные пуговицы. Она была красивая от природы женщина, без всякой косметики. И очень работящая, могла делать любую работу – и мужскую, и женскую. Мы всегда держали домашний скот, сажали много картошки, овощи. Благодаря этому хорошо питались.

При этом мама была строгая, так что «беситься» мы ходили к друзьям. А к нам соседи и их дети приходили поиграть в домино, почитать, посмотреть диафильмы прямо на белой стене вместо экрана. Мама при этом всегда пряла или вязала, или штопала, или шила. Ни минутки не была без дела.

Соседи часто обращались к ней за советом. А я была маленьким писарем: многим бабушкам под диктовку писала письма родным и детям на Кубань, на Украину, в Белоруссию и т. д.

В 1974 году я закончила восемь классов и поехала в Ныроб учиться в 9-10 классах, чтобы потом поступить в Пермский госуниверситет. Хотя мама хотела, чтобы я поступала после 8 класса в техникум, ей тяжело было нас троих одновременно учить. Я не послушалась ее, и, увы, провалилась на вступительных экзаменах в вуз. Сама виновата, не рассчитала свои силы.

Вскоре я вышла замуж и поступила в Кунгурский лесотехникум на заочное отделение. Конкурс туда был очень большой, но выдержала. Окончила на 4 и 5 по специальности плановик в системе исправительных учреждений. Но с работой долго не везло, так как всегда и везде был нужен блат, а в наших местах тем более. Что мы могли предложить с моей мамой, кроме гордости, ума и трудолюбия? Кому это было нужно в системе исправительных учреждений? Работать приходилось, где попало.

Семейная жизнь тоже не была легкой. Я ведь была совсем молоденькой, когда вышла замуж за парня, служившего у нас в воинской части, родом из Тернополя, с Западной Украины. Фамилию, как положено, взяла мужнюю. После развода с первым мужем, еще дважды выходила замуж, но фамилия оставалась по первому мужу.

В 1990 году мамыны братья и сестра со всеми детьми навсегда уехали в Германию. И только мама одна до конца жизни оставалась на Урале. Я тоже не собираюсь переезжать в Германию. Но съездить погостить у родных хотелось бы. И еще я планирую вернуть себе свою родную фамилию Меркель. Прошли годы, я не живу с первым мужем почти тридцать лет, дочери вышли замуж, поменяли фамилии. И зачем мне теперь чужая фамилия? Раньше мне некогда было об этом даже задумываться, а сейчас эта мысль меня стала постоянно посещать.

Как же я удивилась, когда узнала в 2004 году, что моя младшая дочка Оля, одиннадцатиклассница, взялась писать реферат, а тема его «Судьбы немцев в России». Выросла девочка с русской по отцу фамилией, и ей стало очень важно узнать, как жили ее немецкие бабушка, дедушка, что они пережили. Стала она дотошно копаться в тяжелейшей истории своих предков. «Накопает» что-то, мне показывает. Обсуждаем, размышляем. Она дальше идет «копать». Так и написала свой реферат.

История немецкой семьи – глазами Ольги Вафиной, дочери Марии Меркель, внучки Эллы Меркель

Моя бабушка, Меркель Элла Христиановна, родилась в 1923 году на хуторе недалеко от села Базель Саратовской области. Её отец, мой прадедушка, Меркель Христиан Иванович. Мать, моя прабабушка, Меркель (в девичестве Крац) Катерина Андреевна.

До десяти лет Элла Меркель работала вместе с родителями на хуторе. С десяти лет пошла в школу, которая находилась в соседнем селе. Каждый день девочка ходила по четыре километра туда и обратно.

После окончания четырех классов по настоянию отца Эллы перестала учиться, потому что в хозяйстве нужна была помощь. Её младшим братьям и сестрам повезло получить более полное образование. Кроме Эллы в семье было еще пятеро детей: две девочки – Альвина и Катерина и три мальчика – Андрей, Иван, Христиан. Христиан умер совсем маленьким. Катерины не стало в четыре года.

28 августа 1941 года вышел Указ о мобилизации немцев Поволжья. Первых людей выселяли обманом. Им говорили, что они будут копать окопы для красной армии. Люди, поверив, спокойно оставляли свои дома, ничего не брали с собой и уезжали, не подозревая, что навсегда прощаются с родной землей.

Когда дошла очередь до высылки семьи Меркель, родителям было уже известно о некоторых обстоятельствах, но всей правды никто не знал. С собой им разрешили взять только то, что люди были в состоянии унести. Чтобы переселенцы не сопротивлялись, им выдавали справки с описью имущества: якобы, когда вернутся, всё будет в сохранности или им возместят ущерб.

Во время мобилизации в немецких деревнях творился беспредел: дома тут же грабили, кругом ходили брошенные голодные животные, поля стояли неубранные...

Вся семья моей бабушки, как и другие немцы, была вывезена на пароходе. Плыли, как вспоминала бабушка, долго. Иногда пересаживались с одного парохода на другой. Между пересадками неделями жили на пристани под открытым небом. Ели то, что успели взять с собой. Но пища заканчивалась, голодали. Куда везут, никто не знал.

Местом назначения оказался Казахстан. Сначала жили в землянке. Потом в бараке, больше похожем на сарай. Работали в колхозе.

В январе 1942 года отца бабушки и ее брата Ваню забрали в трудармию. А в начале 1944 года туда же отправили и ее мать. Саму Эллу в мае 1943 года железной дорогой увезли на Урал, в Соликамск. Оттуда ее с другими женщинами-переселенцами

заставили идти пешком до Ныроба. А оттуда еще дальше, в разные глухие места. К концу мая бабушка попала в самую северную точку нынешнего Чердынского района, в малюсенькую деревушку Ванькино. Потом на месте этой и соседних крошечных деревушек (Семисосны, Фадино, Тумское и др.) был создан поселок Головной, позже его переименовали в поселок Чусовской Чердынского района.

Элла Христиановна с мужем Ильей Константиновичем Слипчишиным. 1962 год.

Работали на лесоповале. Жили не в самом селе, а рядом с ним, в бараках, только женщины – 500 человек. Спали на голых досках. Вместо подушки – деревянная чурка. Под собой и на себе только одна фуфайка, мокрая насквозь от пота после целого дня тяжелой работы.

Русского языка Элла тогда не знала совсем. У местных жителей, обозленных на «предателей-переселенцев», никогда ничего не просила.

Лес женщины валили круглый год, сплавляли его по реке Вишере, проходя пешком по воде не один десяток километров в день.

Питание было не по работе: 500 граммов хлеба и две тарелки бурды, никак не напоминающей суп. Люди умирали десятками в день. Мертвых складывали перед бараками штабелями, а потом увозили и зарывали.

Голодная, больная Элла, несмотря ни на что, выполняла норму по лесозаготовкам, сознавая, что работает на победу над фашизмом.

Письма от родных приходили редко. Из них Элла узнала, что в марте 1943 года умер в трудармии от голода ее папа Христиан Иванович. А в 1944 году ее брата Ваню, изможденного

болезнью до последней стадии, демобилизовали из трудармии, отпустили на волю умирать.

От ужасных бытовых условий, голода и непосильного труда, бабушка начала терять зрение. Заболевание было страшное – куриная слепота. Она могла ослепнуть навсегда, но помогли народные средства.

9 мая 1945 года у бабушки был двадцать второй день рождения. Так как она была лучшей работницей на лесоповале, ей разрешили в этот день не выходить на работу.

– Я прилегла отдохнуть и уснула, – вспоминала позднее бабушка. – Мне приснилась моя мать в белом платье. Смеется и зовет меня. К чему бы такой сон, подумала я, проснувшись? А вечером в село прискакал из райцентра человек верхом на коне и объявил о победе.

Люди в деревушке Ванькино радовались победе, как и весь советский народ, обнимались, плакали от счастья. Но переселенцы не могли так безоглядно радоваться. Победа не принесла репрессированным облегчения. Выезд за пределы спецпоселка им был, как и раньше, запрещен. Запрет оставался до 1955 года.

Но и после этого куда было ехать? В Поволжье нельзя. Можно в Казахстан, куда вернулась мать Эллы с другими детьми. Но они там ютятся в землянке.

Так моя бабушка, даже став свободной, осталась в поселке Головной на долгие-долгие годы. Прожила там в общей сложности больше полувека. После лесоповала до 1998 года работала в разных местах одновременно, чтобы прокормить семерых детей (трех сыновей и четырех дочерей). Всем им она дала достойное образование. Дети подарили ей 16 внуков и 6 правнуков. А вот братьев и сестер у нее осталось только двое: Альвина и Иван. Оба живут теперь в Германии. Звали туда бабушку, но она отказалась ехать.

Из реферата Ольги Вафиной об истории советских немцев

Россия – страна многонациональная настолько, что знать обо всех народах, ее населяющих, могут только специалисты-этнографы и историки. Но когда касаешься своей собственной биографии, бывает, выясняется, что невозможно

идентифицировать себя со всем тем «русским народом», о котором написано в учебниках истории. И тогда возникает необходимость узнать свою историю и найти свои корни, сплетающиеся с историей и корнями не только русского, но и других народов, населяющих Россию.

Моя бабушка Меркель Элла Христиановна принадлежит к российским немцам. Поэтому мне интересна история появления немцев в России, их взаимоотношения с властью в различные исторические периоды. Тема эта важна и значима для меня лично, так как знание своих корней придает человеку нравственную прочность. Тема эта важна и для воспитания толерантности, ведь не секрет, что и сейчас у некоторых людей в России слово «немец» сливается со словом «фашист».

Тема эта важна, в конечном счете, и для тех «русских немцев», которые замыкаются и мрачнеют, когда кто-то пытается заглянуть в их биографию, и ворчат, настаивая, что это никому не нужно, и раздражаются, не желая быть объектом исследования. Много обид! Много несправедливости! И всё же каждая жизнь – не пыль на ветру и не песчинка в пустыне. Каждая биография вкладывается в мозаичную картину истории.

Моя работа опирается на ряд исследований по истории немцев в России. Литература достаточно широко освещает, как, когда и откуда попали немцы в Россию. Написаны истории немцев, компактно проживающих на Украине, в Поволжье, Казахстане, на Алтае. Есть работы, обобщающие этнографические особенности немцев Поволжья, – в одежде, домостроительстве, обрядах и праздниках. Есть работы, рассказывающие об истории репрессий против советских немцев.

Информация обширная. Но мне важно было самой найти и увидеть людей, близких мне по крови, записать их рассказы о жизни и, быть может, сохранить тем самым память о них и истории, стоящей за их плечами. Суть моей работы – запись воспоминаний с помощью интервью и обобщение полученного материала.

В интервью акцент делается на следующих вопросах:

– Известно ли, из какой части Германии и когда попали предки в Россию, чем занимались?

– Пострадали ли члены семьи от репрессий по национальному признаку?

Меркель Элла Христиановна (в центре) с дочерьми (слева направо): Мария, Ольга, Галина, Екатерина. Март 1998 года.

- Как попали на Урал?
 - Как адаптировались в послевоенных условиях?
 - Приходилось ли отказываться от своей национальности ради безопасности, карьеры и т. д.?
 - Испытывали ли со стороны русских (или других национальностей) обиды, унижения (со стороны простых людей, не государства)?
 - С каким народом вы бы связали понятие «гордость за соотечественников»?
 - Возникает ли желание уехать в Германию? Почему?
- Контакты устанавливались непросто. Старые люди, много повидавшие и пережившие на своем веку, неохотно делились информацией.

Историю взаимоотношений немецкого и русского народов я изложила в своем реферате – это история войн и взаимного интереса, история ученичества и торговли, история родственных взаимоотношений на государственном и индивидуально-человеческом уровне.

...Время после революции 1917 года для российских немцев отмечено надеждами и неопределенностью.

Предпринимались шаги для создания территориальной автономии на Волге и культурной автономии в черноморских областях. Автономия поволжских немцев была подтверждена декретом, подписанным Лениным 19 октября 1918 года. С другой стороны, невзгоды гражданской войны и неурожая разрушили экономику многих колоний. Целые территории пустовали. Население поволжских колоний после голода 1921-1922 годов уменьшилось более чем на четверть.

Но с годами положение постепенно стало улучшаться. В начале января 1924 года трудовая коммуна немцев Поволжья была преобразована в Автономную республику немцев Поволжья. Немецкий язык в ней стал официальным.

Год спустя, колонии на Украине были объединены в пять немецких районов. К 1931 году их число увеличилось до восьми.

В конце 20-х годов по одному немецкому району было создано в Грузии, Азербайджане, в Крыму и Алтайском крае. В областях вне пределов Поволжской республики и национальных районов было образовано 550 немецких сельсоветов.

Создание национально-территориальных образований особенно важную роль сыграло в народном образовании. В Поволжской республике к концу 30-х годов были: 171 национальная школа, пять институтов и 11 техникумов, в которых преподавание велось на немецком языке. Кроме того, работало 20 домов культуры и немецкий театр. Из 40 газет, выходивших в республике, 21 печаталась на немецком языке. В государственном издательстве в столице Автономии только за 1933-1935 годы вышло 555 наименований книг общим тиражом в 3 миллиона экземпляров.

Однако время от времени отношение советских властей к немцам менялось. Немецкая деревня за годы НЭПа встала на ноги, окрепла. Это сыграло с ней роковую роль: она была признана властями «сплошь кулацкой» и стала одной из первых жертв коллективизации. Это вызвало у немцев ответную реакцию, началась эмиграция. К осени 1929 года она приняла характер массового бегства. Так как еще в 1927 году свободный выезд из страны был признан властями нецелесообразным, люди находили другие, нелегальные пути выезда.

Только опустившийся «железный занавес» прервал эмиграцию. Но она напугала власти, и они были вынуждены несколько умерить репрессии против немцев. Об этом, в частности,

говорят решения, принятые в те годы различными местными партийными органами.

Последующие события показали, что эти послабления были лишь тактическим ходом, призванным снизить у немцев накал страстей. Вскоре на них обрушились те же репрессии, что и на представителей других национальностей. Раскулачивание и насильственная коллективизация, аресты и ссылки, как отдельных людей, так и целых семей, сильно ударили по немецким колонистам. Число сосланных, в основном это были мужчины, по оценкам историков, составляет около 65 000 человек. С 1934 года немцев арестовывали целыми списками.

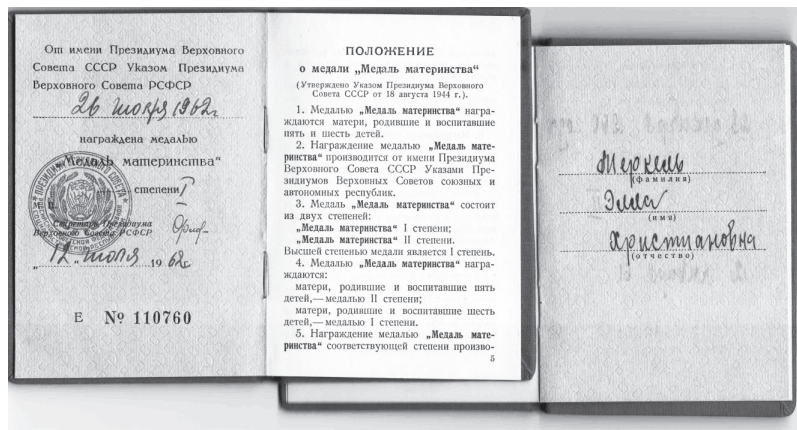
В 1938-1939 годах были ликвидированы все немецкие национально-территориальные образования, за исключением Поволжской республики.

В 1941 году к началу Великой Отечественной войны на действительной службе в Красной армии находились десятки тысяч красноармейцев и командиров из числа советских немцев. Но 28 августа 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР население Поволжской республики было обвинено в пособничестве врагу и поголовно выслано. В республике тогда проживало 380 тысяч немцев.

По «указу» выходило, что все взрослое население из немцев было шпионами и диверсантами, готовыми взорвать своих детей и близких и самих себя. В первый год войны военнослужащих немецкой национальности сняли с фронта, их мобилизовали в трудармию. Там они впервые узнали, что их автономия ликвидирована. Трудармейцы работали в тайге, на шахтах, на строительстве уральских заводов. Позже в трудармию были направлены и немецкие женщины старше 16 лет.

Трудармия – само это слово долгие годы даже не просачивалось в печать. Почти ничего не написано и об участии в ней советских немцев. А то, что написано, отражает лишь их трудовой вклад в дело Победы советского народа. Не было в официальных публикациях правды о неимоверно тяжелом физическом и моральном положении трудармейцев. Они содержались в лагерях, обнесенных колючей проволокой, на сторожевых вышках дежурили автоматчики. На работу трудармейцев водили под конвоем.

Скудное питание и тяжелая работа вели к быстрому истощению и высокой смертности, особенно на лесоповале в тайге.

Удостоверение о награждении Э.Х. Меркель медалью «Медаль материнства».

Не меньшим, чем голод и тяжелая работа, был для трудармейцев моральный груз – их, советских людей, считали пособниками фашистов. Единственным подтверждением их виновности была национальность. Горечь трагедии советских немцев в том, что жертвы они понесли не в борьбе с врагом, а от своих соотечественников, не ради интересов Родины, а вопреки им...

Побег из трудармии приравнялся к дезертирству с фронта. Приговор нередко приводили к исполнению на глазах у строя трудармейцев. И, несмотря на это, из трудармии бежали. Бежали на фронт. Стремление воевать с оружием в руках было сильнее страха смерти. Попасть на фронт с немецкой фамилией было невозможно, поэтому трудармейцы выдавали себя за представителей других национальностей. И если им удавалось оказаться в армии и, проявив героизм, погибнуть в бою, они становились героями под чужим именем.

Нельзя не поражаться тому, что даже в этих условиях люди оставались людьми. Трудармейцы активно участвовали в сборе средств на строительство танков и самолетов.

К концу 1947 года трудармия, в основном, была демобилизована. Многие советские немцы получили право вернуться в те места, куда они были высланы в 1941 году. Однако их ждало очередное испытание: 26 ноября 1948 года вышел новый Указ, в котором говорилось, что немцы, как и калмыки, ингуши, чеченцы и представители других народов переселены навечно,

и что выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами сроком на 20 лет. Для людей, столько лет живших надеждой на возвращение в родные места, это было настоящим крахом надежд.

Первое облегчение немцам СССР принес Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года, который отменил режим спецпоселений. Депортированным разрешалось покидать места ссылки. Однако возвращаться в родные места они не имели права. И только спустя еще почти 10 лет с советских немцев было снято обвинение в пособничестве врагу.

Несмотря на отмену комендатур в 1955 году и на реабилитацию 1964 года, отношение людей к немцам в Советском Союзе менялось медленно. Нескрываемая враждебность власти вновь породила в 1970-1980-х годах массовую миграцию. Чтобы как-то адаптироваться в окружающем мире, некоторые потомки российских немцев стали отказываться от изучения родного языка, своей культуры и непростой истории.

Часть российских немцев и сегодня рассматривает восстановление автономной республики как возможную и необходимую перспективу. Однако многолетнее затягивание решения проблемы и невыполненные обещания власти относительно автономии у многих немцев вызывают скептицизм. На вопрос «автономия или выезд», многие отвечают выездом.

Заключение автора

Хочу свидетельствовать: далеко не все потомки российских немцев считают свою культуру, традиции и своё прошлое чем-то далеким, не имеющим смысла и продолжения в сегодняшней российской реальности. Это, конечно, не так. Многие из них вполне сознательно остались жить на земле своих предков. Хотя и сегодня Россия остается неласковой мачехой для них, не умеет ценить по-настоящему их умение работать, аккуратность и порядочность во всем.

Мария Ильинична Меркель – хранитель семейной памяти. Да, в этой памяти много горького и тяжелого. Но в ней же, наперекор всему, любовь, семья, дети и вера в будущее.

Совсем не случайно Ольга, дочь Марии Ильиничны, взялась писать историю своей семьи. Больше того, она захотела исследовать корни, то есть понять историю и характер своего

народа. Это ее личная, глубоко пережитая потребность, в этом ее желание стереть из памяти людей пелену старосоветских идеологических мифов, отравлявших жизнь ее родных и близких, ее соплеменников.

Ирина КИЗИЛОВА,
правозащитник

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Воспоминания Эммы Викторовны Никитиной

Я – кулацкая внучка. Моя сестра Тамара – тоже. Родились мы на спецпоселении в Добрянском районе, квартал 130. Поселение в то время не имело еще никакого статуса, просто квартал леса, подлежащего вырубке.

Дед наш, Денисов Андрей Порфирьевич, был раскулачен в 1931 году и выслан со всей семьей из Мамадышского района д. Гремячка Республики Татарстан, в трудссылку (спецпоселение) в г. Краснокамск. Там уже начиналось строительство Бумкомбината.

Состав семьи: глава – Денисов А.П., мать его – Ирина, 76 лет, жена Анна, 1877 года рождения, сын Виктор, 1912 года рождения, дочь Зоя, 1916 года рождения (наша мама), сын Павел, 1918 года рождения, дочь Анастасия, 1924 года рождения.

Наша прабабушка Ирина до спецпоселения не доехала. Ее оставили где-то у родственников, так как она и по избе-то передвигалась, опираясь на табуретку, которую толкала перед собой.

Дедушку арестовали раньше, до высылки. Увезли в Мамадыш, на допросах избивали. Он был очень больной, когда его воссоединили с семьей и повезли «путешествовать» по Уралу. Две недели по деревням собирали раскулаченных и свозили к пристани (не помню, то ли Сайгатка, то ли Соколки) со скарбом, который разрешили взять с собой. Все это мне известно по рассказам мамы.

У дома посадили детей и прабабушку на телегу, взрослые шли пешком. Прабабушке в руки дали самовар, но конвойный, возможно, из своих же, деревенских, самовар отнял. В большой сундук сложили одежду, теплые вещи – ехали-то в зиму, конец сентября. Дождь холодный со снегом. И тут конвоиры потребовали все вещи переложить в мешки, сундук кому-то понадобился. За две недели под дождем одежда в мешках вымокла,

*Денисов Андрей Порфирьевич.
Фотография 20-х годов прошлого
столетия.*

так что на баржах, пока везли по рекам, была непригодной, чтобы согреться. Ехали под охраной.

И зачем нужно было вырывать с корнем крепкое крестьянское хозяйство? Работников-то хороших не так уж много. Дедушка наш в этом «путешествии» простыл, пока баржу тянули по реке до Краснокамска, приехал уже совсем больной. А бабушка Анна надела на себя пять юбок, потом они ей оченьгодились, шила из них одежду детям.

Поселили в бараках. Молодежь от семьи отделяли: барак № 13 – парни, № 17 – девушки. А наши маленькие жили с семьей.

Больной дедушка работал на строительстве железнодорожной ветки к будущему Бумкомбинату. Он сильно кашлял, согреться, обсушиться можно было только у печки-буржуйки, которая стояла посередине барака. А семьи разделялись занавесками. Много детей, стариков. Деда все выпроваживали в свой угол, боялись заразиться, боялись за своих детей.

В январе 1932 года он умер, оставив семью на бабушку. Ему было только 52 года. Похоронили на кладбище недалеко от барачков. Самая младшая, Настя, училась в первом классе на Рабочем поселке и в школу ходила мимо кладбища. Видела, как ковшом экскаватора поднимали гробы. Мама ее спрашивала: «Видела ли тятеньку?» Она отвечала: «Наша могилка еще на месте». А однажды не нашла это место – все было перерыто.

В характеристике на кулацкое хозяйство, которую мы нашли в архиве, значит, что семья имела до революции водяную мельницу, а потом до 1930 года ее арендовала. В сезон работали на ней наемные рабочие. При раскулачивании в хозяйстве была корова, лошадь, четыре овцы, дом, каменная кладовая,

хозяйственные постройки и лес, заготовленный на строительство дома для семьи старшего сына.

Вот и все богатство на многодетную семью. Двор был выложен камнем. Когда раскулачивали, все булыжники вывернули ломами – искали клад, спрятанное богатство. Мама вспоминала Добрика – конфискованного жеребенка. Через много десятилетий, умирала и все вспоминала Добрика.

В январе 1932 года нашей будущей маме Зое было 15 лет. Пошла работать санитаркой в тифозный барак. Потом работала смазчиком по обслуживанию агрегатов на Бумкомбинате. Виктор, старший брат, работал электромонтером, лазил по столбам. На работе повредил ногу. Ходил на костылях. Умер в 1935 или 1936 году. Похоронен на кладбище в деревне Мысы под Краснокамском.

В 1937 году в Краснокамске мама вышла замуж за Брагина Виктора Фёдоровича, тоже из семьи раскулаченных из Суксунского района. Рассказывала мама о своей жизни очень неохотно. Да и нам советовала помалкивать. Все боялись в то время говорить, и этот страх преследовал людей еще долгие годы.

В 1937 году новая беда – отца посадили за хулиганство. Его не пустили в клуб после третьего звонка, он выбил дверь и вошел, за что и получил два года. Отбывал наказание на Камчатке.

В поселке Майском возле Краснокамска спецпоселенцам разрешили строить жилье. Наш дом был еще без окон, но семья вселилась в него. Вскоре на Бумкомбинате произошла авария, что-то взорвалось. Виновых долго не искали – обвинили кулаков. Весь поселок Майский, целыми улицами, стали опять выселять. На баржах вместе со скотом, какой у кого был, переправили в Чёрмозский район, поселок Майкор и поселок Горки (ныне – Юсьвинский район). Там были четырехквартирные дома, построенные другими спецпереселенцами. Но прожили недолго. Опять семью перевезли, теперь в поселок Увал того же Чёрмозского района. Мама жила в семье, работала на углежжении. Работа тяжелая и грязная, но уголь был нужен металлургическому заводу. Этот завод потом ушел под воду, когда построили Камскую ГЭС.

В 1939 году отец наш вернулся из мест заключения, приехал в Краснокамск. Стал ходатайствовать, чтобы семью воссоединили. Мама тоже писала прошение. Они надеялись, что теперь им выдадут паспорта, они станут свободными людьми.

Но получилось иначе. Младший брат Павел с сестрой Зоей уехали в Краснокамск. Не знали они, чем рискуют. Через некоторое время их с конвоем вернули обратно. За эту провинность Павла вместе с мамой отправили еще дальше, в таежный поселок Тузим, около Пожвы, пристань на Каме – Орёл. Тут он работал в радиоузле. Женился на депортированной из Белоруссии женщине с ребенком пяти лет. После войны уехал с семьей в Белоруссию.

Настя после окончания семи классов поехала из Чёрмоза в Пермь поступать в финансово-экономический техникум. Экзамены сдала, но не приняли. Попробовала поступить в педтехникум на дошкольное отделение. Прочилась всего два месяца. Кто-то из дирекции в ее документах разглядел штамп НКВД. В общежитии не прописали и вообще выгнали.

Директор техникума, видимо, сочувствовал трем девушкам с такими же, как у Насти, «плохими» анкетами. Посоветовал ехать в Кудымкар и там поступать в педтехникум. И там их приняли. Очень они хотели учиться, мечтали вырваться из барачников. Но прочилась Настя всего два года. Из-за бедности, из-за голода была вынуждена уйти. Помогать ей некому и нечем. Пришла шестнадцатилетняя девочка в РОНО и получила направление на работу на сплавной участок Иньвенского рейда. В 1942-м ее послали учиться на санинструктора, а в декабре того же года отправили на фронт. Анастасия Андреевна, ветеран Великой Отечественной войны, живет сейчас в Набережных Челнах.

Паспорта наши родители так и не получили, их отправили в Добрянский район, квартал 130, на спецпоселение. В 1940 году родилась я. А через год и два месяца – Тамара. В октябре 1942 года отца мобилизовали. Неплохо «устроился», служил в учебном подразделении, в Кунгуре. А мама в это время валила лес.

Нас определили в ясли, слава Богу. Как ей тогда приходилось, что пришлось пережить, мы в то время не знали и не понимали. Позже она рассказывала: «В лесу надо дерево обтопать от снега, лучной пилой свалить его, сучки обрубить, ствол на определенную длину разделить. Да еще и вывезти на лошади свои кубометры. Норму выполнять надо, ведь «Всё для фронта, для Победы!». За эту же норму и продукты давали, но их не хватало. Ели и крапиву, и пиканы. Летом лес кормил».

В это время приехала бабушка – помогать маме с детьми. И вот привалило счастье – появилась коза, начали выращивать картошку. «Это и помогло выжить», – говорила мама.

В квартале 130 в бараке за перегородкой из досок рядом с нами жили депортированные белорусы. Вечером кричат через перегородку: «А ну-ка, ягодки (это нам с сестренкой), – «Катюшу!»» И мы с сестрой поворачиваемся в их сторону и запеваем. Как уж мы пели, но их, тоже обездоленных, лишенных семьи и детей, это трогало до глубины души.

Вернулся отец. Здоров и невредим. Воевал в тылу. Конечно, мы его не узнали, а он нас и вовсе забыл. Пожил немного и поехал устраиваться в город. Обещал семью забрать, но время шло, а за нами так никто и не приехал. Мама все поняла – бросил. Затопит, бывало, печку, откроет дверцу, посадит нас с сестрой перед ней и говорит: «Кричите: папка, приезжай за нами, вернись к нам!» Так мама стала «соломенной вдовой», а мы – брошенными детьми. Судить отца не буду. Бог ему судья.

В 1946 году стала мама проситься, чтобы ей позволили выехать на поселение в Палкино, где жила бабушка, Анна Игнатьевна, и наша тетя, Анастасия Андреевна. Тетя работала заведующей детским садом. Так мы оказались в Палкино.

Опять барак. По одной стороне – комнатухи на одну семью, по другой – мужское общежитие. Жили депортированные разных национальностей. Печка – опять посередине барака, кирпичная, с плитой, на ней готовили все жильцы. Возле нее и сушились.

Рядом с нами жила татарская семья – Сиразеевы. Детей много. Отца их не помню. Их мать, тетя Маруся, пекла прямо на плите, без сковородки, лепешки из картофельных очисток. Она их собирала в отходах около столовой. Однажды ребята разбаловались, бегали друг за другом, и один выскочил прямо под ноги матери, а она несла чугун с кипятком. Обварила – мальчишка погиб. Вот это горе общее я хорошо помню.

Маму приняли в рабочую столовую ОРСа. А нас определили в детсад. Поэтому голода мы не помним. В садике, кажется, была корова. Кашу ели с молоком. Морковную кашу помню хорошо.

Сплавной участок располагался на правом берегу Камы. А барак стоял на притоке маленькой речушки. Летом прямо на берегу этой речки делали печки летние. Еду готовили не в бараке, а на этих печушках. Мы, детвора, собирали всякие щепки, отходы, чтобы их топить. Мама наша поработала и уборщицей в клубе, мы ей помогали, и банщицей. Воду носила на коромысле. Дрова сама рубила.

На лесосплав приезжали сезонные рабочие – вербованные, то есть свободные. Почему-то запомнились молодые женщины-башкирки. Все обуты в лапти, с белыми вязаными носками, в белых передниках. А уезжали все в галошах, это означало – заработали, смогли купить. Лаптей тогда по поселку валялось много. Дети играли с этими лаптями.

За Каму ходили на болота и на вырубку за клюквой и брусникой. Носили ведрами. Там в лесу, километрах в шести, было два лагеря: женский – «Екатерининка» и мужской – «Шахан». Так их в народе называли. Когда мы шли за ягодами, часто встречали заключенных. Их вели колонной, а при встрече с гражданскими усаживали на обочине, пока мы не пройдем. В это время шла зачистка дна будущего Камского водохранилища. Вот там-то они и работали, валили и сплавливали лес.

У нас была ручная швейная машинка. Мама где-то ее купила и называла «поповской». Машинка до сих пор работает. Челнок качающийся, на корпусе – буквы «СССР». Значит, у нас выпускали. Эта машинка-труженица нас спасала в трудное время. Мама обшивала не только свою семью, но и всех женщин на участке и даже в ближайшей деревне. Шила рукавицы, на сплаве они очень нужны. Шила стеженные сапожки-бурки. Их носили с галошами.

Я в школу пошла в 1947 году. Мама сшила из какой-то холщовой серой ткани сумку для книг и тетрадей. Я ее носила через плечо. А в то время у некоторых уже появились портфели, и мне мама внушала: «У тебя в этой сумке пятерки, а там, в портфелях, – двойки и тройки». Белый фартук к школьной форме нам с сестрой сшила из белых мешочков. В них муку продавали.

Жили спецпереселенцы дружно. Тут и немцы Поволжья, татары, белорусы, украинцы. Все в бараках, все равны, все ходят отмечаться в комендатуру в город Чёрмоз. Мама идет в Чёрмоз, а мы семь километров бежим с ней рядом, чтоб купила мороженку. Но это редко доставалось. Петушок-леденец на палочке купит – радость. И семь километров нипочем. А когда пряник первый купила нам, так учила: «Положи на хлеб и кусай вместе с хлебом».

В школу мы ходили за два километра – в село Усть-Косьву по берегу Камы. Зимой дорога санная, по реке. Ребята учились вместе: немцы, татары и другие. На переменах играли с нами и учительницы. Вокруг печи водили хоровод и пели:

«А мы просо сеяли, сеяли...», «Вейся, вейся, берёзка!» Осенью после жатвы ходили классом собирать колоски.

Постепенно обживались. Мама в 1947 году вышла замуж за депортированного белоруса. В 1948 году у нас появилась сестра Лиза. В общем, жили как все. Другой жизни мы, дети, не знали. Рядом квартировали такие же трудпоселенцы. Строили сарайки, в которых держали коз, свиней. На скотину были большие налоги. Чтобы меньше платить, умудрялись поросят прятать от уполномоченного. Сено для коз косили по вырубкам между кустов. Навязет мама травы в тряпку (нельзя было показывать) – и на плечо. Несем к барaku – сушить сено на зиму.

В поселке электричества не было. После ужина при керосиновой лампе делали уроки. Радио – черная бумажная тарелка. Передачи были интересные: читали литературные произведения, последние новости, футбол транслировали. Но радио появилось, когда поставили движок, тогда по вечерам в каждой семье загоралась лампочка.

Отчима мы любили. Но он был строгий, за учебу спрашивал. Если отметка в тетради или в дневнике ниже четверки – в клуб не собирайся, кино не для тебя. Поэтому мы старались и учились хорошо. Спали на соломенных матрацах, зимой с ребятами ходили по пояс в снегу к соломенным скирдам, набивали наволочки.

В 1956 году заполняли Камское водохранилище. Подошла вода и к нашим баракам, опять надо менять место жительства. Рабочих с семьями со всем имуществом и живностью на баржах перевезли в Майкор и на Горки.

После семи классов я поступила в Краснокамский целлюлозно-бумажный техникум. В 1958 году закончила его. А сестра Тамара окончила 10 классов в поселке Майкор. В 1959 году она поехала в Пермь, поступила в авиационный техникум. Окончила его и пошла работать на завод АДС. И так трудилась там до самого выхода на пенсию.

В 1969 году мама переехала к нам в Пермь и тоже работала на заводе АДС. Умерла в возрасте 83 года. Вечная ей память. И вечная память всем родным и близким, не вынесшим тяжких испытаний, которые им вдоволь предоставила советская власть.

Пишу для того, чтобы наши дети и внуки знали свои корни. Многие и многие тысячи простых людей пострадали. Этого нельзя забывать.

МЫ ПОМНИМ ВАС, КУМИРЫ БЫЛЫХ БАТАЛИЙ

Помимо ярких и победных страниц в истории пермского футбола были и трагические времена – это годы репрессий. Многим известным пермским футболистам были предъявлены необоснованные обвинения, и об их судьбах мы ничего не знали. Наш долг перед ними – восстановить справедливость, восстановить правду.

Кашаф и Нюрис Мухтаровы олицетворяли пермский футбол, были кумирами дореволюционной публики. Кашаф родился 14 июля 1896 года в селе Тавили Лаишевского уезда Казанской губернии. В 1913 году окончил пермское Екатерино-Петровское училище, а затем частную гимназию О.В. Циммерман (1916). Свое образование продолжил на медицинском факультете Пермского университета. Он был рослым и быстрым, обладал мощным ударом. Пользовался уважением в «Яхт-клубе». В составе яхтсменов стал чемпионом Перми по футболу (1918). Это был первый чемпионат города при Советской власти или пятый по счету.

Нюрис Мухтаров в это время играл за пермскую команду «Сокол». С апреля 1918 года К. Мухтаров в составе окружного комиссариата по делам национальностей Пермского губернского исполкома. Затем заведующий татаро-башкирским отделом Вятского губкома (1919), политрук 21-го мусульманского полка 51-й дивизии Блюхера и сотрудник политотдела 3-й Армии (1920). Затем он занимает должность заведующего отделом здравоохранения Ревкома. Далее – нарком здравоохранения Татарии.

В 1920 году Кашаф с капитанской повязкой на руке вывел сборную команду Перми для участия в первой Уральской Олимпиаде (первая губернская Красная Олимпиада). Красные Олимпиады проводились сразу в нескольких регионах России и должны были стать альтернативой «буржуазной Олимпиаде» – VII Олимпийским играм в бельгийском Антверпене, на которые спортсмены Советской России не были приглашены по причине международного бойкота, объявленного молодой стране. Пермские футболисты прекрасно выступили в турнире и стали чемпионами первой Уральской Олимпиады. После окончания соревнований, попрощавшись с друзьями, братья Кашаф и Нюрис Мухтаровы навсегда покинули Пермь.

С 1921 по 1924 годы К. Мухтаров на посту председателя Совнаркома Татарской АССР, а затем член коллегии Наркомата здравоохранения РСФСР. Занимая ответственную должность в правительстве Татарии, Кашаф Мухтаров вместе с братом Нюрисом продолжали играть в футбол. Они выступали за одну из сильнейших команд республики «Флорида» и даже входили в сборные команды Казани и Поволжья. В 1927-1928 годах Кашаф Мухтаров выступал за московскую команду «Красная Пресня» вместе со знаменитыми братьями Старостинными Александром и Андреем.* Надо ли говорить, какое влияние на молодежь оказывало личное участие в спортивной жизни главы правительства Татарии.

* П р и м е ч а н и е . В воспоминаниях Л.Н. Рогожникова (см. предыдущий том книги «Годы террора») допущена неточность: из четырех братьев Старостинных наказание отбывал Александр, а не Анатолий.

Страшные годы репрессий не пощадили двух братьев. Кашаф был обвинен в буржуазном национализме, исключен из партии и отбывал наказание в Соловецком лагере около восьми лет. А в 1937 году во время ежовского «беспредела», был расстрелян.

Его брат Нюрислан Гильфанович Мухтаров был уполномоченным наркомата земледелия РСФСР по заготовке зерна в Уральской области, в Татарии, член коллегии Наркомзема Российской Федерации. А затем – его фамилия в списках подлежащих суду военной коллегии Верховного суда СССР от 13 ноября 1937 года по Свердловской области за № 42. Так трагически сложилась судьба братьев, бывших игроков пермских футбольных команд братьев Кашафа и Нюриса Мухтаровых.

Николай Квапишевский родился в 1897 году в Чердыни. Являлся одним из сильнейших пермских защитников до революции. Двукратный чемпион Перми по футболу в составе команд «Унитас» (1914) и «Виктория» (1916). Защищал честь сборной города во многих междугородных матчах (1913-1916). В 1917 году он блестяще выступал за легендарный «Яхт-клуб». Н.Квапишевский был разносторонним спортсменом. Ему принадлежат дореволюционные рекорды Перми в толкании ядра, метании диска и копья.

26 октября 1937 года Николай Иванович Квапишевский был арестован по обвинению в шпионаже. 31 января 1938 года его жизнь оборвалась. Николая Квапишевского расстреляли вместе с родной сестрой Татьяной.

Александр Орлов родился в 1897 году. После окончания медицинского факультета пермского университета работал врачом. Летом вел врачебную деятельность на большом пароходе «Дом отдыха Алмаз». Помимо работы Александр вписал своё имя в историю пермского футбола. Он выступал за команды «КСО» (Курьинское Спортивное Общество, 1914), «Омега» (команда семинаристов, 1915), («Иманто-I, 1916). Своего маленького сына, Вадима, он часто водил на футбол. 28 сентября 1937 года Александр Григорьевич Орлов был арестован и помещен в первую тюрьму. 20 октября 1937 года по постановлению тройки НКВД по Свердловской области был расстрелян (воспоминания Вадима Александровича Орлова о своем отце читайте во втором томе части VI Книги памяти «Годы террора»).

Сергей Буриков родился в Свердловске в 1898 году. По отзывам современников Сергей был одним из сильнейших пермских вратарей до революции. Почти двухметрового роста, он был «непробиваем». Болельщики запомнили, что он выбивал мячи, можно сказать, от ворот до ворот. Играл за команды «Сокол» (1916-1918, 1920, 1923), «ПЖД» (1917, 1927). Защищал цвета сборной Перми (1915-1917, 1922). В 1927 году на международном турнире в Кунгуре по футболу, выступая за пермскую команду железнодорожников, Сергей блестяще отстоял в воротах против футболистов Франции и Ленинграда. Его игрой на этом турнире восхищался легендарный ленинградский футболист Петр Дементьев (звали Пека). После завершения футбольной карьеры С. Буриков работал торговым инспектором в Пермском холодильнике. Судьба пермского вратаря трагична. Сергей Александрович (как и Александр Григорьевич Орлов) был арестован органами НКВД по делу о белогвардейской повстанческой организации и расстрелян 4 ноября 1937 года.

Дмитрий Бодалев родился в Перми в 1896 году. В 1915 году входил в состав сборной гимназистов Перми. В этом же году молодого футболиста пригласили во взрослую команду «Сокол». В этой команде Дмитрий играл с 1916 по 1918 годы. В 1917 году в составе «Сокола» Д. Бодалев стал чемпионом города. Последний раз за «Сокол» он сыграл в 1923 году. В это время вышел декрет Советского правительства о роспуске всех буржуазных команд, спортклубов и обществ. Так, спортивное общество «Сокол» прекратило свое существование. В это время начинали возникать новые команды с рабочей прослойкой

и политизированными названиями. И игрок сборной Перми с 1916 года Дмитрий Бодалев оказался не у дел. 25 октября 1937 года Бодалев Дмитрий Иванович был расстрелян, как член белогвардейской повстанческой организации.

Фотография «под арестом»

Дело № 148 началось в апреле 1940 года и следовало духу тезисов «вождя народов» об обострении классово-борьбы. По доносу осведомителя супруги Патрикеевы и Петуховы, имеющие к тому же родственные связи, выражали недовольство Советской властью, говорили о тяжелой жизни народа, о том, что сейчас в магазинах пусто, а при царизме всего было вдоволь. Ругали газеты, которые пишут неправду, слушали по радиоприемнику заграничную музыку, рассказывали анекдоты о членах Политбюро и Советского правительства.

Кто-то из вхожих в дом механика по ремонту пишущих машинок Никиты Патрикеева и его жены Любы проявил «бдительность» и содержание супружеских бесед стало известно сотрудникам НКВД. И закрутились жернова... К концу следствия супруги Патрикеевы и Петуховы квалифицировались как организация, ставящая своей целью дискредитацию руководителей ВКП(б) и Советского правительства. А поскольку до революции фигуранты были людьми состоятельными, то в обвинительном заключении они назывались «классово-чуждыми элементами». Приговор: лишение свободы сроком на 10 лет, с последующим пятилетним поражением избирательных прав. При аресте у супругов Николая и Лидии Петуховой изъяли фотографии, среди которых и уникальный в своем роде снимок первой сборной города по футболу 1913 года. Эта дата видна даже на футбольном мяче, который держит в руках вратарь.

Лидия Григорьевна до замужества носила фамилию Миронычева. А на фотографии ее родной брат Виктор и двоюродный Василий. В истории пермского дореволюционного футбола выходцы из семьи старообрядцев четыре брата Миронычевых (Виктор, Василий, Николай и Петр) – оставили яркий след, выступая все вместе за легендарный «Яхт-клуб». Пермская публика их по праву называла «Уральскими Старостинными».

Так, следственное дело № 148 драматически соединило во времени судьбы людей, добавив несколько строк в историю

пермского футбола. А фотография сборной Перми 1913 года так и пролежала в деле «под арестом» 60 лет, пока её в 2003 году не обнаружила ведущий специалист государственного архива новейшей истории Пермского края Галина Федоровна Станковская.

*Игорь Рогожников,
член общества «Пермский краевед»*

ВСЮ ЖИЗНЬ ИСКАЛ ОТЦА

*Беседа с Львом Иосифовичем Яблошевским,
сыном расстрелянного отца*

– Попробуйте вспомнить самое начало. О семье, о родителях – кто они были, где жили, как жили...

– Я родился в 1934 году в августе. Моя семья – мама, папа и брат. Все как у всех. Мама работала, папа работал. Брат на 5 лет старше меня. Жили в поселке Клязьма Московской области. Хороший поселок, зеленый. Там было приятно жить, насколько я помню. Как мы попали туда? Отец в Белоруссии жил, а его брат, дядя Сережа, в эти места раньше приехал. И устроился на военный завод в Мытищах, километрах в 20 от Москвы по Ярославской железной дороге. Устроился, а потом перетачил туда и отца, по-братски.

Отца поселили в заводском доме, в поселке Клязьма. Это был типичный двухэтажный барак на 10 семей. Тесно жили очень, все удобства во дворе, но зато Клязьма, зато какая природа, зато какие хорошие соседи, нам казалось тогда. У меня есть фотография, где мы вчетвером, брат мой, я и папа с мамой. Оба они красивые – и отец, и мама. Про него рассказывали, что он был работающий, мастеровитый. Есть такая поговорка: бревно поднимают двое, один подходит к комлю, а другой – к вершинке. Так он никогда к вершинке-то не подходил, батяня-то. Брал на себя самое тяжелое. И всю жизнь был такой. Любил свою семью, маму любил...

Они оба ходили в костел, потому что польские корни были. Мама хорошо знала польский язык. По фамилии она Олехнович Янина Антоновна, польского происхождения. Мамин брат в 20-м году, когда произошел раздел, остался в Польше, стал известным музыкантом. А у отца были дядьки, они эмигрировали в Америку.

– **Боюсь, это ему потом «вспомнили»...**

– Не просто вспомнили, вменили в вину...

– **Вы помните отца, играл ли он с вами, брал ли на руки?**

– Еще как помню. Приходил с работы, подходил ко мне, я ведь был самым маленьким, брал на руки и давал конфетку. А потом подбрасывал, руки у него такие крепкие, хотелось со страху прижаться. За шалости нас не наказывал, это было вопреки его натуре – наказывать.

– **А как он с мамой?**

– Даже трудно слова найти – нежный, ласковый. Как и она с ним. Им не довелось получить образование, но оба были по-настоящему интеллигентными людьми.

– **Вы жили в одной комнате, так ведь?**

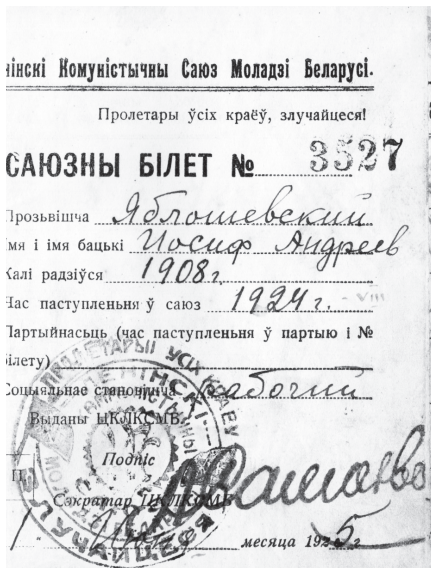
– Да, все вчетвером в одной комнатке. Деревянный барак, бревенчатый, мы на первом этаже, система коридорная. Кухня в конце коридора, общая. Помню, там стояли керосинки, даже не примусы, а керосинки. Их разжигали, стояла гарь, вонь этакая. Там и общались, а потом, когда время прошло, говорили, что жили дружно и весело.

Дети играли во дворе, но нам не хватало двора и мы по улице бегали. Ботинки у ребят были, но мы их берегли, летом бегали босиком. Ступня становилась твердая, как подошва, так что не боялись ни камней, ни даже стекла. На речку бегали, на Клязьму, там целые дни пропадали.

А вокруг шла жизнь, и не всегда ласковая. Помню, мы всегда хотели есть. Конечно, лазили в чужие огороды за яблоками, огурцами, в общем, все, что произрастало, все чистили. На другой стороне реки было поле, его вспахали и вырастили помидоры колхозные. Нам так хотелось этих помидоров... Переплыли речку, набрали их в майки и сидим спокойно, едим уже на своей стороне. А тут объездчик на лошади увидел нас,

Иосиф Андреевич. Фото из архивно-следственного дела.

*Комсомольский билет
Иосифа Андреевича Яблошевского.
1924 год.*

стреножился, взял винтовку и в нас целится. А мы го-го-го, не понимаем, что может произойти. Обьездчик стрельнул в кучу ребят и попал в одного парня, не помню, как звали. Он только ойкнул. Там был недалеко госпиталь, мы его отнесли, позвали врачей. И парнишка умер. Вот такая история.

– Да, история... Что же, других развлечений у вас не было? Книжки, игрушки?

– Игрушек-то не было, и купить негде. Могли только своровать, там детсад был недалеко. Мы туда лазили, игрушки таскали. Или сами делали, например, из коры

сосны мастерили кораблики, хорошо их обрабатывали.

В футбол играли. О мячах даже не мечтали, играли чем угодно – жестяными банками, тряпками завязанными, лишь бы ноге не было больно. Потом уже, попозже, появились кирзовые мячи, но камеры постоянно лопались и были все клеены-перезаклеены.

– Но это, наверное, уже после войны?

– Да, конечно, после войны. Играли мы хорошо, потому что босыми играли, ноги закаленные. Однажды, мне тогда было 14 лет, мы создали команду. Помните Озерова Николая, знаменитого радиокomentатора и чемпиона страны по теннису? Он очень любил ребят, организовал первенство Московской области по футболу среди дворовых команд.

И мы стали там играть. Помню финальный матч против сильной команды, «Звездочки». В ней сынки мастеров спорта играли. И вот мы эту «Звездочку» обыграли. Стали чемпионами Московской области среди дворовых команд...

– Ничего себе!

1936 год. Молодая семья Яблошевских (слева направо): мама Янина Антоновна, сыновья Валентин и Лева, отец Иосиф Андреевич.

– Но самое-то главное не это. Финальный матч судил Латышев, может, слышали? Знаменитый судья. Не верите? У меня сохранилась статья, Лев Кассиль написал про нашу команду. Я почему об этом вспомнил? Потому что мы в награду получили мяч, настоящий кожаный мяч. Самая большая радость была, этот мяч.

– Удивительно. Но все же вернемся, Лев Иосифович, в довоенные времена. Как вы с братом жили?

– Спали вдвоем с братом Валькой. Спали на железной кровати, такая элементарная железная кровать, как она попала к нам, откуда ее отец притащил, не знаю. Матрасик и одеяло, одно на двоих. О пододеяльниках мы тогда даже не знали.

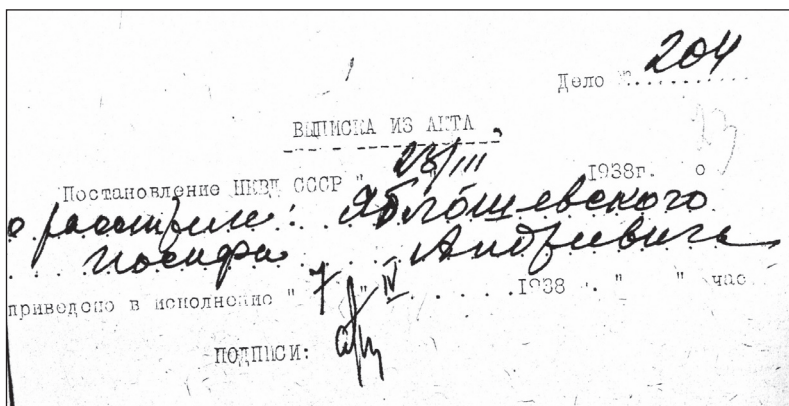
– Скажите, а книжки читали?

– Книжек было мало. Это я потом их стал приобретать, когда пошел в школу. А Валентин к книжкам не пристрастился. У него другое было – хватка отцова, руки хорошие.

– А у вас разве руки не такие?

– Я больше книжник был, нежели чего-то там смастерить, сделать. Природа, наверное, так распорядилась...

– А можете вспомнить, как полякам жилось среди русских? Простые люди как относились?

Выписка из акта о расстреле И.А. Яблошевского.

– Да нормально жилось. Простые люди тогда не по национальности определяли качества человека, а по его отношению к жизни, по отношению к другим людям. Не было такого, чтобы нас оскорбляли, как поляков. Это потом все изменилось, когда началась истерия с поиском врагов, когда отца арестовали. Мама изгоем оказалась, как жена врага народа. Но даже в те тяжелые времена были люди, которые поддерживали нас, особенно из тех, кто знал отца. Они рассказывали о нем с любовью и уважением.

– **Мы подошли к самому трудному. Как это было? Вы спокойно живете, и вдруг кто-то вваливается, уводят отца...**

– Я могу только вспомнить, как мама все время плакала, куда-то все время убегала... Она не могла понять, что происходит, искала помощи у других людей. Никто не мог помочь или хоть что-то объяснить. Она была в отчаянии, однажды решила нас совсем оставить. Пошла на станцию, хотела броситься под поезд. Ее там остановили.

Да, самые тяжкие испытания выпали на долю мамы. Она нигде не могла устроиться на работу. Ее везли на допросы ночью. Чем это заканчивалось, не знаю, она никогда не рассказывала. Приходили ночью два солдата... Она свою чашу испила до дна.

Мама считала, что причиной всех бед, навалившихся на семью, является польское происхождение. Чтобы вырастить сыновей и уберечь их от бедствий, перестала говорить на родном языке, пыталась забыть все польское. Уничтожила письма и фотокарточки отца.

Хорошо помню, как было тяжело, когда в 41-м году ее взяли на трудовой фронт. А мы-то остались вдвоем с братом. Она нам сухариков оставляла и картошин, которые мы собирали, когда перекапывали колхозное поле. А сама туда, на лесоповал. Это Дмитровский район Московской области. Они валили сосны и распиливали их. Один раз в неделю ее отпускали. Она там скапливала хлебушек и бидон щей приносила. Запах этих щей я помню до сих пор, до сих пор они мне нравятся.

Через сутки она снова уходила. Пешком идти 25 километров. То есть она проходила 50 километров ради того, чтобы увидеть детей.

Мы с Валькой жили одни. Он мной командовал, где-то даже превышал свои полномочия, заставлял делать тяжелую работу. Давал топор в руки, иди, говорит, руби дрова. А дров-то не было, были заборы чужие, была у дома завалинка, в завалинке доски, вот добывай и топи печку. А сам готовил на плите.

– Вы, тем не менее, дружили или...

– Дружили, дружили, конечно. Но он был, как начальник. Конечно, на 5 лет старше. Когда стало совсем голодно, он с ребятами поехал на крыше поезда в деревню, взял с собой какие-то тряпки, которые были у мамы, и обменял их на продукты. Привез картошечки, масла подсолнечного. Я впервые поел картошки на подсолнечном масле и думал, господи, живут же люди.

– И как долго продолжалась мамина трудармия?

– По-моему, в 1942 году ее отпустили.

– Вы ее помните в том времени? Как она выглядела?

– Она выглядела... Красивая женщина, но страшно усталая. Приходила с лесоповала, вся в рабочем, изможденная. Это я сейчас понимаю, а тогда ничего не замечали, радовались – мама пришла! Но она не надорвалась, сильная все-таки. Не боялась никакой работы, это ее, наверное, выручило в жизни. Надо заготовить дрова, мама говорит: «Ну, Левка, пойдем дрова пилить». Она меня этому и научила. Очень такая была, быстрая, шустрая, работала споро.

– А рассказывала вам об отце в те времена, заходила о нем речь?

– Я же вам говорю, она старалась вообще лишний раз... Молчала, чтобы ему и нам не навредить. В ее-то сознании он был жив, просто права переписываться не имеет.

– Но хоть сказала, когда у отца день рождения?

– Сказала – 7 августа 1908 года. Только послать поздравления некуда.

– **А о том, как арестовали отца?**

– Вы знаете, его арестовали на заводе, поэтому она не сразу узнала детали. Но когда узнала, была вне себя. Ей даже сказали, кто на отца капал, кто написал донос. Но она не пошла, не отомстила, ничего не сделала такого. Это был товарищ отца по работе.

– **И чего он добился?**

– Он добился того, что не стало человека. Не знаю, совесть его мучила или нет. Через много лет, когда мне дали ознакомиться с делом отца, доносы осведомителей скрыли, не разрешили прочесть.

– **А если бы вы узнали фамилию этого доносчика, что бы сделали?**

– Ничего бы не сделал, не стал бы мстить.

– **А почему?**

– У меня не тот характер.

– **А может они, подлецы, потому и жили в полном довольствии, что были уверены в своей безнаказанности, за грех не считали то, что сделали.**

– Наверное, так и есть. Но вы представьте: если бы началось сведение счетов, око за око, это стало бы бедой, бедой для всех. Я читал, что в одном только 37-м году органы власти получили 5 миллионов доносов. И по каждому «принимались меры». Тут особый разговор. Мы от себя до сих пор скрываем правду. А она в том, что не только Сталин, не только Ежов, Берия и НКВД виноваты в терроре, но и немалая часть народа в этом активно участвовала. Может быть, потому правда о прошлом так трудно пробивается на поверхность.

А тогда... Мама куда только не ходила. Ей, наконец, сказали, что отец осужден на десять лет без права переписки. Это сейчас мы знаем, что значит «без права переписки». А мама верила, что когда-то же пройдут эти десять лет. Она ждала, 10 лет ждала отца. И не устроила свою судьбу, потому что верила, что придет муж, надо ждать.

– **Лев Иосифович, отца не стало, вас не выгнали из барака?**

– Нет, слава Богу, из барака не выгнали. Куда уже дальше выгонять... После трудармии нашелся добрый человек, он маму устроил в столовую уборщицей.

КОПИЯ

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
МОСКОВСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
"14" апреля 1958 г
№ Н-1940/Д
г. Москва, Арбат, 37

СПРАВКА

Дело по обвинению ЯБЛОШЕВСКОГО Иосифа Андреевича, 1908 года рождения, до ареста в феврале 1938 года работавшего вальщиком станков на заводе № 8 им. Калинина, пересмотрено военным трибуналом Московского военного округа 10 апреля 1958 года.

Постановление от 28 марта 1938 года в отношении ЯБЛОШЕВСКОГО Иосифа Андреевича отменено и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления.

ЯБЛОШЕВСКИЙ Иосиф Андреевич реабилитирован посмертно.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА МВО
ПСЯКСВЯНИК ЮСТИЦИИ

/Н. ГУРИНОВ/

гд

Лев Валентин

– То есть она могла что-то приносить детям из столовой?

– Конечно, конечно. А потом еще один добрый человек устроил официанткой. Она ведь была еще молодой, красивой. Люди помогли поступить на курсы поваров, и она эти курсы закончила. Понимаете, полуграмотный человек, но закончила на пятёрки. И стала работать поваром.

– А это уже счастье по тем временам...

– Еще бы. Но на этом история не закончилась. У нас неподалеку дом отдыха Совета Министров России был. Узнали, что мама хороший повар, и позвали работать. А через некоторое время раскопали, что она жена врага народа. И выгнали, не считаясь с тем, что оставляют без куска хлеба двух малых детей. После этого нигде уже не брали. Пришлось ей ехать дальше, в Софрино. Там устроилась в столовой.

– А что в это время делали, чем жили братья Лев и Валентин?

– Я в 41-м году пошел в школу. Война идет, а я в школу. У нас была хорошая десятилетка, я закончил там семь классов. Мать говорила, учись, я все положу на то, чтоб ты учился. В седьмом классе решил уйти, хотел работать, ей помогать. Но она не разрешила...

У нас учебники были старые, одни на пятерых. Помню учебник истории, там портреты полководцев: Тухачевский, Блюхер, еще многие. Их объявили врагами народа, пацаны глаза им выковыривали. И это поощрялось. А еще помню, перед тем, как войти в класс, мы пели гимн Советского Союза. Каждый день. Вместо молитвы. Собирали детей в вестибюле и заставляли петь гимн.

– **И как вам пелось?**

– Пел, как все. Что я тогда знал?

– **А ровесники знали о том, что у вас в семье произошло?**

– Знали, но не все. Я это шибко-то не афишировал. Не помню, чтобы меня унижали. Только мой друг Шурка, с ним мы дрались, потому что когда поссоримся, он называл меня «польской мордой».

– **Ничего радостного. Значит, все-таки жила в людях национальная нетерпимость.**

– Ну, Шурка что, он мальчишка, пел с чужого голоса. Обидно, конечно. Происхождение и арест отца повлияли на всю мою жизнь. Мама хотела, чтобы я поступил в суворовское училище. Но не прошел комиссию. Хотя и писал во всех анкетах, что отец умер в тридцать восьмом году. Думал, что кого-то обману. Ничего подобного, они все знали, мандатные комиссии так называемые. Потом поступал в артиллерийское училище. Не прошел – якобы из-за зрения. Может быть, и так. Потом поступал в лесотехнический институт. Как мне хотелось быть лесником! Опять не прошел. Пришлось забрать документы и, чтобы не сидеть на шее у матери, идти в строительный техникум. Там принимали без экзаменов после 10 классов. Хотя не очень-то хотелось в строители идти. Так всю жизнь и проработал не по своей специальности, не по призванию. Ну что, ведь многие работали и жили так.

Это происходило в 1952 году, Сталин еще жив был. Я его по радио слышал. Такой глуховатый голос... С акцентом. Когда он умер, мы с Шуркой поехали в Москву, чтобы посмотреть похороны. И вернулись обратно, потому что даже на площадь трех вокзалов невозможно было пройти. И правильно сделали, тогда сотни людей погибли в давке.

В 1953 году мне было 19 лет. Кое-что уже знал, о чем сверстники представления не имели. Но, честно, его имя у меня не связывалось со смертью отца. Я это позже осознал. Значительно позже. А тогда мы думали: как будем жить без него?

Плакали люди, даже мама плакала, представляете. Столько настрадалась, это ж как надо голову людям задурить.

– Скажите, Лев Иосифович, но ведь не только вы прошли эту горькую школу. Наверное, были рядом ребята, с кем можно было поговорить о том, что вас мучило. Одни потеряли отца, другие – родных и друзей...

– Ни в коем случае. Я об этом не говорил ни с кем, меня мать строго предупредила. Боялась, что будет еще хуже. Ведь видела, скольких жен взяли, да и детей не жалели. Поэтому и меня слезно просила: не говори ни с кем, не упоминай, молчи. И другие со мной об этом не разговаривали, хотя я знал, что у них тоже близкие люди арестованы.

В 1958 году мама получила справку о реабилитации отца. Я в то время работал в Улан-Удэ, она мне прислала справку. Этот момент и стал для меня поворотным. Пришлось многое переосмыслить заново. Во-первых, мы получили подтверждение того, что отец пострадал невинно (в чем мы с мамой и не сомневались). Во-вторых, мы поняли, что его гибель была только маленькой частичкой среди многих жертв, которые принес народ. Это подтвердил и XX съезд, который прошел в 1956 году.

– Интересно, о причине смерти отца в справке было сказано?

– Умер от сердечной недостаточности в 1943 году. Это еще одна ложь. Теперь-то я знаю, что отца расстреляли 7 апреля 1938 года.

– Как мама встретила эту весть?

– Чему радоваться? Жизнь-то прошла, теперь она потеряла и надежду, которой жила все эти годы. Она могла бы быть счастливой, но не дали, не довелось. А ведь во всем была заводилой, хорошо пела, участвовала в самодеятельности, ездила в Москву на конкурсы всякие.

– Вы сказали, что получение справки о реабилитации отца стало для вас поворотным пунктом. Что вы имели в виду?

– Всю остальную жизнь я посвятил расследованию обстоятельств гибели отца, искал место, где он похоронен. Но бесполезны были все мои потуги. Где его могила, никто не знает. Куда только не обращался: и по месту работы, и по месту жительства, и на завод, и на Лубянку в КГБ. Отовсюду приходили стереотипные ответы: архивы затеряны, место захоронения неизвестно. После настойчивых повторных запросов нам,

наконец-то, показали кое-какие документы, прислали их в Пермь из Москвы. Нас с мамой вызвали в КГБ, это было во времена перестройки, дали прочитать дело, но записывать запретили. Я узнал биографию отца, узнал, что у него было четыре брата. Их обвинили в участии в заговоре против советской власти. Ни одного в живых не осталось.

– **Лев Иосифович, вы еще не все рассказали о себе. Закончили техникум. И что дальше?**

– Да, закончил его в 1955 году. И поехал в Улан-Удэ, сам попросился. Мог и здесь остаться, Генка Культяев, мой товарищ, говорил: «Ну что ты, дурак, едешь туда, зачем тебе это надо, здесь мест полно, можно найти». Я говорю: «Да нет, хочется страну посмотреть». И не жалею об этом, считаю, что правильно сделал. Работал мастером на стройке. Мне поручили строить административное здание совнархоза.

Прораб был местный, Арсентьич, и он меня многому научил. Колоритный был мужик. Мог, увидев стенку бракованную, кривую, со всего размаха ногой столкнуть, развалить и заставить переделать.

– **Потом вы, наверное, сами так делали.**

– Нет, я так не мог.

– **Не вышел в начальники?**

– Ага, не вышел. Однако прорабом все же стал. Попозже, когда строил фабрику по первичной переработке шерсти, там же, в Улан-Уде.

– **Как же вы справлялись с бракоделами?**

– Как-то деликатно, вежливо. И они со мной тоже так. Просто старался не давать им повода и возможности плохо работать.

– **Слушайте, вот вы такой интеллигентный, в те времена, возможно, за это презирали...**

– Ну да. Очкарик, сейчас говорят ботаник.

– **Но ведь за вами была такая жизнь, тяжелое детство. Вообще-то в таких условиях вырастали люди не очень-то добрые, часто озлобленные. А вы какой-то не от мира сего. Или я не прав?**

– Может, правы. Не было у меня озлобления. Но в одном деле проявил-таки твердость, непонятную окружающим. Работал, в общем-целом, неплохо, и все удивлялись, особенно парторги, почему не вступаю в партию. Частенько вызывали, прорабатывали. Как это так, подозрительно даже.

– И как вы это объясняли?

– Я выучил одну хорошую цитату из Ленина, в которой говорилось, помните, наверное: «коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». И вот, как я это скажу, на меня глядят, ничего не понимая. И переспрашивают: «Чего?» Я говорю, что еще не обогатил свою память, а потому не имею права вступать.

– И это уже было сознательно?

– Да, конечно, сознательно. Чувство, что надо сопротивляться, пришло, когда мы получили справку о реабилитации отца...

– Скажите, а как вас занесло в Пермь из далекого Улан-Удэ?

– Неисповедимы пути господни, это связано с моей женой. Там Людмилу Ивановну встретил. Она пермячка. Я развелся с первой женой...

– Влюбились?

– Да, влюбился (смеется) в Людмилу.

– Вы такой мягкий человек, как смогли развязать этот узел?

– Не хочу даже вспоминать, настолько мне тяжело было...

– А судьбу первой жены знаете?

– Да нет, все вроде устроилось. Она вернулась в Москву, жила в Люберецком районе, вышла замуж, фамилия у нее другая...

А с Людмилой своей, Ивановной, я вернулся в Москву к матери, в ту же самую комнатушку, в которой она жила. В барак. Устроился на работу, но скоро понял, что квартиру не получу в Москве никогда, надо уезжать. И мы с Люсей уехали в Березники. Там наши хорошие знакомые обещали помочь. А потом в Пермь. Меня пригласили на хорошую должность. Так и осели в Перми.

– Уже, наверное, и дети подошли?

– Да, а как же, и дети подошли.

– Скажите, вот идет ваша жизнь, бытовых проблем и забот хватает, детей надо поднимать. И все это время вы искали отца?

– Да, искал отца. Многие, когда получили справку о реабилитации и свидетельство о смерти, на том все и прекращали. Мол, чего еще искать-то?

*Храм Новомучеников и Исповедников
российских в Бутове. Здесь покоится прах
Иосифа Андреевича Яблошевского
и еще тысяч жертв сталинского
режима.*

– Лев Иосифович, я знаю людей, которые имели возможность ознакомиться в архиве со следственным делом своего отца, но не сделали этого, им не нужно почему-то. У одного дед погиб в годы репрессий. Я спрашиваю: «А вы пытались найти своего деда?» Он отвечает: «А зачем?»

– А затем, что это твоя кровь, родной человек. Если не чувствуешь боль за его страдания, – значит, нет у тебя на земле корней, пустой ты человек. Мне вот судьба отца не давала покоя, я хотел знать, какой он был

человек, как жил, о чем думал...

Я его искал, десятки лет искал. Хотел документы увидеть и прочесть. Хотел найти его могилку. Покоя мне не было. Но ничего не получалось, пока не приехал сюда в Пермь и не пришел в «Мемориал». Пришел со своей просьбой, вы меня сразу навели на мысль, что надо обращаться в международный «Мемориал», в Москву. Сами же с ними и связались. И сказали мне: «Скоро ответят».

– **Нам сразу сообщили, где лежит ваш отец. Но боялись вас раньше времени тревожить.**

– Да, потом из Москвы прислали большую книгу, и в этой книге («Бутовский полигон, 1937-1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий») я нашел: Яблошевский Иосиф

Андреевич. И там краткая его биография, очень коротко. Мы сразу же поехали с женой туда. Так я нашел своего отца...

Примечание. Мемориальный центр «Бутово» создан в 2002 году по инициативе прихожан храма Новомучеников и Исповедников Российских на бывшем Бутовском полигоне с целью координации усилий государственных, религиозных и общественных организаций по созданию мемориального комплекса на месте бывшей спецзоны НКВД-ФСБ «Бутово». Это крупнейшее в Москве и ее окрестностях место захоронений жертв политических репрессий. Известно, что только в период с 8 августа 1937 г. по 19 октября 1938 г. здесь был расстрелян и захоронен 20 761 человек. Это, в первую очередь жители Москвы и Подмосковья.

– А документы удалось посмотреть в Москве?

– Да. Но сначала не хотели выдавать. Тогда архивы на жертв репрессий хранились в ФСБ, и мне там почему-то отказали, сколько ни просил. Потом документы передали в Центральный архив. И вот туда я снова поехал. Смотрю – знакомые лица, а это бывшие ФСБшники, которые служили в том архиве. Уже здесь командуют. Пошел к начальнику. Мне говорят: «Ну, это мы вам дадим, а это нет». Я просил снять копию с архивно-следственного дела и вернуть мне хранившиеся в нем профсоюзный, комсомольский и военный билеты отца. Они долго думали и говорят: «Мы вам дадим только то, что посчитаем нужным». И тогда я их стал пугать. Сказал, если не дадите документы, пойду в «Мемориал», и это предадут огласке, имейте в виду. Странно, но подействовало...

Конечно, копию дела отдали неполную, без страниц, где хранятся доносы. А документы отцовские я получил, да еще его фотографию.

– Получили... и что почувствовали?

– Первое, что ударило в голову, – наконец-то! Я прошел весь путь до конца, добился, нашел! А еще мне очень хотелось показать эти документы маме. Но ее уже не было на свете, умерла в 1995 году, не дождалась...

– Лев Иосифович, вопрос не по теме. Что вы думаете о сегодняшнем дне, о людях?

– Вы знаете, творится что-то неладное. Люди так озлоблены, недовольны, хотя и четверти не пережили того, что нам довелось. Плюс к тому, каждый живет обособленно, сам по себе. Что-то в нас сломали еще в годы репрессий, до сих пор не пришли в себя. Целые поколения вырастают без корней, как пережати поле. Многие начинают жизнь с белого листа, как будто не было прошлого, как будто до них никого не было.

Мне сейчас уже много лет, порой тяжело вспоминать те времена и тем более рассказывать о них. Легче вспоминать хорошее. Но это мне, старому человеку, с которого, можно сказать, кожу сняли в сталинские годы. А как понять этих новых, призывающих забыть реальную историю народа, отказаться от памяти о наших предках? Под это дело некоторые официальные историки даже нашли термин (а точнее, оправдание) – «счастливое забвение». Типа, забудьте и будете счастливы.

– А что, Лев Иосифович, так ведь легче жить. Не ворошишь прошлое, молчишь, не сопротивляешься, плывешь по течению...

– Да, так легче жить. Но смотри – как бы нам не очнуться в новом 37-м году. Очнемся, но будет поздно.

Интервью вел Александр Калих

«ПОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» НКВД 1937-1938 ГГ.

Приказ 00485, ставший стержневым документом «польской операции» НКВД 1937-1938 гг., был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1937 г. (П51/564), 11 августа подписан Ежовым и после этого вместе с закрытым письмом «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР», также предварительно одобренным Сталиным и подписанным Ежовым, был разослан во все местные органы НКВД. «Закрытое письмо» дополняло приказ и в некотором роде обосновывало его.

Тридцатистраничный текст письма, насыщенный именами и фактами, рисовал фантастическую картину деятельности польской разведки на территории СССР на протяжении двадцати лет: эта деятельность направлялась и осуществлялась Польской военной организацией (ПОВ) вместе со Вторым (разведывательным) отделом Польского генштаба; агенты ПОВ с давних пор захватили руководство компартией Польши и польской секцией Коминтерна, проникли во все звенья советского государственного аппарата (включая НКВД, РККА); с их помощью в Союз из Польши под видом политэмигрантов, обмененных политзаключенных и перебежчиков были переброшены

тысячи новых агентов, создавших, в свою очередь, множество шпионско-диверсионных групп...

...Основной задачей органов НКВД, как она была сформулирована в преамбуле к приказу, стала «полная ликвидация незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР».

Соответственно этой версии и перечислялись в приказе шесть намеченных к аресту категорий:

1. «Выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены ПОВ по прилагаемому списку».

Следствие по делу ПОВ интенсивно велось в Центральном аппарате НКВД СССР с конца 1936 г., в конце июля 1937 г. полученные под пытками признательные показания нескольких десятков наиболее видных арестованных... были использованы при составлении как приказа 00485, так и «закрытого письма». Одновременно из тех же показаний были извлечены имена, которые затем вошли в прилагавшийся к приказу список «не разысканных активнейших членов ПОВ».

2. «Все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии».

В основном поляки-военнопленные советско-польской войны 1919-1920 гг. вернулись в Польшу в начале 1920-х гг., но некоторое их число (по предположительной оценке от 1,5 тысяч до 3 тысяч) оставалось в СССР и к середине 1930-х гг.

3. «Перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР».

Экономические, социальные, семейные, а также политические обстоятельства определяли непрерывный на протяжении многих лет поток беженцев из Польши в СССР. Как правило, беженцы относились к беднейшим слоям польского населения... Поиски перебежчиков стали едва ли не главной заботой НКВД в ходе реализации «польского» приказа.

4. «Политэмигранты и политобмененные из Польши».

5. «Бывшие члены ППС и других польских политических партий».

Именно согласно этим пунктам приказа 004485 был уничтожен почти весь рядовой состав польской коммунистической эмиграции в СССР, а также другие польские политические

активисты, в особенности те, кто на каком-то этапе жизни был связан с Польской партией социалистической (ППС), возникшей еще в 1892 г.

6. «Наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов».

Этот пункт фактически предписывал провести аресты в местах компактного проживания поляков. По данным Переписи 1937 г., всего в СССР проживало 636 220 поляков, из них в УССР – 417 613, в БССР – 119 881, в РСФСР – 92 078. На Украине и в Белоруссии более двух третей поляков жили в сельских районах (еще в начале 1930-х гг. здесь действовало более 150 польских сельсоветов). Особенно много поляков проживало в Каменец-Подольской, Житомирской и Винницкой областях Украины. В РСФСР наибольшее число поляков проживало в Ленинградской и Московской областях, а кроме этого в Западной Сибири. С 1936 г. около 36 тысяч (по другим сведениям – 45 тысяч) поляков жили в Казахстане – их выслали туда в результате чистки приграничных с Польшей районов Украины (эта акция по замыслу прямо предшествовала «польской операции» 1937-1938 гг.). Именно в поименованных регионах, а также на Урале, где, по мнению НКВД, осело много перебежчиков, приказ 00485 реализовывался с наибольшей интенсивностью.

Иногда практика обгоняла директивы. Так, с самого начала реализации приказа 00485 на местах стали арестовывать хотя напрямую не упомянутую в приказе, но, кажется, вполне подразумевавшуюся категорию – т.н. консульские связи, то есть советских граждан, контактирующих с польскими дипломатическими представительствами. Между тем специальный приказ на этот счет Ежов отдал лишь в конце октября 1937 г. В нем, среди прочего, предлагалось выявить и подвергнуть немедленному аресту всех советских граждан, связанных с сотрудниками этих представительств (имелись в виду представительства не только Польши, но и Германии, Японии, Италии) и посещающих их на службе или дома. Из иностранных подданных, связанных с диппредставительствами, следовало арестовывать только тех, кто подозревался во враждебной деятельности по отношению к СССР.

Точно так же, вначале исключительно по собственной инициативе (впрочем, соответствующей смыслу приказа 00485), после того, как сравнительно быстро были арестованы учтенные поляки-военнопленные 1919-1920 гг., в отдельных регионах

стали арестовывать оставшихся в СССР поляков-военнопленных первой мировой войны (воевавших в составе польских легионов Пилсудского, германской и австро-венгерской армий), а затем и бывших красноармейцев, побывавших в плену в Польше. В Центральном аппарате НКВД это самопроизвольное возникновение новых категорий не встретило возражений, и в феврале 1938 г. последняя из них даже была легализована, впрочем, в несколько откорректированной форме: репрессиям подлежали бывшие красноармейцы, которые прошли через польские лагеря для военнопленных и не вернулись на родину сразу же после Рижского мира.

В чем же обвиняли арестованных по приказу 00485 – в подавляющем большинстве рядовых крестьян пограничных районов, промышленных рабочих или железнодорожников, никогда не имевших касательства к политике? Одна из целей «закрытого письма» была как раз в том, чтобы предложить «меню» возможных обвинений. Шпионаж во всех областях, особенно в военной, организация диверсий (в том числе и бактериологических), вредительство во всех сферах народного хозяйства, террор (центральный и местный), участие в повстанческих ячейках и подготовка вооруженного восстания на случай войны, антисоветская агитация – все эти направления деятельности польской «шпионско-диверсионной сети» были перечислены в «закрытом письме».

Весь этот уникальный по всеохватности перечень обвинений (в этом смысле с ним не сравнится даже приказ 00447) был активно использован при реализации «польского приказа» и стал образцом для последующих репрессивных операций НКВД 1937-1938 гг. по «нацконтингентам».

Приказ 00485 создавал принципиально новый в практике ОГПУ-НКВД процессуальный порядок осуждения. После окончания следствия на обвиняемого составлялась справка «с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного». Отдельные справки каждые десять дней надлежало собирать и перепечатывать в виде списка, который представлялся на рассмотрение комиссии из двух человек – начальника НКВД–УНКВД и прокурора (отсюда разговорное, в официальной переписке не встречающееся название этого органа – «двойка»). В задачу «двойки» входило отнесение

обвиняемого к одной из двух категорий: первой (расстрел) или второй (заключение на срок от 5 до 10 лет). Затем список отсылался на утверждение в Москву, где его должны были окончательно рассматривать и утверждать Нарком внутренних дел и Генеральный прокурор, то есть Ежов и Вышинский. После этого список возвращался в регион для исполнения приговоров.

Этот порядок осуждения в переписке НКВД вскоре стали называть «альбомным», вероятно, потому, что машинописные списки заполнялись на листах, расположенных горизонтально, сшивались по узкой стороне и внешне напоминали альбом.

На практике на местах, после того как оперативный сотрудник составлял справку, он же, вместе с начальником отделения или отдела, и предлагал меру осуждения. Начальники управлений и прокуроры, которые должны были ставить свои подписи под списками (сформированными по «национальным линиям» – отдельно по польской, отдельно по финской и т. д.), делали это автоматически, обычно порознь, без каких-либо обсуждений или, тем более, обращений к следственным делам.

Нечто сходное происходило и в Москве, куда поступали альбомы. Ни Ежов с Вышинским, ни их заместители М.П. Фриновский и Г.К. Рогинский, также иногда подписывавшие альбомы, в них не заглядывали. Рассмотрение альбомов было поручено нескольким начальникам отделов Центрального аппарата... Все они, судя по многочисленным свидетельствам, относились к этой деятельности как к обременительной дополнительной нагрузке, от которой старались поскорее отделаться. За вечер каждый из них выносил решения по 200-300 справкам. Как правило, они лишь механически одобряли пришедшие с мест предложения, но изредка по каким-то причинам не соглашались с ними и ставили на полях списка пометы – об изменении меры наказания или о передаче дела на следствие либо в судебный орган. Список, с учетом помет, перепечатывался набело, подавался на подпись Ежову, после чего с курьером отправлялся на подпись Вышинскому.

Таким образом, оказывалось, что единственным человеком, реально видевшим следственное дело, был сам следователь, он же, по сути, в большинстве случаев и выносил приговор.

...Первоначально на осуществление «польского» приказа отводилось три месяца – операция должна была начаться 20 августа и закончиться 20 ноября 1937 г. Но срок этот

постоянно продлевался вместе со сроками на проведение других «операций по нацконтингентам» – вначале до 10 декабря, затем до 1 января 1938 г., до 15 апреля и, наконец, до 1 августа 1938 г. Исключение составила Белоруссия, которой было разрешено продлить эти операции до 1 сентября.

Продление каждый раз означало лишь одно: разрешался упрощенный порядок ведения следствия и вынесение приговоров «по альбомам». Однако именно альбомы и оказались камнем преткновения в реализации национальных, в том числе польской, операций. Национальные операции стали главным направлением в деятельности НКВД с января-февраля 1938 г., сменив в этом качестве центральную для осени-зимы 1937 г. операцию по приказу 00447 (по которому к началу 1938 г. уже было осуждено более 500 тысяч человек). Весной 1938 г., когда национальные операции развернулись особенно широко, выяснилось, что Центр не в состоянии оперативно «переваривать» поступающие с мест альбомы. Между отправкой альбома в Москву и получением его назад проходило несколько месяцев. Летом 1938 г. в Центре скопилось альбомов более чем на 100 тысяч человек. С мест сыпались жалобы на перегруженность вследствие этого тюрем, на дороговизну содержания уже фактически приговоренных к расстрелу заключенных и т. п.

Возможно, именно по этой причине 15 сентября 1938 г. Политбюро приняло решение (П64/22) отменить «альбомный порядок» осуждения и создать в каждом регионе специально для вынесения приговоров по «нацконтингентам» (то есть по всем нерассмотренным альбомам) Особые тройки. Персональный состав «троек» не требовал утверждения Политбюро, и в этом было их существенное отличие от «троек», созданных более года назад для осуждения арестованных по приказу 00447, которые к этому времени почти повсеместно прекратили свое существование. Теперь в «тройки» входили исключительно по должности, и только первые лица: местный партийный руководитель, прокурор, начальник НКВД–УНКВД. Решения «троек» не требовали утверждения в Москве и приводились в исполнение немедленно.

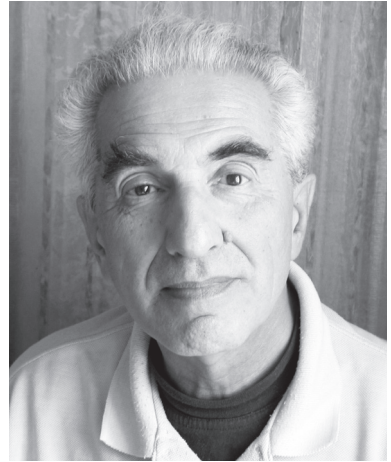
***Н.В. Петров, А.Б. Рогинский
(НИПЦ «Мемориал»)***

***Печатается в сокращении. Полный текст
см. <http://www.memo.ru/history/POLAcy/00485ART.htm>***

«СКАЖИ СПАСИБО, ЧТО НЕ ДАЛИ «ВЫШКУ»...

*1951 год. Виталию 20 лет.
В том году он был
арестован и приговорен
к 25 годам лагерей.*

*Виталий Гарماش
в последние годы жизни.*

Виталий Иванович Гарماش родился 7 октября 1931 года в Мариуполе, в семье военнослужащего. В 1946 году семья переехала в Москву. Окончив московскую среднюю школу, Виталий, с 12 лет писавший стихи, пытался поступить в Литературный институт им. Горького, но принят не был.

В 1951 году В.И. Гармаша, студента Государственного экономического института, арестовали по ложному обвинению в «террористических намерениях в адрес руководителей партии и правительства» и по приговору Военного трибунала на 25 лет отправили в Казахстан, в Степлаг – один из двенадцати специальных режимных лагерей для «наиболее опасных государственных преступников».

После пересмотра в 1955 году его дела и полной реабилитации Виталий окончил Московский экономико-статистический институт, работал в различных учреждениях. И, конечно, писал стихи. Его поэтические строчки наполнены памятью о лагерном прошлом, о пережитом в нелегкой молодости.

Скончался Виталий Иванович в 2007 году.

Виталий Гармаш

МОЙ ОТВЕТ

Меня давили танками в Кенгире,
На руднике вбивали в аммонал,
Статьи и сроки, тяжкие, как гири,
Мне вешали ОСО и трибунал.

И вот теперь с начальственной одышкой
Мне говорят ненужные слова:
«Скажи спасибо, что не дали «вышку»,
Что целы руки, ноги, голова».

Спасибо всем, великим сим и малым,
Стоявшим у стола и у ствола,
За белые лубянские подвалы,
Отмытые от крови добела.

Спасибо всем, и буйным, и смиренным,
Крутившим нас в лубянском колесе,
И пусть они до пятого колена
Подохнут на запретной полосе.

ЛУБЯНКА – ЛЕФОРТОВО

Вопросы, вопросы, вопросы –
Зачем, почему и в связи...
Кружатся колеса допросов
Вкруг жуткой лубянской оси.

Вопросы, как гвозди Голгофы,
Пробили все ночи и дни...
И даже лубянские «профи»
Не знают ответа на них.

МЕДНЫЕ РУДНИКИ

День без конца и без начала,
Конвой запутался в делах
С бумажками от трибунала
И направленьями в Степлаг.

Вагон столыпинский и тряска,
Челябинск и Караганда,
А дальше степь... И так до Спасска,
А там не ходят поезда.

И ни кредитов, ни авансов,
Ни смелость, ни животный страх,
А степь накатана до глянца
Машинами в спецномерах.

Туда – зэка, уран – обратно
Без разговоров, пересуд.
В счастливый путь... И всем понятно –
Обратно зэков не везут.

Даруют древние курганы
Им ослепительные сны,
И никакой другой охраны,
Помимо вечной тишины.

ПИСЬМО

О чем вам написать? У нас в такие ночи
Так яростно гудят ветра из дальних стран,
Как будто до сих пор за окнами грохочет
Безумствами волны архейский океан.

Века бегут, как сны. Их бег не остановишь
Шеренгами цитат, ценой разбитых лбов.
Земля еще полна невиданных чудовищ,
И рушится гранит от скрежета зубов.

И вот теперь нас власть зовет
мириться –
Кому и с кем, начальству все равно...
Мне жаль страну, где прощены
убийцы
И каждый пятый с ними заодно.

ТЮРЬМА НКВД №2:

ИСТОРИЯ В СУДЬБАХ

Просветительский центр «История тюрьмы НКВД № 2» развернул свои экспозиции в хозяйственных помещениях Пермского театра кукол. Эти стены из красного кирпича сохранились еще с девятнадцатого века. Когда-то здесь был губернский пересыльный замок. Потом, в 30-50 годы двадцатого столетия, в застенках сталинской охраны томились сотни жителей Прикамья – те, кого называли «политическими».

Есть что-то сюрреалистическое во всем этом: в двадцати шагах от бывших тюремных камер, в соседнем здании, разместился большой зал Театра кукол. Прошлое и настоящее создали странную, тревожащую душу смесь. Воистину, историю ощущаешь здесь как «материальную силу».

Возможно, просветительский центр когда-нибудь станет музеем. Но его основателям пока некогда думать об этом. За два года своей работы центр принял сотни посетителей. Среди них – школьники и студенты, активисты общественных организаций, родственники тех, кто начинал свой страдальческий путь в камерах бывшей тюрьмы, представители власти, зарубежные делегации. В летние месяцы здесь работают международные молодежные волонтерские лагеря. К нам приезжают юноши и девушки из разных регионов России, из Германии, Польши, Канады и других стран. С помощью волонтеров реставрирована внешняя стена бывшей тюрьмы, построена площадка памяти жертв политических репрессий, выполнены многие другие работы. Участники волонтерских лагерей организуют дискуссии, посещают исторические места Прикамья, помогают престарелым и больным жертвам репрессий.

Созданная здесь экспозиция называется просто: «Не забудьте нас!» Она рассказывает не только об истории тюрьмы НКВД, но, в первую очередь, о судьбах наших земляков, страдавших в ее застенках, об истории политических репрессий в стране и регионе. Юные зрители понимают, что речь идет не о давних и чужих событиях, а о людях, живших в том же городе, возможно, на соседней улице. О судьбах, кровно соприкасающихся с ними, об известных и сотнях неизвестных наших земляков, ушедших отсюда в лагеря и тюрьмы ГУЛАГа, на казнь, на смерть.

...Родители, приводящие сюда своих малышей, часто спрашивают у художественного руководителя театра Игоря Тернавского: «Ощущается ли тяжелое прошлое в атмосфере кукольного дома?» «Нет, не ощущается, – отвечает Игорь Нисонович. – Наоборот, у этого здания – светлая аура, ведь здесь сидели лучшие, самые чистые и невинные люди...».

О некоторых героях нашей экспозиции в Просветительском центре мы рассказываем в этой главе Книги памяти.

ИСТОРИЯ ТЮРЬМЫ: ДАТЫ И ФАКТЫ

- В 1871 году на Сибирском тракте за городской заставой был построен губернский пересыльный замок (пересыльная тюрьма).

- После октябрьского переворота 1917 года пересыльный замок переименовали в Пермский исправтруддом № 2.

- После 1934 года исправтруддом стал именоваться тюрьмой НКВД № 2. Через эту тюрьму прошли сотни жителей Перми и области, ставшие жертвами политических репрессий сталинского режима.

- Тюрьма НКВД № 2 занимала территорию, ныне ограниченную улицами Сибирской, 1-й Красноармейской, Полины Осипенко и Газеты «Звезда» (Свердловский район г. Перми).

- В годы Великой Отечественной войны на базе тюрьмы действовала промколония № 1. заключенные выпускали противопехотные мины и различное снаряжение для фронта.

- По воспоминаниям бывших заключенных здесь некоторое время размещалась одна из пермских «шарашек» – секретное конструкторское бюро, в котором работали известные ученые и конструкторы – узники ГУЛАГа. Благодаря их труду, были созданы знаменитые пермские противотанковые пушки, сыгравшие огромную роль в обеспечении победы над фашизмом.

- В 1953 году тюрьма была закрыта. Основное здание кардинально перестроено. С 1956 года здесь действовал сначала Театр юного зрителя, а затем Театр кукол.

«АННУШКУ» СОЗДАВАЛИ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

*Профессор
М.Ю. Цирульников.*

Цирульников Михаил Юрьевич – кандидат технических наук (1946), профессор (1967). Автор более 200 печатных работ. Родился 19 сентября 1907 года в г. Корсунь Киевской губернии. В 1932 году окончил Ленинградскую Военно-техническую академию Красной Армии.

В 1937 году посадили его брата Давида. В июле 1938 года как брат «врага народа» арестован и Михаил. Особое совещание 23.04.1939 г. НКВД СССР определило ему 8 лет исправительно-

трудовых лагерей (ИТЛ). Цирульникова направили в Особое техническое бюро (ОТБ) при Управлении НКВД по Ленинградской области – известную «шарашку» в тюрьме «Кресты».

«Честно сказать, – размышлял позднее Цирульников, – не знали мы тогда об истинных масштабах трагедии. Разве что догадывались – ведь вместе со мной сидели авиаконструктор А.А. Архангельский, академики и профессора (позже узнал, что в здешнем КБ Туполева работал и С.П. Королев)...» В 1942 году заключенные прибыли в Молотов. Ученые-заключенные были первоначально размещены в промколонии № 1. Службы и цеха этой промколонии действовали на базе тюрьмы НКВД № 2. Позже пермской «шарашке» подыскали небольшой двухэтажный домик на улице Ким, 41.

Михаил Юрьевич был руководителем проектов, разрабатываемых ОКБ-172. Разработанная заключенными 45-мм противотанковая пушка была принята на вооружение Красной Армии. Фронтовики называли её «сорокопяткой», а ещё «Аннушкой». 76-мм пушка образца 1943 г. во многом определила исход сражения на Курской дуге и прослужила верой и правдой до конца войны.

19 июня 1943 года по ходатайству наркома вооружения Д.Ф. Устинова М.Ю. Цирульников был досрочно освобожден

(другие конструкторы остались в заключении), но не реабилитирован.

В послевоенный период под руководством М.Ю. Цирульникова были разработаны более двадцати опытных образцов и баллистических установок самых различных классов артиллерии: полевой, танковой, самоходной, горной, зенитной и других.

26 декабря 1955 года Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР на СКБ-172 Пермского машиностроительного завода имени В.И. Ленина (гл. конструктор М.Ю. Цирульников) были возложены работы по созданию образцов ракетной техники.

В 1968-1990 годах М.Ю. Цирульников – в Пермском политехническом институте (ныне Пермский государственный технический университет): доцент, заведующий кафедрой, директор – главный конструктор ОКБ «Темп», профессор-консультант.

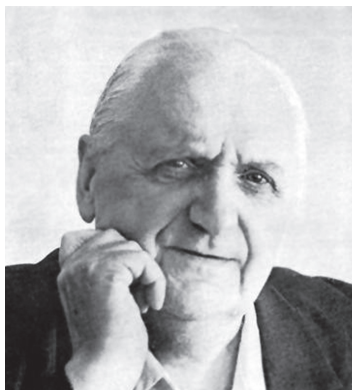
Умер в 6 декабря 1990 года, похоронен в Перми. Награжден орденами Октябрьской Революции (1977), Трудового Красного Знамени (1963), Отечественной войны (1945), Красной Звезды (1944), медалями. Лауреат Государственной премии СССР (1946).

45-мм противотанковая пушка («Аннушка») была спроектирована под руководством М.Ю. Цирульникова.

ЖАЖДА ТВОРЧЕСТВА

Из следственного дела Правдина Льва Николаевича:

Родился в 1905 г.; русский; б/п; журналист, писатель. Арестован 9 января 1938 г. Приговорен: 11 июня 1940 г., 8 лет ИТЛ. После выхода на свободу проживал: Пермская обл., с. В. Муллы. В декабре 1948 г. вновь арестован. Особым совещанием при МГБ СССР 17.12.1949 г. сослан на поселение в Сибирь. Реабилитирован в июле 1989 г.

*Писатель
Лев Николаевич Правдин.*

Правдин Лев Николаевич (03.07.1905-15.08.2003) – известный российский писатель-прозаик, журналист. С 1924 по 1991 год в Москве, Перми и Самаре вышло более 30 его книг. Член Союза писателей, заслуженный работник культуры России.

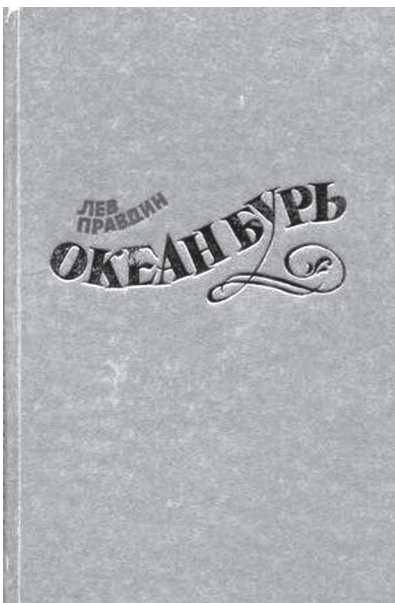
Отец и мать были большими книголюбями. Мать увлекалась театром и много играла в любительских спектаклях, а позже и на профессиональной сцене. Поэтому детство прошло в богатой творческой атмосфере и художественные наклонности у Льва Правдина проявились довольно рано. В 1922 году Лев Николаевич оказывается в Оренбурге, где учится в педагогическом техникуме. Вопреки желанию отца, он не пошел по стезе учительства, хотя и довелось поработать учителем рисования.

Литературное начало взяло свое, и он уходит в газету «Комсомолец». Сотрудничает в прессе Самары, Ульяновска, Оренбурга – пишет очерки, фельетоны, рецензии, стихи, рассказы, повести. В 1924 году в Самаре выходит в свет первое литературное творение писателя – одноактная пьеса «Обновил». В 1934 году одним из первых принят в созданный Горьким Союз писателей СССР. В 1935 г. поступил в Московский Литературный институт имени А.М. Горького. В 1936 году написан первый роман «Счастливые дороги».

В 1937 году все куйбышевские поэты и прозаики были арестованы как члены «антисоветской террористической организации»,

главным в которой объявили Артема Веселого, друга Льва Правдина. Лев Правдин тоже был арестован по ложному обвинению – якобы он должен был к Первомайской демонстрации приехать в Москву, пройти с демонстрантами мимо мавзолея, бросить на трибуну букет цветов с замаскированной внутри бомбой и убить Вячеслава Михайловича Молотова.

Артема Веселого и Виктора Багрова расстреляли. Правдина тоже приговорили к «вышке» как террориста. Однако в НКВД произошла очередная смена руководства,

Повести и романы Л.Н. Правдина.

уголовное дело пересмотрели и расстрельный приговор Правдину заменили на восемь лет лагерей.

Освободился в 1947 году. Приехал в Пермь, куда в ту пору перебралась его мать Зинаида Ивановна Правдина. Права прописки в больших городах он был лишен и числился живущим в Верхних Муллах.

В декабре 1948-го Льва Николаевича вновь арестовали. Отправили в ссылку, в Сибирь. После смерти Сталина репрессированных стали потихоньку выпускать. В 1954 году пришла очередь Л.Н. Правдина. С 1955 г. живет и работает в Перми художником, редактором Пермского (Молотовского) книжного издательства. В 1955 году вышел роман Льва Правдина «На Севере диком», ставший первой частью будущего романа «Область личного счастья». В 60-70 годы вышли такие замечательные произведения Льва Правдина, как «Берендеево царство», «Бухта Анфиса», «Добро и зло», «Море Ясности» и многие другие, на которых не одно поколение россиян училось гражданственности и нравственности.

6 июля 2004 года в Ленинском районе города Перми по адресу улица Борчанинова, дом 14 открыта мемориальная доска писателю Льву Николаевичу Правдину. Автор – пермский скульптор Василий Буторин.

ЖДАЛИ, ВЕРИЛИ, НАДЕЯЛИСЬ

*Хрипунов
Георгий Васильевич*

***Вспоминает Эльвина
Георгиевна Тихомирова,
дочь Георгия Васильевича
Хрипунова:***

Открылась дверь, вышел человек в военном, сзади – мой отец. Он шел, почему-то руки назад. Я прижалась к стене. Он шел всё боком, боком, видимо, чтоб подольше видеть меня. Шел и улыбался, как будто что-то мне говорит. Я до сих пор вижу эту улыбку, он мне её посылал, последнюю.

И всё. Его увели, последние шаги смолкли. Мать ни разу не смогла передать ему письмо или что-то из вещей. Сообщили – десять лет без права переписки. И больше мы никогда его не видели.

Примечание: под приговором «10 лет без права переписки» подразумевался расстрел. Но семьи репрессированных многие годы не знали об этом, никто не торопился информировать их об истинном смысле такого приговора. Тысячи жен и детей десятилетиями ждали своих близких, верили в скорую встречу. Но так и не дождались.

ПОПЫТАЛСЯ ВЫРВАТЬСЯ...

Из следственного дела

Гольшев Александр Яковлевич

1896 г. рождения; член ВКП(б) с 1919 г.; служащий, бывш. первый секретарь Пермского ГК ВКП(б); образов. незаконченное высшее, педагог; жена, две дочери и сын; арестован 3.05.1937 г. Пермским ГО НКВД; осужден 4.08.1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР; приговор – терроризм, АСД (антисоветская деятельность), высшая мера наказания, конфискация имущества; дата смерти – 4.08.1937 г.; реабилитирован.

Из следственного дела

Побережский Иосиф Израилевич

1897 года рождения; место рождения: Украинская ССР, г. Елизаветград; еврей; член ВКП(б); в 1928 окончил Военно-воздушную академию им. Жуковского; с марта 1934 г. директор Пермского з-да №19; арестован 04.03.1938 г.; осужден 29.07.1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР; обвинение – шпионаж; приговор – высшая мера наказания (расстрел); дата смерти – 29.07.1938 г.; реабилитирован.

Из воспоминаний Наны Кирилловны Кашлявик: «В тюрьме мне рассказали, как привели сюда арестованного секретаря Пермского горкома РКП(б) А.Я. Гольшева. Охранники пытались втолкнуть его в камеру, но, увидев происходящее, Гольшев раскидал их, попытался вырваться на свободу. Его избили и все-таки втолкнули в камеру. Он пробыл

Фото из газеты «Большевицкая смена», 10 октября 1935 года. Секретарь Пермского горкома РКП(б) А.Я. Голышев (в центре) и первый директор завода № 19 (затем моторостроительный завод имени Сталина, затем имени Свердлова и так далее) Иосиф Побережский на встрече со стахановцами Перми.

здесь около трех месяцев. Потом был суд. И в тот же день его расстреляли».

х х х

Справка. В 1937-1938 гг. было уничтожено руководство и технический персонал большинства крупнейших предприятий Перми. В числе жертв «большого террора» – Иосиф Израилевич Побережский. Сохранилась совершенно секретная «Записка Н.И. Ежова И.В. Сталину с приложением списка лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР, 26 июля 1938 г.». В списке названы имена 139 человек, в их числе – И.И. Побережский. На первом листе имеется рукописная резолюция: «За расстрел всех 138 человек. И.В. Ст., В. Молотов». Одна фамилия вычеркнута рукой Сталина – маршала Советского Союза Александра Ильича Егорова. Благодаря этому он прожил еще полгода, но затем был расстрелян.

«Я БЫЛА ПОРАЖЕНА ИХ СТОЙКОСТЬЮ, МУЖЕСТВОМ...»

Из следственного дела

Ничиперович Александр Фабиянович

1900 г. рождения; до ареста проживал в пос. Сергеевском Косинского р-на Пермской обл.; поляк; беспартийный; фельдшер; трудопоселенец; раскулачен, выслан в Пермскую обл. из Минской обл., Стародорожский р-н; жена, две дочери, три сына; арестован 25.10 1937 г. районным отделом НКВД с. Коса; осужден 26.12 1937 г.; шпионаж; приговор – высшая мера наказания; дата смерти 7.01.1938 г.; реабилитирован.

В этом архивно-следственном деле хранятся письма родственников в различные областные инстанции с просьбой вернуть честное имя главе большой семьи Ничиперовичей. Письмо Сабины Иосифовны, жены Александра Фабияновича, направленное начальнику областной милиции, датировано 9 августа 1956 года. Никакого ответа Сабина Иосифовна тогда не получила. А ведь она спрашивала лишь, куда исчез ее муж, жив ли он. Правду о судьбе А.Ф. Ничиперовича семья узнала лишь в 1991 году после обращения сына, Александра Александровича, в областное управление КГБ.

В официальном ответе, в частности, говорилось:

«Ваш отец Ничиперович Александр Фабиянович 1900 года рождения арестован 25 октября 1937 года. До ареста работал фельдшером пос. Сергеевский Косинского района. Постановлением Наркома внутренних дел и Прокурора СССР от 26 декабря 1937 года якобы за причастность к польской разведке осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 7 января 1938 года в г. Свердловске. Место захоронения не установлено из-за отсутствия документов. Одно из мест захоронения репрессированных находится на 12 км шоссе Свердловск-Москва.

Определением Военной Коллегии Верховного суда СССР № 4н-081 от 23 апреля 1957 года Ничиперович А.Ф. посмертно реабилитирован, уголовное дело на него прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления...»

657
107
107
Начальнику обл. милиции г. Молотов
Молотовской области
Н-60
18.VII.56 г. г-ни Ничиперовича Сабина
Иосифовна
Сергеевский район
Гайнского р-на Молотов. обл.
Заявление
В 1937 году в октябре месяце
мой муж Ничиперович Александр
Фабиянович был якобы райздравом
с. Коса вызван, а фактически по
прибытию в райздрав с. Коса был
арестован. С тех пор я не знаю
за что? и куда? через мой муж
убедительно прошу вас оказать мне
помощь по существу моего заявления
и сообщить, жив ли мой муж и
за что он был арестован.
Иосифовна Сабина

Начальнику обл. милиции г. Молотов
Молотовской области
от гражданки Ничиперович Сабина Иосифовны,
проживающей в пос. Сергеевский
Гайнского района Молотовской обл.

Заявление

В 1937 году в октябре месяце мой муж Ничиперович Александр Фабиянович был якобы райздравом с. Коса вызван, а фактически по прибытию в райздрав был арестован. С тех пор я не знаю, за что? И куда исчез мой муж. Убедительно прошу вас оказать мне помощь по существу моего заявления и сообщить, жив ли мой муж и за что был арестован.

Подпись С.И. Ничиперович

9.07.1956 г.

Заявление Сабина Иосифовны Ничиперович от 9 июля 1956 года.

Из исследовательской работы ученицы 11 класса Сергеевской средней школы Галины Тиуновой (2002 год):

«Ознакомившись с биографиями членов большой семьи Ничиперовичей, я была поражена их стойкостью, мужеством, которые они проявили в те страшные дни... Я предложила им ответить на вопросы маленькой анкеты. На первый вопрос «Не испытываете ли вы злости за то, что оказались здесь?» все они ответили отрицательно. Оказывается, они даже благодарны судьбе за то, что оказались в наших краях...

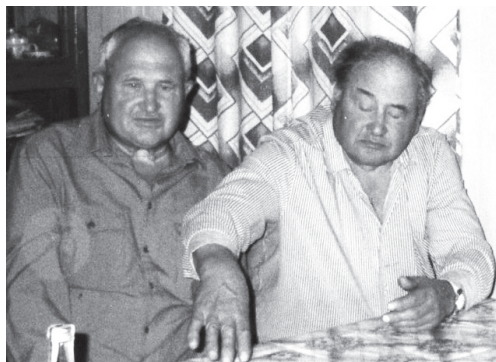
На следующий вопрос «Что для вас родина – Белоруссия или Россия?» семья Ничиперовичей ответила не столь солидарно: Александр Александрович и Анна Александровна ответили, что родиной для них является СССР, а для Геннадия Александровича и Полины Александровны – Россия. Геннадий и Полина сказали, что, несмотря на все, что выстрадала семья, они полюбили эти места, здесь они выросли, получили образование, укоренились».

Как сложились их судьбы?

Отец Александр Фабиянович был расстрелян в начале января 1938 года. И только в 1991 году пришел официальный ответ,

Сабина Иосифовна (в центре).

Старшие сыновья Геннадий и Александр.

Анна.

в котором признавалось, что приговор против него был полностью сфальсифицирован.

Мать, Сабину Иосифовну, после ареста мужа направили на лесоповал, где за 2 месяца непосильного труда она стала инвалидом. Умерла в 1971 году.

Старшим сыновьям Геннадию и Александру пришлось бросить школу и работать в лесу. Геннадий прошел Великую Отечественную войну, получил 9 боевых наград, участвовал в параде Победы в Москве. Вернулся в Сергеевский. Работал мастером лесозаготовок. Александр закончил лесной техникум, работал начальником лесопункта. Полина стала учителем начальных классов, работала директором школы. Анна тоже закончила лесотехникум, работала по специальности, затем преподавала в школе, работала библиотекарем.

Альберт Александрович стал известным журналистом. Закончил Пермский госуниверситет, многие годы работал в областной газете «Звезда», прошел путь от рядового корреспондента до заместителя главного редактора.

Полина.

Альберт в годы работы в газете «Звезда»

НАС НАЗЫВАЛИ «КОНТРИКАМИ»

Из следственного дела

Мельников Герман Васильевич

Год рождения –1908; место рождения с. Веретия, Ворошиловский р-н, Пермская обл.; русский, беспартийный, образование незаконченное среднее (7 кл.); гл. бухгалтер калийного рудника; жена, 2 сына; арест 14.07.1941 г. РО НКВД г. Березники; обвинение – АСА; осужден 28.11.1941 г.; приговор – 10 лет лишения свободы; реабилитирован.

Из воспоминаний Г. В. Мельникова:

// Годы террора: [Книга памяти жертв политических репрессий Пермской области]. Ч.2: Воспоминания /– Пермь, 2000.

В столыпинском вагоне 30 декабря 1941 года мы прибыли в Пермь.

Вечером того же дня нас со Старцевым вызвали в комендатуру пересыльной тюрьмы, где заседала комиссия по распределению прибывших заключенных на работу в промколонию № 1 (тюрьма НКВД № 2) г. Перми. Расспросив нас о работе до ареста, главный бухгалтер сказал, что он берет меня и Старцева в бухгалтерию колонии.

Каково было мое удивление, когда нарядчик 2 января привел меня в строительный отдел колонии! За чертежными досками стояли, сидели знакомые люди: например, Леонид Петрович Липатов (до ареста он работал начальником Краснокамской строительной конторы треста «Севуралтяжстрой») и другие знакомые, прошедшие по краснокамскому групповому делу.

Промколония № 1 НКВД организовалась на базе бывшей царской этапной тюрьмы. До войны территория тюрьмы расширилась и ограничивалась кварталами: ул. К. Маркса, П. Осипенко, Газеты «Звезда» и Красноармейской. За пределами кирпичных стен были построены два бревенчатых цеха по производству резных гвоздей. Когда началась война с фашистской Германией, в промколонии построили литейный цех, механический, инструментальный, деревообрабатывающий, два жилых дома, а также перестроили главный корпус.

Во время войны мы, ИТР (лагерные придурки), работали по 11 часов. Хлебный паек для бухгалтеров был установлен

660 граммов в сутки. Кроме того, утром каждый заключенный получал 100 граммов соленой рыбы (камбала, килька, сельдь и др.) и кашу – сечку из ячменя. В обед – суп (баланда) и разные каши: сечка, просо, горох. Вечером на ужин – каша-сечка. В 1942-1943 гг. всегда хотелось есть. Мы очень мало знали о делах на фронте, о положении жителей блокадного Ленинграда.

Мы считались «контриками», врагами народа, но в колонии в войну об этом не думали. Первой задачей всех, в том числе и «контриков», была борьба с фашистами.

Портрет Г.В. Мельникова не найден.

«Я ПОНЯЛА, ЧТО ОСТАЛАСЬ ОДНА...»

Из следственного дела

Галанинский Петр Федорович

1900 года рождения; место рождения г. Городец Горьковской обл.; русский; беспартийный; служащий; образование – среднее специальное; начальник заготконторы Камского речного пароходства; жена, дочь; арест 27.08.1937 г. ОП6 отд. НКВД г. Пермь по обвинению – вредительство, АСД; осужден 17.01.1938 г.; приговор – вредительство, терроризм, АСД; ВМН, конфискация имущества; дата смерти – 17.01.1938 г. Реабилитирован посмертно.

Нонна Петровна Потапова, в недавнем прошлом – преподаватель филологического факультета Пермского государственного университета, кандидат филологических наук. Она сумела преодолеть невзгоды одинокого детства. Далеко не всем детям, оставшимся без родителей в годы репрессий, удавалось пробыть, получить образование.

Из следственного дела

Галанинская Юлия Константиновна

1901 года рождения; место рождения пос. Камбарка, Камбарский р-н Удмуртской АССР; русская;

*Петр Федорович Галанинский,
отец Нонны Петровны.*

беспартийная; муж, дочь; арест 29.09.1937 г. по обвинению КРПО, терроризм, вредительство; осуждена 10.04.1938 г.; приговор – 8 лет лишения свободы; реабилитирована.

***Из воспоминаний дочери –
Нонны Петровны
Потаповой:***

Я родилась 24 апреля 1928 года в г. Перми. Отец, Петр Федорович Галанинский, расстрелян в январе 1938 года. Мать, Юлия Константиновна, провела в сталинских лагерях 8 лет.

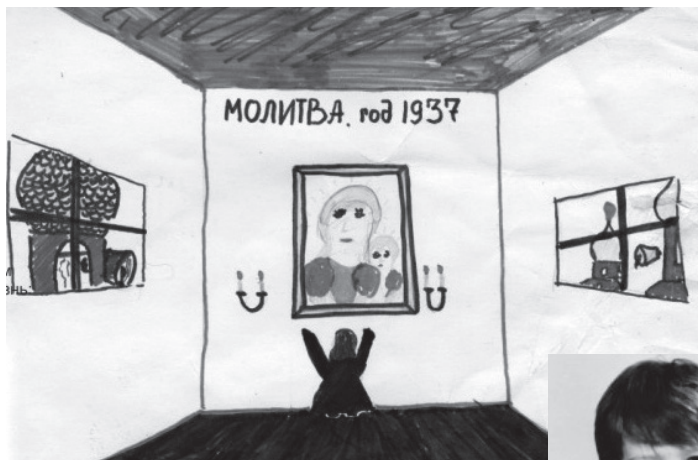
Мама окончила епархиальное училище в Перми. Работала учителем младших классов. Сначала в Карагае, а потом в Перми и в Нижней Курье. Там был судоремонтный завод и при нем школа. Папа, Петр Федорович Галанинский, приехал туда работать техником после окончания речного училища. Его все называли инженером.

СПРАВКА **СЕКРЕТНО**

Приговор о расстреле Галанинского
Петра Федоровича приведен в исполнение в гор. Свердловск 14 I 1958 г.
Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве I-го Спецотдела НКВД СССР том № 10
лист № 344

НАЧ. I2 ОТД-НИЯ I СПЕЦИОТДЕЛА НКВД СССР
Лейтенант госбезопасности *[подпись]* (КРИВИЦКИЙ)

Справка о расстреле отца.

Свой рисунок внук Нонны Петровны Миша назвал «Молитва». Это был переломный 1991 год. Мише 12 лет.

Меня очень любили. И я очень любила родителей. Помню очень хорошо папу – высокого, стройного. Тогда все ходили в белых костюмах, у него тоже был белый костюм, белая сорочка. Во дворе не было девочек, только ребята, я с ними играла. Двор был огромный, весь усеянный ромашками и цветами. Из этого двора папу и увели.

Я не слышала разговоры, которые вели старшие. Но когда я приехала в свой двор, то мальчишки сказали мне, что отца увели под пистолетом. Мама стала наводить справки. Папу арестовали и держали в НКВД Камского речного и железнодорожного транспорта. Мама добилась, чтобы ей дали свидание. Мы пришли вместе. Я очень хорошо помню комнату, в которой свидание происходило. Папа очень изменился. Всегда худощавый, он как будто пополнил. Я думаю, что его били, и он опух. Свидание длилось около получаса.

Что происходило, я мало что понимала. Мне только что исполнилось 9 лет. Это было в начале сентября 1937 года, а 29 сентября арестовали маму. Я спала, и меня спящую перенесли к соседям.

Помню момент, когда я поняла, что осталась одна. Мне было страшно.

ПЕРМСКИЕ «ШАРАШКИ»

Сергей Шевырин, историк

С началом войны в Молотовскую область было эвакуировано 124 промышленных предприятия. Среди них было немало военных, которые часто размещались на территории уже существовавших в Перми (тогда Молотове) военных заводов. Например, на производственных площадях завода им. Кирова разместились 5 эвакуированных пороховых предприятий¹. С предприятиями эвакуировались рабочие и инженеры, технические и конструкторские бюро. В их числе было как минимум два особых бюро, в которых работали заключенные, в большинстве своем «враги народа». Это были осужденные по 58-й статье УК ученые-изобретатели. Осенью 1941 года из-под Москвы (Болшево) было эвакуировано Особое техническое бюро (ОТБ) НКВД при научно-исследовательском институте промышленности боеприпасов, а из ленинградских «Крестов» – артиллерийское Особое конструкторское бюро (ОКБ) № 172. На языке ГУЛАГа это были спецтюрьмы с контингентом 150 человек при заводе № 172 (пушечный) и 20 человек при заводе № 98 (взрывчатые вещества)². По воспоминаниям ученых, прошедших через эти спецтюрьмы, первая была размещена сначала в тюрьме НКВД № 2, а затем «на одной из боковых тихоньких улочек... в Мотовилихинском районе»³ (в книге «История промышленности Пермского края. XX век», Пермь, 2006. С. 232, приводится точный адрес – ул. Ким, 41). Вторая действовала в Закамске при Кировском заводе⁴.

Особое техническое бюро при Кировском заводе возглавлял А.С. Бакаев. Под его руководством трудились талантливые инженеры-химики – Д.И. Гальперин, А.Э. Спорюс, Б.И. Пашков, В.А. Лясоцкий, Ф.М. Хритинин и другие⁵. За годы войны они разработали новые высокоэффективные сорта пороха, новую

¹ Степанов М.И. Оборонный комплекс Западного Урала. // И помнит мир спасенный... (Материалы научно-практической конференции 27 апреля 2005 г.) – Пермь, 2005. – С. 20.

² ГАНИ ПК. Ф. Р-1366. Оп.1. Д.651. Л.23.

³ Воспоминания Фомченко С.И. Материалы к истории ОКБ-172. // Вестник Мемориала. № 6. – СПб., 2001. – С. 64.

⁴ Д.И. Гальперин. Ученый. Учитель. Патриот. – Пермь, 2003. – С. 12-13.

⁵ История промышленности Пермского края. XX век. – Пермь, 2006. – С. 254-255.

технологии производства зарядов к «Катюшам», организовали производство взрывчатых веществ (коллоксилина) на Краснокамском бумкомбинате¹. Благодаря ученым-химикам из ОТБ НКВД Кировский завод в годы войны стал основным поставщиком порохов в стране². В 1943 году часть изобретателей была досрочно освобождена и награждена орденами и медалями.

Особое конструкторское бюро из Ленинграда первоначально планировалось эвакуировать в Казань. Вероятно, предполагалось слияние с Зеленодольским ОТБ. 21 июля 1941 года этап заключенных был отправлен в Казань, но из-за военной неразберихи оказался в Томске³. И только в июле 1942 года инженеры-конструкторы прибыли в Молотов. В Государственном архиве новейшей истории Пермского края сохранился протокол заседания бюро Сталинского районного комитета партии г. Молотов (современный Свердловский район Перми), на котором рассматривался вопрос о возможности создания партячейки при спецтюреме, прибывшей из Томска⁴. Ведущим конструктором этого КБ был М.Ю. Цирульников, осужденный Особым совещанием НКВД по 58-й статье к 8 годам заключения.

На пушечном заводе в Мотовилихе существовало свое опытно-конструкторское бюро под руководством главного конструктора С.П. Гуренко. Но, судя по заявлению коллектива конструкторов этого бюро, начиная с 1940 года «...бюро работает без малейшей отдачи... За указанный период времени бюро не внедрило на валовое производство ни одного своего нового образца артиллерийских машин. ...Большинство остальных машин 1941-1942 г. либо не выдержали испытаний, либо их отладка затягивалась на долгие годы, ввиду чего они теряли свою актуальность, что приводило их так же в архив или на склад»⁵. Под заявлением подписалось 13 конструкторов. Появление еще одного КБ на заводе оживило научную мысль и внесло элемент соревнования между конструкторами. Так, разработку 45-мм противотанковой пушки поручили сразу нескольким КБ. ОКБ Мотовилихинского завода предложило вариант М-6, эвакуированное ОКБ – М-42. При испытаниях выстрел из

¹ Д.И. Гальперин. Ученый. Учитель. Патриот. – Пермь, 2003. – С. 12-13.

² Плюснина О.М., Степанов М.Н. Военно-промышленный комплекс Западного Урала. // Бессмертный подвиг народа. – Пермь, 2000. – С. 20.

³ Крук Н.С. Орудия победы. // Вестник Мемориала. № 6. – СПб., 2001. – С. 50.

⁴ ГАНИ ПК. Ф. 231. Оп.1. Д. 123. Л.28.

⁵ ГАНИ ПК. Ф. 889. Оп.1. Д.413. Л. 2-3.

М-42 оказался кучнее¹; т.е. вариант, предложенный заключенными, был лучше.

То же было и с проектом увеличения мощности 152-мм пушки МЛ-20. В отчете начальника ОКБ Мотовилихинского завода их неудача в основном объясняется тем, что конструктор, которому было поручено вести разработку, уехал в дом отдыха, и «работа остановилась»². В докладе на партсобрании «Итоги работы опытно-конструкторского бюро за 1943 г. и задачи, поставленные наркомом перед конструкторами на 1944 г.» главный инженер завода Гуренко привел еще несколько факторов, снижающих эффективность их работы. В частности, он отметил, что их опытные образцы изготавливаются в последнюю очередь, тогда как образцы ОКБ-172 – в первую, а связано это с тем, что разработки ОКБ-172 «делались по приказу Наркома»³ (имеется в виду нарком внутренних дел Берия).

Попытки руководства заводского КБ вести совместные разработки с ОКБ-172 пресекались: «С предложением о совместной работе я (Гуренко) направился в ОКБ-172 к тов. Самарскому (зам. начальника ОКБ), но последний наотрез отказался... Я целых три часа просидел в ОКБ-172, уговаривая Самарского, но ничего не добился. Надо отдать должное тов. Цирульникову, он сразу принял мою сторону, но его т. Самарский через некоторое время выслал в другую комнату»⁴. Отказ подтвердил и начальник ОКБ-172 полковник НКВД Иванов.

На счету лагерной «шарашки» ОКБ-172 – разработка пехотной противотанковой пушки М-42 («Аннушки»), модернизация гаубицы-пушки 152-мм МЛ-20 (позже использовалась в самоходке ИСУ-152), разработка 122-мм самоходки повышенной мощности М-22⁵, 76-мм дивизионной пушки БЛ-14, 85-мм противотанковой пушки БЛ-19⁶ и других.

За годы войны Мотовилихинским заводом было выпущено 48,6 тысяч пушек, т.е. каждая четвертая, произведенная в стране⁷. Многие из них были разработаны заключенными инженерами.

¹ ГАНИ ПК. Ф. 889. Оп.1. Д.413. Л. 13.

² Там же. Л.17.

³ ГАНИ ПК. Ф.889. Оп.1. Д.473. Л.24.

⁴ ГАНИ ПК. Ф.889. Оп.1. Д.473. Л.9.

⁵ ГАНИ ПК. Ф.889. Оп.1. Д.413. Л. 17–19.

⁶ Крук Н.С. Орудия победы. // Вестник Мемориала. № 6. – СПб., 2001. – С. 57.

⁷ Плюснина О.М., Степанов М.Н. Военно-промышленный комплекс Западного Урала. // Бессмертный подвиг народа. – Пермь, 2000. – С. 20.

М.Ю. Цирульников по ходатайству наркома вооружения Д. Устинова в 1943 году был досрочно освобожден, другие конструкторы остались в заключении¹. Причем, Цирульников был только освобожден, но не реабилитирован, поэтому возвращаться в Ленинград ему было запрещено.

С этого времени судьба Михаила Юрьевича Цирульникова была связана с Пермью – сначала он стал главным конструктором завода № 172 им. Молотова, затем участвовал в разработке маршевого ракетного двигателя для межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2 (НПО «Искра»), преподавал в политехническом институте. Похожая судьба была и у Давида Израилевича Гальперина – заключенного «шарашки» при Кировском заводе. После досрочного освобождения – главный инженер порохового завода им. Кирова в Закамске, зам. директора НИИ-130 при пороховом заводе, профессор.

Если наиболее выдающихся изобретателей зачастую досрочно освобождали и награждали орденами и медалями, то рядовые конструкторы и техники проводили в заключении и ссылке многие годы. Так, Георгий Васильевич Жуков, работавший в 1937 году техническим руководителем Пермского кислородного завода, 28 октября был арестован и обвинен в участии в «контрреволюционном заговоре, главной целью которого ставилось свержение Советской власти». После одного допроса он был осужден тройкой НКВД по статье 58 УК к 10 годам ИТЛ. 2 года провел в лагерях. В 1940 году был взят в «шарашку» в г. Молотовск Архангельской области, где занимались разработкой артиллерийских систем. В 1944 году его перевели в г. Молотов в ОКБ-172². Бывший главный инженер авиамоторного завода им. Сталина (современный завод авиадвигателей) Е.И. Брискин отбыл 10 лет в лагерях, колониях и «шарашках» за участие в «контрреволюционной вредительской организации». В годы войны работал в СКБ (специальном конструкторском бюро) над созданием новых авиационных двигателей. В 1950 году, когда закончился срок его заключения, он был выслан «бессрочно» в г. Балхаш Карагандинской области (Казахская ССР)³.

¹ Воспоминания Яворского В.Н. // Вестник Мемориала. № 6. – СПб., 2001. – С. 75.

² ГАНИ ПК. Ф. 641/1. Оп. 1. Д.10366.

³ ГАНИ ПК. Ф.641/1. Оп.1. Д. 10299. Т.1.

Конечно же, большинство бывших заключенных пермских «шарашек» к настоящему времени реабилитированы. Но имена их по-прежнему мало кому известны. А ведь во многом благодаря им, «врагам народа», которых государство сначала осудило за надуманные «антисоветские, террористические» деяния или намерения, а вскоре доверило разработку важнейших военных систем и технологий, мы победили в решающих сражениях Великой Отечественной войны.

Эти люди, находясь в заключении, конструировали оружие Победы, прежде всего новейшие артиллерийские системы, которые доказали свою мощь под Сталинградом. 19 ноября 1942 года с мощной артподготовки началось наступление советских войск под Сталинградом, положившее начало освобождению нашей страны от захватчиков. Не случайно именно этот день – 19 ноября – с 1944 года отмечается как День артиллерии (с 1964 года – День ракетных войск и артиллерии). В канун этих праздников вспомним заключенных пермских «шарашек», внесших весомый вклад в развитие российской артиллерии.

НОВОМУЧЕНИКИ

«Изнемогает наша Родина в тяжких муках и нет врача, исцеляющего ее. Грех помрачил наш народный разум, вызвал сатану из бездны, воздвигающего открытое гонение на Церковь. Русский народ, неужели ты не возродишься духовно!»

**Послание св. патриарха Тихона
от 8 августа 1918 г.**

«Все религии есть органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса. Марксизм есть материализм, в качестве такового он беспощадно враждебен религии. Мы должны бороться с религией»

В.И. Ленин

КОНОПЛЕВЫ

В почте писателя В.Ф. Гладышева встречаются отклики и из других городов и стран. Вот письмо, пришедшее по электронной почте от бывшей жительницы Перми, на тему трагической истории Белогорского монастыря, Уральского Афона.

«...Будучи верующим, православным человеком, почитаю память и молюсь преподобномученику Белогорскому Варлааму – архимандриту, настоятелю монастыря до 1918 года. В миру его звали Василий Евфимьевич Коноплев. Наша с вами переписка начинается как раз 25 августа – в день, когда совершается церковная память преподобномученика и всей убиенной братии Белогорской обители.

Не помню, из какого источника – может быть, даже из Интернета – мне стало известно, что убиенного Варлаама бросили в Каму, а потом похоронили на одном из пермских кладбищ. Обращалась в Пермскую епархию за более конкретными сведениями – сотрудники, отвечавшие по телефону, ничего об этом не знали. Отправили, правда, на погост Храма Всех святых, где мне довелось побывать. Ходили по погосту с одной из местных прихожанок – натыкались на могилки монахов, в том числе и белогорских. Дошли до холма с Крестом – до братской могилы монахов, убиенных в первые послереволюционные годы. Но – никаких следов могилы Варлаама Белогорского.

Владимир Федорович, у меня к Вам единственная просьба: подскажите, пожалуйста, где похоронен убиенный настоятель Белогорского монастыря? Как бы хотелось съездить на родной Урал, побывать на могиле преподобномученика Варлаама. У меня дома его икона. Молюсь этому святому. Молюсь и о том, чтобы Господь хранил Белую гору в наши дни».

Светлана Серебрякова, Архангельск.

Удивительна судьба этого человека, стоявшего у истоков святого дела, строителя и первого настоятеля Белогорской обители отца Варлаама (1858-1918). Жил-был в селении под

Белой горой крестьянин Василий Евфимьевич Коноплев, из старообрядцев. Да не просто старообрядцев, но, как писал о себе авва, он слыл «жесточайшим рассекателем вселенской церкви».

В результате долгих, мучительных поисков истины он присоединяется к православию, отказавшись от довольно значительного и влиятельного положения в своем расколе. Не случайно после таинства миропомазания, проходившего в Перми в кафедральном соборе, недавнему раскольнику дарит свой клобук (головной убор) сам владыка преосвященный Петр, а крестным отцом его стал губернатор П.Г. Погодин.

Впрочем, эту уважительность, проявленную «первыми лицами», легко понять, если вспомнить, какое значение борьбе с расколом придавалось в XIX веке на необозримых просторах Российской империи и, особенно, на Урале, служившем прибежищем последователей старой веры. Удивительнее другое: отец Варлаам еще до воцарения большевиков перенес столько нападков и такие бури проносились над головой первого настоятеля Уральского Афона...

В 1914 году, прибыв на Белую гору, новый владыка епископ Андроник не случайно обращает к настоятелю монастыря следующие слова:

«Немало пришлось тебе пережить здесь тревожных и пасмурных дней...»

А ведь до революционных потрясений остается еще три года.

Были в жизни будущего святого и ложные доносы, подводили под монастырь, если можно так выразиться, и насельники, монахи – слабые духом попадают и среди них. В результате происков корыстных людей даже готовилась замена игумена. Но крепла Белогорская обитель – и с ней восходил «от силы в силу» и ее настоятель. В краевом архиве сохранились документы о том, что, возглавляя богатейший монастырь, отец Варлаам питался за одним столом с братией, меньше спал и больше трудился.

«Преуспевая в аскезе, удостоился дара глубокой умносердечной молитвы, обнимающей весь мир». Бессребреник и труженик, он занял видное место не только в духовном просвещении края, будучи уже благочинным всех монастырей обширной Пермской епархии. Белогорский настоятель стал

*Два новомученика (справа налево):
архимандрит Варлаам
и архиепископ Андроник.*

членом церковно-археологического общества, и, конечно, его с полным на то основанием относят к числу самых ярких монархистов, деятелей Союза русского народа. Не случайно с ним встречается император, аудиенция прошла 8 декабря 1910 года.

О нем писали: «...аскетические подвиги и трудовая жизнь изнурили здоровье о. Варлаама, но он никому не отказывал в совете».

Пример жизни первого настоятеля оказывал вдохновляющее действие и на

последователей его в епархии, и на мирян. Для нас важны и хозяйственность игумена, его умение строить жизнь крепко и основательно – привычка, впитанная с молоком матери, взятая еще из старообрядческого уклада жизни. Аскетизм аскетизмом, но когда Василий Коноплев жил на Ильинском выселке под Белой горой, народ обращал внимание на то, сколько у него пашни, лесов и угодий и какой у него богатый пчельник.

Поэтому и удалось отцу Варлааму превратить монастырь в цветущую обитель, и в достаточно короткий срок. Целеустремленность, пример которой явил строитель Белогорской обители, поражает каждого, и верующего, и неверующего.

Думается, в становлении игумена Варлаама сыграл известную роль и чисто психологический фактор: доказать своим прежним единоверцам, что он не случайно покинул их круг, что православная святыня на Белой горе может стать образцом жизни в крепкой вере, к какой всегда стремились его предки. Не будем

забывать: некоторые корили его за «измену вере отцов». Писал же он о себе в начале мучительных поисков, как ревностно проповедовал прежние свои убеждения. Для других староверов был начетчиком, потому как тянулся к мудрости книжной, а искал ее в сочинениях Швецова, Перетрухина, Пафнутия и Карловича и других старообрядческих писателей. И признавался, что «немало нанес вреда Церкви господствующей, отторгнул от нее многих последователей вслед себе в заводах Юго-Кнауфском, Бымовском и окрестных приходах». Даже, как уже упоминалось, назвал себя «жесточайшим рассекателем Церкви вселенской».

А на поверку вышло, что не был он никаким «рассекателем». Перед нами человек мыслящий, он мучительно ищет истину. Тот вред, в котором кается отец Варлаам в молодые годы, перекрыт делом его жизни и мученической кончиной.

Если вкратце подытожить ревностное служение батюшки, то можно выделить несколько основных вех. 4 мая 1894 года (по старому стилю) иеромонах Варлаам по ходатайству пермского епархиального миссионера протоиерея Стефана Луканина назначен помощником его по миссионерской деятельности в Осинском уезде. В том же году он становится управляющим новостроящейся обители, а через три года указом Святейшего Синода – настоятелем монастыря.

24 июня 1902 года по указу Святейшего Синода отец Варлаам возведен епископом Пермским и Соликамским Иоанном в сан игумена, с пожалованием одновременно палицей (награда священника).

7 сентября 1904 года награжден золотым наперсным крестом.

За свою высоконравственность и опытность в монашеской жизни 25 июля 1905 года назначен благочинным всех женских монастырей Пермской епархии. С января 1914 года отец Варлаам – благочинный и мужских монастырей.

В 1916 году награжден орденом Св. Анны II степени.

В 1917 году торжество освящения Крестовоздвиженского собора стало и его личным торжеством и лучшей наградой. Заложено здание еще в начале века, в 1902 году. До этого момента самым большим в монастыре был храм Иверской Божией Матери, сооруженный «в память помолвки, счастливого бракосочетания, восшествия на Всероссийский престол и Священного

коронования их императорских величеств Николая Александровича и Александры Федоровны Романовых».

Игумен Варлаам сказал в связи с этим событием так: «Из всех благодетелей, какими благодетельствует человек человеку, храмоздание есть самое большое и многообъемное».

О последних днях жизни отца Варлаама на протяжении многих десятилетий существовало несколько версий. Сведения были очень противоречивые и расплывчатые. Есть документальная определенность в том, как забрали архимандрита. Запись в его послужном списке: «Будучи приглашен на Юго-Осокинский завод обманом, был арестован вместе с братским духовником иеромонахом Вячеславом. Отправлен в г. Осу и, зверски замученный большевиками, брошен в реку Каму».

Палачи очень умело спрятали концы в воду. Произошло это 12 августа 1918 года. В очерке «Остров мертвых» (см. «Годы террора», часть 6, том 2, стр. 312) мы уже коснулись этой трагической страницы истории Прикамья. Опубликовав новые документы из московских архивов, мы раскрыли еще одну страшную тайну, в частности, свидетельские показания о событиях августа 1918 года. О последнем мученическом пути отца Варлаама и других жертв большевиков – пути до Мотовилихинского острова, превращенного в лобное место. Приведем краткую выдержку из показаний моториста парохода «Шрапнель»:

«...Красноармейцы-конвоиры расстреляли о. Варлаама, о. Вячеслава и третьего священника тут же, на пароходе, затем привязали к ним что-то чугунное и трупы спустили в реку Каму...»

Другой свидетель, служащий пристани, дополнил рассказ такой подробностью: «...Товарищей Варлаама убили сразу, а его самого еще добивали и били прикладами и кололи штыками...»

Потом верующие говорили, с верою в чудо, что тело настоятеля всплыло, его выловили и перезахоронили по-божески на Егошихинском кладбище. Но это, скорее всего, только легенда, никаких конкретных указаний на возможное захоронение не осталось.

...Когда я оказался на камском берегу, напротив того места, где находился остров, в памяти всплыли слова из русской народной песни «Напрасно старушка ждет сына домой». Поется там, напомним, о гибели моряка и предании его тела воде, по

морскому обычаю. «К ногам привязали его колосник, простынкою тело прикрыли...» А далее поется о том, как в последний путь героя провожает священник.

В драматической истории гибели отца Варлаама и его товарищей некому было их отпеть в момент гибели. Теперь в православных святцах есть дата 25 августа – день поминаения святого преподобномученика Варлаама и белогорских монахов... В сентябре в престольный праздник Крестовоздвиженья новомучеников поминают на Белой горе и в других храмах.

Не открою секрета, если скажу: и сегодня еще не перевелись любители помахать кулаками. С неистовым криком «Шашки наголо!» бросаются такие полемисты на мнимого противника. Трудно, но все же участникам жарких дискуссий приходится «выплывать» к общему знаменателю: обе воевавшие стороны погрязли в жестокости и крови. В гражданской войне победителей нет и быть не может. Спустя почти столетие после тех кровавых событий очевидность объективных оценок и выводов дошла до многих.

В том числе и до одного из самых известных пермяков, Почетного гражданина Перми и края Бориса Всеволодовича Коноплева. От своих родственников-священников многолетний партийный секретарь, «царь Борис», как его называли еще в шутку, отрешивался до последней возможности. Однако в последние годы он, судя по всему, пересмотрел свое отношение к этому вопросу – и даже посетил Белую гору.

По-разному проявляется, проступает историческая память. Характерная и в чем-то даже типичная история возвращения памяти произошла с представителями потомков игумена

Икона Варлаама Белогорского.

Варлаама (Коноплева), первого настоятеля Белогорского монастыря. Пенсионерка из Перми С.Н. Просвирнина (Волокитина) рассказала нам о своих бабушке и дедушке, Дмитрие Павловиче Коноплеве и Таисии Ивановне (в девичестве Волокитиной), жителях Юго-Осокино (быв. Юго-Кнауфского завода, ныне село Калинино). Один из предков, Василий Авраамович, был купцом-винооторговцем.

Фотографии и документы, представленные в наше распоряжение, интересны еще и тем, что речь здесь идет о родословном древе Б.В. Коноплева (ушедшего из жизни в декабре 2008 г.). Обнаружились общие родственники двух Коноплевых, хотя в книге «Убеждений своих не меняю» бывший многолетний партийный секретарь, белогорские корни даже не упоминает. Объясняется это просто: Борис Всеволодович о них просто не знал, потому что мало интересовался религией, а если и интересовался, то совсем с другими целями.

В семьях белогорских старожилов стойко жило и живет предание о том, что два Коноплевых – в родстве. Документальные подтверждения этому не сохранились, как нам сообщили в муниципальном архиве, корни двух семей уходят в далекий 18-й век, когда на здешних заводах и появились эти крепкие работники из старообрядцев. Есть и косвенные подтверждения родства. Вот что пишет в своей автобиографии Василий Ефимович Коноплев (в монашестве Варлаам) касаясь родственных корней (стиль документа сохранен):

«...Благодаря господа, и родитель мой Евфимий Тихонович пришел к соединению со святой соборной и апостольской Церковью, – старец, имея от роду семидесяти пяти лет, всю жизнь проживший в раздоре с Церковью. Также и братья мои младшие, Антон и Павел с женами и детьми, без всякого прекословия присоединились к Церкви, а также беспрекословно приходит к соединению церковному и старшей сестры семейство в числе 11 душ. Всего присоединяется 19 душ...» (Цит. по изданию «Белогорский Свято-Николаевский монастырь», Москва, 1910).

Упомянутый в тексте брат Павел – это и есть родитель Дмитрия Коноплева, который приходится бабушкой Светлане Николаевне Просвирниной. Таким образом, родство Коноплевых довольно близкое, не седьмая вода на киселе. По снимкам начала XX века видно, насколько сохранилась «коноплевская

порода» в облике партсекретаря. Один из снимков, по воспоминаниям, запечатлел поистине исторический момент: Дмитрий Павлович Коноплев увозит в более укромное место... сундук с иконами монастыря (!).

Судьба этих реликвий остается пока неизвестной. В 2010 году пермские журналисты Варвара Кальпиди и Вячеслав Дегтярников создали фильм «Руководители совести», в котором поведали удивительную историю о судьбах двух Коноплевых, оказавшихся родственниками.

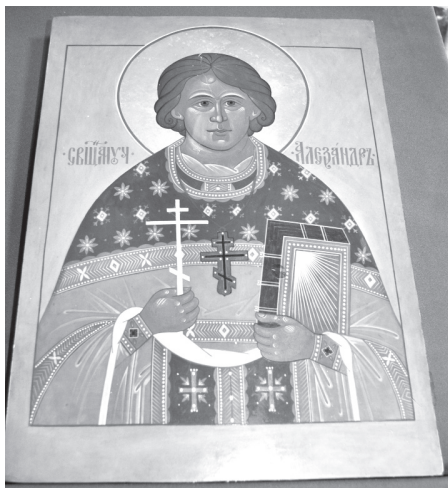
Владимир Гладышев

ТАЙНА РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ОТКРЫТКИ

Как-то в апреле 2011 года, моя подруга Елена Шилова, преподаватель английского языка, поздно вечером читала старинное дедушкино Евангелие. Дед ее, из евангелистов, родом с Висима, несколько месяцев просидел за веру в мотовилихинской тюрьме. Сын его, Виктор Белов, мастер с мотовилихинского завода, также за веру отсидел в сталинских лагерях. На память семье от деда и дяди Виктора осталось несколько церковных книг в старинных переплетах. Перелистывая пожелтевшие от времени страницы, Елена решила положить закладку. Подошла к шкафу и в руки ей выскользнул альбом со старинными открытками, также доставшийся в наследство от деда. Перевернув наугад одну из открыток, она прочитала подпись: «Ваши молитвенники, священник Александр и матушка Вера Малиновские». Адресатом являлся высокоблагородие Петр Зеленов.

Интернет долго загружался. В поисковой системе Елена ввела имя и фамилию священника. Через минуту она узнала, что Александр Малиновский новомученик и прославлен в лике святых в 2000 году. Его убили под Екатеринбургом в 1918 году. Святые мощи обретенны в 2002 году. От них происходят чудотворения и исцеления. Взглянув на календарь, Елена удивилась. Священник Александр Малиновский дал знать о себе в свой день рождения – 12 апреля по старому стилю. Это случилось на сороковой день смерти ее бабушки.

Подруга позвонила мне рано утром. Голос в трубке звучал взволнованно:

Священномученик Александр.

– Приходи. У меня для тебя есть важная информация. Поверь, ты упадешь.

Когда я зашла в освещенную солнцем квартиру, то увидела на лице у Елены слезы. Она показала мне открытку и коротко пересказала то, что узнала об отце Александре и его семье.

– Это чудо! Ты понимаешь, какая у тебя святая – открытка с автографом святого. Будем раскапывать эту историю?

Мы разработали план действий. Елена собралась начать поиски информации об отце Александре с Мотовилихи. Так мы и сделали, съездили в мужской Стефанов монастырь и Государственный архив Пермского края. Через пару недель удалось выкроить время на поездку в Гамово. Там мы впервые увидели икону иерея Александра, написанную насельницей Казанской пустыни в Верхнечусовских Городках. И здесь же, в книге Валентины Костиной, нашли крупницы информации об отце Александре. В Гамово Александр Малиновский служил сразу после окончания Пермской духовной семинарии с 1913 года. Здесь он благоустраивал территорию вокруг храма и преподавал. Здесь, как и в других местах служения молодого священника, его очень любила паства.

2 мая мы отправились в город Красноуфимск (ныне Екатеринбургская епархия), где в 1918 году был убит отец Александр. По дороге заехали в Суксун – последнее место служения 26-летнего священника. Отсюда его увезут на подводе, в кольцо большевистских винтовок, а прихожане будут бежать за своим арестованным батюшкой несколько километров, глотая слезы и не зная, как его выручить из беды.

В Суксуне нас поразили разбросанные старинные могильные плиты в парке, где стоит памятник советским воинам. «Вот

такая у нас историческая память», – размышляли мы, растерянно опустив головы перед чьими-то надгробиями, оторванными от могил.

И вот, наконец, мы в Красноуфимске. Небольшой малоэтажный уральский городок, вдалеке возвышаются горы и иссиня-черный лес. Проезжаем через водоем, в котором плавают утки. Дома в Красноуфимске в основном советской послевоенной застройки. Ряд достаточно хорошо сохранившихся корпусов наводит на мысль о том, что в эти здания, вероятно, вложен труд пленных немцев. Есть и купеческие особняки. Они выделяются среди советских построек. Центральная улица – как и везде в России – улица Ленина.

Елена почти не ищет дорогу в Свято-Троицкий собор, уверенно ориентируясь в незнакомом городе. Она поворачивает руль и сразу выезжает к храму. Позже она признается, что Малиновский сам ведет к себе. Храм поразил нас своими осыпающимися стенами, из которых торчит арматура, а также отсутствием колокольни и огромным количеством голубей, собравшихся на его крыше. Но внутри он оказался очень ухоженным и уютным. Вдоль стен его – три раки с мощами новомучеников. Мы приложились к мощам и почувствовали такое сильное благоухание, что на глазах выступили слезы.

Нас тепло встретили, накормили с дороги, а настоятель храма, протоиерей Андрей Рыжак, благословил на литературную и краеведческую работу.

Удивительно, но маленький периферийный городок Красноуфимск под Екатеринбургом помнит о новомученике больше, чем напыщенная и важная Пермь, на земле которой отец Александр служил всю свою недолгую жизнь. Сын и внук священника, Александр Малиновский рано почувствовал призвание к духовному промыслу. Родился он в городе Петровске Саратовской губернии. В Перми Александр закончил духовную семинарию и познакомился с ученицей 6 класса епархиального женского училища дочерью диакона Димитрия Затопляева – Верой. После помолвки состоялось венчание. Вере Малиновской было всего 18 лет, а Александру чуть больше.

Александр и Вера были похожи не только внешне, но и внутренним миром, характерами и тем, что у обоих род был из священнослужителей. К примеру, дядя Веры – Константин Александрович Затопляев – служил в Рождество-Богородицкой

церкви г. Перми (построена в 1788 г., каменная, недавно в ней возобновились богослужения, ранее был корпус фармакадемии). В этой же церкви служил и его младший брат, отец – диакон Дмитрий Александрович Затопляев.

В 1913 году Александр Малиновский успешно окончил семинарию с аттестатом первого разряда и епископом Палладием (Добронравовым) был рукоположен в сан диакона, а затем священника и определен к Спасо-Преображенской церкви (построена в 1899 г.) села Гамово Пермского уезда. В то же время, отец Александр заведовал и преподавал в Гамовской и Костаревской церковно-приходских начальных школах. Также он являлся председателем церковно-приходского попечительства общества «Трезвость», созданного в 1914 г. по благословению архиепископа Пермского и Соликамского Андроника (Никольского). Часто приезжая в город Пермь, молодой священник горячо и убедительно проповедовал Слово Божие в зале братства при часовне св. Стефана (ныне угол Комсомольского проспекта и улицы Петропавловской). Постоянные слушатели, в знак искреннего признания и благодарности, преподнесли в дар батюшке рясу и два священнических облачения.

14 октября 1914 года в молодой семье Александра и Веры родился сын. Крестили его с именем Михаил. Это были трудные годы первой мировой войны. И Александр Малиновский от имени прихода отослал Его Высочеству, Августейшему Главнокомандующему телеграмму: *«Ваше Высочество! Разделяя скорбь Отечества, после Божественной Литургии под открытым небом вместе с прихожанами с. Гамово Пермского уезда и Осенцовским Обществом, помолившись о драгоценном здравии Вашего Высочества, о победе Российской Державы и упокоении павших в бою воинов, выражаем верноподданнические чувства Вашему Высочеству и посылаем 150 рублей на военные нужды».*

Прихожанам из Гамово было очень приятно получить ответ: *«Очень тронут и сердечно благодарю Вас, прихожан и Осенцовское Общество за молитвы, выраженные чувства и пожертвование на нужды наших героев. Генерал-адъютант НИКОЛАЙ».*

В сентябре 1916 года 24-летний иерей Александр поступил в Казанскую духовную академию, а 7 декабря 1917 года он определен служить во Введенскую церковь села

ЗДАНИЕ ГОРОДСКОЙ ТЮРЬМЫ

**Улица Соболевская, по которой везли на казнь иереев Льва и Александра
(слева видна Мельничная гора)**

Город Красноуфимск. Ночью отца Александра и отца Льва увезли по Соболевской улице и на склоне Мельничной горы, возле реки Сарги, казнили.

Верх-Суксун Красноуфимского уезда. Тогда при переезде семьи Малиновских в село стоял сильный декабрьский мороз, и в дороге простудился младший сын Александра и Веры Малиновских – Валериан. Спасти младенца не удалось. Таков был промысел Божий.

Кто мог тогда знать, что своей гибелью малыш известил за полгода о смерти главы семьи – отца Александра. Веру Малиновскую постигла горькая доля – через полгода после смерти младшего сына ушел и отец Александр, а еще через год она лишилась и старшего, 5-летнего Михаила. Эта мужественная женщина, подвергалась гонениям как жена священнослужителя. Большую часть жизни она посвятила воспитанию чужих детей и скончалась в возрасте 97 лет. Суксун стал трагическим барьером в ее жизни, которая делилась на «до» и «после». Может быть, если отец Александр не был так молод и горяч и не имел такого влияния на паству – все бы обошлось, но героические личности не могут жить иначе – они призваны вести за собой, звать на подвиг и своей смертью доказывать право на жизнь.

Во Введенском храме по праздникам всегда собиралось много сельчан. В один из майских воскресных дней 1918 года иерей Александр обратился к пастве с проповедью: *«Православные! Постойм за веру православную. Скоро опять начнется война, вновь затрещат пулеметы, загремят пушки. Не допустим кощунства над православной верой!»* Волостные милиционеры, В. Медведев и И. Потемкин, узнав о содержании проповеди, доложили председателю Суксунского ревкома П.М. Маношину о молодом священнике, призывающем бороться с властью. Это донесение было передано председателю ЧК города Красноуфимска И. Юдину.

Реакция большевиков была мгновенной. Из города Красноуфимска на трех подводах прибыл карательный отряд красногвардейцев. Громкие тревожные удары с колокольни известили село о том, что обоз с вооруженными солдатами показался на дороге. Около церкви собрались взволнованные прихожане, желавшие сбегать любимого батюшку от ареста. Они закрыли его в храме, повесив снаружи на двери большие замки. Большевики, первым делом натешились тем, что постреляли в звонницу из винтовки – колокол замолчал, но народ продолжал сбегаться. Красноармейцы с помощью оружия оттеснили

людей от храма. П.М. Маношин ломом свернул замок на северных дверях и ворвался в храм. Батюшка, облаченный в ризу, держа в руках требный крест, благословил паству и пошел к выходу, окруженный конвоем. Верующие, не желая расставаться с дорогим их сердцу о. Александром, попытались отбить его у конвоя, но два милиционера начали размахивать перед ними саблями. Семков с солдатами ждали снаружи. Этот же Семков «прославился» также и тем, что участвовал в зверском убийстве суксунского священника Антония Попова.

Когда проезжали Верх-Суксунский мост, чекист вырвал из рук о. Александра требный крест и бросил его в чистую речную воду. Где теперь этот крест, был ли он кем-то подобран? А если его еще не нашли, то кто займется его поисками?

Согласно кровавой большевистской традиции 26-летнему священнику Александру Малиновскому предъявили шаблонное обвинение в контрреволюционной деятельности и посадили в Красноуфимскую тюрьму. Здесь он встретился со своим братом во Христе иереем Львом Ершовым. 20 августа (по старому стилю) иереев Александра и Льва, связанных между собой колючей проволокой, темной звездной ночью увезли по Соболевской улице и на склоне Мельничной горы, возле реки Сарги, казнили. Перед расстрелом отцу Александру сдавили епитрахилью горло. Одна из пуль оборвала земную жизнь о. Льва, другая, войдя под левую глазницу, принесла облегчение о. Александру. В течение трех недель их тела находились в Холодном логу.

Через 3 недели в город вернулись «белые». Порядок в городе обеспечивал уполномоченный Временного Уральского Правительства полковник Федотьев. Военной следственной комиссии удалось отыскать тела казненных пресвитеров. Их облачили в новые ризы, каждому в персты вложили требный крест и Евангелие. Отслужили в Свято-Троицком соборе панихиду и погребли с почестями в одном на двоих широком гробу.

В Красноуфимском Свято-Троицком соборе бережно чтут память священномучеников. Вдоль стен стоят раки с мощами. Нас ждало и другое неожиданное и удивительное открытие. Здесь, в соборе, находится 3-я рака, с мощами настоятеля Свято-Троицкого собора – Алексия Будрина, расстрелянного в 1918 году.

Алексий Будрин, до того, как стал настоятелем Свято-Троицкого собора в Красноуфимске, 18 лет посвятил служению на

пермской земле, а погиб на пару недель позже, чем Александр Малиновский и Лев Ершов.

Алексия Будрина чекисты боялись даже мертвого. Им мало было его провести под конвоем на место казни и расстрелять на картофельном поле. Тело 60-летнего священника после убийства большевики привязали к лошади и пустили ни в чем неповинное животное по центральным улицам города. Народ плакал, глядя на жуткое зрелище. Позже кто-то из жителей подобрал помятую бронзовую медаль – подарок отцу Алексию от императорского дома, выпущенную к 300-летию дома Романовых.

Алексий Будрин прожил честную и достойную жизнь и многое в жизни успел сделать. Но и смерть он принял достойно и честно. Родился Алексий Будрин в семье священнослужителя Иоанна Будрина. Учился очень хорошо и с аттестатом первого разряда закончил Духовную семинарию г. Перми. В августе 1882 года его рукоположили в диаконы, а в январе 1883 года – в сан священника. Прослужив несколько лет в Сыринской Свято-Троицкой церкви, был ярким общественным деятелем, законоучителем и попечителем школ. С 1887 по 1890 годы отец Алексий служит и преподает в Красноуфимске.

22 июня 1891 года тридцатилетний иерей Алексий возвращается в родной Спасо-Преображенский Кафедральный собор г. Перми, где он был рукоположен в диаконы. Пермь – город юности, город надежд! В Перми отец Алексий получает две должности – инспектора классов и законоучителя при Пермском епархиальном женском училище. С 4 мая 1895 года о. Алексий исполнял обязанности ключаря Спасо-Преображенского Кафедрального собора. Следует отметить, что в период служения иерея Алексия собор преобразился. Было проведено электричество. Достроили правый придел во имя Иоанна Предтечи, а также левый – во имя св. Димитрия Ростовского. Стены паперти были расписаны сюжетами из жизни св. Стефана Великопермского.

Стефан Великопермский вообще имел большое влияние на судьбу пастыря. 11 лет Алексий Будрин заведовал Пермской церковно-приходской и церковно-учительской школами при братстве св. Стефана. Занятия проходили в пристрое каменной часовни Стефана Великопермского (в то время – пересечение улиц Кунгурская и Петропавловская, а ныне всем известная

Стефанова часовня на Компроссе). Помимо этого о. Алексей возглавлял работу бесплатной библиотеки братства и руководил школой псаломщиков.

Во владении о. Алексея имелся дом, что находился на перекрестке улиц Екатерининской и Екатеринбургской №162. Семья у него тогда значительно разрослась. Бог даровал главе семейства крепких и здоровых деток. Большой радостью для семьи стало возведение отца Алексея в сан протоиерея. Это случилось 9 мая 1902 года. Но для скромного священника одним из самых ярких впечатлений тех лет стало прибытие в 1904 году в Пермь «великого пастыря земли русской» – протоиерея Иоанна Кронштадтского. В числе свыше двадцати священников, сослуживших ему 26 июня в Кафедральном соборе, был и Алексей Будрин. После этого 3 года он заведует церковно-приходской школой – приютом для девочек Успенского женского монастыря. В общей сложности пермской земле отдал 18 лет служения – и это были лучшие годы его жизни!

С 1909 года с благословения владыки Палладия протоиерей Алексей Будрин возвращается в г. Красноуфимск. Он назначен протоиереем в Свято-Троицкий собор и благочинным церковью 1 округа. Оставив губернский город Пермь, о. Алексей соединил Пермь и уездный Красноуфимск неразрывной трагической и духовной нитью. В Красноуфимске Алексей Будрин активно проявляет себя на общественном поприще. В 1911 году он был депутатом на Общеземском съезде учителей начальных школ в Москве. В 1912 году Пермским губернаторским избирательным собранием он избран членом Государственной Думы IV созыва. Пришлось ехать в Петербург. Все силы и чаяния были направлены на укрепление церковно-приходских школ, на поиски диалога с властью. 12 декабря 1912 года протоиерей и депутат Алексей Будрин представлен Его Императорскому величеству.

В октябре 1917 года Дума была распущена в связи с началом выборов в Учредительное собрание. Близились страшные времена. Тучи сгустились над Россией. Почти сбылось предсказание Иоанна Кронштадтского – «Над Пермью висит черный крест». Особое место разгула черных сил: Пермь – Екатеринбург. Здесь в жертву принесена царская семья. Красным колесом перемолоты многие священнослужители, имена многих из них остались безымянными.

30 апреля 1918 года Архиепископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский) отослал протоиерею Алексею Будрину депешу с сообщением:

«Известился я, что Благодичному священнику Герману Бенедиктову за его правильныя мероприятия против насильий на священно-церковнослужителей и вообще на св. Церковь угрожают арестом. Если это случится, то поручаю Вам немедленно закрыть все градо-Красноуфимския церкви, запретить совершения всех Богослужений и треб, кроме крещения младенцев и напутствия умирающих больных, с извещением о том всем православным прихожанам».

Но в начале июня 1918 года Владыка погибнет от рук палачей, а священник Герман Бенедиктов в конце августа 1918 года будет отпевать казненного большевиками настоятеля Свято-Троицкого собора Алексея Будрина.

14 марта 1996 года Александр Сергеевич Луканин, сын последнего настоятеля Свято-Троицкого собора г. Красноуфимска, протоиерея Сергея Ивановича Луканина (репрессирован в 1935 году), в своем письме к В.И. Беловой писал: *«И еще одно дело не дает мне покоя – это могилы священников, расстрелянных в 1918 г. и похороненных за алтарем Троицкого собора. Сейчас они под асфальтом. Я помню это место».*

15 июня 2001 году во время пребывания в Красноуфимске Почаевской иконы Божией Матери архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий (Морарь) благословил начало раскопок, но долго не могли найти место захоронения.

16 июня 2001 г. была создана православная община, 10 июля – зарегистрирована, настоятелем Свято-Троицкого храма был назначен иерей Андрей Рыжаков.

27 сентября на Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня был установлен Поклонный крест возле предполагаемого места захоронения трех пресвитеров, волею судьбы нашедших свою смерть в городе Красноуфимске, канонизированных в 2000 году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в числе сонма новомучеников и исповедников Российских.

21 июля, на Казанскую, по окончании праздничной Божественной Литургии, духовенство и горожане проследовали Крестным ходом по улицам города. После молебна у Поклонного

креста приступили к раскопкам, которые возглавил настоятель храма протоиерей Андрей Рыжаков...

К 21 часу 22 июля показалась кирпичная кладка склепа, затем верхние доски гроба. 23 июля были обнаружены останки двух священников, покоившиеся в полуистлевшем широком гробу, с четырьмя изящными белыми ручками. К 16 часам извлечение мощей завершилось. Многие присутствующие, даже те, кто не ходит в храм, почувствовали сильное благоухание, когда мощи извлекались из земли.

30 июля 2002 года останки священномучеников были отправлены на экспертизу в областное бюро судебно-медицинской экспертизы г. Екатеринбурга (кафедра судебной экспертизы Уральской государственной медицинской академии). Начальником областного бюро СМЭ Н.М. Неволиным и экспертом физико-технического областного бюро СМЭ С.Ю. Поповских было составлено подробное описание экспертизы и передано настоятелю собора иерею Андрею.

Идентификационным исследованием было установлено портретное сходство между прижизненным изображением о. Александра и черепом, из которого была изъята револьверная пуля калибра 7,62-мм системы «наган». В грудной части мощей о. Александра обнаружен медно-позолоченный нательный крестик с надписью «Верхотур...», а у отца Льва Ершова – серебряный нательный крестик.

28 июля 2002 года с северной стороны захоронения пресвитеров Льва и Александра была обнаружена кирпичная кладка склепа, где покоились мощи протоиерея Алексия Будрина. 5 октября 2002 года прихожане храма во главе с настоятелем иереем Андреем извлекли мощи протоиерея Алексия.

5 декабря 2002 года в 20 часов раки с мощами были установлены для поклонения в Свято-Троицком соборе. От Перми до Красноуфимска всего 4 часа пути на автомобиле. А сколько людей приезжает в Красноуфимск со всех уголков России, чтобы поклониться новомученикам и получить исцеление! Стоит приехать только для того, чтобы увидеть своими глазами чудо.

Думается, что Пермь и Красноуфимск действительно неразрывно скреплены между собой невидимой духовной нитью. Если обратиться к истории пермских улиц, то следует вспомнить то, что улица Куйбышева в Перми раньше носила наименование Красноуфимской.

Этот очерк написан при содействии и поддержке Екатеринбургской епархии. Ценной информацией о жизни и о судьбе пермских новомучеников с нами поделились талантливый летописец Свято-Троицкого собора, краевед Наталия Брагина. 10 лет своей жизни она посвятила сбору информации для книги о красноуфимских святых. Благодаря помощи родственников священнослужителей, их активному участию в сборе материала, летопись собора пополнилась документами и фотокопиями прижизненных снимков новомучеников. Большую помощь в сборе информации Наталии Брагиной оказывали: Н.Н. Токарева, сотрудница Суксунского краеведческого музея; Е.Н. Шеина, староста Спасо-Преображенской церкви с. Гамово; Е.Д. Харитоновна, кандидат исторических наук, краевед из г. Перми; Гилев Виталий, воспитанник Пермской духовной семинарии, и многие другие.

***Н.В. Трящина,
член общества «Пермский краевед»***

Переосмысление событий минувшего века стало важным явлением в исторической действительности города Перми. Оказалось, то, что было скрыто ранее некоей будничной пеленой десятилетий, к началу нового 21 века стало укрупняться и увеличивать резкость. Мы, наследники духовной культуры, приобретаем нечто большее, чем просто результаты каких-то поисков и открытий. Благодаря проявившемуся в нас зрению, мы приобретаем нравственную цельность, участвуя в формировании исторической памяти.

ПОЭЗИЯ НЕВОЛИ

В Пермском краевом архиве новейшей истории (Перм-ГАНИ) насчитывается больше 37 тысяч следственных дел на наших сограждан, репрессированных по политическим мотивам в сталинские и послесталинские годы. Нередко в этих делах хранятся необычные вещественные доказательства, рассказывающие о судьбах их давних владельцев, об атмосфере того смутного времени.

Научный сотрудник Пермского «Мемориала» Рамиль Фатхутдинов, работающий в Пермском архиве новейшей истории, обнаружил тетрадь со стихотворениями, ходившими по рукам заключенных ГУЛАГа. Среди них нет произведений профессиональных поэтов, эти написанные в неволе неумелые строчки несут отпечаток самодеятельного творчества простых людей, оказавшихся за колючей проволокой.

Тетрадь содержит 102 стихотворения, переписанных заключенным Г.П. Бельтиковым¹, отбывавшим наказание в Каргопольском исправительно-трудовом лагере в период 1953-1956 гг. После отбытия наказания, в конце декабря 1956 года, Г.П. Бельтиков возвращался домой из Архангельской области. В предновогодний день 31 декабря 1956 года при проверке документов был задержан Молотовским отделом милиции. У него обнаружили тетрадь с «антисоветскими стихами». Ему вменили совершение преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК РСФСР – «антисоветская пропаганда и агитация». Ознакомимся с некоторыми выдержками из протокола допроса Г.П. Бельтикова:

Вопрос: Вы являетесь автором стихов?

Ответ: Нет. Стихи я начал переписывать с тетрадей других заключенных, начиная с 1953 года.

Вопрос: С какой целью были списаны стихотворения?

Ответ: Были списаны мною потому, что нравились мне, импонировали моим настроениям. Я имел намерение сохранить их как память о проведенных мною годах в лагерях и тюрьмах.

Вопрос: Ваше мнение об идейном содержании стихов?

Ответ: Я не отношу их к антисоветским стихам. По моему мнению, они отражают отдельные недостатки работников ГУЛАГа, в них действительная жизнь заключенных в лагерях.

¹ Г.П. Бельтиков, 1925 г.р., уроженец г. Кушва Свердловской области, образование начальное, беспартийный. Молотовским областным судом 9 марта 1957 г. осужден к 3 годам лишения свободы за «антисоветскую пропаганду». Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 24 июня 1958 г. дело на Г.П. Бельтикова прекращено за отсутствием в его деятельности состава преступления.

Вопрос: Где хранили тетрадь со стихами?

Ответ: Хранил ее на койке, под матрасом.

Вопрос: Чем вы можете дополнить свои показания?

Ответ: Тетради со стихами имеются у многих заключенных, почти у каждого третьего. Лагерная администрация ведение альбомов и тетрадей со стихами нам не запрещала. Тетрадь неоднократно просматривали охранники лагеря и возвращали обратно. При освобождении такие тетради у нас не отбирали.

*Допросил: старший оперуполномоченный ОКГБ
при СМ СССР капитан А. Иванов*

ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29240. Л. 30-31.

Подлинник. Рукопись.

Почему они с таким тщанием переписывали эти строчки, почему заучивали их наизусть, пели их? Наверное, не только потому, что они им нравились. Нетрудно догадаться: с помощью этих немудреных стихов люди надеялись рассказать правду о пережитых страданиях. Иной формы самовыражения у заключенных и ссыльных просто не существовало.

Итак, перед Вами стихи жертв советского режима, сочиненные в тюрьмах, колониях и лагерях ГУЛАГа.

XIX ПАРТСЪЕЗД

[Между 1952-1956 гг.]

Каргопольский ИТЛ,

Архангельская обл.

Как хороша вечерняя столица,
Как ярко светят тысячи огней.
И поневоле сердце будет биться,
Когда проходишь старый Мавзолей.

Проснись, Ильич, взгляни на наше счастье,
Послушай XIX партсъезд.
Как мы идем под флагом самовластья
И сколько завоевано побед.

Взгляни на сцену, как поют артисты,
Литературу тоже не забудь.
Но за железные кулисы,
Прошу, Ильич, не вздумай заглянуть.

Там страшно, там страдают люди,
Там нет того, что ты им завещал.
Там нет советских правосудий,
Там кровь штыков, насилие кандал.

Там черным хлебом кормят недосыта.
Одеты в рваных лоскутах.
Дорога к жизни навсегда закрыта.
Спасет нас чудо иль Аллах.

На наших шеях тысячи кандалов.
Мосты, дороги строили з/ка.
На наших шеях жены генералов
Одеты в драпы и шелка.

На наших шеях все дворцы Советов,
На наших шеях армия и флот.
О нас не пишут в книгах и газетах
И не хотят, чтоб знал о нас народ.

Но все равно народ о нас узнает:
Как расцветал социализм,
Как люди, кровью истекая,
Проклинали е(...) коммунизм.

Ильич, Ильич, разве ты за то боролся,
Чтоб рабочий гнулся в три дуги?
И за хлеб насыщенный кровью обливался
И целовал чекистам сапоги?

НА СМЕРТЬ УСА

Вольною грудью вздохнула Россия,
Яркой надеждой наполнив сердца.
Лишь прозвучали слова коммунизма,
«Умер великий», – сообщила Москва.

Траур покрыл города и столицы,
Смолкли оркестры в советских дворцах.
Замерла Русь под надзором милиций
С черной каймою на красных флагах.

Кончился твой путь, покрытый славой,
Пройденный тобою по Руси.
Но скелетов не покроют лавры
И твой венок, замаранный в крови.

Что ты сделал для людского блага,
Став на пост в политбюро?
Дал свободу МВД, ГУЛАГу,
А народам – рабство и ярмо.

Всю Россию заковал цепями
И окутал сетью лагерей.
Тридцать лет бессонными ночами
Лились слезы жен и матерей.

Лабиринтом тюрем и штыков
Ты сумел замуровать Россию,
Под влиянье взяв большевиков
И прикрывшись лозунгом свободы.

Лживой фразой равенства для всех
Слушал стоны русского народа,
Шум тайги и сумасшедших бред.
Нет тебя.

Теперь вздохнут народы
Там, где ты пустыни орошал
И под вольным русским небосводом
Крепостное право создавал.

ЛИКУЙ, МОСКВА. МОСКВА, ЛИКУЙ...

Ликуй, Москва. Москва, ликуй.
И в торжестве весь край.
Никто в лагерях не смеется,
Когда в Москве встречают 1-й Май.

Я видел много там народу,
В Москве, на Красной площади,
Где конный резерв хранит
Свой социалпорядок.

Красиво блещут нам знамена,
Матросы речь там говорят,
Ура! И все сплелось в сплошном бреду.
В бреду коммунистического рая.

А там, далеко в лагерях,
Катают волоком баланы,
Гудит лучек в стальных руках,
Под натиском людского урагана
Тайга дорогу уступает.

Сплошным рядом идет за баланом балан,
И только слышно: «лови».
А на каждом балане написано кровью:
«Лесоруба спаси».

Вот он вышел, измучен,
Избитый прикладом,
С ровными складками губ,
С душою, прикрытою рваным бушлатом,
На трибуну Соловецкий лесоруб.

Он говорил и, комкая слова блинами,
Из легких выжимая последний сок:
«Товарищ Сталин, мы тоже с вами.
Мы тоже выполняем пятилетку
В короткий срок».

Он говорил, в душе лилися слезы,
Не смея об этом сказать,
Что путь от Соловков
До центра России
Трупами можно устлать.

Я выходил на развод,
Был сильно болен.
На работу не в силах идти,
108 баланов – урочная норма,
Вот в чем заключалась жизнь.

Нарядчик, надрывая луженую глотку,
Чтоб до последнего сделать развод,
Спины несчастных ломая дубиной,
По 20 человек пускал в расход.

Баланы на бирже, а люди в расходе,
Ужасная воньга наводит мне жуть,
А лес здесь тяжелый, особой породы,
Сдавил молодецкую грудь.

Там грузят трюма
Иностранные судна.
Эй вы, англичане!
Протрите глаза.
Вот вам баланы напитаны кровью,
На жилах висит лесоруба рука.

Вот взмах топора,
И нет руки лесоруба.
О!!! Мама, я пью окровавленный ром.
Так будь же ты проклят,
Весь северный край.
Так будь же ты проклят,
Весь этот заслон.

Никто в лагерях не смеется,
Когда в Москве встречают 1-й Май.
Не тебя ли, Москва и Россия, просили,
Когда прекратить в Соловках производ?

Москва и не знала, Россия молчала.
Так вам, англичане,
Большое спасибо,
Что вы отказались кровавый брать лес.

РОМАНС

Ветер в роще листвою шумит,
Пожелтели листья от времени.
Вспоминаю о том, как прожил
Без весны молодое цветенье.

Дни проходят один за другим,
Месяца пролетают и годы.
Я вчера еще был молодым
И веселым юнцом безбородым.

Но прошла и увяла любовь,
Жизнь пошла по распутице тонкой.
И теперь я сижу у окна,
Постарел за железной решеткой.

Нет по сердцу мне здесь ничего,
Край чужой, чужеземные дали,
Извели, измотали всего,
В душу, грубо смеясь, наплевали.

Как в холодных железных тисках
Сердце ноет, болит и страдает.
Только о любимых краях
Сердце биться в груди заставляет.

А на воле осенняя стужа,
Рощи вянут, под инеем стынют.
Я домой непременно вернусь,
И родные края меня примут.

Знаю, счастье мое впереди,
Грязь я смою, а грубость запрячу.
И прижмусь к материнской груди
И от счастья тихонько заплачу.

РЕБЕНОК

Как дико среди матерной брани
Услышать ребенка пронзительный крик
И думать, а ты по какому этапу,
Какими судьбами к нам в зону проник?

За что своей жизни святое начало
Укрытым от света ты здесь проведешь?
За что же судьба так тебя наказала,
Несчастный малютка, ты сам не поймешь.

В сушилке, аль в бане, тайком, но упрямо
Заложен фундамент был жизни твоей.
Вот так ты родился из ямы да в яму,
Питомец неволи, дитя лагерей.

Гляжу за движеньем твоим неумелым,
Хочу я тебе пожелать,
В награду за мрачное детство,
Чтоб путь твоей жизни светом сиял.

Рожденный в неволе, пусть ты не узнаешь
Ее никогда больше в жизни своей.
И если случайно о ней прочитаешь,
Ты книгу закрой и забрось поскорей.

ЗАКОН

Закон для всех законом существует,
Что издан для советского народа.
Но почему же не наказан тот,
Кто нагло и бессовестно отнял у нас свободу?

Я гражданин Союза ССР,
Я жил как сын пролетариата.
Одну свободу лишь имел,
И та сейчас у меня отнята.

Так будьте же прокляты вы все,
Кто жизнь сковал мою цепями.
Я вижу, меч над головой
Поднят позорными руками.

Я жить рожден иль умереть?
Скажите! Что же вы молчите?
Зачем смерть ждать так много лет?
Вы лучше сразу застрелите.

Иль бросьте средь пустынных степей,
Пусть рвет в лохмотья ветер дикий
И силой тленною своей
Развеет по Руси Великой.

И чтоб до каждого ума
Дошло страданье краткой жизни.
Не я ль в тайге сосну пилил?
Служил трудом отчизне?

В горах Урала снег и камень
Окрасился в багряный цвет,
То не зари восточной пламя,
То Ивделя кровавый след.

Ревет и стонет край суровый,
В порывах ветер бьет гранит.
А на граните бор сосновый
Покой невольников хранит.

Я не забуду тех людей
И не забуду блеска стали,
По пояс лазая в воде,
Мы хлеб свой кровью добывали.

И вот я вновь перед судом,
Мне зачитали обвинение,
Статью какую-то дают –
Указ о новом преступлении.

Я жить рожден иль умереть?
Скажите! Что же вы молчите?
Зачем смерть ждать так много лет?
Вы лучше сразу застрелите.

1935 1936 1937 1938 1939 1940

ВЛАСТЬ ДОНОСА

Известно, что в годы Большого террора (1937-1938 гг.) органы НКВД получили около 5 миллионов доносов. О своих бедах, связанных с доносами и доносчиками, рассказывают практически все жертвы репрессий, выжившие, прошедшие ГУЛАГ. Такой была атмосфера тех дней. Подозрительность, недоверие, страх и подлость. Никто не был застрахован от доноса, написанного фанатичным разоблачителем «врагов народа», от людей, путем предательства пытавшихся доказать свою преданность режиму.

Правда, к концу жизни вождя народов, ко времени проведения его последней акции против «безродных космополитов» доносительство приобрело с виду более цивилизованные формы. Теперь его заменили «письма трудящихся», «сигналы с мест», на которые были обязаны реагировать партийные, советские органы власти и, конечно, МГБ-КГБ.

Но сущность не менялась. С первых и до последних дней власти большевиков человек чувствовал на себе тяжелый пресс всеохватывающего контроля над его личной и общественной жизнью. За любое проявление инакомыслия, за попытку сказать, выступить, проголосовать не так, можно было потерять все, в том числе свободу и саму жизнь.

Публикуемые в этой главе исследовательские работы А.С. Кимерлинг и В.В. Шабалина проведены в рамках проекта фундаментальных исследований ЦФИ Высшей школы экономики.

ВЛАСТЬ ДОНОСА

Анонимное письмо во власть

Анонимное письмо рабочего цеха № 9 завода им. Дзержинского в Молотовский Обком ВКП(б). 12.03.1948 г. Рукопись// Пермский государственный архив новейшей истории. Ф.105. Оп.14. Д. 516. Л. 5-7.:

Партия, правительство и лично тов. Сталин всегда проявляют заботу о человеке. В одном из докладов Сталина говорится: человек – это самый ценный капитал. 16.12.1947 было передано постановление правительства об денежной реформе и отмене карточной системы. В этом постановлении говорится, что мы после тяжелой войны подошли к советской свободной развернутой торговле, и что постановление слушали все граждане Советского Союза и плакали от радости на душе, забыв канонаду пушечных выстрелов, которая приносила тяжелые жертвы, и ликую с победой русского советского человека над злешим врагом гитлеровской германией (автор письма пишет название страны с маленькой буквы – А.К.). Я работаю на заводе им. Дзержинского и наш завод в дни отечественной войны вырос в крупный гигант. Коллектив завода неоднократно одерживал победу в соц-соревновании и вместе шел коллектив инструментального цеха, который горячо подхватил выполнение пятилетнего плана в 4 года. И ряд товарищей работают в счет 5го года пятилетки. Но ростом производительности труда особенно молодых рабочих занимаются плохо. Политика массовой и разъяснительной работы в цехе нет. Полит. школа не работает, отделяются вывешиванием плана работы. Читки газет и бесед не проводится. Я беспартийный работаю в цехе 10 лет желаю участвовать в общественной жизни цеха которой у нас нет. Вот например 11.03.1948 года на коротком совещании торжественно нам объявили, что 12.03.1948 проводится рабочее собрание с вопросом: заключение коллективного договора на заводе, и 2е продажа муки в цехе всем рабочим! Оказалось муку стали продавать по биркам! Вначале служащим а что останется то – рабочим. Но рабочие возмутились и на собрание не пошли. То администрация цеха решила задержать рабочим

номера и оставить всех рабочих на собрание и наобещали продать муку после собрания.

Собрание проводил от администрации т. Петрищев, а от профорганизации никого не было, и заступиться за рабочих некому. Поэтому и активность плохая, потому что все безобразия проходят мимо партийно-профсоюзной организации и они не замечают и рабочих не защищают. 8ми руб. муку 90 кг разделили, растащили нач-к цеха и парторг т. Минин и разные администраторы цеха и зам нач-ка тов. Конюхов унес 4 пакета муки с заднего хода. Тогда как участнику войны т. Черепанову не дали и силой его вытащил из очереди начальник ОТК т. Синицин и грубо наругал тов. Черепанова. А кадровые рабочие остались без муки как т.т. Ощепков, Бушувев, Федотовских и Романова. Это происходит, что вся администрация сжились семейно.

А рабочие остаются в стороне особенно кадровые. Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии.

Фамилию не оглашаю, потому что Администрация и партийно-проф. организация не уважают, когда им подсказывают провду.

Сприветом рабочих. 12.3.1948

Цех №9 Попова зав(од) им. Дзержинского.

Анонимное письмо написано на тетрадных листах в клетку чернилами. Писал действительно простой рабочий – почти нет запятых, много орфографических и стилистических ошибок. Германия, с маленькой буквы. Слово «правда» действительно написано через «о» – «провда», а «Сприветом» – слитно.

Что нам открывает такое письмо? На самом деле, очень много. Во-первых, показывает особенности риторики той эпохи. Во-вторых, раскрывает целый ряд мифов, существовавших в сознании советских рабочих. В-третьих, дает информацию об особенностях повседневности послевоенного периода. В-четвертых, демонстрирует разные формы сопротивления несправедливости.

Подобного рода жалобы-доносы были особым явлением советской действительности. Они выглядели своего рода проявлением демократического права населения на участие

в управлении государством и право на справедливое правосудие.

Возникновение института жалоб трудящихся связано с типовой особенностью тоталитарных режимов: на благополучие чиновника влияют не результаты его деятельности, а отношение вышестоящего начальника. С одной стороны, это приводит к лести и угодничеству, а с другой – к составлению таких отчетов о проделанной работе, которые бы не разгневали вышестоящих. Поэтому чиновники на местах чаще всего посылают вверх ту информацию, которую ждет от них начальство, а не ту, которая отражает реальное состояние дел. Но при этом власти не могут оставаться без достоверной информации хотя бы потому, что это создает угрозу для них самих. Поэтому правительство поощряет жалобы и наказывает за доносительство. Так что еще одной функцией жалоб была имитация обратной связи народа с властью.

«Жалобы трудящихся» удобны еще и тем, что позволяли в нужный момент использовать их в политических кампаниях, задуманных властями, в качестве повода для репрессий.

Наконец, в сталинскую эпоху письма в различные инстанции становятся важнейшей формой идентификации с властью. Традиционные ценности постепенно отмирают или попадают под прямой запрет. Общество рвет социальные связи, и одинокий человек ищет прибежище у власти. Она – единственный гарант стабильности в меняющемся мире, воплощение порядка и безопасности, источник всяческих благ. И особую роль здесь, конечно, играли жалобы самому Иосифу Сталину. Е. Зубкова пишет: «Письма вождям – это еще и последняя попытка вырваться из заколдованного круга повседневности... Некоторые сразу апеллировали к верховной власти, заранее убежденные, что на местах они не найдут понимания»¹.

Жалобы имели разную форму, могли быть устными и письменными, очными и заочными, с подписью и анонимными, индивидуальными и коллективными. Партийные и государственные инстанции обязаны были реагировать на каждую «жалобу» или «критическое замечание». На предприятиях и в учреждениях существовали специальные журналы, где

¹ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945-1953. – М: РОССПЭН, 1999. – С. 173.

жалобы учитывались. Факты подлежали расследованию в четко установленные сроки.

Если речь шла о членах ВКП(б), «письма и жалобы» рассматривались на партийных собраниях, виноватым выносили партийные взыскания, намечался план исправления недостатков. Вне зависимости от того, подтверждались факты или нет, заявитель имел право на ответ. Он давался инстанцией, которой касалась жалоба, и имел формальное содержание: сообщал подтвердились ли факты, изложенные в жалобе, затем речь шла о принятых мерах. Ответ мог быть либо письменным, либо устным, если была возможность вызвать автора в соответствующую инстанцию.

Если жалоба поступала в редакцию газеты, то ее могли опубликовать под рубрикой «Письма в редакцию» или в обзоре писем, или отослать как неопубликованную корреспонденцию в упомянутую в жалобе инстанцию для принятия мер и ответа. В любом случае организация, которая подвергалась «критике трудящихся» должна была отреагировать. Редакции газеты вменялось в обязанность проследить за скорейшим исправлением отмеченных недостатков или наказанием виновных. В течение двух-трех месяцев в газете появлялся отчет редакции в рубрике «По следам наших выступлений».

Приведенное в начале статьи письмо хоть и было анонимным, но тоже требовало реакции. Письмо датировано 12 марта, а 1 апреля в цехе провели партсобрание, на котором перечисленные в жалобе факты подтвердились – «нарушение правил советской торговли при продаже муки имело место... состоявшийся пленум завкома разобрал этот вопрос и начальнику цеха тов. Попову, предцехкому тов. Дулепову поставил на вид»¹.

Слова, которые использует автор жалобы, повторяют газетную риторику тех лет. Человек как будто говорит не сам, за него говорят штампы: *«Партия, правительство и лично тов. Сталин всегда проявляют заботу о человеке», «горячо подхватил выполнение пятилетнего плана в 4 года», «ряд товарищей», «торжественно нам объявили». Отдельные штампы отражают речь политических кампаний именно послевоенных лет: «вся администрация сжилась семейно».*

¹ Секретарь парткома Галкин – Молотовский обком ВКП(б). 5.04.1948. Машинопись// ПермГАНИ. Ф.105. Оп.14. Д. 516. Л.8.

Обратим внимание на содержательную структуру данной жалобы. Долгое вступление, в котором автор вначале ссылается на политику Сталина, затем подтверждает всенародную поддержку постановлению правительства об отмене карточной системы, заканчивается критикой политмассовой работы в цехе. Далее автор, несмотря на анонимность, показывает свою политическую благонадежность – хоть и беспартийный, но со стажем работы и желает участвовать в общественной жизни. И только на 3-ем листе суть вопроса, наконец, проясняется.

Длинное вступление – это не только ритуал, который должен подтвердить лояльность автора письма по отношению к существующей системе, это и искренняя убежденность, что подобные слова необходимы, чтобы получить удовлетворение жалобы. В нем мы видим пропагандистские мифы, которые должны усвоить все советские граждане: о заботливом отце народов Сталине, о всенародной любви народа к советскому государству, о народе-победителе, об энтузиазме и непременном промышленном прогрессе (включающем в себя постоянные победы в соцсоревновании, выполнение пятилетнего плана в 4 года, рост производительности труда). Здесь же мы видим миф о том, что центральная власть еще эффективнее местной может разобраться в любой ситуации, недаром автор заканчивает письмо словами: «а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии».

Мифы играли важную роль в советской повседневности. Плачевное состояние собственных бытовых условий и социальную несправедливость можно не замечать только в условиях преобладающего значения идеологических мифов. Советский человек сталинской эпохи очень своеобразно воспринимал действительность. Логика не имела значения, когда речь шла об идеализированной советской реальности. Это явление исследователи сталинской эпохи называют «социальной шизофренией». Как пример, приведем еще одну жалобу, в полной мере иллюстрирующую это явление. Письмо принадлежит верующим села Лобаново, они тоже жаловались в обком партии:

«По конституции в нашей стране свобода вероисповедания. Ведь да? Так? Или нет? А ведь на самом деле нет! И вот почему. Сегодня в селе Лобаново на кладбище пришли местные люди, чтоб принести дань уважения и вспомнить

умерших. Пришел поп из Кольцова, должен был служить на могилах, ведь мы живем в свободной стране... Но вот пришли председатель сельсовета Дружинин и директор школы Лобаново и увели священника в сельсовет, не дали ему служить, наверное, ругали его, обзывали... Вы осуждаете, что в других странах дела и слова расходятся, а у нас что? Мы верующие этим возмущены и подавлены. Будем писать Сталину, а то и сами поедем. Понятно, что это местные заправилы хозяйничают»¹.

Люди как будто впервые заметили, как относятся в нашей стране к религии. Они уверены в реальности конституции, но вдруг обнаружили, что она не действует. Виноваты, конечно, только «местные заправилы», а Сталин или секретарь обкома обязательно разберутся, и рассудят по справедливости. Вот также легко советский человек находил объяснения «отдельным недостаткам» своей жизни. Когда этих недостатков становилось слишком много, в стране начиналась политическая кампания, и объявлялся новый враг – внутренний или внешний, его-то и обвиняли во всех проблемах.

Невзирая на все трудности повседневной жизни, большинство советских людей видели только то, что показывала им пропаганда. Считали, что Ленин в октябре 1917 года сотворил чудо, начав для нашей страны (а точнее, для всего мира, только мир этого еще не осознал и не оценил по достоинству) новый, более прогрессивный виток истории. Советский Союз представлялся демократичной, прогрессивной страной, оплотом добра и справедливости. Такие представления делали тяжелую жизнь более терпимой, она казалась временным явлением. Идеология давала ответы на все вопросы и служила путеводной нитью. «Именно в этом мире благодаря одному только воображению лишенные корней массы могли чувствовать себя как дома и избавиться от нескончаемых шоковых ситуаций, которые реальная жизнь и реальный опыт опрокидывают на человеческие существа и их надежды»².

Автор анонимной жалобы демонстрирует, что полностью разделяет советские мифы. Но это не мешает ему показывать

¹ Письмо в Молотовский обком ВКП(б). От верующих села Лобаново Верхне-Муллинского района. 17.06.1948. Рукопись// ПермГАНИ. Ф.105. Оп.14. Д.516. Л.14.

² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996. – С. 466.

жизненные реалии. На заводе пришло время подписывать коллективный договор. В пропагандистских целях это собираются делать, организовав торжественный ритуал. Но, видимо, понимают, что голодные рабочие нуждаются в стимуле. Поэтому, им обещают «выбросить» на продажу муку.

Надо сказать, что мука была в то время знаковым продуктом, та-

ким же, как хлеб и колбаса в более раннюю и более позднюю советскую эпоху. Мука достаточно часто становилась причиной конфликтов, которые нашли отражение в жалобах в партийные инстанции. Например, она стала камнем преткновения в склоке между бывшим завмагом Продснаба № 1 при Березниковском Магниевом заводе Сапеевым и его начальником Бокманом. *«Именно 1 марта поступившая сортовая мука для продажи в розницу рабочему классу в порядке живой очереди не более 3 кг. Приходя ко мне в магазин Бокман приказывает мне как подчиненному лицу подавая список на 10 человек развезти муку 85 % по квартирам по 30 кг каждому и говорит 5 мешков муки забронируйте и... по квартирам дирекции: Бачурину, Бычину, Савельеву, Бригу и т.д.»*¹. Завмаг пытался оставить немного муки хотя бы для своих подчиненных, и обратился по этому поводу к начальнику торгового отдела Продснаба Бордюковскому: *«Я его спросил почему же Бокман опять хочет муку развезти по спискам. Я говорю дайте хотя моим 9-ти сотрудникам по 3 кг. Не ужели мы в честь праздника 1-го Мая не хотим скушать белый пирог и белый оладик. Тогда тов. Бордюковский пишет письменное распоряжение кладовщику столовой №1...отпустить*

¹ Орфография и пунктуация автора сохранена. См.: Заявление от члена ВКП(б) бывшего завмага 1 Продснаба при БМЗ Березники Сапеева Ивана Андреевича. 15.08.1948. Рукопись. // ПермГАНИ. Ф.105. Оп.14. Д. 510. Л.17.

*1 мешок для столовой №1»*¹. И этот мешок стал причиной скандала, Бокман грозил Сапееву увольнением и исключением из партии. Кстати, уволить завмага он действительно смог, о том и жалоба. Получается, что на муку, в первую очередь, претендовали начальники, во вторую – работники торговли, и лишь в последнюю – рабочие, которым она была предназначена официально.

Та же история случилась и на заводе им. Дзержинского. Муку в больших объемах разобрали начальники, по биркам купили служащие, а кадровые рабочие остались ни с чем. Кстати, понятие «бирки», по которым на заводе что-то выдавали или продавали, тоже элемент повседневности, который – раньше ускользал от исследователей.

Еще одна деталь повседневности всплывает в этой жалобе. Оказывается, когда администрация завода хотела увеличить рабочий день, она «задерживала рабочим номера», судя по всему, именно эти «номера» позволяли выйти через проходную наружу. Скорее всего, ушедший без номера рабочий считался бы дезертиром. Наиболее частыми мотивами дезертирства были следующие: плохие условия работы на первом месте, по болезни, не подтвержденной документами, – на втором. Затем примерно в равном количестве следуют: поездка в деревню по личным вопросам, перевод на другую работу без личного согласия, опоздание при возвращении из отпуска, из-за отсутствия одежды и обуви, в связи с опозданием поездов².

Итак, рабочих лишили возможности купить муку, но они не проглотили обиду и не стерпели. Они возмутились и на собрание не пошли. Получается, что подписание коллективного договора – это не вопрос регламентации трудовых отношений, а результат сиюминутного получения еды. Рабочие готовы подписать договор, но только если их за это покормят. Это выдает сугубо ритуальный характер подписания коллективного договора, а также выявляет доиндустриальные отношения между начальниками и рабочими. Отказ прийти на собрание

¹ Заявление от члена ВКП(б) бывшего завмага 1 Продснаба при БМЗ Березники Сапеева Ивана Андреевича. 15.08.1948. Рукопись. // ПермГАНИ. Ф.105. Оп.14. Д. 510. Л.18.

² См: Справка о результатах проверки и изучения практики отдачи рабочих под суд за прогулы в промышленных предприятиях области и обсуждения несовершеннолетних детей. Машинопись. // ПермГАНИ. Ф.105. Оп.14. Д. 442. Л.150.

был первой формой сопротивления несправедливости, которую высвечивает жалоба. Другая форма сопротивления – это написание письма в обком или в ЦК ВКП(б). Причем анонимный автор пока не спешит писать в ЦК, он лишь угрожает обкому, что напишет туда. Что интересно, реакция последовала, виноватым «поставили на вид», но муки-то рабочие, скорее всего, так и не получили.

Жалобы как явление становятся частью культуры доносительства, которая переживала расцвет в сталинскую эпоху, когда, брошенный однажды лозунг: «Каждый гражданин – сотрудник НКВД» – многим не казался диким. Ведь еще В.И. Ленин говорил: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист»¹.

В сталинскую эпоху слово «донос» бытовало только в быденном языке. Общественная мораль XX века по-прежнему осуждала доносительство. В.Г. Короленко писал в 1919 г.: «Власть доноса, – власть не только подлая и безнравственная, но и опасная... Берегитесь попасть во власть доносов»².

Казенный язык предпочитал заменять глагол «доносить» другими терминами: «сигнализировать», «сообщать», «доводить до сведения», «разоблачать» и т.п. Из криминальной среды в бытовую речь вошел глагол «стучать». В официальной речи место доноса заняла «жалоба». Первоначально составители советских толковых словарей не могли совершенно игнорировать слово «донос». Его моральная оценка полностью корреспондировала со сложившимся в либеральной среде суждением. В словарях 30-х годов «донос» имел исключительно контрреволюционный подтекст и определялся как «орудие борьбы буржуазно-черносотенной реакции против революционного движения»³. А уже в «Словаре современного русского литературного языка» 1954 года издания понятие «донос» исчезает. Есть слово «доносить». Вторым пунктом значится: «Доводить что-либо до сведения какого-либо лица или учреждения»⁴. «Жалоба», согласно этому же словарю определяется почти также – «заявление, указывающее на

¹ В.И. Ленин и ВЧК. – М., 1975. – С. 363.

² Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917-1921. – С. 129.

³ Толковый словарь русского языка. Под ред. Ушакова Д.Н. – М., 1934. – С. 766.

⁴ Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Т. 3. – М.-Л., 1954. – С. 979-980.

незаконное или неправильное действие какого-либо лица или учреждения»¹.

Таким образом, слово «донос» практически исчезло из партийных и государственных документов сталинской эпохи. Его подменяли множеством синонимов, словосочетаниями-штампами, типа «письма и жалобы трудящихся», «критика снизу», «предложения коммунистов», «сигналы печати» и т.д.

Наиболее активно жалобы поступали в органы власти в периоды развертывания политических кампаний. Государство находило нового врага, и граждане тут же начинали проявлять бдительность и искать этого врага на своей территории. Именно на разоблачения была направлена активность масс во время политических кампаний. Это позволяло людям выплеснуть накопившееся недовольство. Так было и в начале 1953 г., когда в качестве врага были определены медики-убийцы в белом халате, и одновременно евреи – безродные космополиты. Но не только медики и евреи стали жертвами этой кампании. Начальники всех рангов оказались в опасности.

Местные газеты исправно перепечатали передовицы из «Правды», которые призывали быть бдительными. Письма, жалобы и заявления трудящихся огромным потоком хлынули в различные инстанции. Характер их далеко не всегда соответствовал характеру кампании, но призыв к бдительности не остался без ответа. Люди писали о том, что им ближе. О проблемах на своих предприятиях, о своих непосредственных начальниках. Немало поступало и бытовых жалоб. Однако, во время политической кампании, в начале 1953 г., критика начальников начинала преобладать. Интересны данные, приведенные в одном из отчетов Кунгурского горкома партии за 11 апреля 1953 г.: «Количество жалоб ... значительно увеличилось... За три месяца 1952 – 76 жалоб, за три месяца 1953 – 103. Изменился и характер жалоб... Если раньше больше было по квартирным вопросам, то теперь больше сигнализируют о беспорядках на предприятиях и учреждениях»².

В первой трети 1953 года в партийных инстанциях развертывается кампания по налаживанию работы с жалобами и

¹ Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Т. 4. – М.-Л., 1955. – С.18.

² Отчет о ведении секретного и простого делопроизводства в Кунгурском ГК КПСС. 11/IV-1953.// ПермГАНИ. Ф. 158. Оп. 21. Д. 13. – С. 16.

заявлениями трудящихся. И тут мы узнаем, как в идеале полагалось работать с жалобами трудящихся. Этой теме посвящены пленумы райкомов и горкомов, партийные собрания первичных парторганизаций предприятий и учреждений. Примерно 46 процентов райкомов Молотовской области на пленумах обсуждали тему о реагировании на критические выступления и сигналы печати, жалобы и предложения трудящихся, либо заслушивали информацию о мерах, принятых по критическим замечаниям коммунистов.

Партийные инстанции настоятельно требуют улучшить работу с «письмами трудящихся». Повсеместно партбюро горкомов и райкомов рассматривают дела о неудовлетворительной работе с жалобами. Однако за формально-бюрократическое отношение к этой проблеме следуют не слишком строгие партийные взыскания. В основном, ограничиваются указанием. Но, в редких случаях, имеют место предупреждения и даже выговоры без занесения в учетную карточку.

Некоторые инстанции продолжают относиться к жалобам по-прежнему, без особого рвения. В обком потоком идут докладные, где начальники разного ранга отчаянно пытаются оправдать свое несвоевременное реагирование на сигналы. Например, прокуратура отправила подобный документ 15 января 1953 г. В нем и.о. прокурора Молотовской области И.И. Буканов пишет: «Редакция газеты на проверку корреспонденций... устанавливает срок 10 дней. Этот срок является совершенно нереальным, уже не говоря о том, что сами корреспонденции поступают в прокуратуру после 2-х дней со времени подписания направления... что проверка должна проводиться в районах области... а по почте они поступают исполнителям через 4-6 дней, само содержание корреспонденций... часто требует производства ревизий, бухгалтерской или графической экспертизы ... «Правда» обычно такие корреспонденции просит проверить в срок 1 месяц»¹.

Во всяком случае, именно во время политических кампаний возрастает вероятность того, что жалоба получит необходимый ее автору отклик. Так случилось с директором завода торгового

¹ Докладная записка и.о. прокурора Молотовской области И. Буканова «О результатах проверки фактов несвоевременного реагирования прокуратуры области на письма, поступающие из редакции». 15.01.1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. – С. 27.

машиностроения «Механолит» Сусловым Ф.Л. Начиная с 1950 года, на него писали доносы. Однако, Кагановический райком и Молотовский горком защищали его от нападок. «Дело врачей» не позволяло прощать покровительство неблагонадежным лицам. 23 января 1953 г. бюро Молотовского обкома выносит постановление: «За злоупотребление правами единоначальника, нарушение государственной дисциплины, ротозейство, за отрыв от масс, игнорирование партийной организации и неправильное отношение к критике т. Суслова Ф.Л. с работы директора завода «Механолит» снять и объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку»¹.

После смерти Сталина политическая кампания «дело врачей» постепенно сошла на нет. И к концу 1953 года тематика и интенсивность жалоб вернулась в свои обычные рамки. Чермозский РК КПСС, например, предоставил в Молотовский обком «Справку о результатах проверки состояния рассмотрения жалоб и заявлений трудящихся», где бытовая тематика находится на первом месте по общему количеству жалоб за 1953 год. Тема злоупотребления служебным положением – на втором месте². Без идеологического давления из центра местная бюрократическая система, действуя по корпоративному принципу, сумела остановить невыгодные для нее потоки жалоб и выйти из-под огня критики.

***А.С. Кимерлинг, кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ***

ОТ ДИСКУССИЙ К ПОДПОЛЮ

Очерк истории левой оппозиции в г. Перми (1927-1928 гг.)

Декабрь для пермских и мотовилихинских левых – несчастливый месяц. В декабре 1883 г. полиция провела аресты народников – «пермских декабристов», чья история описана в

¹ Протокол заседания бюро Молотовского обкома 23.01.1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 29. – С. 73.

² Справка о результатах проверки состояния рассмотрения жалоб и заявлений в Чермозский РК КПСС и районном Совете депутатов трудящихся. 18.08.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 199. – С. 149-150.

блестящей работе Я.Б. Рабиновича¹. В декабре 1905 г. казаки и солдаты пресекли беспорядки в Мотовилихе, устроенные местными подростками-леваками. Известное каждому пермяку событие, получившее наименование «вооруженного восстания»², закончилось избиениями и арестами революционеров. Менее известно то, что произошло уже после революции, в 1928 году.

В 1928 году – и опять в декабре – пермскими сотрудниками ОГПУ были взяты под стражу тринадцать участников тайной организации *большевиков-ленинцев*. Аресты, как и полагалось, проводились ночью, а подпольщики, которых вели по улице, называемой сегодня Комсомольским проспектом, в соответствии с революционной традицией пели «Интернационал» и обзывали своих конвоиров «жандармами». Те терпели, ведь арестованные были не анархисты и не белые. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что и чекисты и *большевики-ленинцы* принадлежали к одной и той же партии, а также разделяли идею пролетарской диктатуры. Думается, что и те и другие еще до конца не верили, что все происходящее – всерьез. Здесь даже можно было бы вспомнить крылатое выражение Маркса о повторяемости в истории и фарсе, если бы не знание, того, что всю оставшуюся жизнь неудачливым подпольщикам пришлось провести в унижениях, арестах и ссылках. Как минимум, у четверых этот период жизни закончился расстрелом в 1937 году.

I

Раскол в большевистском лагере, вызванный введением новой экономической политики, а также несбывшимися ожиданиями, связанными с революцией, породил целый веер различных левых групп и фракций, которые предлагали альтернативные пути развития страны. Между ними и партийным аппаратом, поддерживающим Сталина, шла политическая борьба, которая в некоторых формах еще была возможна в 20-е гг. При всех идейных разногласиях левых оппозиционеров сближала борьба за внутрипартийную демократию, за свободу выражения своего политического стиля.

¹ Рабинович Я.Б. Пермские «декабристы» (1880-1883 гг.). – Пермь: Перм. кн. изд-во. 1966.

² Современный взгляд на события см. в: Бушмаков А.В. Сорок юных бойцов... Декабрь 1905 года в Мотовилихе. // «ПЕТРОСПЕКТИВА». 2007. № 2. – С. 3-7.

Лидеры оппозиции в 1927 году незадолго до их высылки из Москвы. Сидят слева направо: Леонид Серебряков, Карл Радек, Лев Троцкий, Михаил Богуславский и Евгений Преображенский; стоят: Христиан Раковский, Яков Дробнис, Александр Белобородов и Лев Сосновский.

Пермь и Мотовилиха не оставались в стороне от происходивших в партии процессов. Уже в начале 20-х гг. здесь ярко выступил Г.И. Мясников, вступивший в полемику с самим В.И. Лениным с защитой идеи рабочей демократии. Дискуссия закончилась арестом Г.И. Мясникова и подавлением его сторонников. Само движение было обозвано «мясниковщиной», победа над которой стала важным сюжетом мифологии пермской парторганизации.

После страстей, связанных с событиями 1921-1922 гг., внутривнутрипартийная дискуссия 1923 г. выглядела более спокойно, а выступления оппозиционеров, на фоне пламенных речей Мясникова, более бледно. А.В. Резник, недавно реконструировавший ход дискуссии в Перми и Мотовилихе в конце 1923 – начале 1924 гг., установил, что активные местные оппозиционеры были представителями партаппарата и не сделали ничего для того, чтобы заручиться поддержкой рядовых коммунистов¹.

¹ Резник А.В. Оппозиция 1923 года в РКП (б) по материалам Перми. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Выпуск 2. – С. 109-119.

В 1924-1925 гг. пермские левые оппозиционеры, если и были, то активно себя не проявляли. Возможно, исключением являлась пара студентов-медиков ПГУ, которые были поклонниками Троцкого. Один из них – П.К. Денисов, будущий ученик знаменитого физиолога Павлова, прямо в университете расхваливал перед студентами только что вышедшие «Уроки Октября». Агитация, впрочем, практически не возымела действия, какого-то значительного количества новых сторонников молодые бунтари не привлекли.

Активизация левых в Перми связана с возникновением *объединенной оппозиции*, которая была политическим альянсом сторонников Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева. Вожди *объединенной оппозиции* выступали за ограничение НЭПа, который, с их точки зрения, создавал угрозу буржуазного перерождения революционной власти, за расширение внутривластной демократии, ускорение промышленного развития и более активную внешнюю политику, направленную на поддержку революционных тенденций в мире.

С появлением новой фракции оппозиционеры, называвшие себя *большевиками-ленинцами*, начали создавать фракционные группы и готовиться к партийной дискуссии, которая позволила бы им переломить ход борьбы с партийной бюрократией в свою пользу. Завоеванию симпатий партийного большинства, однако, мешало несколько факторов. Во-первых, сопротивление партийной бюрократии, которой грозило отлучение от власти в случае победы Троцкого, во-вторых, постановление X съезда РКП (б), запрещающее создание фракций. Это постановление давало в руки сторонников Сталина мощное оружие, позволяющее обвинять оппозиционеров в нарушении партийных норм, установленных еще при В.И. Ленине. И, наконец, важным, приводившим в отчаяние оппозиционеров, фактором была низкая политическая грамотность и пассивность рядовых партийцев. Этот фактор сильно затруднял распространение альтернативных идей среди коммунистов.

Созданием фракционных групп в регионах занимались либо входившие в ближайшее окружение Л.Д. Троцкого высокопоставленные члены партии вроде А.Г. Белобородова и С.В. Мрачковского, либо доверенные активисты. Первые обладали относительной свободой перемещения по стране, вторые, использовали особенности службы: командировки, служебные переезды. Приезжавших в провинцию эмиссаров

оппозиции партийные чиновники презрительно называли «гастролерами».

Активность местных *большевиков-ленинцев* ОГПУ начинает фиксировать в августе-сентябре 1927 г. В роли организаторов пермских оппозиционеров выступили приезжие активисты Сергей Фомич Баранов и Владимир Михайлович Скобляков. Первый – старый уральский большевик-подпольщик, член партии с 1913 г., второй – участник гражданской войны, на момент описываемых событий занимал должность инструктора Резинотреста. Баранов в середине 20-х руководил несколькими областями, но его главный ресурс был связан не с занимаемым креслом, а с известностью и личными связями. Когда-то, еще до революции он работал при Чусовском заводе, в 1917 г. возглавлял местный районный совет и именно здесь он попытался создать фракционную группу.

Скобляков, по-видимому, больше внимания уделял не округу, а Перми. Оппозиционная сеть, которая сформировалась в городе при его непосредственном участии, включала в себя людей разных профессий и возрастных групп. На нелегальные собрания, которые проходили на квартирах, собирались служащие, рабочие, студенты. Фракционная деятельность объединяла кочегара и директора завода, молодого комсомольца и человека с дореволюционным партийным стажем. Далеко не все из них были знакомы между собой лично, но многие, прямо или опосредованно, контактировали с наиболее активными *большевиками-ленинцами* – ядром фракционной сети. По подсчетам ОГПУ таковых было девять. Помимо Гусева, Баранова и Скоблякова, в этот список входили: директор Мотовилихинского завода Василий Семенович Чекмарев, старые пермские большевики Александр Александрович Кощев и Григорий Лаврентьевич Власов, а также еще двое приезжих: Петр Александрович Слободчиков и Сергей Александрович Зайцев. Оба участника гражданской войны.

Главной целью активистов была подготовка к ноябрьской внутрипартийной дискуссии, на которой предполагалось показать силу сторонников оппозиции. Сделать это было чрезвычайно сложно. Оппозиция находилась в настоящей информационной блокаде. Центральная и местная партийная пресса создавала негативный образ сторонников Троцкого и Зиновьева, а публикации материалов оппозиции носили единичный

характер. Самостоятельное распространение фракционных материалов было запрещено. Открыто собираться и встречаться со своими лидерами фракционеры не могли. Все это приходилось делать нелегально.

В Перми активисты собирали сторонников двумя способами. Первый – это выстраивание цепочек из знакомых, по которым распространялась альтернативная информация, второй – знакомство с теми, кто на партийных собраниях выступал с симпатией к критикуемым вождям *большевиков-ленинцев*. По этим же цепочкам в основном распространялась и оппозиционная литература, в первую очередь так называемая «платформа 83-х», в которой была изложена программа фракции.

Случай с рабочим завода Уралсепаратор демонстрирует, как это происходило. О пятидесятилетнем слесаре Степане Васильевиче Оборине нельзя было сказать, что он вступил в партию из карьерных соображений. Большевиком он стал в марте 1917 г., когда победа ленинской партии еще была совсем не очевидна. А еще раньше в 1916 г. участвовал в забастовке на заводе Леснера, за что был уволен. С точки зрения партийных стандартов вполне уважаемый человек. В январе 1928 г. был исключен из ВКП (б) за то, что еще в ноябре дал почитать «платформу 83-х» двум знакомым рабочим. Оппозиционные материалы он получил от Скоблякова, с которым, по словам Оборина, познакомился на одном из партсобраний¹.

В октябре и, особенно, во время партийной дискуссии в ноябре, когда проводилось обсуждение «тезисов ЦК» к XV съезду ВКП (б), *большевики-ленинцы* получили возможность открыто выступать на собраниях.

Одним из первых заметных выступлений оппозиционеров стал октябрьский пленум Мотовилихинского райкома партии. Здесь выступил член бюро, председатель ЦРК Николай Осипович Лаптев, указавший, что в деревне социальное расслоение идет слишком быстрыми темпами. Во время прений, когда присутствующие однопартийцы стали критиковать Лаптева за оппозиционность высказываний, за него заступился лишь Чекмарев. На проведенном вскоре после пленума совещании большевиков-подпольщиков, директор первым взял слово и заявил: «Чтобы бороться с оппозицией, надо знать чего она

¹ Протокол № 13 заседания партийной коллегии Пермского ОКК 11 февраля 1928 г. // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 11. Т. 1. Л. 142.

хочет, а ЦК это от нас скрывает, я предлагаю продискутировать платформу оппозиции»¹. Ни выступление Лаптева, ни выступление Чекмарева не были поддержаны присутствующими. Изучение оппозиционной программы развития страны в планы местной номенклатуры не входило.

Во время партийной дискуссии на собраниях коммунистических ячеек происходила проработка тезисов ЦК ВКП (б). После доклада и прений члены ячеек должны были проголосовать «за» или «против» официальной партийной программы развития СССР. На этих собраниях разрешалось выступать и представителям оппозиции. В течение ноября партийными органами были зафиксированы выступления не менее 8 оппозиционеров. Есть сведения о выступлениях А.А. Кощеева и П.А. Слободчикова. 10 ноября на партсобрании Чусовского завода выступил С.Ф. Баранов. На ноябрьских собраниях выступали и другие оппозиционеры. Среди них Н.Ф. – работник «Биржи труда», А.М. Мартынов – преподаватель совпартшколы, С.А. Плотников и П.Т. Гусаров – студенты медицинского факультета ПГУ².

Составить представление о том, что говорили на собраниях большевики-ленинцы можно по сохранившейся стенограмме выступления Николая Федоровича Волкова.

«Волков /оппозиционер/ – тов. старались доказать, что оппозиция не права. Когда я занялся серьезно этим вопросом, то оказалось, что наша линия есть линия Ленинская. Вы умаляете безработицу, между тем Сталин признает, что безработица опасна и что предьявляются антисоветские тенденции /читает цифры/. Как следствие безработицы – беспризорные, проституция. У вас нет средств для ликвидации этих явлений. Нужно эти средства найти за счет нажима на кулака-нэпача»³.

В ноябре по результатам выступлений и голосований в Перми было взято на заметку 23 оппозиционера. Многие из них получили партийные взыскания, вплоть до исключения. Большевики-ленинцы не смогли добиться успеха ни в одной из партячеек. И это не удивительно. К приведенным выше общим

¹ Дорогой товарищ! // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 18. Л. 1.

² Шабалин В.В. Пермские студенты-троцкисты в левой оппозиции. // Астафьевские чтения: Выпуск второй (17-18 мая 2003 г.). – Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2004. – С. 79-82.

³ Приложение № 4 Выписка из протокола № 4 общего собрания членов и кандидатов ячеек ВКП (б) и ВЛКСМ ячейки при механической мастерской коллектива Швейников. // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 75. Л. 125.

причинам поражения можно добавить еще и отход от оппозиции регионального лидера *большевиков-ленинцев* С.Н. Кузовникова. Он не просто прекратил фракционную деятельность, но и дал о ней подробные показания, которые были опубликованы в «Правде»¹. И, наконец, немаловажно то, что к борьбе против оппозиции было привлечено ОГПУ.

Неизвестно, как рано чекисты взяли «в разработку» актив пермских *большевиков-ленинцев*. Данные, которые есть в открытых источниках, показывают, что в ноябре в рядах оппозиции уже был осведомитель – «Николька», вероятно кто-то из завербованных оппозиционеров. Использовался ОГПУ и метод внедрения собственных сотрудников в среду оппозиционеров. Доклады о том, что происходит среди активистов, регулярно поступали начальству.

Фрагмент агентурной сводки ОГПУ:

«25/XI – в 17 часов ЧИРКОВ был у СЛОБОДЧИКОВА², ждали ребят с Уралсепаратора и кочегара из гостиницы «Канада», но не дождались. СЛОБОДЧИКОВ опасался, не попали ли ребята, так как у одного из Уралсепаратора было три экземпляра платформы оппозиции, а у кочегара листовки. Кочегара из «Канады» зовут Александром.

От СЛОБОДЧИКОВА ЧИРКОВ и СЛОБОДЧИКОВ пришли к СКОБЛЯКОВУ, где сидел некто ВЕРКИС, высокого роста, смуглый с большой шевелюрой на голове черного цвета с легкой проседью. Разговор был о том, что СКОБЛЯКОВ и СЛОБОДЧИКОВ говорили, что ими в Окрисполкоме и в Окрадмотделе завербованы свои люди, которые вечерами отпечатывают на машинках оппозиционные материалы. Разбиралась стенограмма в «Правде» от 23/XI – в отношении предательства Кузовникова. На днях в Горсовете при обсуждении на ячеековом собрании тезисов ЦК по работе в деревне, двое голосовали против. ЧИРКОВУ поручено установить их и изыскать возможность привлечь их на свою сторону»³.

Приведенный отрывок показывает, что пермские власти черпали информацию о том, что происходит в штабе *большевиков-*

¹ «Бывший оппозиционер Кузовников о работе троцкистской партии. (Стенограмма речи на президиуме свердловской окружной контрольной комиссии)» // Правда. 1927. 23 нояб.

² Слободчиков проживал по адресу ул. К. Маркса 208, кв. 6. Дом «Миллера».

³ Сводка. // ПермГАНИ. Ф. 1109. Оп.1. Д. 150. Л. 88.

ленинцев, практически из первых рук. Успешно вести политическую борьбу в таких условиях было, конечно, невозможно, фактически у оппозиции не было шансов на победу.

Тем не менее, хочется обратить внимание на то, что количество людей, разделяющих идеи левых или симпатизирующих их вождям, в советское время преуменьшалось. В список из 23 фамилий оппозиционеров, которыми городская парторганизация Перми отчиталась перед уральским и союзным начальством, попала лишь самая активная и, можно сказать, бесстрашная часть тех, кто хотел бы изменения внутривнутриполитического курса. И партийные документы, и сводки ОГПУ содержат упоминания гораздо более широкого круга лиц, выступления или высказывания которых можно было охарактеризовать как «троцкистские».

В кратком очерке нет возможности писать обо всех тех партиях и беспартийных, которые попали на страницы заявлений, доносов, сводок и других документов. Их историю еще предстоит написать. Точно так же еще предстоит выяснить подробности ноябрьского визита в Мотовилиху одного из вождей оппозиции А.Г. Белобородова, занимавшего должность народного комиссара внутренних дел РСФСР. В заводской поселок он прибыл тайно и несколько дней жил у бывшего мясниковца П.Л. Борчанинова. Еще предстоит идентифицировать участников тайного оппозиционного собрания в Перми, которое описано в воспоминаниях ссыльного Г. Григорова. Фамилии пермских оппозиционеров, указанные в этих воспоминаниях в просмотренных нами документах, не встречались. Возможно, Григоров вывел своих персонажей под псевдонимами¹.

В конце ноября, когда стало понятно, что выступления не привели к желаемому результату, деятельность оппозиционеров прекращается. Уезжает из Перми исключенный из партии В.М. Скобляков, сам покидает ряды ВКП (б) и также уезжает из города Н.Ф. Волков.

XV съезд партии признал принадлежность к «троцкистской оппозиции» несовместимой с пребыванием в рядах ВКП (б). На съезде были лишены партбилетов 75 фракционеров-активистов. В этом списке был и С.Ф. Баранов. Этим преследования

¹ Григоров Г.И. Повороты судьбы и произвол: Воспоминания, 1905-1927 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=8747>

оппозиции не закончились. В начале 1928 г. вожди *большевиков-ленинцев* во главе с Л.Д. Троцким, а затем и многие активисты были отправлены в ссылку. Закончился период внутривнутрипартийной борьбы, который можно обозначить как «полулегальный». Отныне проявления оппозиционности трактовались как контрреволюционные, а, следовательно, борьбой с *большевиками-ленинцами* занимались не столько партийные комитеты, сколько политическая полиция – ОГПУ.

II

В декабре 1927 г. *объединенная оппозиция* распалась. Альянс покинули почти все зиновьевцы во главе со своими лидерами – Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым. Они подчинились решениям съезда и смогли сохранить партбилеты. Начался массовый отход от оппозиции, который активно освещался в прессе. Однако радикальное крыло *большевиков-ленинцев* не смирилось с поражением и продолжило борьбу. Новая ситуация требовала новой тактики. С конца 1927 г. отказавшиеся капитулировать левые начинают апеллировать к беспартийным рабочим для того, чтобы пролетариат оказал давление на партийную бюрократию.

В это же время среди непримиримых оппозиционеров начали выделяться молодые люди, для которых наиболее важной становится борьба за политическую свободу. Экономические вопросы для них отходили на второй план. Постепенно формировалась идейная почва, на которой могли сойтись представители левых антитоталитарных групп¹.

В 1928 г. по всей стране стали возникать нелегальные группы *большевиков-ленинцев*², занимающиеся привлечением новых сторонников, распространением листовок и т.п. В эти группы входили как исключенные, так и действительные члены партии. Были и беспартийные. Появилась такая группа и в Перми.

В Пермскую нелегальную группу оппозиционеров входило 13 человек. Лидером был уже знакомый нам П.А. Слободчиков,

¹ Гусев А.В. Коммунистическое сопротивление тоталитаризму в СССР // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socialist.memo.ru/discuss/d02/d0201.htm>

² О деятельности этих групп в Уральской области в 1928-1930 гг. см.: Шабалин В.В. Пейзаж после битвы (Из истории левой оппозиции на Урале). – Пермь: РИО ПГТУ. 2003.

член партии с 1919 г. До 1927 г. он служил в армии, занимал должность помощника комиссара дивизии ПРИВО. Еще проживая в Самаре, стал одним из лидеров местных *большеви-ков-ленинцев*. Позиционировал себя как зиновьевца. С января 1928 г. работал председателем артели инвалидов «Москва».

Среди членов оппозиционного объединения назывался и бывший активист-фракционер, член партии с 1910 г., Г.Л. Власов, работавший заведующим объединенным отделом издательств «Рабочая газета», «Правда», «Известия» и «Труд». Он не был ни на одном собрании, но проходил по делу, т.к. члены нелегальной группы заочно выбрали его в свой руководящий состав.

Вторым лидером местных оппозиционеров был Сергей Александрович Зайцев. Настоящее имя – Евстигней. До революции он работал на Путиловском заводе, участвовал в гражданской войне в качестве политработника. В партию вступил в январе 1917 г. После окончания войны занимал различные партийные и советские должности. В Пермь прибыл из Тагильского округа в 1927 г. Здесь работал заведующим арендным отделением промотдела, затем продавцом в буфете станции Пермь II. В 1927 г. смог избежать исключения из ВКП (б). В мае 1928 г. стал известен в партийных кругах благодаря публичной критике руководителя промкомбината и члена ОК ВКП (б) Привалова за то, что он оказывал протекцию бывшим белым офицерам. Зайцева исключили из партии в августе 1928 г. за оппозиционную деятельность, хотя он сам подавал это исключение как преследование за справедливую критику высокопоставленного начальства.

Ваганов Константин Дементьевич (в следственном деле указано другое отчество – Деомидович). Судя по совпадениям в биографических данных – это член знаменитого мотовилихинского клана революционеров, младший из трех братьев. Ваганов с юных лет был вовлечен в революционное движение. В качестве боевика участвовал в декабрьских событиях 1905 года в Мотовилихе. Во время гражданской войны находился на подпольной работе в Сибири. В его героической биографии, представленной в известном сборнике 1966 г. «Революционеры Прикамья»¹, содержится большой пробел, касающийся 1920-х гг., и понятно почему. В начале

¹ Революционеры Прикамья. – Пермь: Перм. кн. изд-во. 1966. – С. 89-92.

этого десятилетия Ваганов присоединился к сторонникам Мясникова, за что в 1922 г. был исключен из партии, а в конце десятилетия, после того как с трудом вернул партбилет, вошел в руководство организации пермских «троцкистов».

Одним из самых активных участников описываемой группы была комсомолка Лидия Зиновьевна Свалова¹. Эту двадцатилетнюю работницу Шпагинских мастерских отличали исключительная стойкость характера и смелость. Она выступала на собраниях с защитой Л.Д. Троцкого, из-за принадлежности к оппозиции вступала в личные конфликты на работе, на нее оказывало давление партийное руководство. Однако ни арест, ни последующие ссылки, в которых она провела всю оставшуюся жизнь, трагически оборвавшуюся в 1937 г., не заставили ее отказаться от своих взглядов.

Нельзя не сказать и о других участниках группы.

Артамонов Иван Михайлович, член партии с 1918 г., участник гражданской войны, в 20-е гг. дослужившийся до военкома. В Перми работал на заводе Уралсепаратор, а затем в исправдоме заведующим работами.

Потапов Петр Иванович, член партии с 1917 г., в гражданскую войну воевал в партизанском отряде. В 1928 г. работал инструктором окрпромсоюза.

Свалов Дмитрий Зиновьевич, брат Л. Сваловой, член партии с 1927 г. В гражданскую войну воевал в отряде С.В. Мрачковского. Командовал взводом. В 1928 г. – рабочий Мотовилихинского завода.

Сизов Михаил Петрович, член партии с 1917 г. До революции работал на Мотовилихинском заводе. Участвовал в гражданской войне в качестве политрука. В 1928 г. – инструктор окружного охотосоюза.

Кокаровцев Николай Петрович, член партии с 1919 г., во время войны был мобилизован сначала в РККА, а затем, после плена, в белую армию. Работал заведующим гостиницей «Канада».

Велеславов Петр Иванович, член партии с 1927 г. С октября 1917 г. служил на флоте. В 1928 г. работал торговым агентом.

Костронович Иван Капитонович, член партии с 1918 г. Воевал в гражданскую войну, был в плену. Работал кочегаром на Мотовилихинском заводе.

¹ Подробнее о биографии Л.З. Сваловой см.: Шабалин В.В. Непримируемая «Комсомолка» // Ретроспектива. 2008. № 1. – С. 59-65.

Аднашев Федор Васильевич, комсомолец, кандидат в члены партии с 1928 г. В 1928 г. рабочий Шпагинских мастерских. Самый молодой член организации.

Восемь человек из приведенного списка тем или иным образом (участие в инициативной группе, в тайных собраниях и т.п.) ранее участвовали в оппозиционной деятельности.

К моменту создания организации вне рядов партии находилось три человека, исключенных в 1927 г., в т.ч. оба лидера Слободчиков П.А. и Зайцев С.А.

Активизация пермских большевиков-ленинцев началась в конце лета 1928 года. В июле или августе за городом у кладбища была проведена «маевка». Кроме Слободчикова с женой, там присутствовали еще 4 человека, участвовавших в оппозиционной деятельности в 1927 г. На маевке Лидия Свалова рассказала о своей поездке в Москву. Эта поездка была предпринята с целью установить связь со Скобляковым, который после XV съезда переехал в Москву. Неизвестно, были ли знакомы Скобляков и Свалова, но как говорил позже на допросе один из подпольщиков «...он ей не доверился»¹. Неизвестно также, по чьей инициативе была совершена поездка, то ли ее организовал Слободчиков, то ли Сваловой надоела бездеятельность местных «ветеранов» оппозиции, и она решила на это сама.

Осенью 1928 г. началось постепенное собирание сил. Слободчиков и Зайцев пытались восстановиться в партии, заявляя о признании правоты «ленинского большинства». Велся поиск сторонников. По данным ОГПУ, которое, по всей видимости, не прекращало слежки за оппозиционерами, в ноябре стало замечаться «усиление связи» между оппозиционерами Слободчиковым, Зайцевым, Артамоновым, Потаповым. Они и Л. Свалова стали ядром будущей организации.

Зайцев, Потапов и Артамонов занимались привлечением новых людей. Вербовали только действительных и бывших членов ВКП (б) или комсомольцев. Старались работать только со знакомыми. В начале декабря, на одном из собраний, Зайцев инструктировал своих товарищей: «Обработку нужно начинать всегда с хороших приятелей, т.к. они если и не согласятся примкнуть к группе... то, во всяком случае, не

¹ Дело по обвинению Слободчикова П.А. и др. // ПермГАНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 8768. Т.1. Л. 277.

выдадут»¹. Руководители группы рекомендовали вербовать по 2-3 человека, каждый из которых должен был в свою очередь обработать такое же количество людей². Впрочем, все эти меры предосторожности не спасли организацию от раскрытия. Среди оппозиционеров, которых инструктировал Зайцев, уже находился агент ОГПУ.

Из материалов следственного дела видно, что, по меньшей мере, три члена группы сотрудничали с органами. Степень их сотрудничества была различной. Заведующий гостиницей «Канада» Н.П. Кокаровцев в 1927 г. дал согласие помогать компетентным органам бороться с контрреволюцией. Вполне возможно, что его, как руководителя гостиницы, собирались использовать не против «троцкистов». Должность Николая Петровича открывала возможности для наблюдения за теми, кто мог заинтересовать ОГПУ. В гостинице могли оказаться и представители духовенства, и нэпманы, и грешащие растратами советские работники.

Кокаровцев никого из товарищей не сдал, объясняя позже на допросе, что не успел. Мало того, спустя несколько лет, во время второго ареста в 1935 г. он отказался от нелегального сотрудничества с НКВД, заявив, что согласен поступить на службу, но не желает быть провокатором.

Еще один сексот – П.И. Велеславов был завербован, видимо, уже в процессе следствия. После его окончания выполнял поручения ОГПУ – встречался с местными и приезжими оппозиционерами. Есть сведения, что он не только добывал от них информацию, но и провоцировал на нелегальные действия.

Был и третий секретный агент, от которого, наверное, соратники меньше всего ожидали подвоха – К.Д. Ваганов, написавший подробный донос на своих товарищей. Этот документ, датированный 9 декабря 1928 г., стал основой для всего дела против подпольщиков. Ваганов был в курсе многих подробностей, так как вошел в руководство группы. Надо полагать, ему верили и как старому большевику с дореволюционным стажем, и как человеку, пострадавшему за свои убеждения.

¹ Документы троцкистской оппозиции по г. Перми (февраль-декабрь 1928 г.). // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 24. Л. 101.

² Дело по обвинению Артамонова И.М. и др. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16901. Т. 1. Л. 32-33.

Текст доноса создает впечатление, что раскрытие «нелегальной организации троцкистов» было его собственной инициативой: «С целью выявления состава этой организации и работы, дабы впоследствии довести до сведения ОГПУ, я вошел в группу оппозиционеров. Свои наблюдения и разговоры с отдельными членами организации я излагаю в хронологическом порядке»¹.

Однако другой документ вносит в вопрос большую ясность. Это доклад уральских чекистов о пермской нелегальной группе на имя начальника Секретного отдела ОГПУ Т.Д. Дерибаса, датированный 6 декабря 1928 г.

«В число членов комитета введен наш осведомитель ВАГАНОВ, он член партии с 1905 г., б(ывший) Мясниковец, г<о>д был вне партии. По отзыву Нач. Пермского Окротдела, как осведомитель, – вне всяких сомнений. Сведения его заслуживают безусловного доверия. Сведения перекрыты данными наружного наблюдения и еще другим осведомителем»².

Выдержка достаточно красноречива сама по себе и, кстати, заставляет задуматься о том, когда и в связи с чем Ваганов успел заслужить «безусловное доверие» ОГПУ. Вероятно, что акция против большевиков-ленинцев для Константина Дементьевича не была дебютом. Интересен и вопрос о том, когда Ваганов начал сотрудничать с ОГПУ. Можно предположить, что вербовка заслуженного революционера была произведена во время или сразу после «мясниковщины». Хотя в этом вопросе возможны варианты.

Вернемся, однако, к подпольной деятельности группы. Ее руководители своей первой задачей считали борьбу за партийные массы. Человеку, проявившему интерес к идеям оппозиции, обычно давали читать «Завещание Ленина» и «платформу 83-х». Потом предлагали стать членом нелегальной группы. Большинство от вступления отказывалось, хотя некоторые готовы были оказать содействие. Информация о ряде лиц, о которых ОГПУ в 1928 г. ничего не знало, всплыла только в следственных делах 1936 г. Логично предположить, что кто-то вообще остался вне поля зрения чекистов.

¹ Дело по обвинению Слободчикова П.А. и др. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8767. Т. 1. Л. 1.

² Информации и докладные обкома. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 69. Л. 369.

Численность группы известна, а вот количество сочувствующих, ее ближайшей периферии, с трудом поддается учету. Сами оппозиционеры называли разные цифры. П.И. Всеславов при вербовке нового сторонника говорил, что «...всего оппозиционеров в Перми наберется человек 50»¹. К этим данным, конечно, нужно относиться осторожно, как и ко всякой информации рекламного характера. Другой же член организации, передавая слова Слободчикова, говорил, что в Перми оппозиционеров 16 человек². Эта цифра кажется более достоверной, хотя Слободчиков мог и преуменьшить настоящую численность, т.к. разговор велся в ожидании ареста и к тому же не с самым устойчивым членом организации.

В докладной агента есть и еще одна цифра. Оппозиционеры предполагали, что на первое собрание придет около 20 человек³. Учитывая, что группа в момент ареста состояла из 13 членов, можно предположить, что нерешившиеся прийти на собрание, т.е. фактически войти в группу, и были частью тех, кто оказывал содействие организации. Исходя из вышеприведенных данных, мы можем приблизительно оценить численность «группы поддержки» в 9-15 человек.

В конце октября или начале ноября оппозиционеры созрели для установления связи с единомышленниками в Москве. Неудачная поездка Л. Сваловой не охладила их желания, а видимо, подвела к мысли о том, что в столицу должен ехать человек, известный в московских оппозиционных кругах. Таким человеком стал Слободчиков.

Среди своих был проведен сбор средств. Собрали, по одним данным 70, по другим 110 рублей, и 24 ноября Слободчиков отбыл в Москву.

По возвращении в Пермь на собрании оппозиционного актива на квартире у Зайцева (1 декабря) Слободчиков сообщил, что «...Каменев, Пятаков и Зиновьев по-прежнему руководят подпольной оппозиционной работой». Причем Слободчиков был у Зиновьева и тот «...обещал оказать материальную помощь Пермской группе оппозиционеров и просил Слободчикова долго в Москве не задерживаться»⁴. Эта

¹ Дело по обвинению Слободчикова П.А. и др. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8767. Т.1. Л. 1.

² Там же. Л. 117.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Документы троцкистской оппозиции по г. Перми (февраль-декабрь 1928 г.). // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 24. Л. 98.

информация содержится в докладной агента, который присутствовал на активе.

На допросах члены организации давали разные показания. П.И. Потапов, например, заявил, что о контактах с Зиновьевым ничего не слышал. И.М. Артамонов показал, что Слободчиков говорил о встрече с Зиновьевым и о том, что просил у него денег, однако, Зиновьев обещал дать только на личные нужды.

Слободчиков на допросе ни о Зиновьеве, ни о Каменеве ничего не говорил, а называл совсем другие имена: Иван Катылов, Иван Тарасов, Петерсон Альвина. С первыми двумя он был знаком по работе в Самаре, где служил до 1927 г. Поддерживал с ними переписку. Был Слободчиков у жены Скоблякова и у «многих военных ребят», часть из которых уже отошла или начала отходить от оппозиции (например, секретарь Бубнова Кобусов). Катылов, Тарасов и жена Скоблякова дали ему оппозиционную литературу и информацию о том, что в Пермь, возможно, приедет член подпольного ЦК¹.

О материальной поддержке Слободчиков сообщил следующее: «Относительно денег, которые мне якобы обещали дать, мною было сообщено товарищам из тактических соображений, для поднятия духа»². Несмотря на разнообразие известий о московских контактах Слободчикова, наиболее общий вывод мы сделать можем – связь с московскими оппозиционерами была установлена. Ожидался приезд эмиссара из центра. Последнее, впрочем, тоже могло быть выдумкой Слободчикова.

28 ноября Петр Александрович вернулся в Пермь. До начала арестов членов группы оставалось 12 дней, но за этот период оппозиционеры успели провести несколько собраний. Вечером, 1 декабря, на квартире у Зайцева был собран актив группы. Здесь Слободчиков рассказывал о своей поездке, о московских встречах и о приезде в Пермь для налаживания работы «члена подпольного ЦК». На активе было решено провести на следующий день организационное собрание.

Это собрание, проходившее 2 декабря на квартире П.И. Велеславова, открыл Зайцев. Он сказал, что «... настал момент от кустарного способа ведения работы, путем индивидуальной

¹ Документы троцкистской оппозиции по г. Перми (февраль-декабрь 1928 г.). // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 24. Л. 170.

² Там же. Л. 139.

обработки, перейти к более организованной системе и предложил избрать комитет»¹.

Комитет был выбран, в его состав вошли пять человек: П.А. Слободчиков, С.А. Зайцев, П.И. Потапов, К.Д. Ваганов и Г.Л. Власов. Последний, как уже говорилось, был выбран заочно. Затем была сформирована контрольно-ревизионная комиссия в составе: И.М. Артамонов, П.И. Велеславов и Л.З. Свалова. Из присутствующих на собрании 11 человек 8 вошли в руководящие и контрольные органы организации.

План работы на собрании не обсуждался, т.к. этим должен был заниматься комитет, однако Слободчиков обозначил основные направления деятельности. 1. Выпустить листовки к кампании перезаключения коллективных договоров. 2. Принять активное участие в перевыборах Горсовета, в выступлениях заострять внимание рабочих на вопросах: а) о повышении заработной платы трудящихся; б) о ненормальном снабжении города продуктами и чрезвычайно большой распродаже спиртных напитков; в) о ненормальном расходовании городского бюджета по параграфу – непредвиденные расходы; о необходимости выселения из коммунальных домов нетрудового элемента. 3. Выступить на предстоящей горпартконференции по наиболее злободневным вопросам. 4. Компрометация ответработников. 5. Добиваться возвращения из ссылки Л.Д. Троцкого. 6. Распространить листовки на ближайшем армейском празднике и установить связь с красноармейцами. 7. Наладить в Перми выпуск листовок и завязать связь с Тагилом и Свердловском².

Всем участникам собрания в целях конспирации были даны клички: Слободчикову – «Самара», Зайцеву – «Смоленский», Ваганову – «Медведь», Сваловой – «комсомолка», Потапову – «Кустарь» и т.д. Здесь же было решено собирать взносы в размере 2-3 % от заработной платы. Позже член Пермской ОКК ВКП (б) Ошвинцев в выступлении на декабрьской партконференции иронизировал над организованностью оппозиционной группы: «Все как у настоящих»³.

Следующее собрание состоялось 7 декабря на квартире у Дмитрия Свалова. Предполагалось, что это будет собрание

¹ Документы троцкистской оппозиции по г. Перми (февраль-декабрь 1928 г.). // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 24. Л. 99.

² Там же.

³ Стенографический отчет и резолюции VII-ой окружной партконференции 21-29 декабря 1928 г. // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 3. Л. 196 (об).

комитета, но некоторые его члены не явились, и, видимо, поэтому «происходила лишь взаимная информация», как писал в донесении агент. На встрече присутствовали 7 человек. Брат и сестра Сваловы рассказали о том, как идет распространение листовок.

Листовки, распространявшиеся оппозиционерами в Перми, привез из Москвы Слободчиков. Кроме московских, ленинградских и даже марийских листовок были привезены: письмо Троцкого VI-му конгрессу Коминтерна, письмо Радека в ЦК ВКП (б), письмо Сосновского в редакцию «Известий» и т.п. Всего около десятка наименований.

Листовки в Перми стали обнаруживать 30 ноября, т.е. сразу после приезда Слободчикова. В этот день со стен типографии газеты «Звезда» были сняты 2 прокламации. Затем 3, 4 и 5 декабря листовки были обнаружены в Шпагинских мастерских и на Мотовилихинском заводе, как раз на тех предприятиях, где работали Сваловы. Д. Свалов говорил, что распространил на заводе 7 экземпляров. Интерес к листовкам проявили, прежде всего, беспартийные рабочие, партийные в большинстве своем относились враждебно и сразу сдавали их «в ячейку или в райком». Несколько прокламаций Свалов вложил в ящики для газет, и, видимо, он же разбросал около десятка в вагоне одного из поездов, который возил мотовилихинских рабочих¹. На допросе в 1936 г. Свалов признался, что в 1928 г. распространил на заводе 50 листовок².

В письме секретаря Пермского ОК ВКП (б) Горшина, адресованном главам райкомов, говорилось еще о том, что листовки были обнаружены в государственном университете.

Л. Свалова в Шпагинских мастерских раздала 19 листовок, из которых, по ее мнению, изъято было не более трех. Присутствовавшие сочли эту работу «вполне успешной». По предложению Ваганова приняли решение – не распространять больше листовки до партийной конференции, которая ожидалась в декабре. Собравшиеся обсудили также возможность производства листовок на месте, для чего предполагалось купить стеклограф или завязать контакты с владельцем

¹ Документы троцкистской оппозиции по г. Перми (февраль-декабрь 1928 г.) // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 24. Л. 98-99, Л. 100.

² Дело по обвинению Артамонова И.М. и др. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16901. Т. 1. Л. 28.

частной типографии. «Настроение, в общем, у ребят боевое», – подытожил агент¹.

9 декабря в гостинице «Канада» прошло последнее заседание, на котором присутствовали, не в полном, правда, составе, члены комитета и ревизионно-контрольной комиссии, всего 7 человек. На собрании по предложению Слободчикова и Зайцева была выбрана рабочая тройка, в состав которой вошли они сами и провокатор Ваганов. Слободчикова выбрали председателем. На следующий день была намечена покупка стеклографа для изготовления листовок или покупка деталей к нему для самостоятельного изготовления. Реализовать задуманное оппозиционерам не удалось, в ночь с 9 на 10 декабря начались аресты членов группы.

Перед своим арестом Слободчиков вместе с Вагановым успели написать листовку: «В ночь на 10/XII в г. Перми была произведена расправа... чиновниками бюрократического аппарата были схвачены и арестованы 4 рабочих с предприятий и 5 старых большевиков – заслуженных ленинцев, героев гражданской войны. В момент (1917 г.) когда трещали и шумели пулеметы и батареи на полях боя, они как сыны революции были посланы рабочими крупных предприятий Мотовилихи, Путиловского и др. заводов в самые опасные места – для защиты дела рабочих»².

Допросы арестованных оппозиционеров проходили в 2 этапа. 10-12 декабря в Перми. С 14 декабря в Свердловске. В этот же день на имя Сталина был отправлено донесение³ о раскрытии пермской подпольной организации.

На допросах большинство арестованных придерживалось одной тактики – старались всю деятельность организации свести к борьбе с правой опасностью. Слова «комитет» избегали, употребляя или понятие «инициативная группа» или «пятерка». Это, видимо, делалось для того, чтобы избежать обвинений в создании второй партии. Зайцев говорил, что они хотели поддержать «центристское течение» (т.е. сторонников Сталина) в борьбе с правым уклоном, т.к. большинство

¹ Документы троцкистской оппозиции по г. Перми (февраль-декабрь 1928 г.). // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 24. Л. 100.

² Документы троцкистской оппозиции по г. Перми (февраль-декабрь 1928 г.). // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 24. – С. 89.

³ Информации и докладные обкома // ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 69. Л. 374.

верхушки пермской парторганизации вести ее не способно, потому что является сторонником этой идеологии. Нельзя сказать, что оппозиционеры говорили неправду. Тот же Зайцев был непримиримым борцом с «разложившимися» элементами в партии и советском аппарате.

Зайцев и многие его единомышленники могли бы, наверное, подписаться под лозунгами борьбы с правой идеологией, которые стали появляться в газетах в 1928 г. И в этом смысле тактика пермских *большевиков-ленинцев* на допросах вполне понятна. Однако долгое наблюдение за оппозиционерами и показания провокатора давали следователям совсем другую картину. Не могли они не обратить внимание на донесение агента, который передовал слова Зайцева и Потапова о том, что «партийный аппарат так сильно держится за власть, что не исключены возможности, что отстранение от власти произойдет с помощью оружия»¹. «Гнилой сталинизм», «аппаратчики», неправильная политика Сталина, ведущая к «развалу партии и государства» – все эти эпитеты встречаются и в перехваченных письмах Зайцева и Слободчикова.

Не все арестованные смогли придерживаться выбранной тактики поведения на допросах, некоторые после перевозки их в Свердловск начали давать дополнительные показания, более откровенные. Все, кто активно сотрудничал со следствием или пытался еще до ареста сообщить о своей нелегальной деятельности в парторганы (Велеславов) или чье участие в организации было минимальным, были в начале 1929 г. отпущены на свободу. Остальные проходили по статье 5810 и их дело было направлено в Особое Совещание при ОГПУ для внесудебного рассмотрения.

Самое суровое наказание понес Слободчиков – 3 года лишения свободы (Тобольский политизолятор). Остальные 6 человек были приговорены к ссылке сроком на 3 года в различные части страны: Казахстан, Вологодская и Архангельская губернии. Все остальные в течение 1929 г. были досрочно освобождены. У нас нет материалов о каждом, но, скорее всего, все они подали заявление об идейном и организационном разрыве с «троцкистской подпольной организацией»².

¹ Дело по обвинению Слободчикова П.А. и др. // ПермГАНИ. Ф.1. Оп. 1. Д. 8767. Т. 1. Л. 2.

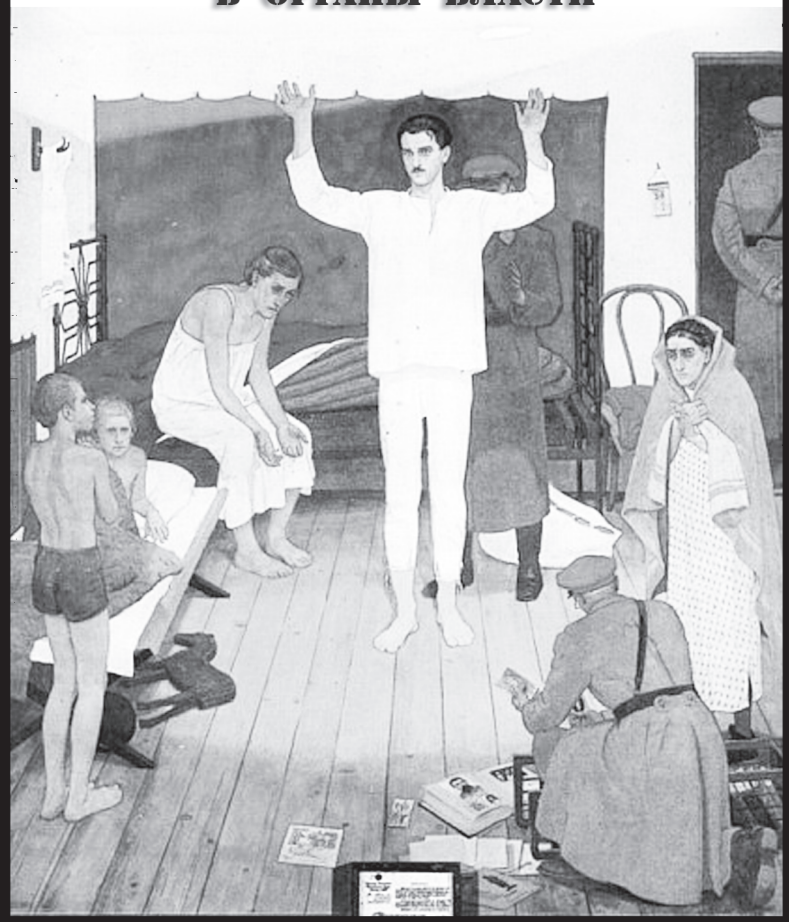
² Там же. Л. 351.

Дальнейшая судьба участников нелегальной организации была трагична. Слободчиков, Зайцев, Потапов, Л. Свалова и, возможно, Г. Власов продолжили оппозиционную деятельность. В 1936 г. все они были приговорены к 5 годам лишения свободы. Слободчиков, Зайцев и Л. Свалова в 1937 г. были расстреляны. Четверо других, чье участие в оппозиционной деятельности в 30-х гг. сомнительно, получили от 3 до 5 лет в 1935-1936 гг.

***В.В. Шабалин, кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник НИУ ВШЭ***

«УВАЖАЕМЫЙ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ!»

ОБРАЩЕНИЯ БЫВШИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В ОРГАНЫ ВЛАСТИ

В этой главе публикуются письма граждан, осужденных по политическим мотивам в годы сталинских репрессий, с просьбой о пересмотре их дела и реабилитации. Эти письма хранятся в Пермском Государственном архиве новейшей истории.

Старт многотысячной волне обращений репрессированных с просьбой о реабилитации дал XX съезд КПСС в 1956 году. Несмотря на половинчатость его решений, съезд все-таки стал этапным событием в истории страны, он осудил культ личности И. Сталина. Тысячи невинно осужденных стали обращаться в Прокуратуру СССР, в Верховный суд, Президиум Верховного Совета СССР, а часто и напрямую к 1-му секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву. Содержание писем было примерно одинаковым: разберитесь по справедливости, подтвердите мою невиновность, верните права гражданина. Одинаковым в письмах было и описание методов, которыми выбивали из подсудимых признание собственной вины. Запугивание, угрозы расправиться с родными, психологические и физические пытки – таков был стандартный «набор» воздействия на тех, кто пытался доказать свою непричастность к каким-либо политическим преступлениям.

С мая 1954 года начала свою работу Центральная комиссия по пересмотру дел граждан, осужденных за «контрреволюционные преступления». Аналогичные комиссии были созданы на местах. Центральная комиссия получила право пересматривать дела на лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД–МГБ или Коллегией ОГПУ. Местным комиссиям дали право пересматривать дела осужденных двойками и тройками НКВД.

Механизм принятия решений о реабилитации выглядел примерно следующим образом. Прокурорам, следственным работникам, военным юристам полагалось проводить так называемую проверку дела, в ходе которой собиралась разнообразная информация о репрессированном, вызывались свидетели, запрашивались архивные справки. Проводивший проверку работник составлял заключение. На основании этого документа Генеральный прокурор СССР, его заместители, Главный военный прокурор вносили на Пленум, Коллегию по уголовным делам или Военную коллегия Верховного суда СССР протест по делу. Суд выносил определение.

Молодые читатели Книги памяти иногда задают вопросы, которые, при всей своей простоте, не приходят в голову людям старшего поколения. Почему пострадавшие в годы репрессий, обращаясь с просьбами о реабилитации, не шли в суды, не требовали наказания для тех, кто их запугивал, пытал, заставлял подписывать фальшивые протоколы? Вопрос и прост и одновременно невероятно сложен. Он задан из дня сегодняшнего, из нашего времени. Времени тоже непростого, но все-таки, как считают молодые, обращение в суд с иском о защите своих прав стало сегодня делом почти обыденным.

Тогда это было невозможно. Надо было жить в то время, знать ТОТ суд и ТЕХ людей, которые еще только приходили в себя после десятилетий страха. Да, они знали своих палачей, ничего им не простили, но счет им свой так и не предъявили. За счастье считали, что можно смиренно просить о реабилитации, о признании их невинными жертвами. Просить у тех самых властей, которые еще недавно топтали их жизнь и достоинство.

А еще они видели, как действовал механизм реабилитации. Говоря современным языком, у системы обнаружились приметы выборочного правосудия. Реальные жертвы произвола и их родственники годами обивали пороги разных инстанций, безуспешно доказывая чиновникам, что приговоры по их делам сфальсифицированы. Зато сами организаторы политического террора и их подручные зачастую с легкостью проходили через сито центральных и местных комиссий по реабилитации. Да, в свое время режим, желая спрятать концы в воду, расправился и с некоторыми из них. Но этот факт не означает, что с них снята юридическая и моральная вина за собственные преступления.

Запросы граждан с просьбой о пересмотре дела их родственников продолжают поступать по сегодняшний день. Процесс реабилитации продолжается.

*Археографическую подготовку писем
к публикации провел сотрудник Пермского
Государственного архива новейшей истории
Рамиль Фатхутдинов*

БИЛИ ПО ГОЛОВЕ, ЧЕМ ПОПАЛО

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ К.П.С.С.
ТОВАРИЩУ ХРУЩЕВУ НИКИТЕ СЕРГЕЕВИЧУ.

Гр-на гор. Сарапула Удмуртской АССР
ул. Красного спорта, дом №16
ЧЕКМАРЕВА Иллариона Ивановича.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Многоуважаемый Никита Сергеевич!
20 съезд КПСС открыл перед народом действительную правду, за которую пролетариат так много лет боролся.

Пишу Вам данное заявление, я уверен получить ответ.
В 1937 году 2 сентября в гор. Слободской Кировской обл. прямо в казарме /в то время я находился в Армии в чине капитана/ я был арестован, с предъявленным мне обвинением ст. 58 п.п. 6, 10, 11 УК РСФСР, якобы я занимался шпионажем в пользу Японии, что я член контрреволюционной группы Уральского военного округа, во главе Гурьяков, Кабанов, Головин и т.д.

С первых дней ареста стали применять ко мне надевательство, по шесть суток подним держали стоя на ногах на беспрерывном допросе, после чего у меня были отеки тела, тело отекало на голенице спял и спял распарывался, т.е. снять их было невозможно, били по голове чем попало, после чего обвалялся в моче.

В Январе месяце 1938 года, ребенка до белая, связанного по рукам и ногам, запертого в брезент, бросил в кузов автомашины проехали меня из Кирово в Слободской и заморозили, а в то что я ничего на себя не подвешивая, снова сделали такую же процедуру обратно.

В течение года в тюрьме я подвергался со стороны следователей всякого рода надевательством /голод, холод, яичницей, насиль-

- 2 -
ение и т.д./ Я не в силах припомнить, подписывал ли я на себя какую-нибудь чушь, выдуманную следствием или нет?
Обсудил меня по ст. 58 п. 10 и 7-ми годам ИТЛ и 3 года порожения в правах, до Января 1939 года я находился в Вызбелюге /отрожекство автомагистрала Москва-Минск/ с 1940 г. был в Усольяге на лесовозготовках до начала войны.
С началом войны я на лагеря был эвакуирован в гор. Соликамск в шалаш с пред"явленным мне новым обвинением по ст. 58 п.п. 6, 8, 11, якобы я хотел на лагери бежать, сделать покушение на Сталина, после чего уехал в Идинокит.

Сразу после и надевательств. Возили меня по Советскому Союзу по разным тюрьмам и шалашам, всего был в 88 тюрьмах. 8 лет ИТЛ и 5 лет порожения в правах, не считая прожитых 5 лет. И в 1952 году, отбыв 14 лет я был освобожден сочувствующим стариком, совершено потерял волосы и много здоровья. И безусловно потерял всю семью и что было у меня, как вновь на свет родился.

Кто я в прошлом? Родился в 1908 году в д. Ст. Куалук, Самсинского района, Удм. АССР /ны. Вятская губ./ в семье лесника. Отец погиб на Германской войне в 1915 году, мать была слепая, про нас было у нас 6 детей от года и до 12 лет. До 1919 года про нас были подписаны /собирали/, а в 1919 году, благодаря Советской власти мы были определены в детдом, где я и получил среднее образование.

В 1929 году ушел добровольцем в РККА, где был до ареста. Вот так вот я враг народа и до сих пор не вижу его главное пятно, чем я и проку Вес снять его с челн.

"/ 9 / Апрель 1956г.

Первому секретарю К.П.С.С.
товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу
г. Москва, Кремль

Гр-на гор. Сарапула Удмуртской АССР
Ул. Красного спорта, дом №16
ЧЕКМАРЕВА Иллариона Ивановича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Многоуважаемый Никита Сергеевич!

20 съезд КПСС открыл перед народом действительную правду, за которую пролетариат так много лет боролся. Пишу Вам данное заявление, я уверен получить ответ.

В 1937 году 2 сентября в гор. Слободской Кировской обл. прямо в казарме (в то время я находился в Армии в чине капитана) я был арестован, с предъявленным мне обвинением ст. 58 п.п. 6, 10, 11 УК РСФСР, якобы я занимался

шпионажем в пользу Японии, что я член контрреволюционной группы Уральского Военного округа, во главе Гарькавый, Кабаков, Головин и т.д.

С первых дней ареста стали применять ко мне издевательства, по шесть суток подряд держали стоя на ногах на беспрерывном допросе, после чего у меня были отеки тела, тело отекало на голенище сапог и сапоги распарывали, т.к. снять их было невозможно, били по голове, чем попало, после чего остались шрамы пожизненно.

В январе месяце 1938 года, раздетого до белья, связанного по рукам и ногам, завернутого в брезент, бросив в угол автомашины провезли меня из Кирова в Слободской и заморозили, за то, что я на себя ничего не подписал, снова сделали такую процедуру обратно. В течение года в тюрьме я подвергался со стороны следователей всякого рода издевательствам (голод, холод, карцер, избивание и т.д.). Я не в силах припомнить, подписал ли я на себя какую-нибудь чушь, выдуманную следствием или нет?

Осудив меня по ст. 58 п.10 к 7-ми годам ИТЛ и 3 года поражения в правах, до декабря 1939 года я находился в Вязлесаге (строительство автомагистрали Москва-Минск), с 1940 г. я был в Усольяге на лесозаготовках до начала войны.

С началом войны я из лагеря был изолирован в гор. Соликамск в изолятор с предъявленным мне новым обвинением по ст. 58 п.п. 6, 8, 11, якобы я хотел из лагеря бежать, сделать покушение на Сталина, после чего уехать в Индокитай.

Снова пытки и издевательства. Возили меня по Советскому Союзу по разным тюрьмам и изоляторам, всего был в 52 тюрьмах. Зачем? Не знаю. Потом был приговорен к расстрелу, с заменой 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах, не считая просиженных 5 лет. И в 1952 году, отбыв 14 лет, я был освобожден согнувшимся стариком, совершенно потеряв волосы и много здоровья. И безусловно потерял всю семью и что было у меня, как вновь на свет родился.

Кто я в прошлом? Родился в 1908 году в д. Ст. Кузлук Сямсинского района Удм. АССР (быв. Вятская губ.) в семье лесника. Отец погиб на Германской войне в 1915 году, мать была слепая, нас было у нее 6 детей от года и до 12 лет. До 1919 года просили подаяние (сбирали), а в 1919 году, благодаря

Советской власти мы были определены в детдом, где я получил среднее образование.

В 1929 году ушел добровольцем в РККА, где был до ареста. Вот таков я враг народа и до сих пор на мне висит это грязное пятно, о чем я и прошу – снять его с меня.

*19 апреля 1956 г.
ПермГАНИ. Ф.643-2. Оп.1. Д.10970. Л.121-122об.
Подлинник. Машинопись.*

Я РАБОТАЛ АКТЕРОМ

**Председателю Верховного Суда РСФСР
От гражданина Голынец Ивана Васильевича**

ЗАЯВЛЕНИЕ

18 февраля 1941 года я был арестован органами НКВД гор. Свердловска. В то время я работал актером Свердловского драматического театра. Обвинение было предъявлено по ст. 58 пункт 10 ч.1. Следствие, разумеется, велось в стиле того времени, т. е. с применением физических мер воздействия: подписал бумагу, написанную следователем – получи передачу или ларек, не подписал – карцер, одиночка. «Мой» следователь говорит: «Я на тебе выплюсь», соседний зайдет, советует: «Что ты на него, гада, смотришь? Дай ему раза!» Какие нелепости были мною подписаны, я уже и не помню.

Несмотря на все это, на суде, состоявшемся в апреле 1941 года, когда некоторые свидетели (например, т. Нехорошкова) от показаний отказались или пытались защищать (например, т. Прасолов) и что было пресечено председателем суда, самым «серьезным» обвинением осталось мое расхождение с оценкой Сталиным поэтической формы творчества Маяковского. Мне было дано 8 лет исправительно-трудовых лагерей.

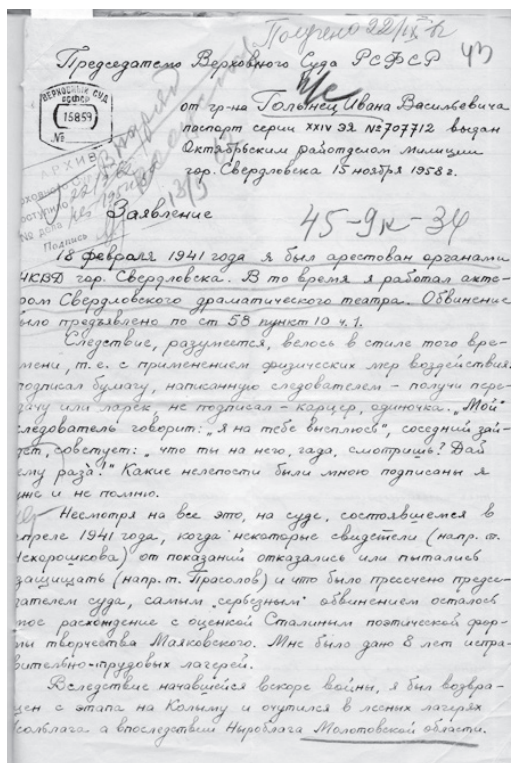
Вследствие начавшейся вскоре войны, я был возвращен с этапа на Колыму и очутился в лесных лагерях Усольлага, впоследствии Ныроблага Молотовской области. Находясь на лесозаготовительном пункте «Байда» зимой 1943-1944 гг., я имел неосторожность просить начальство перевести меня из бригады «шпаны», где не съешь и заработанного куса хлеба, а одежда

и обувь давно украдены ими и проиграна. В отместку это сейчас же было донесено оперуполномоченному, что я собираюсь сбежать, чему несомненное доказательство мой рисунок на куске бересты контура карты (неважно, что Западной Европы) и что я оскорбил наших союзников Англию и Америку, сказав, что они нарочно не торопятся со «вторым фронтом» и по русской поговорке «еще нагадят нам в карман». Немедленно я был засажен в неотопливаемый

изолятор, где чуть не замерз на сорокаградусном морозе, а оттаяв и получив возможность соображать, узнал, что мне за это самое анекдотическое «оскорбление союзных наций» (так и написано в чудом сохранившейся копии приговора от 21 января 1944 г.) снова дали 10 лет по ст. 58-10 ч. 2.

Так как я хорошо и честно (как и всю жизнь) работал в лагере на лесоповале, а в последующие годы развития механизации лесоразработок, имея специальность мастера-электромеханика, был электриком многих механизированных лесопунктов Нырблага, то имену смелость заявить, что именно таким и сейчас еще помнит меня весь Нырблаг. Вряд ли хоть один технический работник управления лагеря тех лет не вспомнит меня и сейчас, как отличного работника старой лагерной гвардии.

Так я пробыл в Нырблагае до года смерти Сталина, когда у меня кончился и срок отбытия. Я был освобожден 3 ноября

1953 года с выездом в гор. Свердловск, в котором меня тоже еще неплохо помнили, где с первых же дней прибытия и по сие время работаю старшим инженером Всесоюзного института «Теплопроект».

Обладая всеми правами советского гражданина, я до сих пор считал, что по законам нашей страны все это само собой разумеется, и никаких формальностей более не требуется. Сейчас же при заполнении документов при прохождении службы я столкнулся с этим вопросом и оказалось, что требуется особое оформление моей реабилитации по судимости. Оглядываясь на свой пройденный жизненный путь без укоров своей совести и не боясь суда других, прошу пересмотреть мое дело и реабилитировать меня с полагающимся в таких случаях оформлением.

12 августа 1959 г.

ПермГАНИ. Ф.643-2 Оп.1. Д.14040. Л.43-44об.

Подлинник. Рукопись.

ВАС СЛЕДУЕТ ИЗОЛИРОВАТЬ

**Заявление гражданина Генрихса Корнея Яковлевича¹
в президиум Верховного Совета СССР.**

12.02.1956 г.

п. Ягодный

Магаданская область

В сентябре месяце 1941 года я, вместе с другими немцами Украины, был мобилизован в трудармию и отправлен в г. Соликамск Молотовской области. До этого дня я работал учителем в средней школе в Михайловском районе Запорожской области.

Я был арестован 12 января 1942 года в п. Боровск Соликамского района, и мне были предъявлены обвинения в шпиона-

¹ Генрихс Корней Яковлевич, уроженец с. Александродар Невинномысского района Орджоникидзевского края, до ареста – учитель в средней школе в Михайловском районе Запорожской области. Арестован 13 января 1942 г. Осуждён Особым совещанием при НКВД СССР 10 февраля 1943 г. по ст. 58-10 ч. 2, 58-11 к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 3 октября 1961 г.

же. Убедившись, что трехмесячный режим, побои, в которых я потерял почти все свои зубы, не смогут заставить меня подписывать явно импровизированные обвинения, старший следователь, комендант и прокурор, которые присутствовали на следствии в порядке надзора, пустились на уговоры: «Вы как учитель пользуетесь среди немцев трудармейцев авторитетом и, вместе с тем, являетесь номинальным организатором возможного восстания. Поэтому вас, вместе с другими немцами-интеллигентами, следует изолировать. После войны вы, безусловно, будете освобождены и реабилитированы».

Убедившись, что дальнейший отказ от подписи импровизированного следственного материала может привести к еще более суровым репрессиям, и признав в доводах следвателя логику, я согласился подписывать, но оговорился, что не стану подписывать обвинения в шпионаже и прямой измене.

Вместе со мною были арестованы еще несколько человек, учителей, врачей и нам предъявили обвинения в преступлениях, предусмотренных статьями 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Военный трибунал и Молотовский областной суд, куда наши дела были первоначально отправлены, находили обвинения недостаточно убедительными и все материалы следствия были направлены на рассмотрение Особым Совещанием, которое нас осудило к 10 годам лишения свободы без поражения в правах каждого.

В мае 1942 года я был переведен в Соликамскую тюрьму, где просидел до сентября 1944 года, а потом отправлен в г. Березники. В 1948 году я был отправлен на Колыму, где и освобожден по зачетам в сентябре 1951 года.

В настоящее время я ссыльный. У меня дочь, комсомолка, будущее которой не должно быть запятнанным.

Сознание своей невиновности, ответственности за будущее своей дочери побуждали меня неоднократно обращаться в разное время и в разные инстанции в поисках справедливости, но я не получал даже ответа.

Прошу Вас пересмотреть мое дело с целью полной моей реабилитации.

***ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11338. Л. 321-322 об.
Подлинник. Рукопись.***

ЗАСТАВЛЯЛ ДАВАТЬ ЛОЖНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

**Заявление гражданина Генрихса Якова Яковлевича¹
Генеральному прокурору СССР.**

15.07.1956 г., п. Большая речка, Магаданская область,
Казачинский р-н, Красноярский край

Я, Генрихс Яков Яковлевич, родился 11 августа 1912 года в с. Александродар Невинномысского района Орджоникидзевского края в семье крестьянина. По национальности я немец. Образование – незаконченное высшее. Профессия – учитель. Меня арестовали 16 января 1942 года на 2-м строительном участке Соликамстроя ИТЛ, где я находился в трудармии. Вместе со мной было арестовано еще 5 человек. Были осуждены 10 февраля 1943 года Особым Совещанием по статьям 58-10 ч. 2 и 58-11 сроком на 10 лет.

Срок наказания я отбыл, но несмотря на это, я прошу пересмотреть мое дело с целью – реабилитировать меня.

Причины, побудившие написать эти строки те, что меня осудили невинно и что все то, в чем меня обвиняют, неправда и ложь, выдумка следователя Коменданта, который вел наше следствие.

Следователь Комендант в ходе следствия применял угрозы и насилие. Он бил меня, сажал в карцер. Излюбленный его прием был таким: вызывать подследственных в камеру в 3-4 часа ночи. Таким путем заставлял меня и моих товарищей давать ложные показания на себя и друг на друга. Это могут подтвердить мои однодельцы. Двоих из них нет в живых. Иван Ульрих умер в Соликамской тюрьме, Генрих Гофман замерз на этапе из Соликамской тюрьмы в Н-Мошевский ОЛП.

Судьба других мне неизвестна, за исключением моего брата Генрихса Корнея Яковлевича, который находится в Магаданской области, в п. Ягодный. Прошу Вас удовлетворить мою просьбу.

Генрихс

ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11338. Л. 330-330 об.

Подлинник. Рукопись.

¹ Генрихс Яков Яковлевич, реабилитирован 3 октября 1961 г.

МОЕ ДЕЛО СФАБРИКОВАНО

Заявление гражданина Фейста Виллибальда Николаевича¹ Генеральному прокурору СССР.

5 апреля 1961 г., с. Узун-Агач, Джембульский район,
Алма-Атинская область

16 января 1942 г. я был арестован и постановлением Особого Совещания от 10 февраля 1943 года был осужден по ст. 58-10, ч. 2, 58-11 УК РСФСР сроком на 10 лет.

По поданной мною жалобе дело было пересмотрено и постановлением Президиума Пермского областного суда от 24 декабря 1957 года постановление Особого совещания от 10 февраля 1943 года в отношении меня в части осуждения по ст. 58-11 УК РСФСР отменено, и дело в этой части прекращено. Однако виновность в части 58-10 ч. 2 осталась. Я не могу смириться с таким положением дела, вся моя жизнь, как до заключения, так и после не запятнана ни одним плохим проступком.

Я родился 10 февраля 1910 года в семье крестьянина-середняка в с. Сергеевка Ново-Николаевского района Запорожской области. По национальности – немец. После окончания семилетки и одного года работы учителем в 1927 году поступил на немецкий сектор Одесского института Народного образования. Окончив его в 1930 году, я стал работать преподавателем химии и биологии, а с 1933 года и директором в Петровской средней школе Сталиндорфского района Днепропетровской области до 1939 года. С 1939 по 1941 год преподавал химию и биологию в Сталиндорфской районной средней школе. А 5 сентября 1941 года был мобилизован в трудовую армию, где с 3 октября 1941 года работал на строительстве завода вблизи г. Соликамск Пермской

¹ Фейст Виллибальд Николаевич, уроженец с. Сергеевка Ново-Николаевского района Запорожской области, до ареста – учитель в Петровской средней школе Сталиндорфского района Днепропетровской области. Арестован 16 января 1942 г. Осуждён Особым совещанием при НКВД СССР 10 февраля 1943 г. по ст. 58-10, ч. 2, 58-11 к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 3 октября 1961 г.

области ответственным секретарем начальника 1-го строительного участка до 15 января 1942 года.

После заключения был направлен в Чулак-Сандыкский совхоз Баранкульского района Акмолинской области, где с октября 1951 года до июня 1956 года работал слесарем. В 1956 году переехал в с. Узун-Агач Джамбульского района Алма-Атинской области. Поступив 3 июля слесарем в Узун-Агачскую РТС в 1957 году, перехожу на работу формировщика, а с 1958 года до настоящего времени занимаю должность инженера по техническому нормированию этой РТС.

О моей работе педагогом до заключения свидетельствуют характеристики, приложенные к делу и имеющиеся сейчас еще у меня, а о том, как я трудился в Чулак-Сандыкском совхозе говорит хотя бы тот факт, что в 1956 году я был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и награжден медалью участника ВСХВ (свидетельство 042495 от 25 июля 1955 года).

В Узун-Агачской РТС за хорошую работу также неоднократно премирован и занесен на доску почета. С 1957 года член рабочего комитета. Имел рационализаторские предложения, о которых писалось в республиканской и центральной печати. Из всего этого видно, как я относился и отношусь к Советскому государству, и понятно, как тяжело мне от того, что мне приписывают преступления, которых я не совершал.

Вот сущность моего дела. В конце сентября 1941 года наш стройбатальон прибыл на строительство завода в п. Боровск вблизи г. Соликамска. Мы жили в общих бараках. Чтобы дать своему техперсоналу возможность вечером работать и подготовиться на следующий день, начальник 1-го отделения стройучастка выхлопотал у коменданта разрешение отгородить от общего помещения маленькую комнатку, куда в середине декабря 1941 года поселились хоздесятник Генрихс Корней, его брат Генрихс Яков, десятники – два брата Гофман, табельщик Клонингер и я: всего 6 человек.

Хоздесятник Генрихс Корней был арестован 8 января 1942 года, а 14 января мне сообщили, что 15 января я должен явиться в оперативно-чекистский отдел. Так оказалось, что меня

вызвали как свидетеля по делу Генрихса Корнея. С меня требовали, чтобы я свидетельствовал, что Генрихс Корней по вечерам в нашей комнатушке вел антисоветскую агитацию. Когда я отказался, мне пригрозили, что вместо свидетеля я буду приобщен к делу. Я этим угрозам не поддавался. Тогда меня объявили арестованным и отправили в КПЗ. В течение последующих нескольких дней было арестовано еще 4 человека: Генрихс Яков, десятник Гофман и бригадиры Ульрих и Вандер. Всех нас 6 человек (т.е. братья Генрихс Корней и Яков, десятник Гофман, бригадиры Ульрих и Вандер, я) обвинили в том, что собираясь по вечерам в нашей комнатке, мы вели якобы антисоветские разговоры, а именно: сомневались в точности сообщений Совинформбюро, выражали пораженческие настроения, восхваляли немецкую технику.

Я не чувствовал за собой вины и не соглашался с предъявленными мне обвинениями. Я вообще мало и редко находился по вечерам в комнате. Как ответственному секретарю мне часто приходилось задерживаться с начальником в конторе допоздна, обсуждая дела прошедшего и следующего дня. Кроме того, я активно участвовал в музыкальной самодеятельности нашего стройбатальона, и свободное время проводил в красном уголке. Так что приходил домой почти всегда поздно вечером, когда другие уже спали. С бригадирами Ульрихом и Вандером, которые не жили в нашей комнатке, я был только поверхностно знаком.

Разве правдоподобно, чтобы я в таких условиях в такое напряженное время вел антисоветскую пропаганду? Только ярый закоренелый враг мог бы так поступить. А я таким ни раньше, ни тогда, ни позже не был. Все это дело было сфабриковано на основании лживых доносов, диктованных завистью и злостью нечестных людей, стремившихся выслужиться. Во время предварительного следствия выявилась вся преднамеренность и искусственность созданного дела. Показания обвиняемых и одного-двух свидетелей противоречили друг другу.

Из-за запутанности и неправдоподобности дело было отклонено и направлено в Особое Совещание. Там заочно был вынесен приговор об осуждении меня на 10 лет ИТЛ.

Учитывая все сказанное, никак невозможно найти достаточно оснований считать меня виновным в тех преступлениях, за которые меня осудили. Поэтому прошу пересмотреть мое дело и отменить несправедливый приговор.

Фейст

ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11338. Л. 337-339.

Подлинник. Рукопись.

**РАЗДЕЛ ВЕДЕТ
ВЛАДИМИР ГЛАДЫШЕВ**

ЧЕКИСТЫ

Авторский коллектив Книги памяти продолжает рассказ о чекистах, оставивших «след» в истории нашего края. Мы считаем, что рассказ об истории политических репрессий в Пермском крае будет неполон, если умолчим о палачах, о тех, кто творил кровавый произвол. Кто они были, что за люди? Чем руководствовались, чем оправдывали свою жестокость?

Мы рассказываем о них не для того, чтобы свести старые счёты. Это невозможно, да и не нужно. Но есть еще люди, которые романтизируют «подвиги» палачей, считают, что у массовых убийств был смысл и была (страшно сказать!) какая-то высшая цель. Это благодаря им многие улицы Перми и многих городов страны до сих пор носят имена террористов, большевиков, чекистов, прославившихся расправами над невинными жертвами.

Да, они остались в памяти поколений. Остались как наваждение, ужас, как бессилие человека перед злой силой фанатизма. Что называется, из истории их не выбросишь. И пусть они упоминаются – в работах историков, честных исследователей недавнего прошлого страны. Но не больше! Им нет места на мемориальных досках, в названиях улиц и площадей. Увековечить имена палачей – значит, зло посмеяться над памятью о наших близких и родных, ставших жертвами сталинского террора.

КОНЕЦ НАРКОМА

***Бывшего всесильного комиссара Уралсовета
не спасла даже родная Пермь***

В дождливый июльский день Марина Цветаева шла с дочкой по московской улице и вдруг услышала крик мальчишки-разносчика газет:

– Расстрел Николая Романова! Романов расстрелян рабочим Белобородовым!..

Упоминание об этом случае сохранилось в дневнике поэтессы. Потрясенная известием, Цветаева сказала дочери, чтобы она помолилась за упокой души русского царя.

Большевики не случайно сыграли в заголовках своих газет на противопоставлении царя и рабочего. Александр Белобородов был председателем Уралсовета, когда в Екатеринбурге совершилось преступление века, как вскоре стали называть казнь всей царской семьи.

В кругах белой эмиграции ходили упорные слухи, якобы он еврей Вайсбарт. На самом деле по происхождению этот человек – русский, из рабочих, уроженец Александровского завода Пермской губернии.

Порождение уральской глуши

В книге «Революционеры Прикамья» об этом человеке говорится в духе советской житийной литературы: «Большой организаторский талант сочетался у него с качествами трибуна. Александр Григорьевич хорошо говорил, свободно, с завидным самообладанием и находчивостью отбивал атаки политических противников».

Рассказывают, что молодые члены партии называли его «тяжелой артиллерией». Совсем иное представление сложилось о Белобородове у колчаковского следователя Николая Соколова, которому было поручено расследовать убийство царской семьи.

«Из него хотят сделать крупную революционную фигуру. Это неправда, – писал Соколов. – Распропагандированный рабочий, невежественный, он был порождением уральской глуши. Его, быть может, никогда бы не увидели за ее пределами, если бы не убийство царской семьи. Только после этого он оказался

*Белобородов
Александр Георгиевич.*

членом ЦИКа и видным столичным чекистом. Он никогда не был самостоятелен и в роли председателя областного совета...»

Опытный следователь сравнивает Белобородова с другими видными большевиками и приходит к выводу, что глава Уралсовета проигрывает и Голощекину, и Юровскому, а от «мягкого большевика» Авдеева отличается разве что красивым почерком.

Подпись Белобородова стоит на билетах вещевой лотереи, популярной в те годы. После гражданской войны А.Г. Белобородов, как нарком внутренних дел республики (наркомвнутдел, выражаясь стилем 1920-х годов), возглавлял Деткомиссию ВЦИК. Его

же подпись красуется и на первых уральских деньгах. Дело в том, что в 1918 году центр не мог снабжать регионы денежными знаками, и Наркомфин республики разрешил Уральскому совету выпускать советские боны, имеющие хождение в пределах четырех губерний. Печатали «уралки», эти советские кредитки, в Перми. В народе кредитные билеты чрезвычайного выпуска еще называли «расстрельными», потому что на них стояла подпись того самого А. Белобородова...

Кем же был на самом деле «главный цареубийца»? Надо разобраться, случайно ли вынесло человека ветром истории на вершины власти.

Вполне по-разбойничьи

Учиться Александру Белобородову действительно долго не пришлось, он окончил, как тогда шутили, ЦПШ и коридор (церковно-приходскую школу). Однако сохранился отзыв заведующего школой о том, что Саша «выдавался из числа остальных товарищей по своему умственному кругозору». Работал на уральских заводах конторщиком, электромонтером. В 1907

году вступил в РСДРП, примкнул к большевикам, и с той поры стал профессиональным революционером. В очерке о молодом Белобородове создан портрет подпольщика: «Крутолобый крепыш со спокойным, серьезным, не по-мальчишески твердым взглядом, он заслужил доверие товарищей своей исполнительностью, смелостью, зрелым умом».

Белобородов прошел «тюремные университеты». Во время одной из отсидок он познакомился с Яковом Свердловым, будущим председателем ВЦИК, ставшим непосредственным организатором и вдохновителем казни Романовых, массового «расказачивания» на Дону и других кровавых деяний.

Не раз проявлял Белобородов свои организаторские способности, выполняя самые ответственные и, мягко сказать, щепетильные, с душком, поручения партии и лично тов. Ленина. Чего стоят хитроумные провокации с мнимым побегом царской семьи (использовали «подметные письма»), с убийством алапаевских узников (заговорщики похитили князей, использовав, якобы, самолет). А вот одна из «домашних заготовок» А. Белобородова, касающихся великого князя Михаила Александровича:

«Михаила Романова нужно срочно «эвакуировать» в мотовилихинскую тюрьму». Так, на языке опытных боевиков, обозначался островок напротив пушечного завода, где расстреливали всякую «контру».

Именно Белобородов стал своего рода генерал-поручиком пролетарского вождя. Ленин посылал его в самое пекло. Когда вспыхнуло Вешенское восстание (вспомним «Тихий Дон» Шолохова), Ленин посылает на подавление восстания члена ЦК Белобородова. Нужно отдать ему должное: в первые годы советской власти он еще не «забронзовел», не превратился в партийного сановника, как его товарищи. Большевицкие организаторы были способны в ту пору еще и на самокритику. Вот как, в частности, объяснился с мировым сообществом Уралсовет по поводу убийства семьи Романовых:

«Воля революции была исполнена, хотя при этом и были нарушены многие (!) формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни «коронованных особ» (!). Рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм (!), она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником (!)»

В данном случае потрясает даже не столько откровенный цинизм уральских вершителей истории, сколько их почти школярское стремление оправдаться. О моральной чистоте помыслов здесь говорить не приходится, Белобородов с соратниками четко сознают это. «Наравне с разбойниками» – и вполне по-разбойничьи, почему-то тайно, воровски, ночью. И умалчивая об убийстве детей.

Взять в железо!

В 1920-е годы, непосредственно руководя акцией по изъятию церковных ценностей, наркомвнудел А.Г. Белобородов последовательно, неукоснительно и изобретательно проводил линию, определенную Лениным: «...Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». (Из письма с грифом «Секретно» от 19 марта 1922 года). Вождь требовал при неподчинении «свирепой и беспощадной расправы». (Из письма Г.Я. Сокольникову, ставшему первым министром финансов СССР).

До нас дошли некоторые свидетельства тех жестоких и коварных месяцев, несмотря на то, что все строжайше секретилось: коммунистические вожди предпочитали давать только устные директивы. Сам Ленин никогда не забывал написать на своих распоряжениях: «Без копий. Вернуть мне».

А. Белобородов – секретарю ЦК РКП И. Крестинскому:

«...Линия В. И. (Ленина. – В.Г.) вполне верна, хотя некоторые товарищи... смотрят на дело, кажется, иначе... В общем, надо сказать, что, кого нужно, в железо здесь еще не взяли...»

Он же – в служебной записке в ЦК РКП, из Белоруссии: «...Ничего не изымается... Комиссии (по изъятию церковных ценностей. – В.Г.) бездействуют, вступают в бесчисленные споры с отдельными личностями, уговоры (католических и православных священников – В.Г.). Зачем с ними спорить? Словно нужно их разрешение. И словно они могут его дать. (!) И главное, никаких мер по саботажу. Не проводится никаких репрессий, ни одного случая сурового наказания саботажников, ни одного процесса. Надо начинать решительно работать...»

Подписан документ с грифом «Секретно» 17 мая 1922 года. Уже через пять дней сигналу тов. Белобородова был дан ход:

в правом верхнем углу машинописной служебной записки наркомвнудела появилась резолюция «всероссийского старосты», председателя ВЦИК М.И. Калинина: «Принять соответствующее постановление». Вскоре репрессии последовали: «взяли в железо» кого нужно, а также кого и не нужно – «про запас», чтоб другие боялись.

Изъятие ценностей стало самым эффективным средством разрушения собственно церковной организации, в ходе кровавых репрессий было расстреляно около 25 тысяч человек, в основном церковнослужителей.

Где он сидит, в тюрьме или гостинице?

Через 15 лет после успешного изъятия ценностей у церкви А.Г. Белобородов будет расстрелян по приказу Сталина как «троцкист».

Когда-то Яков Свердлов советовал ему почаще наведываться в Пермь, «чтобы помогать товарищам». Подтекст был такой: чтобы укрепить большевистское влияние на вечно отстающих, «гнилых» пермяков. В 1930-е годы все поменялось с головокружительной быстротой. За самим наркомом уже следили повсюду. В том числе и в родной Перми. Подручные Сталина подозревали Белобородова в распространении троцкистских настроений – и подозревали не напрасно. Как показали его уральские товарищи, он привез оппозиционную литературу для проработки в низах, заверив при этом, что «ЦК ВКП (б) вынужден был эту платформу допустить». Сознательно примкнув к оппозиции, Александр Белобородов вел фракционную борьбу. За это и поплатился. Сначала его сняли с поста наркома, а из партии то исключали, то вновь принимали.

Его преследовали, за ним следили и в Свердловске, и в родной Перми. Именно в Пермь пришла телеграмма с распоряжением: задержать Белобородова. Аресты начались и среди пермских партийцев-оппозиционеров, разделявших платформу Троцкого.

Дочь бывшего наркома Белобородова вспоминала позже, как ее отец, уже снятый со всех постов, предчувствуя арест, сжигал сундук с компроматом. Впрочем, это уже не могло его спасти.

В 1936 году его арестовали. 26 мая 1937 года Николай Ежов направил Сталину копию заявления Белобородова о лицах, разделявших взгляды троцкистов. Вождь остался очень недоволен этими показаниями, на сопроводительной записке Сталин написал:

«Ежову. Можно подумать, что тюрьма для Белобородова – трибуна для произнесения речей, заявлений, касающихся всякого рода лиц, но не его самого. Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах. Где он сидит, в тюрьме или гостинице?»

Белобородова расстреляли в 1938 году, а в 1962 году он был реабилитирован. Что касается его «грязных дел», как выразился Сталин, то их содержание, а также толкование со времен хрущевской «оттепели», резко поменялось, порой с точностью до наоборот.

ПЕЧАТЬ, КАК КАПЛЯ КРОВИ

Найти памятник чекисту просто: здесь похоронен легендарный Степан Окулов, «освободитель Перми от белых банд», как гласит эпитафия этому «герою гражданской войны». А вот его тезку, Степана Болотова, забыли. Хотя в свое время в руках Болотова была сосредоточена власть не меньшая, а часто и большая...

С.А. Болотов – один из первых пермских чекистов: вступил в эту организацию еще в Оханском уезде, откуда был родом. Вскоре стал одним из руководителей местной «чрезвычайки» – Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК). Занимал ключевые посты в самых горячих точках братоубийственной бойни. После Урала вершил судьбы людские в Крыму, на Дону, в Сибири, на Дальнем Востоке, в ГУЛАГе... Был, однако, в судьбе Болотова период, когда он сам оказался в положении заключенного.

И была странная дружба с писателем Михаилом Шолоховым... Чекистский начальник, оказывается, был не чужд культурных устремлений. Не получив нормального образования, он тянулся к образованным людям, и сам пытался заниматься «литературным творчеством».

Можно сказать, это был типичный представитель своего времени – и чекистского племени. Давайте проследим по документальным источникам, чем же конкретно занимался Степан Болотов, какие «деяния» он ставил себе в заслугу.

Устанавливал Советскую власть

Из «Анкеты по переучету и регистрации сотрудников ЧК и ОО (Особого отдела)», заполненной С.А. Болотовым в 1921 году (возраст 27 лет, род. 27 апреля 1894 г.), мы узнаем имущественное положение этого человека – называет себя пролетарием. Хотя профессия его – «письмоводство и счетоводство (канцелярист)».

Образование – Острожская нач. школа. Семейное положение – женат. Жена – Виктория Людвиковна, 25 лет. Дочери: Людмила – 3 года и Светлана – 1 м. (Жили тогда на ул. Осинской, 10-2, в квартире имелся телефон).

Принимал ли участие в революциях (февральской и октябрьской) – «Самое деятельное...»

В партии РКП (б) – с 1 июня 1918 г., № билета 104353.

Но далее признается, что «мальчиком... сочувствовал эсерам до июльских дней 1917 г.».

Что же скрывается за словами «самое деятельное»?

В своих воспоминаниях (рукопись хранится в частном собрании одного пермского коллекционера) Болотов пишет о начале политической деятельности. В главе «Гром грянул. (Импровизированный митинг)» он подробно описывает события в захолустном городке, последовавшие сразу после 27 февраля 1917 года. То есть, на следующий день:

«...Полковник Громов (нач. Оханского воинского гарнизона – В.Г.), получив телеграмму, отдал немедленно приказание выстроить на сборном пункте гарнизон, где перед собравшимися командами произнес коротенькую речь, закончив ее сообщением (о постигшем Россию несчастье) в виде отказа Царя от престола и передаче его брату Михаилу, после чего предложил крикнуть «Ура» за Государя. Предложение его было встречено со стороны сознательных солдат грубым молчанием. Несколько забитых ратников и татар конского запаса крикнули «Ура» – но оно вышло очень жиденьким.

Заметив настроение солдат, полковник Громов заговорил о том, что не было указано в телеграмме Синдецкого (командующего Казанским округом). О немецком влиянии на Царя жены и матери. После 2-часовой речи он замолчал. Все солдаты ждали приказа разойтись...»

Но тут попросили разрешения выступить нижние чины, в том числе и сам Болотов. И все – о последних событиях в Петрограде. К концу речи Степана был составлен подписной лист на красные флаги. Полковнику Громову предложили подписаться, он пожертвовал больше всех, 5 или 10 рублей, за ним подписались солдаты всего гарнизона. И через короткий промежуток времени мы все с красными флагами выходили из казарм. Население Оханска было ошеломлено...

Заведовал активной частью особого отдела

У этого человека, оказывается, были все чекистские награды первых лет, начиная с первой высшей награды, учрежденной специально для сотрудников «карающего меча революции», как называли большевики ЧК – «Знака почетного чекиста 1917-1922», удостоверение № 242 подписано самим председателем ГПУ Ф. Дзержинским. Вот только «краснознаменцем» он не сумел стать, хотя к ордену Красного Знамени и был представлен. Но – загулял, и, судя по всему, крепко загулял. Так, что не замечать этого уже было нельзя, за что и был разжалован и отправлен «на исправление» в лагерь.

Однако лагерный срок для Болотова – все равно, что пребывание под домашним арестом. Не отбыв и половину наказания, он уже снова «выплыл». И работал на руководящих постах, не покладая рук. Тем более связи, влиятельные друзья в верхушке НКВД у него еще оставались.

На фотографии пермского периода, то есть, когда местная организация ЧК только становилась на ноги, Болотов запечатлен вместе с известными деятелями революции, возглавлявшими в разное время губЧК (менялись на этих постах часто): А.Л. Борчаниновым, П.И. Малковым, М.Д. Соловьевым, председателем гормилиции В.А. Иванченко (последний является одним из непосредственных участников казни великого князя Михаила Романова).

В удостоверении, выданном С.А. Болотову 17 мая 1919 г., говорится, что «предъявитель сего «действительно есть помощник Заведывающего Активной частью Особого отдела Чрезвычайной Комиссии при 3 армии» (здесь и далее стиль документа сохранен). Всем учреждениям, как военным, так и гражданским, предписывалось оказывать ему «всяческое содействие при исполнении служебных обязанностей, как то: арестовывать указанных им лиц, по первому его требованию производить обыски и выемки, проверять документы у кого он найдет нужным». А 25 декабря того же года Болотов становится уже заведующим этой самой «Активной частью Особого отдела», удостоверение подписывает председатель губЧК П.И. Малков.

Нетрудно представить, сколько бед принес людям молодой ревностный исполнитель предписания, которому разрешалось «ношение и хранение всякого рода оружия и свободный проезд по железным и грунтовым дорогам и беспрепятственное пользование телеграфом и телефонами». Да еще с такой веской добавкой: «Неисполняющие вышеизложенных требований тов. Болотова будут привлечены к ответственности по всей строгости военно-революционного времени».

В графе «Прохождение службы» содержатся такие данные: «...Начальник Активного отделения Особого отдела Пермской губЧК с 21 ноября 1919 г. по 23 января 1920 г. в последнее число за выездом тов. Соловьева мною принята должность начальника ОО в каковой и остался. Приказание № 398 от 25 января 1920 г.»

Очень важен, конечно, ответ на вопрос: «Что побудило Вас поступить на работу в органы ЧК и ОО (Особый отдел – ред.), а не какое-либо другое советское учреждение?». Степан Болотов сформулировал ответ так: «Пролетарский инстинкт подсказывал, что нужно идти туда работать, куда одни боятся по своему малодушию, а другие идут с целью навредить диктатуре пролетариата».

Руководил красным террором

В анкете был и такой вопрос:

49. Участвовали ли Вы в расстрелах, боях, наступлениях и отступлениях, где и сколько раз?

Отвечая на этот вопрос, С.А. Болотов предельно откровенен и краток:

1. Руководил Красным террором в 1918 г. в Оханском уезде. В расстрелах участвовал, не упомяну количество раз.

2. Отступал от Оханска до Вятки от Колчака.

3. Наступал от Вятки до Ишима в Сибирь за Колчаком...

После подавления Шлыковского восстания жажда крови разыгралась в чекистах с новой силой. Об этом – свидетельство в самоличных воспоминаниях. Глава «Дальнейшая работа Чр. Комиссии по проведению Красного террора».

«Взятие на учет. После покушения на тов. Ленина, убийства тов. Володарского и Урицкого объявленный Центральной властью по требованию трудовой республики Красный террор был нами проведен и в Оханске.

Сначала были взяты на учет все неблагонадежные элементы: чины полиции, охранки, принимавшие в 1905 году участие в подавлении рабочего движения, затем офицерская корпорация, состоявшая из демоб-х офицеров, обретавшихся в Оханске без определенных занятий и упорно не желавших идти на службу в Красную армию.

Кроме того в списки неблагонадежных попали КАДЕТЫ, член Учр. Собрания Подлипский, полковники Осипов и Топорков, начальник тюрьмы, участник расправ в 1905 г. в николаевском центре Прокурорский – всего около 50 человек.

По приезде из Екатеринбурга для проведения Красного террора член Уральского обл. Комитета с полномочиями Уральской ЧК т. Ровинский, вся взятая на учет публика была арестована, проведено было следствие в течение 5 дней, после чего по постановлению ЧК, санкционированному Советом, все 50 человек были приговорены к расстрелу.

Большую помощь в деле проведения Красного террора оказал матрос Омельченко, приехавший из Петрограда с мандатом за подписью т. Троцкого и с аттестацией, рекомендующей его как боевого начальника разведки... В помощь т. Омельченко был дан отряд матросов в 25 человек, которые своим появлением в Оханске терроризировали всю оханскую обывательщину. Вскоре Омельченко был назначен членом коллегии ЧК вместо Наговицина...»

Чистил уездных «черных воронов»

Вскоре по предложению Пермской губЧК Болотов выехал в уезды на выполнение особого задания. Как он сам пишет:

«...Для ликвидации влияния епископа Андроника, которое через местных священников передавалось в народные массы. Вместе со мной выехал Предс. Уездного исполкома доктор Горшечников и представитель уездного Военного Комиссариата Михалев. Мы объехали Таборы, Нытву, Шерью, Воробьи, Мокино, Григорьевское, Покровское и Никольское, провели волостные собрания, организовали комм. ячейки, арестовали в Воробьях попа, ревностно проводившего в жизнь предписание епископа АНДРОНИКА О ЗАЩИТЕ ЦЕРКОВНЫХ ЗЕМЕЛЬ И ПРОЧИХ БЛАГ, И ОТПРАВИЛИ в Оханск для следствия.

В Покровске арестовали волостного военного комиссара Усанина за превышение власти (порку). Послали с материалом в Пермскую ЧК. Усанин оказался авантюристом и при отступлении красных был расстрелян за то, что приняв красно-армейский полк за белых, начал перед ними выдавать всех коммунистов...»

...В архиве С.А. Болотова чудом сохранился также машинописный листок с текстом обращения епископа Андроника, подписанный предстоятелем церкви. От руки, выцветшими чернилами: «Причту Острожской церкви (вверху листа).

Для исполнения № 60.

Благочинный свящ. Вс. Пьянков».

Тут же кем-то из богоборцев сделана пометка: «В Острожке у попа Всеволода 1918».

Прицитируем фрагмент воззвания (машинопись):

«Всем причтам и православным прихожанам, а равно обителям Пермской епархии.

Возможно ожидать нападения разбойников или разных захватчиков церковного или монастырского имущества, а равно и самих церквей и обителей. Надо теперь же подготовить население к такой опасности и клятвенно призывать всех, как православных, к защите церквей и монастырей от насильников и захватчиков, чтобы за попустительство вместе с ними не подвергнуться вечному осуждению от Бога. Предупредить население, что в случае нападения захватчиков будет дан набатный звон колоколов, на который православные

и должны поспешить. Самим же захватчикам прочитать до времени сохраняемое, а потом на стенах храма вывесить в удостоверенных копиях прилагаемое мое именем Божиим клятвенное запрещение и осуждение. Да удержатся готовые совершить святотатство и за это быть погубленными вместе с Ананием и Сапфирой (Деян. 5. I-II).

Объявить всем прихожанам, что если бы даже и все они допустили насилие над церковью или обителью, то церковь их будет закрыта для священнослужения. Виновники же будут отлучены от Св. Причастия и если кто из них обманом духовника причастится где-либо Св. Тайн, то сие причастие будет вместе с Иудею Искариотом в вечное осуждение. – Стойте даже до смерти.

30 января 1918 Епископ Андроник».

Напомним: святотатство Анания и жены его Сапфиры, упоминаемое пермским епископом, ныне православным святым, священномучеником Андроником, заключалось в том, что они сокрыли часть выручки, полученной от продажи имения.

Солгали они «не человекам, а Богу».

Руководствовался соображениями безопасности

Работу палача С.А. Болотову доводилось выполнять в любом городе, в каждом регионе, куда его забрасывали «на укрепление».

Вот Вятка. 1919 год. ВЧК при (!) Вятском губернском совете крест. раб. и кр-арм. деп. 7 апреля выдано товар. Болотову, следователю Особого отдела Вятской Губ. ВЧК, своеобразное руководство к действию. На случай эвакуации.

«При составлении списков подлежащих эвакуации арестованных следует руководствоваться следующими соображениями...» Посмотрим, какими же ценными «соображениями» поделился начальник – Вр.и.д. завед. Юридическим отделом (Михайлов?).

«...Эвакуации подлежат следующие категории арестованных:

1. Активные участники к-р возстаний и выступлений.
2. Бывшие полицейские чины не выше околоточных надзирателей.

3. Жандармы и охранники.
4. Подозреваемые в шпионаже.
5. Заложники по своему социальному положению соответствующих инструкций ВЧК.
6. Все коммунисты и вообще ответственные Советские (!) работники, привлекающиеся за злоупотребления по должности.
7. Из остальных категорий все арестованные, коим может грозить по соображениям следователя РАЗСТРЕЛ.

Остальные категории эвакуации не подлежат, дела их разбираются в срочном порядке и по ним выносятся соответствующие постановления. В случае эвакуации Губернской Ч. Комиссии они освобождаются в последний момент».

Уже следующим днем Болотов отрапортовал (судя по записи синими чернилами): «Окончено 8 апреля 1919 г. следователь Болотов»

Когда Болотов работал в Активном отделении ВЧК – было такое в Особом отделе при III армии – ему, как проверенному кадру, давали и задания особой важности. Так, 28 июля 1919 года, сразу после освобождения большей части территории Урала, мандатом № 480 тов. Болотову С.А. поручалось «...посетить гражданина Уполномоченного Китайского Республиканского Консульства в гор. Екатеринбурге по делу о защите Китайских подданных Ю-ЦЗИН-ШАН и ЛИ-ТЕЙ-ХИН и Греческого подданного СПИРИДИСА, у которых разграблено имущество солдатами белой армии адмирала Колчака».

Подписан мандат начальником Особого отдела (Вусатовым?).

Да, таким вниманием, проявленным к иностранным подданным, не могли похвастать ни простые пермские обыватели, ни университетские профессора.

«Враги хотят меня подстрелить, как цыпленка»

В 1921 году на Болотова, работавшего в Пермской губЧК, было устроено покушение. Об этом он докладывает в рапорте от 5 сентября председателю губчека Борчанинову. И под этим предлогом... требует улучшения своего жилищного положения. Обосновывает это так:

«С момента моего приезда в Пермь, вот уже третий месяц, я неоднократно обращался в жилищный отдел официально через Синегина, Пономарева и Тарасова, о предоставлении мне квартиры в районе ЧК, т.к. в данное время я проживаю в Старой Слободке около Кавалерийских казарм, в месте не безопасном для жизни, что свидетельствуется случаем обстрела меня неизвестно кем в ночь на 4 сентября при следовании с работы из ЧК в 12-м часу ночи, на лошади в сопровождении моего помощника т. Мальцева».

Угрозу для своей жизни т. Болотов подтверждает, кроме того, подметными письмами в свой адрес. К рапорту он прилагает письмо некой Маруси Иващенко, дочери сенатора.

Все это, пишет Болотов, «свидетельствует о наличии в г. Перми моих врагов по работе в органах ЧК как карательных».

Он напоминает своему начальнику:

«Вам не безызвестен случай выстрела из винтовки по моему кабинету, от которого пробито окно и внутри Чека две стены в нижнем этаже под кабинетом. Если это имело целью покушение, среди дня, то ночью, при возвращении с работы местами отдаленными от центра, весьма удобно подстрелить как цыпленка».

Весьма в решительных тонах т. Болотов – зам. председателя ГПУ – начальник СОЧ (секретной оперативной части) ходатайствовал о категорическом распоряжении т. Борчанинова жилищ. отделу об освобождении всего дома № 26 по ул. Оханской, «который с посторонними жильцами для ЧК вообще является небезопасным». Именно в этот дом и хотел вселиться Болотов. Но для этого нужно было выкинуть из квартиры профессора Комендантова и его родственников (дом был сдан на год Пермскому госуниверситету, который устроил там общежитие своих профессоров, выделив семь комнат и общую кухню).

В прилагаемом письме «Маруси Иващенко» говорилось:

«УРА!

Я НАШЛА ТЕБЯ И ТАК ЗНАЙ Я ЗДЕСЬ! Я ПРИЕХАЛА С ЛОЗУНГОМ «КРОВАВАЯ МЕСТЬ» ВО ИМЯ МОИХ БРАТЬЕВ – ГЕРОЕВ РУСКАГО НАРОДА, КОТОРЫХ ТЫ РАЗТРЕЛЯЛ. ИЛИ ТЫ НЕ ПОМНИШ? ВЕДЬ ВЫ ВСЕ ТОГДА ГЛОТАЛИ ПРОКЛЯТЫЕ КРОКОДИЛЫ ДЕСЯТКАМИ МОЛОДЫХ ЖИЗНЕЙ ЕЖЕДНЕВНО. ИЛИ ЭТО ЗАБЫЛ? ТАК ЗНАЙ ЧТО Я СПАСЛАСЬ – УШЛА ТОЛЬКО С ОДНОЙ РАНОЙ И ЖИВУ ЗДЕСЬ. Я МАРУСЯ ИВАЩЕНКО ИЗ Г. КИЗЛЯРА ПРИШЛА ЗА ТЕМ ЧТОБ УБИТЬ ТЕБЯ. НО ЗНАЙ, ЧТО НЕ СПАСУТ ТЕБЯ СТАЯ КРОВОЖАДНЫХ,

КОТОРЫМИ ТЫ ОКРУЖИЛ СЕБЯ. КАК В ТЕРЕКЕ ПЛАВАЛИ ТРУПЫ НАШИХ, ТАК И ТВОЙ ПОПЛОВЕТ ПО КАМЕ. ЗНАЙ Я НЕ ОДНА.

И ТАК ДО СКОРОГО СВИДАНИЯ!

ТОТ КИНЖАЛ КОТОРЫМ ТЫ УБИЛ БРАТА ОН У МЕНЯ И ПРИГOTOВЛЕН ДЛЯ ТЕБЯ. ИМ Я ОТОМЩУ ЗА ВСЕ И ИСПОЛНЮ ДОЛГ ПЕРЕД БРАТЬЯМИ КОТОРЫЕ ПОГИБЛИ ЗА ХРИСТИАНСТВО И НАРОД РУССКИЙ.

ЗНАЙ ЧТО ТВОЯ ПОГИБЕЛЬ БЛИЗКА И МЕНЯ ИСКАТЬ НЕ ПЫТАЙСЯ.

МЕСТЬ МНЕ ДАНА ЗАКОНОМ».

Эти безграмотные каракули не на шутку встревожили Болотова. Послание пришло по почте, на конверте было написано «ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЧЕКА БОЛОТОВУ. ПРОШЕНИЕ С ЖАЛОБОЙ».

Что интересно, написано грозное послание на обороте официального «старорежимного» бланка канцелярии пермского губернатора. В записке господину прокурору Пермского окружного суда, дата – сентябрь 1907 г., сообщается о насильственном освобождении слесарями Чусовского депо неизвестного человека, заподозренного в краже и препровождавшегося в станковую квартиру. В итоге Болотов все же добьется лучшего жилища, но не там, где ему хотелось, а по другому адресу (ул. Осинская, 10).

И тов. Болотов не выдержал. 19 июня 1922 года нач. СОЧ пишет рапорт на имя начальника Пермского губотдела ГПУ т. Борчанинова («рапорт» написан на бланке поверх слова «Задание»):

«Крайне устал от без прерывно нервной работы в течение 4 лет и 1 месяца в органах ЧК на ответственной работе тем более за последний год в должности нач. СОЧ с систематическим совмещением Вашей должности вследствие Ваших частых выездов Москву, Сарапул, Оханск и пр., а также излишней работой по коммерческо-хоз. делам.

Наблюдаю за собой бессонницу, открытые язвы на руке вследствие расстройства нервной системы и проч. недомогания.

Прошу Вас поставить вопрос в Губкоме о моем отзыве из органов ЧК, предоставлении мне месячного отпуска и после такового использования в другой отрасли партийно-советской работы, где я бы мог укрепить свое здоровье. Ст. Болотов».

В конце июля губком продлил Болотову, по его просьбе, отпуск еще на месяц.

И вот 9 августа президиум губкома РКП (б) постановил: командировать т. Болотова в распоряжение фракции Губисполкома для работы в губотделе правления. Его избрали членом Губисполкома, правда, работал он там недолго (сентябрь-октябрь 1922 г.).

Попал в немилость

24 октября 1922 г. он пишет «Письмо» в Президиум Пермского губкома РКП (б). Начинает член РКП (б) С.А. Болотов с перечисления своих кровавых заслуг:

«Контр-революционеры и обитатели черно-сенных рынков (нэпманы) с 16 октября злорадствуют, что одна из частей (их страшной гидры член РКП (б-в), и не только член партии, но и активный ее страж с 16 мая 1918 г. по 1 сентября 1922 г.,

«Чекист», который руководил красным террором в 1918 году, играл доминирующую роль в авангарде возставших и организующих Советскую власть в одном из уездов Пермской губ., подавил возстание кулаков в Шлыках и др. волостях Оханского уезда, разстрелял сотни белых офицеров в 111 армии за провокацию, шпионаж и проч. гос. преступления, был отрезан десантными частями барона Врангеля и французской эскадрой в 1920 г. и в течении полутора месяцев в г. Новороссийске (порт), где возглавлял Черноморскую Чека, организовал Донскую ЧК, у которого колчаковцами разстрелян старший брат за его же действия, истязалась сестра по тюрьмам, подвергаясь телесному наказанию в общей сложности до 75 ударов шомполами.

Как не радоваться буржуазии и всякой контрреволюции, эссэрам и меньшевикам данному обстоятельству, когда я убит морально на год как ползучий гад и растоптан под ногами всех, тогда как до этих пор они знали, что судьба их находилась в руках Болотова, когда он был в ЧК, и теперь не позволяет наживать большие барыши, облагая «нэпманов», приучая их к порядку и чистоте...»

Чем вызвано такое эмоциональное вступление? Тов. Болотов попал в опалу. Еще в мае губ. Контрольная комиссия предъявила ему обвинение по 4 пунктам:

1. Он женат на дочери «придворного советника» (надо, видимо, – надворного).

2. Его тесть имел поместье в Петроградской губ. под названием Ропша.

3. Тесть этот был влиятельным представителем охранного отделения.

4. При его, Болотова, участии уничтожено уголовное дело Михаила Лянникова.

...В архивном томе документов «С.А. Болотов. Урал-Черноморье. 1894-1923», который хранится в частной коллекции, нам попался любопытный документ, подписанный тем самым М. Лянниковым, сотрудником ГПО (Пермского отдела) ГПУ, 10 июня 1922 г. (стиль записки сохранен):

«Много уважаемый Степан Архипович!

Прошу Вас ни откажитесь, в принятии от меня жетона, на долгую память за сочувствие в нуждах Пролетариата, а также и за не усталость в борьбе за идею пролетариата.

И выношу Вам наилучшие пожелания в Вашей борьбе с паразитами трудящихся масс».

Обвинение по первым трем пунктам Болотов отвел быстро, предоставив справки. Тесть его, оказывается, был на самом деле выходцем из безземельных крестьян Ковенской губ. В Охранном отделении Козакевич Людвиг Устинович не состоял, а служил лет 25 назад урядником, затем судебным инспектором сыскной полиции и при Соввласти «систематически» (так в объяснении) перешел в Уголовный розыск, где находился до осени 1920 г. По данному поводу Болотов говорил с быв. Уполномоченным Петроградской ЧК т. Рончевским, который фильтровал агентов сыскной полиции для угрозыска.

И в уничтожении уголовного дела Болотов, как выяснилось, никакого участия не принимал.

Надо отдать должное автору этого пространного письма (на 11-ти стр.). Как раненый зверь, он защищает себя, свою репутацию, свою жену и семью. Защищаясь, нападает и обвиняет бывших товарищей по партии. Откровенно рассказывая о своей жене Веронике, ставит себе «в большую заслугу» то, что их ребенок не был крещен. И добавляет: «тем более, что большинство коммунистов на великую радость попам детей крестят». (Эта фраза подчеркнута, на полях поставлены жирные знаки вопроса).

Местами письмо Болотова обретает стиль памфлета. Судите сами:

«...Если в настоящее время проводится 2хнедельник по укреплению партии – он относится ко всем понявшим и не понявшим НЭП, к молодым и старым, имеющим рысаков и не имеющим кроликов, – то почему же козлом отпущения являюсь именно только один я?

Если вопрос обстоит так, что коммунисту, желающему жениться, приходится рыться в родословных своей невесты, - то прошу пересмотреть родословные жен всех коммунистов и также исключить всех, кто женился на дворянках, купчихах, домовладелках, на офицерских, генеральских и поповских дочерях – как на элементе тоже не подходящем...»

И он язвительно предлагает начать пересмотр семейных связей, прежде всего, с жалобщиков Соловьева и Ватовой. Тут же Болотов выдает справку под грифом «соверш. секретно»:

«...(Не подлежит оглашению, как материал секретной разработки). Допросите старого коммуниста т. Трофимова, зав. Общей частью ГОГПУ, который имеет сведения вполне веского характера о том, что в секретном отделе ГПУ в Москве имеется материал на Ватову, обличающий ее в провокаторстве, и у него запрошен доклад как от быв. Начальника ОО (особого отдела?) 29 дивизии, где она (Ватова) ему попала со стороны Колчака».

И Болотов язвительно просит Губком «озаботиться выбором подходящих для коммунистов невест с чистой родословной».

В беседе Болотова с одним из членов КК (Контрольной комиссии), Шпагиным, тот заявил ему, что решение по его вопросу и не могло быть иным, так как под саму КК был сделан подкуп. Чем? – изумился Болотов. А заявлением, что он,

Болотов, «выдал т. Шпагину продуктов и хлеба, когда узнал, что т. Шпагин упал прошлой зимой на ул. Монастырской г. Перми».

Болотов не отрицает этого факта, но добавляет:

«...В это время, когда была оказана помощь т. Шпагину, когда и подобрал его на улице и свез домой, никакого заявления в КК на меня еще не было. Значит надо было смотреть Болотову, как умирает отец Уральских коммунистов имея возможность оказать поддержку, сказать тому, кто мне первым сообщил: «душа из него гада вон и кол на огород»? Об этом многие говорят, а мои жалобщики поддакивают этим сволочам.

Оказанная т. Шпагину помощь нисколько его не обязывала..., так как продукты выписывались не раз мною (!) и т. Соловьеву и Ватовой, когда им приходилось круто, но это ведь не мешало им поднять против меня ту грязь и гнусную травлю, как подымал он травлю против Малкова, Полушина и болтать о Белобородове».

Болотов просит губком разъяснить ему, что является большим злом: женитьба на дочери бывшего уголовного сыщика, который когда-то давно «имел несчастье служить в полиции» (эти слова опять подчеркнуты). А сама дочь, т.е. жена Болотова, «своей личной работой в политотделе бригады и в 3-х ЧК заслужила хорошие оценки». Или же женитьба на поповне, «отец которой до сих пор туманит народные мозги кадиллом и молитвами и живет на средства крестьян – как все попы паразиты – и сам член партии тоже попович и рос и воспитывался на крестьянском хребте и теперь ездит гостить к попу, фамилии их губкому известны».

Ясно, что автор решил действовать по принципу: сам погибну, но и других за собой утащу. Что касается его половины, то, несмотря на отчаянную защиту супруги, он вскоре с ней расстанется, заведет новую семью.

С партийной принадлежностью Болотова в итоге вышло так.

Во время чистки партии 1921 года он был рекомендован членами Мотовилихинской организации Иванченко (известный боевик, участник расстрела великого князя Михаила Романова), Трофимовым и Гребневым. Проверка прошла для Болотова благополучно. А вот дальше случилось неожиданное. Как пишет сам Болотов: «...Перерывов в партийной деятельности не имел, если не считать, что в 1922 г. Пермская ГубКК

(Контрольная комиссия) приняла решение об исключении меня на 1 год на основании полученного ею заявления, что я женат на дочери придворного советника, имевшего большое отношение к бывшей охранке, но она же (КК) не позднее как через неделю (!) отменила свое постановление, т.к. я документально доказал всю абсурдность выдвинутого обвинения». (Из «Автобиографии», 12 августа 1924 г., Екатеринбург, ПП ОГПУ по Уралу).

В партии он не удержится. В апреле 1929 г. «начал разлагаться под влиянием НЭПа», как он напишет сам, и будет «вышиблен», отправлен на 10 лет в Соловецкие лагеря (отсидит меньше двух лет). В 1934 восстановится «в чекистских правах», но в партии – нет, по его собственному объяснению 1937 года, «этому мешала прошедшая подготовка партии к чистке своих рядов».

То есть, получится так, как он в сердцах сам напорочил в своем письме Губкому.

«...Исключение на год из членов партии меня, – писал т. Болотов, — благодаря доносу такого члена с подмоченной репутацией как Ватова – не результат ли это высокой закулисной политики или склоки личного характера...

Я сейчас не нужен партии на год – я не согласен с половинчатым решением. Если вышибать – так вышибайте навсегда как «негодную траву с поля вон». А когда капиталистическая гидра снова подымет голову – в минуту опасности тогда не забудьте и для меня оставить место в шеренге. Но прежде чем уйти совсем, я как революционер чуждый пассивности, не могуций добиться на месте справедливого решения, побываю в ЦКК, в ЦК РКП (б). С коммунистич. приветом Ст. Болотов».

Вскоре местечко для боевого товарища губкомовцы все же подыскали более спокойное. 25 ноября 1922 года Президиум губкома постановил: назначить тов. Болотова С.А. председателем ЕПО – Единого потребительского общества Перми и пригородов. То есть, бросили на кооперацию, на узкое место. Об этом читайте труды тов. Ленина, а также самого Болотова в газете «Звезда». Например, его статью под выразительным названием: «От спекуляции к единению». Автор отмечает пестроту вывесок на Черном рынке и Красноуфимской и... пустые полки. И призывает кооператоров к единению, к созданию «союза добровольных объединений».

«Дружил» с Шолоховым

Ему дарили книги, видимо, Степан Архипович тянулся к знаниям. Помимо «нисшего» образования он еще поучился на «юристкурсах». Литератор Камский подарил свою книжку «Русские белогвардейцы в Китае» (изд-во «Красная новь», Главполитпросвет, 1923) с такой надписью:

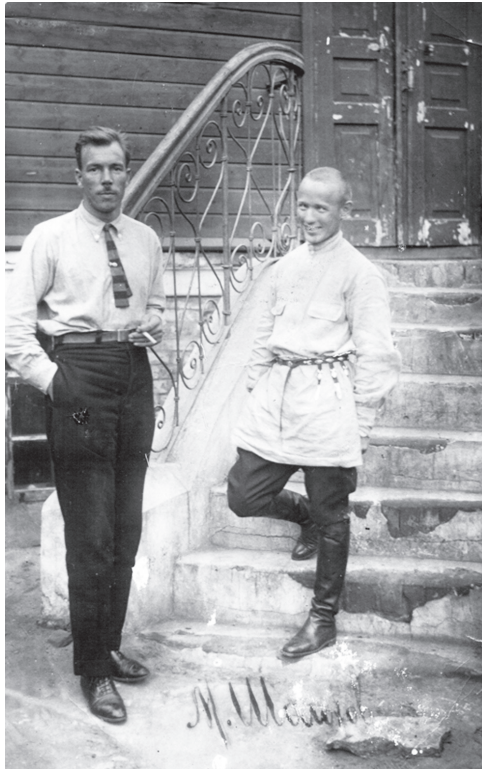
«Степану Арх.,
Виктории Людвиговне
Болотовым

На память – Автор.
Пермь 20.08. 23».

Автор этой небольшой книжечки, подписавшийся псевдонимом «Камский», на некоторое время осел в Перми. Даже устроился в «Звезду», это имя появляется на страницах газеты в середине 1920-х.

Еще одна книга – «Тихий Дон». Чекист с гордостью рассказывал знакомым, что Шолохов вывел в некоторых сценах его, Болотова.

И здесь нас поджидает еще одна неожиданность. Фотографии, на которых писатель со своими друзьями-чекистами. На одной из фотокарточек Михаил Шолохов вместе с Болотовым. Белозубая ослепительная улыбка писателя говорит о хорошем расположении духа. Автограф его на лицевой стороне, а на обратной, уже другой рукой, написано: «Северо-Кавказский

*Чекист С. Болотов рядом
с писателем М. Шолоховым.
Фото из архива И. Кобеца.*

край, г. Миллерово. Шолохову 27 лет, писал «Тихий Дон» 1-ю книгу. Фотографировались во дворе ОГПУ г. Миллерово».

Что же получается? Шолохов в 1932 году – в ореоле ранней славы, в центре всеобщего внимания. В том году он принят в ряды партии, тогда же он написал уже первую часть «Поднятой целины». А его бывший товарищ, получив досрочное освобождение из Соловецкого лагеря («з/к 1929-1931 гг.»), стало быть, прибыл к нему в гости? Повидаться. На тот момент (1931-1933) он пристроился на завод имени Молотова (в Мотовилихе), зам. начальника Молотовстроя. Но вскоре, уже на другой год, Болотов снова на чекистской службе – в Управлении Вишерлага ОГПУ, в должности начальника отдела снабжения.

На второй фотографии четыре человека, подпись: «Михаил Шолохов среди чекистов». Рядом с Болотовым на каменных ступеньках старинного дома сидит молодой человек, внешность которого сразу обращает на себя внимание. Коротко подстрижен, светлые глаза, косоворотка, сапоги... Молодой писатель чувствует себя с чекистами, судя по всему, в своей тарелке. Что подтверждают и автограф на «Тихом Доне» С.А. Болотову, и письмо, адресованное ему же.

Автограф на потрепанном томике первой книги знаменитого романа (издание «Московского рабочего») гласит:

«С.А. Болотову – чья красочная жизнь ждет своего отражателя – с восхищением и радостью от автора. М. Шолохов. 11. 9. 28».

Что интересно, этот автограф еще в 1965 году был подвергнут графологической экспертизе. Дело в том, что надпись полустерлась, и прочесть ее полностью было весьма затруднительно. Специалисты применили светофильтры различной плотности, и автограф прочитали. Удалось подтвердить и подлинность авторства Шолохова.

Теперь рассмотрим черновой вариант письма С.А. Болотова на имя М.А. Шолохова. Написано оно, судя по всему, в 1937 году, когда Шолохова избрали депутатом Верховного Совета СССР. Болотов работает зам. директора медицинского института в Перми. Вот что говорится в письме (орфография автора):

УВАЖАЕМЫЙ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Большую (кривую) путь пришлось мне сделать по Советск. Союзу от зеленого садика против исполкома в Миллерово, а*

именно: Москва, Кольский п-ов, Урал, Вишера, Дальний Восток и снова Урал.

В конце 1928 г. уже глубокой осенью перед моим выездом мы беседовали в садике (у хаты), в том садике, где я снимал квартиру в доме старого пивщика, при чем ты восторгался моими мемуарами и прожитым мною, я твоими произведениями, первыми в то время, произведениями и между нами был памятный разговор.

Я предвещал будущность тебе (по величине) по размеру произведений равную лучшим классикам (чего ты уже достиг) (Островского, Толстого, Жорж Санд и др.), а ты выражал желание иметь в твоих произведениях персонажами меня и в частности в картине Тихого Дона – Галатона. Кроме того я всерьез говорил, что пройдет несколько лет и (ты так вырастешь, что потеряешь) твой литературный рост вытрет из памяти Меня и в случае необходимости с моей стороны встречи с тобой не узнаешь меня.

Время прошло много. Скоро 10 лет, ты за эти годы над-поминал о себе своими произведениями, (картинами) кинофильмами и оперой, ты был чуток и оказывал мне при моей крайней нужде матер. помощь

Наступил период, когда я могу быть ближе к тебе с моими мемуарами и даже больше, я могу взять часть твоих забот по твоему хозяйству и переписке. Я окончил свое служебное поприще тем что вышел на пенсию и на казенную работу более идти не хочется.

Последние шесть лет я залечивал свои старые раны, работал после лагеря в тресте Апатиты-Хибиногорск, после Кировск, перебрался на завод им. Молотова на Урал, там и тут был на снабженческой работе, снова потянуло в чекистскую среду и я уехал на Вишеру в лагерь там был директором СХ-го отдела. Москва в частности Берман меня перебросил строить дорогу Волочаевка-Комсомольск на ДВК. Там я и демобилизовался.

И вновь приехал на Урал в Пермь тут был зам. директора медиц. института. И последняя работа н-к коммунального отдела Строительства завода им. Сталина в Перми же.

Как видишь я хозяйственник опытный и с твоим индивидуальным хозяйством справился бы не плохо. Кроме того мог бы выполнять переписку, порученную тобой.

Все это я пишу к тому если у тебя есть какая-то связь с Вешками, где бы я мог жить не в дорогой квартирке и при дешевых продуктах питания. Но просто поехать туда без связей, а главное при твоём отсутствии, и не рассчитывать на дополнительный, хотя и очень скромный приработок к пенсии (мне не хочется) у меня совершенно нет намерения.

Так вот во имя прежних условий я очень прошу тебя не задержись с ответом на это письмо по следующим вопросам:

1) Живёшь ли ты или семья твоя в Вешках, какие периоды года и как продолжительные.

2) Могу ли быть полезен именно тебе в твоём хозяйстве в твоих литературных и корреспондентских делах хотя бы как писмоводитель.

Повторяю могу ли я там найти себе квартиру в пару комнат или на первое время хотя бы одну комнату: в твой дом я не только не хочу насыпать себя но это было бы в корне не верно т/к жизнь в одном гнезде нарушает дружбу.

Вопросы эти я ставлю очень серьёзно и в любое – ближайшее время могу выехать, т/к ни что меня не связывает: старшая дочь моя Людмила (19 лет) живёт со мной, она учится на последнем курсе медрабфака и остаётся здесь в школьном общежитии на стипендии. Таким образом со мною только одна жена, она грамотная и сразу в Вешках найдёт себе дело в светских организациях, в торговле или даже в колхозном правлении.

Галатон живёт на Кубани, заведует метеорологической станцией, тоже на инвалидности.

Яшка Гринберг умер в Средней Азии. Моя прежняя жена Виктория Людвиговна – прокурор, хозяин собаки, на которую ты грыз зуб, он что-то вроде инженера-экскаваторщика, работает в Еврейской авт. области – Биробиджане. Я демобилизовался и пошёл на пенсию по болезни левой ноги: ушиб колено, выскакивал ночью из поезда и на этой почве перенес тяжёлое воспаление в коленке = «Gonit»

Примечание автора, поперек листа: «Залечивая раны я восстановился в почетных чекистах, остался при всех наградах, на воинском учет НКВД, член профсоюза военной школы и научных работников, но в партии так и не восстановился, мешала чистка и проверка парт. хозяйства.

*Жена у меня миллеровская машинистка прокуратуры.
От души поздравляю тебя с избранием в Верховный Со-
вет, желаю всяческих успехов и жду ответ.*

Твой Ст. Болотов

г. Пермь

3-д им. Сталина д.№ 4 кв. 87».

**(Курсивом в скобках – слова и фразы, зачеркнутые самим автором: стиль, пунктуация сохранены авторские).*

Помимо этого, Болотов составил подробнейшую аналитическую записку о морально-политическом облике Шолохова (вот тебе и друзья!). Адресован этот любопытный документ тов. Евдокимову, полномочному представителю ОГПУ на Северо-Кавказском крае и ДССР (Донской республике?). Речь в записке идет и о прообразах романа, и о настроениях масс.

Мы не знаем точно, каким способом писатель, будущий Нобелевский лауреат, от услуг Болотова отказался. Но, судя по всему, двух этих людей действительно связывало близкое знакомство.

Ведь почему-то прорвалась в писателе ностальгическая нотка, тоска по 1920-м. В выступлении на XXIII съезде КПСС в 1966 г. Незадолго до этого «исторического события» (все съезды относили к «историческим», чтобы уже через пять лет успешно забыть их) в СССР репрессировали двух писателей-диссидентов Андрея Синявского и Александра Даниэля. М.А. Шолохову приговор – семь лет – показался слишком мягким:

«Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи уголовного кодекса, а руководствуясь революционным сознанием», ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни!»

И эта его эмоциональная оценка была встречена аплодисментами зала.

В Черноморской ЧК Болотов работал даже дважды. Первый раз – председателем, с июня по ноябрь 1920 года. Второй раз – с мая по ноябрь 1927 года, начальником окротдела ОГПУ и погранотряда. На групповой фотографии Болотов назван комдивом (в петлицах гимнастерки у него по два ромба). В группе

товарищей – знаменитый командир Галатон, «в шенели», о нем снят фильм «Черный капитан».

Осенью 1927 года Болотов получает направление на Северный Кавказ. Полномочное представительство ОГПУ Северо-Кавказского края располагалось тогда в Ростове-на-Дону. В циркуляре № 7724 за подписями начальника краевого представительства ОГПУ Евдокимова и нач. админногупра Вейнштока говорилось, что он назначается на должность начальника окружного отдела ОГПУ «в связи с важностью стоящих сейчас перед Донецким Окружным отделом ОГПУ задач необходимости усиления и поднятия работоспособности Окраппарата». Сам отдел находился в г. Миллерово.

На фотографии того периода Болотов гарцует верхом на коне. Он чувствует себя хозяином положения, вершителем людских судеб и истории...

...Но пролитая чужая кровь, а еще пуще – та дьявольская ответственность, которую брал на себя чекист, приговаривая к смерти многих и многих людей, часто просто заложников, ни в чем не повинных, – все это, конечно, не могло не подействовать на его психику. Непомерный груз кровавых деяний чекистской жизни невозможно было вынести.

26 марта 1947 года Болотов покончил с собой, выстрелив в висок из наградного маузера. Именным оружием он был отмечен в 10-ю годовщину органов ВЧК-ОГПУ. Маузер с надписью – «За беспощадную борьбу с к-революцией». Судя по справке, выданной его 37-летней вдове управлением НКВД по Молотовской области 5 апреля того же года, после самоубийства мужа у нее были изъяты оружие системы маузер № 177458 и сабля в металлической оправе. Оружие сдали в оперативный отдел городского управления милиции. Самоубийце было 53 года.

Удостоверение особиста С.А. Болотова, образца 1919 года, чудом сохранившееся (ведь такие свидетельства старались уничтожить), представляет собой обычный листок бумаги, пожелтевший от времени, с печатью, притороченной к фотографии владельца суровой ниткой.

Меньше всего подействовало время на этот самый красный сургуч печати, которая теперь как большая капля крови.

Владимир Гладышев

В Книге памяти «Годы террора» (часть 6, том 2) под заголовком «Вышитый платок – письмо из ГУЛАГа» были опубликованы воспоминания Виталия Васильевича Лаищева о судьбе своего отца Виталия Васильевича, отбывшего более десяти лет в сталинских лагерях и тюрьмах.

В очередном томе Книги мы печатаем уникальный документ, сохранившийся в Государственном архиве новейшей истории, – «Письмо гражданина Лаищева Василия Ивановича в Прокуратуру Пермской области с просьбой о пересмотре его дела и реабилитации». Письмо написано в 1960 году, в эпоху первой реабилитации жертв сталинского террора. Обращение Василия Ивановича Лаищева – еще одно достоверное свидетельство о методах «работы» органов НКВД-КГБ, о том, каким пыткам и психологическим истязаниям подвергали чекисты арестованных, чтобы выбить нужные им показания.

«...СТРАШНО БЫЛО ОСОЗНАВАТЬ, ГДЕ Я? В СВОЕЙ ЛИ СТРАНЕ?»

Прокурору области по надзору
От гражданина Лаищева Василия Ивановича, рож. 1902 г.,
б/п, русского, уроженца дер. Б.Осиновки с/с
Оханского р-на Пермской обл.
Бывшего з/к, осужденного Пермским облсудом
по статье 58; 10-11 к 10 годам ИТЛ и п/п на 5 лет 10/1 - 1946 г.

19 февраля 1960 г.

ПРОСЬБА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Узнав, что Советское правительство встало на путь исправления ошибок и злоупотреблений прошлых следственных органов в вынесении приговоров, я обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре моего дела.

Поскольку все материалы по моему делу освещают не истинное положение обстоятельств моего дела, а отображены в

*Слева – Василий Иванович Лаищев,
справа – его друг Михаил Иванович Капнин.*

крайне преувеличенном искаженном виде, непохожем на действительность, в связи с ложными доносами из-за личных счетов. Я считаю необходимым изложить в данной просьбе все обстоятельства дела так, как они были в действительности до момента ареста – 1-го августа 1945 г.

Пишу последовательно с подробной своей автобиографией и последующим развитием хода событий моего дела, приведшего на скамью подсудимых.

По национальности русский, родился в семье крестьянина середняка 7-го апреля 1902-го года в дер. Б.Осиновки Оханского р-на Пермской обл. Мой отец Лаищев Иван Михайлович, малограмотный. До 1907 г. проживал со своим отцом вместе, занимаясь с/хоз. А затем с нами, с семьей в 4 человека, уехал на побочные заработки в г. Ирбит, где работал столяром и стекольщиком. Мы с братом Николаем учились в сельской школе. В 1913 г. отец с семьей уже 8 человек переехал в г. Пермь, где служил городовым и стражником, а я со старшим братом Николаем был отдан в услужение к купцу Овечкину, на черный рынок, где он торговал бакалеей. Мне было 12 лет и за 5 руб. в месяц я был вынужден простаивать 12 часов в день, в зимние морозные дни.

После 3-х лет работы я простыл и заболел туберкулезом и болел 8 лет.

Отец в 1915 г. был взят на 1-ю империалистическую войну, а мать с 6-ю детьми переносила большую нужду и нищету. В 1918 г. отец приехал с фронта больной и контуженный и мы переехали в деревню Б.Осиновку, к деду со всей семьей.

В голодный 1921-1922 год мой отец, мать и дед с бабушкой померли от голода и эпидемии тифа.

Оставшись один с малолетними братьями и сестрами, не имея никаких средств к существованию (так как в голодный год все было съедено и продано), я был вынужден отдать в детдом малолетних: сестру Раю 4-х лет и брата Александра 6 лет, а двоих постарше взяли на воспитание дяди, брата 15 лет и сестру Анну 13 лет.

Оставшись в дедовом доме, я не имел ни лошади, ни коровы, только дом и небольшой надел земли. После женитьбы в 1923 г. жена Пелагея Дмитриевна Ваулина привела корову, а дяди помогли приобрести лошадь, и мы стали заниматься сельским хозяйством.

Старший брат Николай воевал в это время на фронтах гражданской войны в рядах Красной Армии до 1920 г., а затем служил сверхсрочно, приезжал один раз ко мне в деревню, советовал учиться.

Я болел туберкулезом до 1924 г., и поэтому меня на призыве в Красную Армию не взяли, освободив совсем от военной службы.

Проживая в деревне Б.Осиновке, я занимался самообразованием, был селькором, года 2-3 писал заметки в пермскую газету «Страда» и в центральную «Крестьянскую газету» под псевдонимом «Серп» и «Шип», разоблачая проделки кулачества.

Подготовившись, я уехал на курсы землеустроителей в г. Очер, а затем в Пермский земтехникум, который и закончил в 1930 г. С этого времени работал землеустроителем и топографом при Пермском производственном участке, при начальниках Отавине, Вшивкове, Шаркове, Зеленине (ныне они работают в ОБЛ землеустройстве начальниками).

В 1937 году добровольно перешел с товарищами в ГРК (геолого-разведочную контору), ул. Комсомольский проспект № 20.

За 14 лет до 1944 г. я никаких выговоров и взысканий не имел. Работал в должности топографа 1-го разряда, в разъездах по изысканиям и съемкам.

За все время моей работы я активно всегда выступал на собраниях и производственно-технических совещаниях, критиковал товарищей и начальство по существу, иногда довольно резко, что не совсем нравилось некоторым. Среди специалистов работал один местный механик Цехотский Владимир Иванович 42 лет, взаимоотношения с которым у меня первое время были самые корректные – товарищеские, до определенного времени.

В это время, к моему несчастью, в начале 1943 г. меня на собрании выбирают старшим контролером в наш магазин ОРСа, где я должен был в известные дни, при отоваривании продуктовых и промтоварных карточек проверять правильность выдачи продуктов нашим служащим и рабочим.

В первые же дни я столкнулся с вопиющими фактами самоснабженчества и безобразий со стороны отдельных товарищей, большинство которых принадлежало к начальству. Я по старой привычке рьяно взялся за дело, за правильность отоваривания продуктовых карточек, несмотря на ранги и чины, не учитывая дальнейших последствий.

Проверял карточки, находил чужие, других ОРСов, возвращал и стыдил прямо в магазине. Раза три попадала и жена Цехотского и ряд других ответственных работников.

В дальнейшем обнаружил также, что какие-то военные в погонах приходят с ордерами и получают папиросы, сотенные пачки, продукты и даже промтовары, отрезки на костюмы, вино. Установил, что это приходят работники НКГБ, из которых человека 3-4 были следователи. Потом, после ареста, я их узнал. Это был Чекалдин и другие (фамилии забыл). Всего их приходило в разное время человек 10.

В конце 1943 г. или 1944 г. (не помню) наступил день, когда УРС должен был отчитываться перед общим собранием рабочих и служащих управления «Молотовобъединениенефть». На собрании присутствовало человек 150, в том числе и работники ГРК.

Президиум состоял из людей, пользовавшихся привилегиями во главе с начальником УРСа. В докладе расхваливали работу нашего УРСа. Но тут с мест поступили протесты против предложения признать работу хорошей. Люди внесли предложение выслушать содоклад старшего контролера по магазину, т.е. меня, Лаищева.

Мне пришлось выступить и тут я на основании своих записей начал говорить правду, резкую и беспощадную, разделал под «орех» всю работу УРСа и внес предложение признать работу

плохой. Почти все присутствующие поддержали: «Правильно! Признать работу плохой!» В президиуме стушевались – опешили и, быстро переговорив между собой, ушли из зала, а затем объявили, что собрание переносится на другой день.

На другой день мне товарищи сказали, что меня обвиняют, что я, якобы, сорвал собрание, будучи пьяным. Эта клевета была сообщена работникам НКГБ.

После назначения товарища Цехотского управляющим в проектный отдел, он свое корректное отношение ко мне изменил на недружелюбное и придирчивое. Очевидно, поводом к этом послужило то, что я ловил его жену с купленными продуктовыми карточками, которые она пыталась отovarивать.

Мои командировки участились и приноравливались к моменту отovarивания продуктовых карточек и промтоваров, контролировать и наблюдать в магазине не было времени, а нападки сыпались на мою голову все чаще. То я мало произвел съемки, то неправильно провел изыскания, то слишком долго работал, задерживая проектирование, и т.д.

Чувствуя, что меня тайно преследует целая группа, выразителем которой являлся Цехотский, я написал заявление с просьбой о переводе меня обратно в ГРК, в топартию. Мне отказали. Писал заявление в РКИ о несправедливости Цехотского, заявление так и осталось нерассмотренным.

Я проработал в проектной конторе управления до 30-го июля 1945 г. В тот день утром меня вызвал начальник управления, который сказал, что согласно полученной телеграмме из наркомата я откомандировываюсь в г. Ташкент, в Среднеазиатский геолого-разведочный трест сроком на 3 месяца. Выезд – 1-го августа 1945 г., т.е. почти в тот же день, когда я должен был идти в отпуск.

Как ни тяжело мне было оставлять 16-летнего сына одного, но приказ, да еще в военное время, безусловно, должен быть выполнен, так я рассуждал всегда. Я стал собираться, оформил документы.

Простившись с сыном, сел на поезд 1 августа 1945 г., часа в 2 дня. На второй остановке был снят органами НКГБ и на легковой машине доставлен в г. Молотов в здание НКГБ. Предъявили ордер городского прокурора об аресте, а также обвинение в контрреволюционной деятельности.

Я был настолько ошеломлен и напуган, что не мог выговорить ни слова. Затем, оправившись, заявил, что тут какая-то ошибка,

очевидно, меня приняли за другого, что я ничего плохого не делал, за что меня арестовывать! Следователей и работников НКГБ было человек пять, некоторые на мои слова смеялись, а другие заявили – ты нам сам все расскажешь!.. признавайся, не признавайся, а судить мы тебя будем, и от нас ты уже свободным не выйдешь!..

Затем взяли мой чемодан, раскрыли его, перешарили все, обыскали, изъяли деньги 3 200 руб. и часы. Я был в глубоком отчаянии, думая: что же это получилось и почему?.. Страшно было думать о своей дальнейшей участи, невыразимо было жаль своего одиноко оставшегося сына и своей несчастной судьбы – судьбы человека, не видавшего с юных лет в жизни ни радости, ни настоящего счастья...

Через 2-3 дня в 12 часов ночи, меня повели на допрос к следователю (кажется Иванову), он сидел за столом и перебирал мою папку с документами, изъятую при обыске на квартире. Я имел обыкновение хранить документы в одной папке, дипломы, билет ударника, профбилет, билет ИТР, была селькоровская справка из центральной газеты («Крестьянская газета» еще с 1927 г.), куда я писал, и прочие справки.

Все это очевидно не удовлетворяло следователя, т.к. говорило в мою пользу, тогда он начал задавать мне вопросы, заставил писать автобиографию, а затем, прочитавши ее, изорвал. Допросы за все время производились только ночью – с 12 часов до 4-5 часов утра, спать давали 2-3 часа в сутки. Хлеба давали 400-450 гр.

Примерно дней через 10-12 на допросе ночью Иванов грубо приказывает мне рассказывать о своих действиях. Я отвечаю, что ничего не знаю и ничего предосудительного не делал за всю свою жизнь. Тогда он вынимает из папки штук 10 бумажек и начинает читать: я, якобы, высказывался против пионеров. Я сказал, что мой сын сам был пионером, как же я буду говорить против, и для чего?

Во второй бумажке написано, что я высказывался против государственного займа, сам не подписывался и другим не велел. Я заявил, что это ложь, ежегодно во время войны я подписывался на полтора оклада, как и все в управлении, обо мне знают это сотрудники. Затем зачитывал все бумажки-доносы Цехотского, я опровергал, что все это ложь, написанная им из-за личных счетов. Зачитывал следователь и то, что я вел

агитацию в управлении, выходя в коридор. О том, что дискредитировал руководство в военное время, в своих выступлениях на собрании. О том, что я отказывался от работы и вел агитацию против колхозов и пр.

Эту наглую ложь я опровергал, доказывая несостоятельность обвинений, но мои доводы его не убеждали. Этого следователя (кажется, Иванова) я видел и в магазине, и на праздниках, у себя в управлении.

После 3-4 недель он стал составлять протоколы, не с моих слов, а с доносов, и принуждал меня их подписывать. Но я их не подписывал. Иногда к нему на подмогу приходил начальник следственного отдела Шихман, годов 50-53-х. Он с грубой бранью хватал папку с моим делом и, замахнувшись, шел ко мне, ударял по лицу, по носу, заявляя «вот мы спустим с тебя штаны, будем лупить резиновой палкой, и ты у нас станешь тонкий, звонкий и прозрачный и уши топориком». Но я эти фиктивные протоколы не подписывал, которые они составляли в разных вариантах.

Без сна, недоедая, я похудел и поседел от нравственных и физических переживаний. Затем мое дело передали другому следователю, лейтенанту Чекалдину, который считался самым жестоким из всех. Вызвав меня ночью, он час рассматривал дело, а затем медленно подошел ко мне, сделал резкое движение рукой, подавшись корпусом вперед, точно хотел ударить со всего размаха. Я, сидя на табурете, отшатнулся. Он засмеялся, а затем сказал: «Ты долго нам будешь крутить яи...? Ведь мы знаем тебя как облупленного. Ну и артист! Ну и художник! Ты знаешь, куда попал и к кому? Да мы с тебя всю шкуру снимем! Ты у меня будешь лететь, пер... и Богу молиться! Да я тебя отправлю туда, где Макары телят не гоняет, а на петухах воду возят!» и т. д.

Все это сопровождалось самой отборной руганью, которую я после слышал только в лагере. Затем он продолжал: «Я с вашим братом не цацкаюсь! Рассказывай про всю свою контрреволюционную свору! У кого был и с кем говорил?»

Я молчал, а он пускал мне дым папиросы в лицо. С этого дня началась настоящая пытка. По три раза за ночь, он вызывал меня к себе, иногда не спросит ни слова, а лишь смотрит, чтобы я не спал и не дремал. А если я забывался, то громким окриком, сопровождавшимся злобной руганью, заставлял меня бодрствовать. Затем отпускал в камеру. Только я засыпал, меня опять поднимали и вели к нему, и так почти до самого утра.

Я молчал, страшно было осознавать, где я? В своей ли стране? Отчего и почему такая жестокость? И к кому? Что породило такую злобную ненависть по отношению к простым людям? Где же советские законы и кто дал им право так преступно попирать их ногами? Все это пронеслось в голове, жутко мне было, больно и обидно за свое нищенское прошлое и настоящее.

А они с напарником усаживались за стол, как ни в чем не бывало, начинали рассказывать похабные анекдоты, про пьянку, про баб, с полной циничной откровенностью, смеясь и не обращая на меня ни малейшего внимания, словно перед ними сидел заранее обреченный, живой труп (так оно и было в действительности).

Много прошло таких ночей, я нервно заболел, голова горела, я почти сходил с ума. Затем, в одну из ночей он стал писать новый протокол допроса и давал мне подписывать. Нагромождал на меня неслыханные преступления, вплоть до шпионства – я крепился и не подписывал, сохраняя еще разум.

Раньше этот Чекалдин ходил в наш магазин, бывал и на праздниках в управлении, и я сразу же узнал его. Он же делал вид, что не знает меня. Я иногда говорил ему про свою биографию, про свою работу, что я не враг, а наоборот – что советская власть сделала меня человеком. Называл десятки своих родных и товарищей, которые знают всю мою жизнь. Просил вызвать их, опросить, разрешить это роковое недоразумение.

Чекалдин на это только ругался и еще угрожал, говоря: «Вот мы доберемся до всех твоих товарищей и родственников, как сообщников закатаем по «катушке» (так называли 10 лет) вместе с тобой».

Наконец, ему это надоело, и он приступил к более активным действиям. Ругаясь ужаснейшим образом, подходил ко мне с искаженным лицом, приказывал встать, отодвигал табуретку и велел стоять на одной ноге. Я стоял, сколько хватало сил. Однажды на его ругательства я сказал ему: «Неужели в советской школе следователей вас учили ругаться так похабно?» Он вскипел: «Ах, так ты еще вздумал мне мораль читать? Я тебе покажу!» И нажал кнопку у настольного телефона, дверь открылась, вошел конвоир, завязал мне глаза, а Чекалдин ему сказал: «Тащи его в пер...ник». Меня повели куда-то по коридорам, затем вниз по ступенькам. Закрывши дверь, охранник снял с меня платок. Я увидел узкий коридор, по обе стороны которого были кабинки, обитые железом, светила маленькая электролампа, я

понял, что нахожусь где-то под землей. Быстрым движением охранник открыл железную дверцу кабинки и ударом в спину загнал меня туда. Я чуть не потерял сознание. Было темно. Я мог только стоять. Сверху капала холодная вода. В углу, в крайней кабине, стонала и причитала какая-то женщина.

Прошли долгие годы, я остался жив, но и теперь без содрогания я не могу вспомнить об этом, слишком было все это невероятно. Я не знаю, сколько стоял в кабинке, но затем за мной пришли, завязали снова глаза и привели в кабинет к Чекалдину, сняли платок. Он, смотря на меня, захохотал и спросил: «Ну что? Понравилось? (ругательство) моралист я тебя выучу! Во рту черви заведутся!»

Так продолжалось длительное время, он выматывал мои последние силы. В кабинку он меня садил раз 6-7. Иногда меня оттуда вытаскивали без памяти. Но я все еще не подписывал протоколы допроса, без моего ведома составленные.

В следующий раз он говорил мне: «Хотя ты не сознаешься и не подписываешь протоколы, но знай, что судить тебя будет, если не суд, то тройка ОСО. Мы теперь арестовываем и судим не только тех, кто виноват, а даже всех подозрительных и просто сомнительных. И всех, кто не зарекомендовал себя активной работой в тылу. Арестуем! Судим! Посадим! И заставим работать силой оружия! Понял теперь? Иди и подумай! Но не воображай, что выйдешь от нас чистеньким!»

После этого, ночью, дня через 3-4, он в присутствии следственного начальника Шихмана, раскрыв мое дело, подозвал меня к столу и показал на лист бумаги, исписанной крупным почерком, сказал мне: «Читай!» Я стал читать. Было написано какое-то воззвание от Народной партии или народной воли. Не дав мне все прочитать, он показал мне конец этого возвания, где красными чернилами было написано кем-то, что почерк мой и этот документ писал я.

Я возмутился, и хотя морально и физически был слаб, заявил, что это гнусная провокация, жестокая и нелепая, фальшивая, клевета. Что никогда в жизни не состоял ни в какой партии, а тем более не писал. Об этом знают сотни людей, с которыми я жил и работал.

Чекалдин ответил: «Ты хитрый артист! Видишь, что это установила экспертиза, а почерк ты мог и изменить». Я сказал: «Неужели в наше время может существовать еще какая-то партия?»

И мне ли, беспартийному, политически плохо развитому, о чем вы сами знаете, братья за такое страшное дело? Я человек из самых низов, и если вам нужна моя жалкая жизнь – она в ваших руках. Делайте, что хотите. Но я этого не делал и ничего не писал. Не верю этой провокации и вашей экспертизе, как и вашим протоколам, которые вы заставляете меня подписывать». Тут со мной случился нервный припадок, я не помню, как меня увели в камеру.

Дней через 4-5, вызвав меня ночью на допрос, Чекалдин заявил, что, дескать, ты это воззвание написал еще в 1942 или 1943 году (не помню как он говорил). Послал его по почте геологу Коробецкому, а последний сразу же принес его в НКГБ. Это или ошибка, или сознательная провокация, говорил я.

Следователь Чекалдин: «Но кто же тогда написал? Мы давно следили за вашим ГРК и нам важно установить, кто писал?» Я отвечал: «Откуда же мне знать? И почему вы думаете именно на меня? Неужели мое выступление на отчетном собрании УРСа в управлении, о чем вам известно, привело вас к мысли, что я мог это сделать? Ведь я вел общественную работу честно, из-за простых гуманных целей, не задевая политическую сторону».

Следователь вызвал охранника, и меня снова повели в карцер. Не помню, сколько сидел там, очнулся у себя в камере. Нервно заболел, несколько дней меня не вызывали.

.....

Теперь я должен описать свою личную жизнь, чтобы яснее можно было делать соответствующие выводы и определение. После окончания земтехникума в 1930 г. я работал в Б. Сосновском, Очерском и Верещагиносском районах. Моя первая жена, Ваулина Пелагея Дмитриевна, жила с сыном в деревне, а затем она переехала в г. Пермь, где жила и работала. Мои разъезды и кочевая жизнь изыскателя привела к тому, что мне пришлось с ней разойтись после 9 лет совместной жизни.

Затем я женился на Илюхиной Марии Степановне, простой малограмотной женщине, бездетной, портнихе. Она была меня моложе лет на восемь. Работая при Пермском производственном участке до 1937 г., я получил квартиру по ул. Коммунистическая, 72, кв. 4, где и жили вдвоем. Затем мы решили взять моего сына Виталия к себе. Родная мать не протестовала, и он стал жить с нами.

Однажды, вернувшись из командировки в Краснокамск, я обнаружил, что жена ушла в деревню к матери в Б.Сосновский район. Через 3-4 месяца ее поймали и судили по Указу на 5 лет. Отбывала она срок до амнистии 1945 г. Я в это время жил с сыном вдвоем.

При последующем допросе следователь Чекалдин, узнав про мою семейную жизнь, с моих же слов, вызвал мою бывшую жену в г. Пермь из Б.Сосновского района, где она при выходе из заключения проживала с матерью.

Следователь Чекалдин на предварительном допросе, очевидно, ее так запугал, что она подписала все, как он хотел. Моя жена малограмотная, пулливая и слабая душевно. К тому же только 2-3 месяца назад вышедшая из лагеря, где она просидела 3,5 года. По указу она подписала все, боясь сама, чтоб ее снова не посадили.

После этого меня вызвали на допрос днем, часа в 2-3. За столом сидел Шихман, начальник следственного отдела, и следователь Чекалдин. Мне сказали, что сейчас придет жена Илюхина М. С. Я был очень удивлен и сказал им: «Она ведь не жила со мной с 1942 года и после отбытия наказания уехала к матери в деревню. Что же она может сказать? Ведь арестовали вы меня без нее? Прошло 3 года. И не только она, а даже я до сих пор не знаю, за что сижу». Следователь Чекалдин: «Теперь вот узнаешь! Вот подпиши бумажку, что веришь показаниям своей бывшей жены». Я думал и колебался, ожидая подвоха, а затем решил подписать, зная, что ничего плохого у нас с ней не было, и жили мы с ней неплохо. Шихман после этого ушел.

Затем ввели бывшую жену. Она, увидев меня, испугалась. Я худой, поседевший, смотрю на нее. Она хотела броситься ко мне, но Чекалдин грубо оттолкнул ее и, достав протокол предварительного допроса, позвал меня и приказал читать. Жена сидела, отвернувшись, не глядя на меня.

Я читал и не верил своим глазам. Горькая обида, разочарование и возмущение охватили меня. В протоколе было написано, что она с завода убежала из-за меня. Что я ночью в 1941 или 1942 г. писал какую-то бумагу и положил ее в гитару, а затем ушел. Она якобы достала и прочитала. И это было воззвание от партии Народной воли. Что в Чернушинском районе, где мы работали в 1936 г., землеустроитель Беклемышев вел антисоветские разговоры.

Тогда я обратился к бывшей жене: «Маруся! Неужели ты могла написать такую гнусь и ложь?» Несмотря на меня, едва

сдерживая рыдания, она прошептала: «Я не писала». Я говорил: «Разве ты не помнишь, что в гитару я положил черновики координат и абсолютных отметок, боялся, что сын Виталий мог их по ошибке взять?» Она подтвердила это кивком головы.

Я говорил: «Ведь этого ничего не было. А с завода ты ушла, когда я был в командировке в Краснокамске. И никогда ведь я тебя ни в чем не притеснял». Она подтвердила это, сказав «Да». А затем закрыла лицо руками и заплакала: «Ничего не знаю, не помню и боюсь! Прости меня, Вася!»

Следователь Чекалдин, разозлился, видя, что составленный им протокол разоблачен, стукнул по столу и грубо обратился к жене со словами: «Что же ты говорила на предварительном допросе? Выходит, вы заодно действуете? Тебе что, еще туда хочется, откуда вышла? Мы не только вас будем судить, а завтра же арестуем и вашего сына!»

Услышав это, я просто обмер. Закричав, я упал возле стены без сознания. Очнувшись от холода. Открыв глаза, увидел, что на меня льют холодную воду из графина. Меня утащили в камеру. Жены я больше не видел. Не было ее и на суде.

Последняя воля у меня была сломлена. Я покорился своей участи и думал теперь только о сыне, страшась, что его могут арестовать. Ночью (кажется, в декабре 1945 г.) меня снова вызвал Чекалдин. Он заявил, что, дескать, от моего поведения теперь зависит жизнь сына. Я спросил: «Что же от меня требуется?» – «Очень немного! Подтверди показания своей жены и подпиши протокол».

И я подписал эту наглую ложь, чувствуя свою обреченность. Только в душе теплилась надежда, что, может быть, не тронут сына. После подписания еще 2-х или 3-х протоколов, которые он мне подсовывал и которые я даже не читал, он сразу сделался ласковым. Угостил папиросами и, смеясь, сказал: «Года через 2-3 будет амнистия и выйдешь. А сейчас мы тебе добавим больничный паек и еще кое-что». Что они и сделали.

После этого меня не трогали. Был уже январь 1946 года. Готовились нас судить. На всех троих собрали одно общее дело. Меня вызвали к начальнику следственного отдела (фамилия, кажется, Власов). Он положил передо мной дело, я стал читать. В глазах рябило, я плохо видел, понимал, что это мой позор, а, может быть, и смерть. Он торопил, говоря что суд уже ждет и рассматривать много нечего.

Бумажек-доносов Цехотского в деле не оказалось. Я подумал и подписал без всяких примечаний. Он дал мне хлеб, я взял (так как был страшно голоден и болел уже дистрофией). Меня вывели к Дворниченко и Курдюмову, и мы пошли под конвоем в областной суд, который судил беспрерывно, так как нас было в 1946 г. очень много.

В Облсуде нас троих посадили ожидать в маленькую комнату. Через полчаса зашел прокурор лет 45-ти (фамилию не помню), у него не было левой руки. Спросил, обращаясь ко всем троим, «кто из вас будет жаловаться»? Дворниченко сказал: «Я не буду». Курдюмов тоже сказал, что не будет. А я сказал, что буду, потому что признание достигнуто угрозами и силой. Прокурор, наклонившись, сказал мне: «Хорошо, я буду просить суд, что бы тебе закатали 15 лет каторги». После чего ушел.

Суд прошел быстро, минут за 30-40. Секретарь сидел только для видимости, ничего абсолютно не записывал. Все мы признали себя виновными.

Огласили приговор. Дворниченко и Курдюмову дали по 5 лет ИТЛ, а мне – 10 (якобы как инициатору) и 5 лет поражения в правах. Копии приговора не выдали, обещали выслать через день. Но я так его и не получил. Затем нас повели в тюрьму № 1. Это было 10 января 1946 г. Здесь нас разъединили. Меня посадили в одиночную камеру, в которой я пробыл трое суток. Если бы я захотел обжаловать приговор в то время, то физически не смог это сделать. Затем меня направили в л/п Ераничи, а через 3-4 месяца этапировали на север, в Коми АССР, где и отбыл свой срок 10 лет полностью, в Инте и станции Абезь, за полярным кругом.

Нет нужды описывать все мои терзания и переживания в те годы полного произвола и жестокости со стороны охраны и начальства. Все было подчинено бериевщине до прихода новой власти после 1953 года. Работал в шахте № 2 г. Инта, но в 1949 г. попал под завал, и как инвалид был списан в инвалидный лагерь п. Абезь, где и заканчивал свой срок. Освободился 18-го июля 1955 года. Затем был сослан в ссылку в Коми АССР, где и живу по сей день и работаю в институте «КомигипроНИЛеспром» по специальности «топограф-геодезист». За честную, добросовестную работу получал премии, а также хорошие производственные характеристики, которые прилагаю.

Мне 58 лет, по закону нам, изыскателям, геологам, топографам, геодезистам срок до пенсии по старости определяется

в 55 лет. Таким образом, я был бы уже на пенсии 3 года. Но у меня не хватает стажа 6-лет, так как 10 лет работы в ИТЛ не засчитываются.

Я пожилой и больной, бродить в таежной глуши в экспедиции у меня не хватает сил. А хочется приехать на родину в г. Пермь, где у меня семья.

Моя жалоба-просьба о реабилитации написана в черновике много лет назад. Но я не решался ее послать, так как до сих пор мне памятни слова следователей Чекалдина и Шихмана, что клевета на судебно-следственные органы повлечет дополнительное жесткое наказание. Только посоветовавшись с юристами и прокурором, я решился послать эту просьбу, абсолютно правдиво описывая все обстоятельства дела, может быть не по форме, но зато по существу.

Срок я свой отбыл, жизнь почти прожил, терять мне нечего. Но с полной ответственностью и сознанием советского человека, я повторяю, что никаких воззваний я не писал и не распространял. Не было цели и смысла говорить и делать что-нибудь против Советской власти, которая дала мне образование и сделала меня человеком. Лишь личные счеты и вражда отдельных людей сделали меня преступником при посредстве бериевских исполнителей.

Прошу выслать ваше решение по служебному адресу: Коми АССР, г. Сыктывкар, ул. Кирова, 27, институт «Комигипронилес-пром», отдел топографии и геологии, геодезисту Лаищеву В.И.

***К сему расписуюсь: Лаищев
ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 17012 Л. 243-259 об.
Подлинник. Рукопись.***

ХВАТИТ РОМАНТИЗИРОВАТЬ ТЕРРОР!

Кровавая Розалия все еще на карте Перми

Дебольшевизация Перми

Новый подход к историческому наследию демонстрирует в последнее время руководство города и края, всерьез озабопившись созданием достойного имиджа Перми. К такому выводу приходишь, когда анализируешь ход реализации плана

поэтапного восстановления исторических топонимов в центре Перми.

Напомним: план этот был разработан и рекомендован к исполнению городской комиссией по наименованиям улиц, площадей и скверов. За прошедшее время произошло немало изменений, накоплен свой опыт, появилась возможность сравнить его с ситуацией в других городах-миллионниках. К названиям нужно отнестись, во-первых, по-хозяйски, а во-вторых, без загибов и резких скачков. Таковы общие пожелания участников общественной дискуссии.

Пермь избежала участи ряда городов, в которых, как писал Жванецкий, улицы, названные в честь одних бандитов, были названы в честь других бандитов. Это плюс. Вместе с тем, на карте города все еще немало названий случайных, безликих, придуманных холодными равнодушными чужаками, которым история города глубоко безразлична. Это минус, и огромный. В первую очередь, требуется элементарная инвентаризация, упорядочение названий. Чтобы избежать хотя бы дублей, путаницы.

Другая рекомендация общего характера: нельзя увековечивать кровавые следы, это дурно влияет на психику и умонастроение населения – не все же способны привыкать к негативу. За последние годы на карту исторического центра города возвращены родные имена: Сибирская, Петропавловская, Екатерининская; бывшая Ждановская вновь стала Осинской. Как считают члены топонимического совета при главе г. Перми, процесс этот государственный и необратимый. Не случайно за возрождение названия ул. Екатерининской совет в итоге проголосовал единогласно. Это был первый случай такого единодушия (при наличии коммунистов в составе совета).

Советская история, отраженная в названиях улиц, остается нетронутой во всех районах губернской столицы. Если есть изменения, то такие, к примеру. В микрорайоне Красный Октябрь (или попросту Скандаловке) одна из трех Колхозных улиц стала носить имя Сергея Есенина. И это нормально. Ненормально другое, считают многие историки и представители общественности. В разных микрорайонах Перми еще остаются названия, в которых фактически отражена история отечественного терроризма.

Зачем привыкать к негативу?

Назовем здесь улицы Войкова, Володарского, Желябова, Розалии Землячки, Каляева, Малкова, Свердлова, Хохрякова...

Имена Петра Войкова и Павла Хохрякова кровавой строкой вписаны в историю убийства царской семьи на Урале. Причем матрос Хохряков, этакий вариант матроса Железняка, руководившего разгоном Учредительного собрания, бахвалился тем, что он лично убил царя. На самом деле он отвечал за доставку царской семьи из Тобольска в Екатеринбург. А вот в изуверском убийстве епископа Гермогена в 1918 году Хохряков, действительно, участвовал.

Террорист Иван Каляев убил в 1905 году великого князя Сергея Александровича Романова. Вдова убитого, Елизавета Федоровна, просила оставить жизнь убийце, «ибо не ведает, что творит». Но он был казнен, а в 1948 году в Перми решили назвать одну из улиц в Нижней Курье именем террориста.

Павел Малков (1892-1956) в годы гражданской войны руководил Пермской губЧК. В сборнике биографий «Революционеры Прикамья» (П., 1966), своего рода святцах пермских большевиков, о П.И. Малкове написано, что он «не злоупотреблял своими большими правами и умело использовал их в борьбе за советскую власть против сил внутренней контрреволюции». О том, как он «не злоупотреблял», сегодня хорошо известно из раскрытых спецхранов, опубликованных документов. Чего стоит одна операция по похищению и бессудному убийству ссыльного гражданина Михаила Александровича Романова, великого князя. Эту трусливую операцию большевики провели не только с ведома Малкова, но и с его подписью на мандате, предъявленном жертвам в Королевских номерах. После этого

было пролито немало крови и лично и под руководством доблестного чекиста.

Иногда приходится слышать от жителей старшего возраста: зачем сейчас все ворошить заново, мы уже привыкли и не замечаем, чье имя носит улица. Но только непонятно: зачем привыкать к негативу? Стоит вспомнить и то, что улицы, на которых решили увековечить память о террористах, носили вполне благозвучные, нейтральные названия: Малкова – бывшая Светлая, Каляева – Южная, Желябова – Школьная, Свердловва – Начальная...

Нигде не заслужив доброго словечка

Во многом из-за непоследовательности, нечеткости позиции совета по топонимике и руководства города еще живет на карте города имя Розалии Землячки – одной из самой одиозных фигур в истории нашей страны, «фурии красного террора».

Р.С. Землячка (урожд. Залкинд, 1876-1947) вошла в историю, прежде всего, как одна из организаторов «Крымской резни» – массового расстрела русских офицеров, которые сдались в плен Красной Армии, поверив обещанию наркома Фрунзе сохранить им жизнь. Вероломство и подлость методов партийной работы этой комиссарши, носившей клички «Фиделька», «Демон», проявлялись не раз и прежде. Характерно, что даже Ленин относился к этому «товарищу в юбке» крайне неприязненно, полемизировал с ней неоднократно по разным вопросам.

Какое отношение имеет эта «Землячка» к Уралу? Очень просто: в 1905 и 1926-1927 годах Розалия Самойловна вела у нас партийную работу. Но вот что удивительно: вела она эту «революционную работу» так, что не оставляла о себе доброй славы нигде и ни в один из своих наездов. Приведем только один пример, как относился к партийной функционерке местный народ. В архиве мы обнаружили документ, датированный 24/VI–27 г. (раньше, конечно, опубликовать его было невозможно).

«УПОЛНОМОЧЕННОМУ ОКРОТДЕЛА ГПУ

Копысов Мих. Павлович, член ВКП(б) с 1917г.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу расследовать возмутительный факт, который произошёл 23/VI на улице возле моего дома, о котором передала мне жена. Проживающий со мной вместе в доме по Лбовской

улице КАПИТОНОВ Николай Маркелович в присутствии моей жены и гр-ки НИКОНОВОЙ явной белогвардейки, позволяя себе следующие вещи: (неудовлетворённый выдаваемой ему пенсией 38 руб.) что все старые подпольщики получающие персональные пенсии, заработали их языком, а ничего не делали, а в райкоме сидит старая «б.» – Землячка получая 200 руб. ...Такую сволочь давно пора гнать из Мотовилихи.

В этом возмутительном деле прошу разобраться и сообщить по инстанции.

Адреса: КАПИТОНОВ Н. П. Лбовская 3, КОПЫСОВА А.С. Лбовская 3, НИКОНОВА Лбовская 1».

Этот документ отражает массовые настроения простого рабочего населения, нормальных мотовилихинцев. Они не могли не замечать, как выделяется и отделяется от «обычных» трудяг партийная знать. Для партийцев и приближенных появились допайки, спецраспределители, а также возможности съездить в южные санатории и т.п. Интересно, что заявление – фактически донос – принял уполномоченный ОГПУ по Мотовилихе Иван Колпащиков, тот самый боевик, участвовавший в похищении и бессудном убийстве великого князя Михаила Романова.

Работаем по следу «Лары Крофт»

А как сейчас относится население микрорайона к этой одиозной фигуре? Студенты – будущие журналисты из Пермского университета – решили пообщаться с жителями улицы Розалии Землячки. В ходе своего небольшого социсследования они опросили девять групп прохожих (общее количество – 21 человек). Из девяти опрошенных групп только четыре, причем старшей возрастной категории, были в курсе ведущейся дискуссии о переименовании их родной улицы. Неравнодушным оказался Петр Семенович, 76 лет от роду. Его пламенный монолог в комментариях не нуждается:

«Это немыслимо, почему разговоры разговаривают с 2000 года, а воз и ныне там. Мне на старости лет противно тут жить! Просто я много читаю, много узнаю. Аж жуть берет! Ничего себе дамочка была!» И он в этом не одинок. Не случайно доску с фамилией Землячки на доме № 1 периодически заливают красной краской.

Но не все так критичны. Кто-то слышал о дискуссии, но в чем первопричина пересудов, не знает. Да и не особо интересуется. Это в основном торопливое среднее поколение старше 30 лет, женатых и с детьми. Но им хотя бы было интересно узнать, какое название приобретет улица Землячки в случае переименования. А две молодые и звонкие жительницы, как будто из другого мира, очень мило и трогательно удивлялись: «Надо же, нам вообще казалось, что она (Розалия) была суперкрасотка и суперженщина. Хотя чем она так-то занималась? Убивала? Вау! Это же, как Лара Крофт!»

Позиция членов топонимического совета также неоднозначна. Большинство – за переименование. Но, по мнению некоторых, кровавые деяния, сотворенные женской рукой, достойны быть запечатленными на страницах истории.

Вывод участников группы по изучению общественного мнения сформулировала журналистка Полина Павличенко: «В результате, наш опрос превратился в акцию просвещения масс. Кроме двух категоричных сторонников переименования, остальным было «в принципе, без разницы – лишь бы красиво звучало». Наверное, когда о проблеме узнают хотя бы больше половины проживающих на улице имени комиссарши, хоть что-то прочтут о ней самой, наверное, тогда только захочется мотовилихинским жителям серьезно говорить о прошлом города и страны».

Между тем этой пермской притчи во языцех (сравнимой разве что с созданием зоосада на месте Архиерейского кладбища) не было, если бы еще в 2000 году приняли предложение представителей ОАО «Мотовилихинские заводы» о переименовании данной улицы в честь Юрия Калачникова (не путать с Калашниковым!). Замечательного конструктора, лауреата Ленинской и Госпремий, жившего, кстати, на этой самой улице. На доме № 12 по ул. Р. Землячки (какое диковатое все же сочетание) в 2001 году была установлена мемориальная доска следующего содержания:

«В этом доме с 1970 по 1998 годы жил и работал главный конструктор ОАО «Мотовилихинские заводы» академик КАЛАЧНИКОВ Юрий Николаевич (1928-1998 гг.)».

Более сорока лет отдал наш земляк, уроженец Кунгура, изобретению и совершенствованию ракетно-артиллерийских вооружений. С его именем тесно связаны такие названия:

«Град», «Ураган», «Смерч» – три поколения ракетных систем залпового огня! Жизни и творчеству секретного конструктора посвятил свою книгу «Молнии над полигоном» журналист Владимир Кадочников.

Достоинейшая фигура! Но предложение заводчан десять лет назад не прошло. Причина, как объясняли потом сами члены уважаемой комиссии, проста: в ее составе было немало старых коммунистов. В кулуарах поговаривали: надо дать спокойно дожить старшему поколению, не будем нервировать. Позже выяснилось, что в протоколе того заседания, на котором предложение решено было считать преждевременным, была допущена неточность: единогласного голосования не было. За то, чтобы убрать имя Р. Землячки, выступили тогда как минимум два члена комиссии. Сейчас таких значительно больше.

Хватит романтизировать террор!

Известный ученый, краевед Михаил Степанов, автор целого ряда книг о Перми, говорил в свое время: «Из двух вариантов возвращения исторических топонимов Пермь выбрала «мягкий», постепенный. Но когда я слышу аргумент «это тоже наша история» в применении в таких названиям, как Большевицкая, Коммунистическая, Землячки, – извините, тут я предлагаю хорошенько задуматься. Я вот родился на ул. Троцкого – так называлась тогда улица Большевицкая, так что теперь, «воевать» за Троцкого? А мне вот ближе «родное», воистину историческое имя улицы – Екатерининская. И второе. Надо больше знать и уважать свою, пермскую, историю...»

Такое мнение сегодня разделяют многие пермяки, не равнодушные к своей истории и всерьез задумавшиеся о будущем страны. Всякого почитания, восхваления, а тем более поэтизации террора, хоть белого, хоть красного, нужно избегать, иначе наступим на те же грабли.

РАЗДЕЛ ВЕДЕТ
ЕЛЕНА СКРЯКОВА

ДИССИДЕНТЫ

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ

ТРИ СУДЬБЫ

Эта глава посвящена тому сложному историко-культурному явлению, которое принято называть движением советских диссидентов. В 1960-х годах инакомыслие стало масштабным социальным явлением в СССР, а пик диссидентской активности пришёлся на вторую половину 1970-х, когда действовало сразу несколько правозащитных групп и ассоциаций.

Диссидентское движение было чрезвычайно многообразным и представляло собой совокупность общественных движений (национальных, религиозных, эмиграционных, политических и пр.) и индивидуальных поступков людей, отказавшихся соблюдать официальные идеологические установки. В центре диссидентской активности оказалась группа москвичей, чьи интересы сосредоточились на борьбе с нарушениями гражданских прав в СССР. Это движение принято называть правозащитным. Именно правозащитники на рубеже 1960-1970-х годов оказались ядром, вокруг которого консолидировались остальные диссидентские группы. Позиция правозащитников и методы их борьбы (в первую очередь, неприятие подпольных форм протеста и апелляция к праву) стали идейной платформой для самых разных неформальных общественных объединений.

Далеко не все понимали и поддерживали участников этих объединений. Если же диссидентом оказывалась женщина, то этот факт вызывал повышенное общественное осуждение: «Зачем она высовывается? У неё же дети!» Правила социального поведения и традиционная система ценностей предписывали (и предписывают до сих пор) женщине терпение, исполнительность и конформизм, но не гражданственность и нравственный максимализм. Между тем, лицо правозащитного движения в СССР в немалой степени определяли именно женщины. Они зачастую были «главной тягловой силой», так как брали на себя почти всю черновую, кропотливую работу, формируя инфраструктуру диссидентской активности. Более того, женщины не ограничивались исполнительскими функциями, они стали авторами многих идей и зачинателями ряда базовых правозащитных практик. У каждой из них была своя, непохожая на другие, история, свой «путь в диссидентство», и каждая из них в общественном сознании символически связана с той или иной правозащитной институцией.

Людмила Алексеева – член-основатель Московской Хельсинкской группы. Лариса Богораз – автор первого правозащитного обращения «К мировой общественности», идеолог и участница «демонстрации семерых» 25 августа 1968 г. на Красной площади. Елена Боннэр – жена и соратник А.Д. Сахарова, основатель Фонда помощи детям политзаключенных. Наталья Горбаневская – основатель и первый издатель базового бюллетеня советских правозащитников «Хроники текущих событий». Имена Татьяны Великановой и Татьяны Ходорович также неизменно связаны с ответственностью за выпуск «Хроники» в разные годы. Арина Жолковская (Гинзбург) – одна из ключевых фигур в организации общественной помощи политзаключённым, распорядитель солженицынского Фонда помощи политическим заключённым и их семьям. Имя Мальвы Ланды также связано с Фондом помощи. Софья Каллистратова – адвокат, регулярно участвовала в политических процессах, юридический консультант советского диссидентства.

Возможность встретиться с известными участниками диссидентского движения и записать их воспоминания я получила, благодаря поддержке программы для молодых исследователей Фонда им. Г. Бёлля, НИПЦ Мемориал (Москва) и ЦНСИ (С.-Петербург).

Для данной публикации выбраны три интервью, которые были взяты в разных городах мира, там, где ныне живут и работают мои героини. Это очень разные истории, демонстрирующие индивидуальный опыт диссидентства, но как всякий личный опыт, он отражает и общие процессы, а не только персональный путь трёх женщин. Людмила Алексеева оказалась в числе участников движения за права человека, с одной стороны, под влиянием культурной традиции и образования, с другой – благодаря друзьям и кругу общения. Арина Жолковская – в связи с тем, что диссидентом был её жених, Алик Гинзбург, арестованный прямо накануне свадьбы. Для Натальи Горбаневской питательной средой для формирования отличного от официального взгляда на события в стране и мире стал круг молодых поэтов, где Самиздат считали естественной формой распространения своих литературных проб.

У каждой из этих женщин процесс переоценки ценностей происходил под воздействием тех или иных жизненных противоречий, у каждой нашелся свой камень преткновения. Но,

вместе с тем, они решали для себя и вполне схожие вопросы: как жить естественно? как остаться собой? как при этом сохранить возможность частной жизни? Ведь параллельно с интеллектуальной самостоятельностью и бесстрашием, с чувством моральной ответственности, которое заставляло их независимо мыслить, говорить и действовать, они в полной мере оставались женщинами: влюблялись, рожали и воспитывали детей, решали банальные бытовые проблемы, которые ложатся на плечи каждой матери. Власть, между тем, не делила инакомыслящих по половому признаку, женщины наравне с мужчинами подвергались преследованиям: получали одни и те же сроки, попадали в одни и те же тюрьмы, лагеря и психиатрические больницы.

Но и это не всё: вынужденно оказавшись на западе, мои героини не потеряли себя и связь с родной страной. Арина Жолковская многие годы работала в парижской газете «Русская мысль». Наталья Горбаневская по сей день активно присутствует в информационном пространстве, став одним из самых популярных и уважаемых блогеров Рунета. Людмила Алексеева в 1990-х вернулась в Россию, и вот уже больше 15 лет возглавляет воссозданную Московскую Хельсинкскую группу.

Елена Скрыкова

«Я СТАЛА УЧАСТВОВАТЬ В ПРАВОЗАЩИТНОМ ДВИЖЕНИИ РАНЬШЕ, ЧЕМ ЭТО ДВИЖЕНИЕ ПОНЯЛО, ЧТО ОНО ДВИЖЕНИЕ»

Интервью с Людмилой Алексеевой.

Людмила Михайловна Алексеева (р.1927) – историк, редактор, правозащитница, общественный деятель. Автор первого фундаментального исследования по истории инакомыслия в СССР. Член-основатель Московской Хельсинкской группы. С 1996 года председатель МХГ.

*Людмила Алексеева.
1970-е годы.*

Знаете, у меня есть качество, которое в последние годы немножко перестало работать, а всю жизнь работало именно оно: я люблю быть чьим-нибудь спутником. Я по натуре не лидер. И я в каком-то смысле всегда выбирала это место, место рядом с кем-то. Но вот сейчас жизнь меня выпихнула куда-то в первые ряды. И меня до сих пор удивляет, когда ко мне относятся как к самостоятельной фигуре. Конечно, я уже как-то привыкла, но мне всё равно как-то немного неуютно. Потому что мне очень нравилось быть таким вот... надёжным спутником.

– Людмила Михайловна, расскажите, как Вы оказались участницей движения за права человека?

– Я это всегда «скромно, но гордо» люблю сообщать: я стала участвовать в правозащитном движении раньше, чем это движение поняло, что оно движение. Потому что оно как-то постепенно развивалось, и вдруг в какой-то момент выкристаллизовалось нечто, как его красиво называли, «демократическое движение». И в этом был некий смысл. Какие же права человека без демократии? Но, признаюсь, когда мы стали называть себя так, и права человека, и демократию мы все представляли

достаточно смутно. А правозащитниками мы уж совсем поздно стали себя называть.

Если вернуться к истокам, то я считаю, что началось всё с 1953 года. Именно с этого времени жизнь довольно быстро стала меняться. Смерть Сталина, безусловно, сразу ничего не изменила. Но первое, что случилось – стали возвращаться люди из лагерей. В Москве сразу появилось много людей как будто с того света. Ведь в период правления Сталина не было принято говорить про своих арестованных родственников, вообще про то, что они где-то есть. Это говорили только самым близким. У меня в этом отношении удивительная семья – у нас не было арестованных. Поэтому родителям от меня и скрывать-то особенно было нечего. А поскольку у меня не было таких родственников, то между 1953 и 1956 годами, не помню, чтобы сама я с людьми из лагерей встречалась. Но я слышала, что они стали появляться и там, и там. И я знала, что вернувшиеся стали «кучковаться», потому что у них были общие интересы. У них были связи как из жизни до ареста, так и лагерные. И у них сразу появились очерченные компании, в которые собирались родственники и друзья, которые им не изменили за время, пока они были в лагерях. В общем, до 1956 года рассказы о том, что с ними происходило в заключении, не были публичными. Они встречались в своём кругу, в своих квартирах.

Я же, например, жила в это время в коммунальной квартире, и к себе никакую компанию пригласить не могла. У нас была трёхкомнатная коммуналка. В одной комнате жил сын второго мужа моей мамы, мама уехала к его отцу, а его в свою комнату переселила. Он женился, и у них родилась дочка. То есть они втроём жили. Во второй комнате жила ещё целая куча соседей, по-моему, шесть человек. И у нас с мужем в 1953 году родился второй сын. Как тут было приглашать людей? Нет, у нас, конечно, были праздники. Мы устраивали, например, детские дни рождения, новогодние ёлки. Дети из всех комнат соберутся, и никого не надо было приглашать: уже целый детский сад! На дни рождения взрослых, конечно, приглашали родственников. Но, родственники это не компания! В общем, наши стеснённые бытовые условия не способствовали появлению широких компаний. Кроме того, у нас ещё существовала инерция сталинского времени: домой приглашают только родственников и самых близких друзей. Больших компаний тогда не было.

– А когда в вашей среде возникают компании?

– Если говорить обо мне, то у меня заметные изменения стиля жизни, в смысле расширения круга постоянно общающихся людей, произошло в 1956 году, после эпохального выступления Хрущёва на XX съезде. Я тогда училась в аспирантуре. Заканчивала университет как археолог. Это было осознанным выбором, хотелось подальше отодвинуться от современных событий. Я понимала, что в ином случае историку надо будет врать. И археология была выбрана по принципу: где меньше врать надо. Но вот к 1953 году меня уже такие сомнения одолели насчёт происходящего в стране, что я совершенно сознательно пошла в аспирантуру на кафедру истории КПСС, дабы у меня было время почитать и самой во всём разобраться... И я стала читать Ленина от корки до корки, чем уподобилась Толе Марченко¹.

Это было полезное чтение. Я действительно разобралась. И к 1956 году я, должна сказать, уже кое-что понимала. Когда Сталин умер в 1953 году, я плакала. Но вот в 1953-1954 годах, когда в своём чтении я дошла до 1917 года, то отчётливо поняла, как они захватили власть, обманув крестьянство насчёт своих планов относительно земли. Я поняла, что мой дядя Боря был прав – это паханы, захватившие власть. В общем, к 1956 году я оказалась готова. Но у меня, в отличие от большинства советской интеллигенции, которая считала Сталина гадом, извратившим идеи Ленина, было иное мнение. Насчёт Ленина у меня не было никаких сомнений, потому что я его читала, и очень много. Конечно, я не была такая умная к 1956 году, и вот чего я не знала: я не знала размеров репрессий. Я понимала, что репрессии были, но масштабы? Честно говоря, я не помню, что я думала про всё это. Во всяком случае, ощущения вселенского террора тогда у меня не было. Было ощущение, что с крестьянами не так поступили, что врут много, интернационализма нет, евреев преследуют и так далее. В общем, меня многое не устраивало.

В 1956 году, когда Хрущёв прочёл свой февральский доклад, я была ещё в аспирантуре, и была ещё членом партии. Этот доклад через некоторое время стали читать членам партии, не

¹ Марченко Анатолий Тихонович (1938-1986). Мемуарист, публицист. Автор первой документальной книги о политических лагерях послесталинского периода. Последний советский политзаключенный, погибший в неволе.

разрешая делать записи. Мы сидели в зале, и нам вслух читали, как неграмотным. Очень долго читали, часа четыре. Меня, конечно, потрясли размеры репрессий... Да, а со мной вместе в аспирантуре учился один парень: середнячок такой, провинциальный парень, тянулся изо всех сил, сдавал всё в сроки, много спрашивал. И ко мне обращался, и я как-то помогала ему учиться. У меня с ним не было никаких особых дружеских отношений, просто приятельские, по аспирантуре. И вот тут, когда мы вышли потрясённые после этого партсобрания, проходя мимо какой-то стекляшки, он мне вдруг говорит: «Давай зайдём. Ты не торопиться домой?» «Ну, давай, зайдём», – отвечаю я. Мы сели в этой стекляшке, и он вдруг стал рассказывать: «Знаешь, как я попал в аспирантуру? Я окончил юридический после войны, и меня назначили прокурором в одно местечко под Москвой. Что я должен был делать на этом посту!» Он мне рассказывал про все эти посадки за колоски, про какую-то женщину, которая моток шерсти вынесла и получила по полной... И хотя он не пил (там, в стекляшке, нечего было пить), он плакал. Здоровый такой мужик размазывал слёзы по лицу, шмыгал носом и рассказывал: «Я пытался оттуда уйти. А мне говорили: «Положишь билет на стол, если уйдёшь»».

И он понял, что единственная возможность оттуда уйти – это аспирантура. И он каждый год сдавал экзамены в аспирантуру, и никак не мог сдать, потому что у него ни хорошего образования, ни мозгов не хватало. Совесть у него была, а всего остального не хватало! И, в конце концов, в 1953-м он, наконец, поступил в аспирантуру. Он говорил: «Да мне это совершенно неинтересно! Мне это не нужно. Но это был единственно возможный путь уйти с той проклятой работы. Но эта работа уже сделала своё дело – я алкоголик». И, действительно, пил он запойно.

Почему я рассказываю об этом случае? Мы буквально только-только вышли с этого собрания, и я услышала исповедь человека, с которым три года вместе училась, и он мне ничего не говорил, понимаете? Это было очень показательно! После доклада Хрущёва у людей появилась потребность рассказать о своей судьбе: у кого что случилось за прошедшие годы, кого как обидели, кого как исковеркали, рассказать то, что люди копили в себе мёртвым грузом. И с того времени я уже столько всего слышала! Рассказывали и про себя, и истории, рассказанные

кем-то. В общем, какой-то взрыв исповедания был в 1956 году. Я думаю, что именно эта, совершенно естественная, но подавленная террором тяга людей рассказать друг другу накопившееся и вылилась в такое явление как дружеские компании. Именно потому, что всё это накопилось, нас буквально кидало друг к другу.

Я помню, все тогда ходили в компании. Молодые и старые, образованные и необразованные – все. У последних, правда, был свой круг. Началось кучкование людей, которого до того совершенно не было. Прорвался отложенный спрос на человеческое общение. И поскольку очень многие из нас жили в коммуналках, то собирались у тех, у кого были для этого хоть какие-то условия: побольше комната, не очень свирепые соседи, не было маленьких детей и т.д.

У меня вначале была компания офицеров академии имени Жуковского, где мой муж работал. Академия имени Жуковского – элитарное учебное заведение. Это была группа интеллигентных офицеров, которые, как и мой муж, в годы Великой Отечественной войны попали в армию (его взяли в 1942 году с третьего курса). Они все начинали как гражданские, а в военные попали из-за войны, во-первых, потому что было трудно, а, во-вторых, потому что на гражданке нечего было кушать.

– Но как же Вы попали в круг диссидентов?

– Однажды, это было уже где-то в 1957 году, я случайно на улице встретила однокурсницу, Наташу Садомскую¹, с которой после окончания университета мы ни разу не встречались. Я знала, что она работает школьной учительницей, и старается поступить в аспирантуру. И вот мы с ней совершенно случайно встретились, вместе вышли из метро и часа два-три, разговаривая, ходили по улице. В этом разговоре восстановилась какая-то университетская симпатия друг к другу, а так как мы очень близко жили, то обменялись телефонами и довольно быстро снова увиделись. Выяснили, что у нас есть общие знакомые и даже друзья. Наташка к тому времени жила одна в комнате, которая располагалась тоже в трёхкомнатной коммунальной

¹ Садомская Наталья Николаевна (р.1927). Этнограф-испанист, к.и.н. Жена Б.И. Шрагина. Участница петиционных кампаний. В 1974 эмигрировала в США, в 1994 вернулась в Россию, преподавала в РГГУ.

квартире. Две другие комнаты занимали соседи, которые, конечно, не приветствовали собрания у Наташи, но и не устраивали скандалов по этому поводу. Наташа очень нуждалась в компании, она была одинокая женщина. То же самое чувствовала и я, хотя была замороченная мама с двумя детьми. Но я тогда не работала и уже не училась в аспирантуре. Ушла из неё, решив, что не буду марксизм изучать!

И вот, я стала бегать к Наташке, т.к. у неё собирались очень интересные люди. В этот период нашей жизни Наташка была своего рода центром, неким лидером не то чтобы по поиску компаний, а по вхождению в них. Она всюду бывала. Потом мне рассказывала, что вчера оказалась в очень интересном доме, что там были такие-то люди и т.д. И у меня получилась очень удобная ситуация. Она говорила: «Я тебя туда приведу. Там интересно». И тащила меня на какую-то квартиру или приглашала к себе, когда эти ребята приходили к ней. У меня впечатление от того времени такое: мы с Наташкой две подружки, потом ещё Адка Никольская¹ к нам присоединилась, а остальные как-то по ситуации появлялись.

Однажды, я пришла к Наташке, а там сидит Юлик Даниэль². Нас познакомили. И как-то так получилось, что он стал ходить сюда довольно часто. Наше знакомство укреплялось. Не то чтобы меня приглашали «на Юлика», но так получалось, что он приходил, и я в эти же дни приходила.

– Что Вы помните об этих встречах?

– Ой, это была очень весёлая компания! Там хохотали всё время. Но, конечно, и всерьёз немало разговаривали. Я там служила источником постоянного развлечения на одну тему. Будучи дамой за 30, имея семью и двоих детей, я совершенно не выносила неприличных анекдотов. Я не понимала, что в них смешного, а понимала, что в них неприличного. Меня это шокировало. В среде офицеров Академии им. Жуковского

¹ Никольская Адель Натановна (р.1936). Экономист, к.э.н. Участница петиционных кампаний. Участвовала в оказании помощи политзаключённым. Хранительница архива МХГ. Участница движения евреев за выезд в Израиль.

² Даниэль Юлий Маркович (1925-1988). Переводчик, прозаик, поэт. С 1959 г. передавал свои произведения для публикации за рубежом под псевдонимом (Николай Аржак). Арестован в 1965 году вместе с писателем А.Синявским. Политзаключённый, участник акций протеста политзаключённых. После освобождения занимался стихотворными переводами. Публиковаться под своей фамилией смог только после 1985 г.

неприличных анекдотов не рассказывали. Там всё было очень-очень прилично. Даже мой муж отбирал анекдоты лишь те, которые мне можно рассказывать. А здесь, они этим просто развлекались. Сначала рассказывали приемлемые для меня анекдоты, я начинала слушать и хохотать, и тут они вворачивали какой-нибудь такой. Я терялась, краснела, они же все начинали хохотать.

А потом получилось так. Честно говоря, я уже не помню, почему Юлик стал приходить ко мне домой. Наверное, просто настало время, когда стало возможно приходить ко мне. Мы к этому времени жили в другом месте, где у нас было две комнаты. Да и дети уже подросли и стали ходить в школу. И вот Юлик стал приходить ко мне днём, когда дети в школе, муж на работе, то есть когда потрепаться можно. Надо сказать, что он очень любил у меня поесть, это было приятно, и я всегда радостно его кормила: аппетит у него был хороший, он ел с большим упоением всё подряд. И параллельно мы вели такие задушевные разговоры. Он много рассказывал не столько о себе, сколько о друзьях. И получилась такая странная ситуация: я многое про них знала, но никогда их не видела. О том, что они публикуются за границей, он мне не рассказывал. Я это знала лишь потому, что у нас были общие знакомые. Но поскольку он мне это не рассказывал, то я ему и не говорила, что знаю. Мы просто на эту тему никогда не говорили.

– А что Вы думали о его произведениях?

– Юлик замечательные, удивительные вещи написал! И это я говорю отнюдь не потому, что дружила с ним. Он написал о важнейшем периоде жизни нашей страны, о периоде вот этих интеллигентских компаний. Это был период некоего осмысления самих себя, период формирования некоего общества, пусть ещё не гражданского, но уже общества, а не тех отдельных атомов, на которые мы были разбиты до того. Ничего лучше, чем его «Говорит Москва»¹ и «Искупление»² просто

¹ «Говорит Москва» – повесть Юлия Даниэля. Начало 1960-х. События повести разворачиваются вокруг авторского вымысла о том, что будто бы указом ВС СССР от 1960 года воскресенье, 10 августа, объявляется «Днем открытых убийств»...

² «Искупление» – повесть Юлия Даниэля. Начало 1960-х. Сюжет повести показывает, как легко происходит превращение нового либерального стиля жизни интеллигентов 1960-х в тоталитарную агрессию против личности.

нет! Юлик создал такие типы, такие точные персонажи, так точно передал дух! Обидно и незаслуженно, что об этом так мало знают. Потому что и период очень важный, и описан блестящее. Надо быть настоящим писателем, чтобы вот ТАК описать. Причём, это ведь не дневник, это образы, там нет ни одного человека, которого он просто списал бы с натуры. Там очень правильно отобраны образы, и все вместе они образуют дух вот этого времени «из окон корочкой несёт поджаристой». В общем, читаешь, и прямо как сама к себе молодой в гости сходилла!

– Про Андрея Синявского Вы тоже знали?

– Я про них обоих знала. Точнее, про Андрея¹ я долго не знала. Я знала про Юльку, но знала, что кроме Аржака есть ещё и Терц. Но кто такой Терц не знала. Потому очень хорошо запомнила разговор с одним своим приятелем. Мы с ним сидели в каком-то скверике, и зашла речь об этих публикациях. Он говорит: «Ты знаешь про Аржака и Терца?» Я говорю: «Да, знаю про Аржака». – «Ты что, не знаешь, кто такой Терц?!» Я говорю: «Не знаю, и знать не хочу». Сказала так потому, что искренне считала – не надо рассказывать. Потому что считала: рассказать человеку, которому даже очень доверяешь – опасно. Ведь он может рассказать человеку, которому он очень доверяет, и так далее и так далее. Не дай Бог! Уже после того, как Андрея и Юлика арестовали, я узнала, что и Наташка Садомская и третья наша подруга всё знали, но мы никогда друг с другом об этом до того не говорили.

С Юлькой же у нас довольно странные отношения были: близкие и очень доверительные, но я не могу сказать, что мы часто виделись. Всё сводилось к тому, что он приходил ко мне. Он же человек очень непредсказуемый был. Звонил иногда, спрашивал: «Ты дома?» «Дома», – отвечала. «Я к тебе через полчаса приеду, можно?» – «Можно». Должна сказать, что ему

¹ Синявский Андрей Донатович (1925-1997). Писатель, литературовед, критик. Автор повестей и рассказов, тайно напечатанных на Западе под псевдонимом Абрам Терц. Главный обвиняемый по делу Синявского и Даниэля (1965-1966), спровоцировавшему первую волну открытой протестной активности в СССР, давшему решающий импульс к возникновению советского правозащитного движения. С момента ареста произведения Синявского широко распространялись в самиздате.

всегда было можно, даже если у меня была срочная работа. Я ведь дома работала. И вот если приходил Юлька, то я бросала всё, потому что это для меня были именины сердца. Потом я могла сидеть ночь, и сделать работу к сроку, но чтобы Юлечка не пришёл из-за того, что я занята, – ни в коем случае так быть не могло! Я, конечно, к нему очень тепло относилась. Во-первых, он мне очень нравился, а, во-вторых, я знала всю эту историю с публикацией под псевдонимом, и было такое чувство, что надо этого человека холить, лелеять и облизывать, пока он здесь, с нами.

– Когда же Вы всё-таки их всех увидели?

– Всю эту компанию я увидела в первый раз под Новый 1964 или 1965 год. Юлик пригласил меня к себе на Ленинский проспект: у него собирались отмечать Новый год. У меня в то время был магнитофон «Днепр». Это была такая вот бандура, как телевизор 80-х годов. И я должна была привезти его с собой. Взяла такси, и приехала с магнитофоном. Но все забыли, что в новых районах другое напряжение! Включили этот магнитофон, и он тут же сгорел, поэтому музыки не получилось. Но включили какую-то другую и всё-таки танцевали. Обрато я уехала уже без магнитофона. Вот, именно тогда я всех их увидела.

А ещё было сильнейшее впечатление в этой компании – Лара¹. Однажды, когда я пришла к Наташке, там сидела женщина с пышными, небрежно заколотыми волосами. Все сидели просто так, разговаривали, а она сидела возле книжной полки, уткнувшись в какую-то книгу. Когда я пришла, мы поздоровались друг с другом, представились по имени, и всё. Кто такая эта Лара, я не поняла. Ну, Лара, так Лара. Вдруг эта Лара оторвалась от книжки и говорит: «Ой, посмотрите, как интересно». Меня просто потряс её голос: грудной, богатый, очень красивый. Представилось, что она должна очень красиво петь цыганские песни. В общем, она взяла с полки книжку про хиромантию, что-то там такое вычитала, и говорит: «Ой посмотрите,

¹ Богораз Лариса Иосифовна (1929-2004) – филолог, общественный деятель, одна из авторов обращения «К мировой общественности» (1968), ставшего первым правозащитным документом советского самиздата, апеллировавшим непосредственно к международному общественному мнению; участница «демонстрации семерых» 25.08.1968 – манифестации протеста против вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию.

а вот эта линия означает то-то». И я спрашиваю Наташу: «Кто это такая?» Она говорит: «Юлькина жена». Ну, тут мне стало совсем интересно! Потому что я знала про неё всё на свете, но только не видела её никогда.

Она никуда не ходила, в основном сидела дома. И я, должна сказать, что при всём своём хорошем отношении к Юльке, конечно, начала его расспрашивать: «Ну, как так, у тебя жена дома сидит?» Мне это было непонятно, как так можно: семья, и так по-разному люди живут. Он радостно всё объяснял мне, дескать, ничего особенного, всё нормально. Но меня всё равно как-то не удовлетворяли его ответы. И тут, после того, как я узнала, что это Юлькина жена, я весь вечер глаз с неё не спускала. Мне было очень интересно, как она говорит, что говорит. И помню первое впечатление, которое она оставила. Это было ощущение потрясения. Потрясения от такого вот человеческого экземпляра!

Когда Юлька пришёл ко мне в очередной раз, я ему говорю: «Слушай, я твою жену видела. Ты знаешь, я никогда не думала, что у тебя ТАКАЯ жена». «А какая ты думала у меня жена?», – спрашивает он. Я отвечаю: «Ну, я думала, что у тебя жена такая... фифа». – «Нет, моя жена не фифа... Она не фифа, нет». Он сказал это очень уважительно и любовно. И я ему сказала тогда, волнуясь: «Твоя жена – натура героическая. Скорее всего, ей не удастся проявиться как героической натуре, но это совершенно ничего не значит. Потому что в жизни героев больше, чем становится известно людям. Она создана для того, чтобы прожить жизнь героини».

Должна сказать, я запомнила это своё пророчество, и жизнь показала, что я правильно поняла, что это за человек. Причём удивительно то, что вот в это наше первое знакомство она произнесла всего несколько реплик. В общем, я гордилась своим пророческим даром.

После этого мы виделись с Ларой мельком несколько раз. Из наших мимолётных встреч никаких отдельных отношений не возникло. Нет, конечно, когда Юлика арестовали, я стала бывать у Лары. Однажды она сказала, что едет в лагерь на свидание, и хорошо бы, чтобы кто-то поехал вместе с ней. Соответственно надо найти человека, который мог бы на два-три дня уехать. Я сразу сказала, что поеду с ней. Она вначале усом-

нилась, сказав, что желательнее, чтобы это был мужчина, т.к. много всего надо будет тащить. Я же ответила, что таскаю, не хуже чем мужчина, потому как приучена. И мы договорились, что едем вместе.

– Расскажите, пожалуйста, об этой поездке.

– ...Ехать нужно было до Потьмы¹. Сразу, как сели в поезд, Лара вышла покурить, я вышла вместе с ней, и мы, по-моему, до самой Потьмы так у окна и простояли. Вот здесь мы разговорились! Очень удивлялись, что у нас чрезвычайно многое совпадало в судьбах. Только она была на три года меня моложе, и всё происходило на три года позже, но всё в том же возрасте, что и у меня. Я вышла замуж в 18 лет, и она в 18. У неё родился мальчик, и у меня родился мальчик. Ну и так далее, и так далее.

И потом, когда мы уже что-то обсуждали, мы всё время поражались тому, как у нас совпадают оценки. Это было поразительно! До этого не общались, а тут оказалось, ну, будто сёстры! Всё одинаково: оценки людей, событий, даже отношение к одежде – обе достаточно небрежно одевались. Понимаете, как-то много всякого: и в мелочах, и по-крупному... И вот с этого разговора началась наша многолетняя дружба: к утру став близкими подругами, мы до сих пор очень тесно дружим, даже если редко видимся. Удивительно, но эта дружба продолжалась и тогда, когда я уехала в эмиграцию, хотя общаться полноценно мы, естественно, не могли. Нам не давали телефонных разговоров, потому мы обходились записочками со случайной оказией, письма были раз в полгода, год. И вот в какой-то момент, уже через несколько лет после моего отъезда, вдруг удаётся телефонный разговор. И впечатление было такое, будто мы вчера виделись: абсолютно не было натуги, которая бывает у людей, много лет не видевшихся. Мы сразу начали обсуждать разные вещи так, будто мы и не расставались. И до сих пор всё так². Ни с кем, кроме Лары, у меня такого не было.

¹ Потьяма – посёлок городского типа в Мордовии, в Zubovo-Полянском районе. Те, кто ехали в Мордовские политлагеря, всегда пересаживались здесь на местную электричку, которая шла от Потьмы вдоль всех лагерей.

² Это интервью было записано в 2003 году. В 2004 году Лариса Иосифовна Богораз скончалась.

– Что изменилось после ареста Юлия Даниэля и Андрея Синявского?

– Многие в нашей компании знали о публикациях, но когда арест случился, то произошло некоторое естественное перераспределение. Кто-то отпал, кто-то, наоборот, вошёл теснее. И это определялось не отношением к Юлику и Андрею, потому что и те и другие к ним хорошо относились. Компания перераспределилась по такой вот схеме: кто был готов ринуться в «новую жизнь», жизнь, где арестовывают, где вызывают на допросы, но в то же время ты говоришь им, что ты про них думаешь – эти остались; те же, кто хотел жить тихо, спокойно и всего этого не знать – они отошли.

Появились и совсем новые люди. Я бы сказала, что именно эта обновлённая компания и стала тем ядрышком, из которого начало произрастать и по крупичкам складываться правозащитное движение. Конечно, таких ядрышек было не одно. Были и другие кружки: вокруг Петра Григоренко¹, вокруг Валеры Чалидзе², у Володи Буковского³ был свой круг, были СМОГисты⁴ и так далее. Но для меня, конечно, своего рода «материнская клетка» в движении за права человека была та компания, которая сложилась вокруг Лары. Да, да, не вокруг Юлика, а вокруг Лары – жены арестованного Даниэля.

Мы прибегали к ней очень часто. К примеру, если кого-то вызвали на допрос, то сначала мы всех обзванивали и говорили, что такого-то вызвали. А потом все приходили к Ларе и ждали, когда он придёт. И каждый из нас с допроса прихо-

¹ Григоренко Петр Григорьевич (1907-1987). Военный и политический деятель, правозащитник, публицист, мемуарист. Подвергался политическим преследованиям с использованием психиатрии. Член Московской Хельсинкской группы.

² Чалидзе Валерий Николаевич (р.1938). Физик, правозащитник, член-основатель Комитета прав человека в СССР, историк и теоретик права, издатель.

³ Буковский Владимир Константинович (р.1942). Правозащитник, публицист, политический и общественный деятель. В начале 1960-х один из организаторов регулярных неформальных встреч молодежи у памятника Маяковскому в центре Москвы.

⁴ СМОГ (аббревиатура слов Смелость, Мысль, Образ, Глубина, другие толкования: Самое Молодое Общество Гениев; Сжатый Миг Отраженной Гиперболы) – неофициальное творческое объединение молодых поэтов и художников, существовавшее в Москве в 1965-1966 гг. Одно из первых и самое известное творческое объединение, отказавшееся подчиняться контролю государственных и партийных инстанций.

дил туда, потому что он должен был рассказать, какие были вопросы, что и как он отвечал и т.д. Все всё это слушали, с одной стороны, потому что хотели понять, что происходит с арестованными, куда развивается всё дело и прочее. Я же бегала ещё и потому, что с трясущимися поджилками ожидала собственного вызова. Я очень боялась. Боялась того, что они профессионалы, а я дура душой. И что могу сказать что-нибудь такое, что кому-то повредит. А говорить, что я вам не скажу ни единого слова, мне даже как-то в голову не приходило... Потому что я, к сожалению, личность не героическая, в отличие от Лары.

Пополнилась эта компания во время стояния у суда: в наш круг вошли люди, которые адрес Лары не знали, не ходили к ней домой, но пришли стоять у суда.

Потом была наша с Ларой поездка в лагерь, которая произвела на меня потрясающее впечатление: отъезжаешь от Москвы, каких-нибудь несколько часов, и начинается совсем другая страна – страна лагерей. Словно в какой-то другой мир перемещаешься: вышки, отряды, женщины в ботинках... И ведь всё это совсем «под боком».

– История про Леонида Ренделя как-то с этой поездкой связана?

– Нет, с Ренделем¹ это было так. Юлька написал в каком-то письме, дескать, Люда, здесь твой однокурсник Лёня Рендель срок отбывает. В какой-то момент они разговаривали и выясняли, когда, кто и где учился, и Юлька вычислил, что он мой однокурсник. Рендель, конечно, про меня и не вспомнил, мы никогда не были друзьями. А вот Юлька спросил: «А Люда Алексеева – с твоего курса?» Тот ответил: «Да, с моего». Вот тогда-то, Юлька и написал мне про Ренделя. У меня же про Лёню Ренделя были самые отвратительные воспоминания. Потому что до того, как стал «подпольщиком», он был ярым комсомольским активистом.

В университете я получила выговор за то, что вступилась на комсомольском собрании за студентку Стеллу Дворкис,

¹ Рендель Леонид Абрамович (1925-1989). Историк. Участник подпольного молодёжного марксистского кружка («кружок Л.Краснопевцева»). Политзаключённый. Автор самиздата.

которую обвиняли в распространении «заведомо ложных слухов» о существовании антисемитизма в СССР. А у всех комсомольцев в то время была общественная работа. Была она и у меня: я вела политинформацию для рабочих-строителей метрополитена. Так вот, после собрания Рендель отозвал меня на переменке в сторону и сказал: «Ну, ты понимаешь, что раз ты имеешь выговор, то мы теперь не можем доверять тебе работу по политпросвещению». Я говорю: «Ну, я проведу последнее занятие?» – «Нет». Мне не разрешили даже пойти и попрощаться с этими ребятами...

После Рендель писал совсем неглупые вещи, но в то время на собраниях выступал как последний идиот. Потому я не могу сказать, что испытывала к нему симпатию. Но... теперь вот он там сидит, политический. Значит, человек прошёл какую-то эволюцию, раз он всё-таки там оказался. Здесь у него осталась больная и старая мама. Я стала ходить к его маме, и письма ему писать в лагерь.

И вот, когда я приехала с Ларой в качестве сопровождающего, политзэки устроили нам с Ренделем свидание. После окончания рабочего дня, все уходили из рабочей зоны, и Леонид вышел первым. И шёл вдоль всей этой проволоки медленно-медленно до тех пор, пока не прошла вся колонна. В жилую зону он вошёл последним, а я всё шла вдоль проволоки и разговаривала. С той стороны бегал и злобствовал офицер, который говорил мне: «Вы не имеете право разговаривать!» Я продолжала разговаривать. Он грозил: «Я вам свидание не дам!» А я продолжала дальше разговаривать. Я же вообще не на свидание приехала. Потом, правда, Ренделя как-то за это наказали. Ну, ничего, он заранее знал, что накажут, и был согласен. Так что у нас было, можно сказать, очное свидание. И потом бедный Рендель питал какие-то планы в связи с подробностями моей семейной жизни. Ему Юлька рассказал, что я развелась, а вот что я замуж вышла, Юлик, конечно, знал, но аккуратно Ренделя не огорчал. Решил: пускай огорчится снаружи, когда выйдет. Потому, Рендель не знал, что я за это время вышла замуж, а не только письма ему писала. У него было огромное разочарование!

– Людмила Михайловна, Вы сказали, что две компании стали для Вас постоянными. Какой же была вторая?

– Да, другая возникла в это же время и была очень для меня важна. Если в первую я попала через Юлика, то эту считала уже своей. Это та группа, откуда муж Коля¹. Познакомилась я с ними тоже через вездесущую Наташку, которая всюду бегала. Было это в 1959 году. Однажды она мне сказала, что познакомилась с очень интересными ребятами, которые отбыли срок в лагере по студенческому делу. И все – совершенно замечательные! Все они происходили из семей советской элиты, хорошо образованы и очень дружны. Они свою студенческую группу называли «Братство нищих сибаритов»². Братство было признано антисоветской организацией, а все его члены получили от четырёх до семи лет лагерей.

Так получилось, что я знакомилась с ними со всеми по очереди. Это были Коля Вильямс, Леопольд Медведский³, Юра Гастев⁴, Слава Грабарь⁵, Лёва Малкин⁶, Юра Цизин⁷, Марик Шнейдер⁸, Саша Волынский⁹. Мы с Наташкой потом прозвали их «Сообщество взаимного восхваления». Каждый из ребят,

¹ Вильямс Николай Николаевич (1926-2006). Математик. Муж Л.М. Алексеевой. Будучи студентом механико-математического факультета МГУ, входил в компанию «Братство нищих сибаритов» (1945). Узник сталинских лагерей. Участник петиционных кампаний.

² «Братство нищих сибаритов» – компания студентов мехмата МГУ и МХТИ им. Менделеева, возникшая в 1945 году в Москве. В начале 1945 года члены «Братства» изобрели и испытали несколько химических составов слезоточивого и взрывчатого действия – уничтожали почтовые ящики и гипсовые бюсты Сталина в общественных местах. В феврале сорвали заседание Московского математического общества, разбив колбу со слезоточивым газом. Эти действия не преследовали политических целей. Задачами «Братства» было проведение подобных акций, всепроникающее чувство юмора и античинопочитание. В апреле 1945-го ребята сочинили устав, в котором оговаривалось, что в «Братство» принимается лишь тот, кто может изобрести для его членов бесплатное развлечение. В том же году пятеро из семерых членов «Братства» были арестованы (все, кто присутствовал на вечеринке, где был принят устав «Братства»), и приговорены к 4-7 годам лагерей.

³ Медведский Леопольд Александрович. Входил в компанию «Братство нищих сибаритов». Узник сталинских лагерей.

⁴ Гастев Юрий Алексеевич (1928-1993). Математик, к.ф.-м.н. Входил в компанию «Братство нищих сибаритов». Узник сталинских лагерей.

⁵ Грабарь Мстислав Игоревич (1925-2006). Математик. Входил в компанию «Братство нищих сибаритов». Осуждён не был.

⁶ Малкин Лев Михайлович (1928-?). Математик. Входил в компанию «Братство нищих сибаритов». Узник сталинских лагерей.

⁷ Цизин Юрий Сергеевич (1925-2004). Химик. Входил в компанию «Братство нищих сибаритов». Узник сталинских лагерей.

⁸ Шнейдер Марк. Входил в компанию «Братство нищих сибаритов». Осуждён не был.

⁹ Волынский Александр. Входил в компанию «Братство нищих сибаритов». Осуждён не был.

будучи умным парнем, никогда не говорил: «Я такой хороший». Это же дешёвка! Каждый рассказывал, какие у него замечательные друзья. И друзья были действительно замечательные. Но если у человека такие прекрасные друзья, то, само собой разумеется, что и он тоже не лыком шит. Понимаете?

Надо сказать, все они были мои одногодки. В общем, взрослые и зрелые люди. Все уже женаты. Но у всех из их возраста надо было вычесть годы, которые они просидели в лагере. Я такое часто замечала, что у людей этих лет, проведённых за решёткой, можно сказать не существует. Развитие как бы останавливается, а потом оно начинается с той точки, на которой остановилось. Они были очень молодые, ребячливые и весёлые. И это при том, что они все отсидели свой срок. Но вот что меня поражало: они сели в 1945 году, т.е. уже тогда они вели такие разговоры, которые мне бы и в голову не пришло в 1945 году вести! Я в то время была совершенно советская девочка!

Вот, к примеру, Лёва Малкин. Очень симпатичный человек. Но, во-первых, он был моложе всех по возрасту, а, во-вторых, он отсидел больше их всех – 8 лет. И поэтому был самый ребячливый. Он рассказывал истории типа, как дети в детстве придумывают: что я не родная дочка своих родителей, а моя мама королева. Вот, у него такие примерно были фантазии.

Как раз с Малкиным у меня была очень интересная история. Увидела я его у той же Наташи Садовой. Это была Пасха, и мы решили как-то её отметить, хоть поста и не держали, конечно. Соорудили какой-то стол, сидим, общаемся, и тут явился Лёва. Орлиным взглядом обвёл стол, положил глаз сначала на меня, придвинул стульчик и начал меня обольщать. А делал он это, с серьёзным видом, рассказывая нечто такое: «Помню, бывало, поливаю я на ноги из кувшинчика Понтию Пилату...». Я всё это слушаю, а сама параллельно думаю вот о чём. Со всей компанией кроме него я уже знакома, а потому знаю, что ему как самому маленькому дали меньше всего срок – 4 года, а потом ещё 4 в лагере добавили. И получилось, что отсидел он больше их всех. И в какой-то момент я его спрашиваю: «А за что тебе второй срок дали?» «А, это за то, что я во время допроса задушил следователя», – бойко отвечает он. Я буквально открыла рот... И дальше быстро про себя решаю вопрос: как

отнестись к человеку, который задушил, хоть и следователя, но всё же человека.

Когда они все ушли, я осталась помочь Наташе мыть посуду. И говорю ей: «А ты знаешь, за что Малкин второй срок получил?» – «За что?» – «Он следователя задушил». «Что ты говоришь?!» – воскликнула Наташка. Ей тоже не пришло в голову усомниться. И мы переживали до самого утра, с жаром обсуждали моральные аспекты этого поступка. На следующий день мы сказали Юрке Гастеву: «Что же вы нам не сказали, за что второй срок Малкин получил? Оказывается, он следователя задушил! Он нам сам об этом сказал». В следующие дни эта история распространилась среди друзей. Мы продолжали переживать, и ребята решили притормозить процесс. И тот же Гастев, чтобы про друга не сказать плохого, пытался как-то косвенно нам объяснить: «Понимаете, в чём дело... Малкин – человек очень особенный...» – «Да, да, конечно! Ведь он следователя задушил!» – отвечаем мы. «Но, понимаете, он натура артистическая...» – «Да, конечно, такой талантливый мальчик и следователя задушил!» – говорим взволнованно мы. «Понимаете, иногда он проживает жизнь в фантазиях...» Наташка слушала, слушала и говорит: «Погоди, ты хочешь сказать, что он нам соврал?»

В общем, мы были потрясены! Я не могла относиться к этому поступку, как к проявлению артистической натуры. Человек соврал! Мне ещё бабушка объясняла, что сделать плохой поступок – это очень плохо. Но если ты ещё и врешь, чтобы этот самый поступок скрыть – это вообще ужасно и отвратительно. То есть врать – это хуже, чем делать плохие поступки.

В общем, я просто разревелась и говорю: «Да, как это можно!» И решила тут же бежать к Лёвке, выяснять с ним отношения. Прибегаю к нему, стучу в дверь. Мне открывает Малкин, который стоит в трусах около гладильной доски и гладит свои единственные брюки, чтобы идти в очередную компанию. Я практически врываюсь к нему, а он говорит: «Людочка, ничего, что я в таком виде?» А мне ни его трусы, ни его брюки совершенно неинтересны. Я сквозь слёзы говорю: «Как ты мог такое сказать!» А он просто так отвечает: «А-а, про следователя, да, это я соврал». Он всё это так сказал, что я сразу поняла, как к нему надо относиться. Так и относилась: парень хороший, но то, что он говорит, не надо

принимать на веру. Потом я уже вместе со всеми смеялась над тем, что он выдумывал.

– А как Вы познакомились с Аликом Вольпиным?

– С Аликом Вольпиным¹ меня познакомили именно «нищие сибариты». Юра Гастев писал диссертацию по математической логике, то есть по специальности Алика. Писал мучительно и долго, никак родить её не мог. И, время от времени, ездил к Алику на свидание в сумасшедший дом², задавал ему вопросы по своей диссертации, и Алик быстро все сложные узелки распутывал. После этого Юра мог двигаться дальше. И опять – пишет Юра до следующего сложного момента, и вновь едет к Алику в сумасшедший дом за консультацией. Когда в 1959 году Алик вышел из клиники, ребята привели его ко мне домой. Это уже было время, когда я и Наташа называли их «наши мальчики», а они нас называли «наши девочки». И действительно, мы так органично вошли в эту компанию, что она сохранилась до сих пор, на всю нашу жизнь. Когда мы собираемся, мы всегда второй тост пьем за тех, кто уже не может прийти посидеть с нами...

– Людмила Михайловна, как друзья реагировали на арест Даниэля и Синявского?

– Когда Юлика арестовали, я была в поездке со своим дядькой. Мы поехали на его машине в Крым. Доехали до Горького, там погрузили машину на баржу и отправились в Ростов, а дальше опять на машине. Уезжая, я сказала Наташке и Адке, в какое время буду в каждом из этих городов, чтобы мне можно было писать туда до востребования. И вот в каком-то городе я зашла на почту. Там мне до востребования было письмо от Наташи, где она писала, что Юлик и Андрей тяжело заболели. Я, конечно, поняла, что она мне хочет сказать: их арестовали.

¹ Вольпин (Есенин-Вольпин) Александр Сергеевич (р. 1924). Математик, философ, поэт. Сын поэта С.А. Есенина. Инициатор «митинга гласности» на Пушкинской площади 5 декабря 1965 года, с которого ведется отсчет истории правозащитного движения в СССР.

² Александр Есенин-Вольпин за свои стихи и философские трактаты был признан невменяемым и неоднократно заключался в психиатрическую больницу для принудительного лечения. Клеймо душевнобольного сопровождало его все годы жизни в СССР.

После того, как я вернулась в Москву, Наташка и Адка рассказали, что они сделали, узнав об аресте Юлика и Андрея. Никто тогда не знал, чем всё это кончится: будут ли обыски по всем домам, будут ли привлекать всех нас, близких друзей и т.д. Поэтому девочки, полагая, что наверняка у меня есть самиздат, пришли ко мне домой с намерением всё выгрести. На всякий случай. Они свой самиздат спрятали и мой хотели спрятать. Пока я ездила, дома с ребятами жила моя мама. Подруги пришли ко мне домой, и никак не могли придумать, что бы такое сказать, чтобы залезть в мой стол, и чтобы мама не поняла зачем. Они прямо на ходу придумали, что им нужна какая-то книжка, какие-то записи. Моя простодушная мама, конечно, сказала: «Ну, ищите», – и пошла на кухню жарить котлеты. И подружки нашли и унесли всё, что надо.

Между тем, это уже было время, когда «сибариты» стали совсем для нас родными. И с компанией Юлика мы тоже активно общались. Эти две компании уже через нас, можно сказать, пересеклись. Когда же Юлика арестовали, а Лару всё время стали вызывать, то, конечно, мы постоянно об этом говорили. И вот ещё что. До того я толком не знала, что они пишут, а тут стала читать. Как раз в это время появились машинописные копии. И мне кроме повести «Говорит Москва» попался потрясающе смешной рассказ Юлика про кота, в которого превратился, кажется, секретарь райкома. Читала этот рассказ, конечно, не только я. Своему старшему сыну я не могла не дать прочесть такой рассказ – так вот дитя воспитывалось.

В общем, у нас и в доме всё время были разговоры о ребятах, об их произведениях, и в компании «сибаритов». Должна сказать, что все к этому относились соответственно ситуации. Все, кроме Лёвки Малкина, который ко всему этому ужасно ревновал. Это было очень смешно. Однажды даже на каком-то моём дне рождении, он немного выпивши и, соответственно, немного утратив над собой контроль, сказал: «Что вы все галдите: арестовали, арестовали! Где вы все были, когда нас арестовали?» Ему обидно стало. И я помню, как мы ему все вместе объясняли, какое это счастье, что пришло время, когда можно сопереживать. В общем, по его мнению, за своих можно было переживать, а тут за чужого переживают, за какого-то, понимаешь, ффраера. Они ревнивые были, «сибариты»: «наши девочки», и вдруг за кого-то другого переживают, за нас должны переживать!

– **С Аликом Гинзбургом Вы уже как-то были знакомы?**

– Конечно! Алика Гинзбурга¹ привела та же Наташа ко мне домой. Я всегда говорила, что очень удобно устроилась. Я сидела, словно спрут, а она искала, сортировала, и приводила самых-самых стоящих. Алик совсем недавно вернулся из своего долгого заключения, а Наташа привела его и, говорит, познакомься, Алик Гинзбург. Ну, кто такой Алик, я, конечно, знала. Вся Москва знала. И я смотрю, стоит передо мной такой худенький мальчишечка, на 10-классника похож. У нас с ним сразу завязались бурные организационно-дружеские отношения на почве доставания всяких книг, билетов и прочего.

Алик с мамой жили тогда на втором этаже малюсенького разваливающегося дома на Полянке. У них в коммунальной квартире собирались самые разные люди, в том числе люди искусства – художники, которые устраивали неподцензурные выставки. Я там со многими познакомилась.

От Лары Богораз я знала, что Алик делает «Белую книгу»². Ну, делает, и делает. И вот как-то раз мы с Аликом сознательно вышли на улицу, и он мне сказал, что закончил «Белую книгу». Да, он тогда не называл это «Белая книга», а как-то иначе. Но я поняла, о чём речь идёт. И он сказал, что отнёс экземпляр своему куратору в КГБ. Я остановилась и просто рот открыла. А он мне говорит: «Скрывать бессмысленно, они всё равно быстро вычислят, кто её делал. Так лучше я в открытую напишу прямо в книге, что я такой-то, проживающий по такому-то адресу... В общем, один экземпляр я отнёс куму, второй экземпляр уехал далеко-далеко, а вот третий экземпляр... вот он. Спрячь его так, чтобы не нашли, чтобы труд не пропал». И он дал мне желтую картонную папку с тесёмками.

Я думаю, Алик выбрал именно меня, потому что, к моему великому изумлению, по делу Даниэля и Синявского меня не вызывали. Видимо, меня не вызывали в связи с тем, что допросы

¹ Гинзбург Александр Ильич (1936-2002). Журналист, общественный деятель, политзаключённый Основатель жанра диссидентской самиздатской периодики и документальных сборников, посвященных политическим преследованиям. Центральная фигура на «процессе четырех» – одном из самых громких политических процессов 1960-х. Первый распорядитель Фонда помощи политзаключенным и их семьям. Член Московской Хельсинкской группы.

² «Белая книга» – сборник материалов и документов по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. Составитель Александр Гинзбург. Сборник был опубликован за границей.

строились на основе прослушивания квартир Юлика и Андрея. То есть они вызывали тех, кто приходил туда. А я-то не ходила! Поэтому и осталась за кадром. Но я-то этого не знала, и всё время волновалась про то, как быть, если меня вызовут. Кроме того, я была член партии, я работала... То есть, с одной стороны, он мне доверял, понимая, что я не побегу эту папку сдавать в соответствующие органы, а, с другой стороны, я была не столь вовлечена в диссидентскую жизнь. Видимо, благодаря такому набору признаков, он меня и выбрал в хранительницы этой жёлтой папки.

Значит, я взяла эту папку, принесла домой, и думаю: где же её спрятать? У меня в то время были два зелёных кресла. Одно из этих кресел я перевернула, подпорола снизу мешковиной, сунула под вату папку, зашила обратно и поставила кресло на место. И всё обошлось! Эта папка лежала там до тех пор, пока я сама её оттуда не достала. У меня, конечно, позже были обыски, но в процессе не переворачивали кресла. Я называла это «Жёлтая папка», а не «Белая книга». Коля¹, конечно, про неё знал, и мы с ним между собой именно так её называли, и лишь потом узнали, что это «Белая книга».

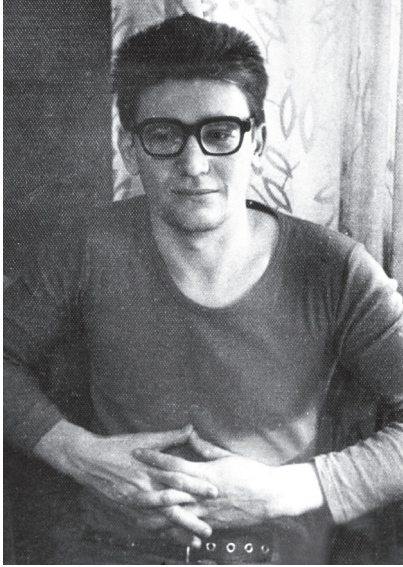
К тому времени у нас с Колей был уже на всю катушку роман. Но мы пока о помолвке объявлять не собирались, и жениться не собирались, при этом не то, чтобы скрывали наши отношения, но просто не афишировали. Это наше личное дело. Даже «сибариты» не знали. Бывало, когда компания расходилась, но кто-то засиживался, я говорила Коле: «Ну, уходи, а когда я свет в окошке погашу, то можешь приходить обратно». И он бедный мёрз во дворе, пока я не гасила свет – знак, что можно возвращаться. Так что в этих компаниях, конечно, не только разговоры вели на гражданские темы, но и романы заводили, или, наоборот, разводились.

– А с Павлом Литвиновым Вы как встретились?

– Паша² был тот человек, с которым я моментально подружилась, без предисловий. Он пришёл позже, чем многие из тех, с кем я была знакома. Но он как-то сразу вошёл в круг, потому

¹ Имеется в виду Николай Вильямс.

² Литвинов Павел Михайлович (р. 1940). Преподаватель физики, общественный деятель. Один из авторов обращения «К мировой общественности». Участник «демонстрации семерых» на Красной площади 25.08.1968.

*Андрей Амальрик. Не ранее 1973,
не позднее 1976 гг.*

*Лариса Богораз.
Май 1967 г.*

*Андрей Сахаров и Елена Боннэр.
Гор. Горький, 25 октября 1985 г.*

*Владимир Буковский.
1970 г.*

*Татьяна Великанова.
1970-е годы.*

*Юрий Галансков.
Не позднее 1967 г.*

*Балис Гаяускас.
1970-е годы.*

*Александр Гинзбург.
1960-е годы.*

что Литвинов это такой брэнд, который раскручивать не надо. Когда был суд над Аликом Гинзбургом, мы уже плотно с ним общались. Я хорошо запомнила вот какой сюжет. Кажется, это было не в день объявления приговора, а чуть раньше. Стоял жуткий мороз. И мы во дворе суда стояли все вместе: я, Лара и Пашка. И ушли оттуда втроём. Встали на остановке такси и пытаемся взять машину. Холод ужасный, машины до остановки не доезжают, их расхватывают раньше. А рядом с нами стоит машина, которая не то за Ларой, не то за Пашей, не то за обоими ездит. И они, гады, сидят там в тепле и ждут, пока мы такси возьмём. Пашка подошёл к этой машине и говорит, дескать, подвезли бы. А они в ответ, что, мол, не положено. А Пашка говорит, мы вот сейчас возьмём машину и от вас оторвёмся. А тот отвечает: «Ну, попробуйте». В общем, не взяли нас в машину.

А познакомилась я с Пашей через Андрея Амальрика¹. Кстати, с ним у меня тоже отношения были хорошие, я даже могу сказать – мы были друзья, что довольно редко для Андрея. Он необыкновенно интересный был, совершенно блестящий, и очень мне нравился, хотя человек был непростой и совсем не компанейский. Кроме того, Андрей имел один недостаток, очень странный для умного человека: он, не задумываясь, говорил прямо в глаза людям неприятные для них вещи. Мне это совершенно непонятно. Мне всегда казалось, что так делают от отсутствия ума, а Андрея в этом, ну, никак упрекнуть нельзя.

– Вот идёт первая половина 1960-х, что-то вокруг происходит, например, появляется Маяковска... Скажите, Вы ведь, наверное, знали про Маяковку?

– Да, конечно, про Маяковку² я знала, но туда не ходила. Я же была взрослая, а туда ходила молодёжь. Где-то СМОГисты

¹ Амальрик Андрей Алексеевич (1938-1980). Историк, публицист, драматург. Первый диссидент, который открыто общался с иностранными журналистами и дипломатами в Москве, передавая им информацию о борьбе за права человека в СССР.

² «Маяковска» («Маяк») – бытовавшее в 1958-1961 наименование регулярных собраний молодежи у памятника Маяковскому в центре Москвы – важная фаза эволюции открытого инакомыслия в столице. Сразу же после открытия памятника в 1958 «Маяковска» стала неофициальным уличным клубом любителей поэзии. Здесь собирались СМОГисты. Участники чтений выпустили несколько неподцензурных литературно-публицистических сборников – «Феникс», «Бумеранг», «Коктейль». К 1960 поэтические чтения и ораторские выступления у памятника приобретают отчетливо политический и оппозиционный характер. С весны 1961 собрания разгонялись милицией и комсомольским оперативным отрядами.

всплывали и в наших компаниях, но создавалось ощущение, что все они были какие-то неопрятные, сквернословили, толком нигде не работали, выпивали, а я ведь не богемный человек. То есть мне не нравился их стиль жизни. Хотя у меня были «ходы» в их круг. Кстати, Алик Гинзбург был первый из моих друзей, кто был к ним близок. Точнее, я бы сказала так: они к нему ходили.

– Расскажите, что это за история, когда сотрудники госбезопасности решили, что Вы передали рукопись «Белой книги» отцу?

– О, да, это потрясающая история! После приговора Юре Галанскову¹ и Алику Гинзбургу вышел номер «Комсомольской правды», где напечатали материал о суде. Среди обычных обличительных фраз мой глаз выхватил имя французского гражданина, который получил рукопись «Белой книги»: Михаил Славинский. Я была совершенно потрясена! Мой отец – жив?! Значит, отец не погиб на войне, а попал в плен, прошёл через концлагерь и оказался в другой стране? Он живёт во Франции, и опубликовал «Белую книгу»? Мне тут же вспомнился допрос в КГБ, где следователь несколько раз повторил один и тот же вопрос: «Где Ваш отец?» Короче, они там решили, что я, в девичестве Славинская, дочь Михаила Славинского, живущего ныне во Франции. И я как-то сумела передать ему фотоплёнку с рукописью книги.

Что теперь делать? Как связаться с этим человеком, если он и вправду мой отец? Я немного знала одну француженку, которая училась в Москве. Попросила её, когда поедет на следующие каникулы во Францию, разыскать этого человека... Летом я получила открытку из Парижа: «Он старше тебя на четыре года».

Мне, конечно, было горько расстаться с надеждой, что отец жив, я будто снова его потеряла. Но как же в КГБ всерьёз могли считать, что этот человек – мой отец? Спрашивали девичью фамилию и даже пытались заставить меня сделать какое-то признание. Если я, обыкновенная советская гражданка, меньше, чем за полгода сумела выяснить, что этот Михаил Славинский,

¹ Галансков Юрий Тимофеевич (1939-1972). Поэт, публицист, составитель самиздатских альманахов. Один из подсудимых на «процессе четырех». Первый диссидент, погибший в лагерях брежневской эпохи.

увы, не мой отец, то «компетентные органы» должны были сделать это за один день! А они выстроили целую замысловатую цепочку через Одессу, французских моряков, русских эмигрантов...

С тех пор я перестала бояться КГБ и считать, что они профессионалы. Я их боялась именно как профессионалов. А они оказались так же некомпетентны, как и все остальные советские бюрократы. Конечно, я не стала свободно ходить на допросы - всё равно ведь могли что-то раскопать. Но бояться перестала. С тех пор могла, глядя КГБшнику в глаза, сказать, что я чего-то не помню. И меня, конечно, совесть не грызла. «Откуда у вас этот документ?» – спрашивают. «Не помню», – спокойно отвечаю я. И слова Валеры Чалидзе о том, что врать нельзя, даже в КГБ, на меня не производили никакого впечатления. КГБ – это то место, где приличный человек может врать без зазрения совести. В других случаях, по возможности, не надо. И я на допросах в КГБ очень много врала, вполне естественно, не терзаясь совестью и не испытывая страха.

– А как Вы познакомились с Валерием Чалидзе?

– Наверное, через Пашу Литвинова. Да он вообще-то не часто появлялся в компании, Валера был очень нелюдимый человек. Но я помню две истории, связанные с Чалидзе. Это было довольно поздно, где-то в начале 1970-х. Я за чем-то к нему пришла. Кажется, он меня просил что-то напечатать, ведь я довольно быстро печатала. Конечно, у нас были и профессиональные машинистки, но они за работу брали деньги, а я печатала бесплатно. Потому, ко мне довольно часто обращались те, кому надо было что-то быстро напечатать.

Так вот, Чалидзе позвонил мне по телефону и сказал в трубку: «Не хотели бы вы прийти ко мне на чашечку чая?» Ну, я поняла, что раз почти незнакомого человека приглашают на чашечку чая, то есть какое-то дело. И я пришла к нему домой, на Сивцев Вражек. И, действительно, он меня попросил напечатать даже не документы, а свои философские рассуждения на какую-то тему. Он потом их в каком-то журнале опубликовал. У меня они тогда не вызвали интереса хотя бы потому, что я мало что поняла. Но я взялась напечатать, поскольку, попросил

Чалидзе. Когда я привезла напечатанное, у нас с ним состоялся очень длинный как-то такой доверительный разговор. Мы сидели в его огромной комнате, почти в темноте, и разговаривали по душам, хотя он совсем не располагает к задушевным беседам. И после этого разговора, у нас сложились хорошие доверительные отношения. Мы стали видеться, но это всегда происходило так, что я к нему приезжала. Он у меня вообще, кажется, ни разу не был.

Когда вокруг Чалидзе появился Комитет прав человека¹, то я захотела на этот комитет прийти. Во-первых, мне было интересно посмотреть на Сахарова, да и вообще, что это за Комитет такой? И я сказала Чалидзе, что хочу прийти на заседание Комитета. К тому времени, у нас уже были такие отношения, что я могла ему это сказать. Но он мне ответил, что на заседания Комитета просто так людей не приглашают, а только по делу. Тогда я быстренько сориентировалась и сказала, что я по делу: хочу поставить вопрос о переписке политзаключённых. У меня есть на этот счёт доклад. И тогда он всё-таки не смог мне по формальным причинам отказать, и сказал: «Хорошо, приходите». В назначенный день я пришла на заседание Комитета, и что-то им доложила. Но мне был важен не вопрос, который я докладывала, мне было очень интересно, как всё это происходит. И вот я вижу, сидят три физика. Они, конечно, очень разные. Посмотрела на Андрея Дмитриевича Сахарова, на Андрея Твердохлебова². Он, кстати, тоже был очень интересным человеком. Я его к тому времени знала, не скажу что близко.

А вот вторая история, которая была связана с Валерием Чалидзе. Как-то раз я пришла к нему с очередным тиражом

¹ «Комитет прав человека» – творческая ассоциация, созданная в Москве в ноябре 1970 «для изучения проблемы обеспечения и пропаганды прав человека в СССР». Членами-основателями Комитета стали В.Н. Чалидзе, А.Д. Сахаров и А.Н. Твердохлебов. Неофициальным печатным органом Комитета стал выпускаемый В. Чалидзе самиздатский журнал «Общественные проблемы». Характер и формы деятельности Комитета были не вполне обычны для диссидентской среды конца 1960–начала 1970-х: его заседания определялись подробным регламентом, а публикации имели демонстративно академический характер; в его учредительных документах подчеркивалось стремление к конструктивному сотрудничеству с властью. Комитет распался в 1973 году.

² Твердохлебов Андрей Николаевич (1940-2011). Физик, правозащитник, член-основатель Комитета прав человека в СССР, секретарь советской секции «Международной амнистии».

отпечатанной «Хроники»¹. Она была у меня в сумке: 9 копий на папиросной бумаге, и оригинал, с которого я печатала. Зачем я пришла, уже не помню. А ещё у меня были с собой антрекоты, которые я купила в Смоленском гастрономе с мыслью, что забегу на минутку, а потом на метро и домой. Ровно в тот момент, как я пришла к Чалидзе, ему звонил Володя Буковский, к которому как раз во время разговора по телефону пришли с обыском. И мы решили, что нужно идти к Буковскому. Вы, конечно, знаете, что было принято ходить на обыски. Я и говорю: «Как же я пойду? У меня с собой «Хроника»!» Антрекоты я, естественно, оставила у Чалидзе, но вот «Хронику» оставить в чужом – это всё равно как бомбу оставить. Приличные люди так не делают! В общем, я вышла на лестницу, потому что в комнате был Чалидзе, расстегнула кофточку, и сунула в бюстгальтер «Хронику». И тут я увидела, что на лестнице стоит человек. Было непонятно: это просто сосед вышел покурить или он дом опекает?

Мы с Чалидзе вышли и переулками пошли к дому Буковского. Я колебалась, пойти или нет на обыск, говорила, что, может, я доведу вас до дома Володи и уйду. Колебалась, колебалась, но «Хронику» на всякий случай припрятала. Ведь обычно в бюстгальтер не лазили при досмотре, смотрели лишь сумку и карманы. Но не успели мы отойти, как едет машина, нас обоих хватают и сажают в машину. Оказывается, к Чалидзе тоже пришли с обыском. Они должны были одновременно с Буковским обыск начать, но несколько запоздали. Мы же за это время успели уйти из дому. А потому его схватили, а заодно и меня.

Нас посадили в машину, впереди сидели два огромных «лба», здесь, на заднем сиденье те, кто нас захватили, а мы – в середине. То есть мы оказались сидящими практически на коленях у этих задних. И вот так нас куда-то везут. Я говорю Ча-

¹ «Хроника текущих событий» (ХТС) – машинописный информационный бюллетень, издававшийся в Москве. Основное периодическое издание советских правозащитников. Первый номер бюллетеня датирован 30.04.1968. Выпуски ХТС распространялись в СССР в самиздате и переиздавались за границей. Имена участников издания не оглашались. ХТС положила начало правозащитной периодике Самиздата, консолидировала правозащитное движение в стране и была летописью этого движения. Лица, причастные к изданию ХТС, ее корреспонденты и распространители подвергались систематическим преследованиям, потому состав людей, принимавших непосредственное участие в подготовке выпусков, часто менялся.

лидзе: «Кто нас захватил? Это что, какие-то бандиты-похитители или представители государства? Я думаю, что это представители государства, но они должны были для начала спросить у нас документы». Сидящие в машине люди злобно молчали. А Чалидзе мне отвечает: «Ну, Любочка, у нас очень трудно провести разницу между бандитами и служащими государства. Они не всегда бывают столь формальны, чтобы спрашивать документы. Но я тоже склонен думать, что это представители государства. И поэтому нам с Вами нечего бояться, ведь мы – законопослушные граждане». А он не знал, что у меня, у этой законопослушной гражданки, в лифчике «Хроника».

И вот так мы едем, они злобно шипят. Наконец, приехали. Нас выпихивают из машины, и приводят в ближайшее отделение милиции. Там сидит какой-то крымский татарин, которого схватили, и ещё какой-то художник. Мы, конечно, сделали вид, что друг друга не знаем, хотя и татарина, и художника я знала. Мы сели рядом, и тут я сказала Чалидзе, что мне надо бы как-то отсюда выбираться, потому что у меня в бюстгальтере «Хроника». И вот тут Чалидзе понимает серьёзность положения!

Я прошусь в туалет, и со мной в туалет идёт женщина. Да и вообще было бы жалко выбросить в туалет девять экземпляров готовой «Хроники», ведь это такая работа! И я возвращаюсь. Сижу. Ощущение жуткое, ведь это всё было напечатано на папиросной бумаге, и если я чуть-чуть шевелилась, она начинала шуршать. И у меня было впечатление, что она шуршит так, что слышу этот звук не только я, а все вокруг. Но, к счастью, слышала его только я. И тут Чалидзе начинает их убеждать, что не стоит держать даму, ведь она всего-навсего его гостья. Они куда-то позвонили, и после спрашивают: «У вас есть документы?» «Да, – говорю, – есть». Я стала носить с собой паспорт после того, как меня задержали с рукописью книги Толи Марченко¹, которую я должна была передать, но не смогла

¹ После освобождения из заключения осенью 1966 года, Анатолий Марченко написал книгу о советских политических лагерях и тюрьмах 1960-х, ставшую первым развёрнутым мемуарным свидетельством о советских политлагерях послесталинского периода. Уже осенью 1967 «Мои показания» начали широко циркулировать в Самиздате, а вскоре вышли за рубежом и были переведены на многие европейские языки. Мемуары Марченко сыграли огромную роль в разрушении мифа, распространённого как в советском обществе, так и на Западе, будто политические репрессии, открытое насилие и грубый произвол по отношению к инакомыслящим ушли в прошлое вместе со Сталиным.

этого сделать, потому что меня задержали. Тогда я поняла, что паспорт спасает. В общем, здесь я тоже дала паспорт, они его посмотрели, куда-то позвонили и сказали, что я могу уходить. Но только я пошла, как они побежали следом, и говорят идти обратно. Я подумала, ну всё, конец, сейчас обыскивать будут. Меня пригласили обратно, осмотрели сумку, карманы и... отпустили. А за своими антрекотами на другой день я забыла прийти, и они протухли у Чалидзе на балконе.

В связи с этим случаем надо мной добродушно подшучивал Пётр Григорьевич Григоренко. Он, как вы знаете, военный, генерал, и юмор у него, так сказать, генеральский. Вон он и произнёс эту свою известную хамскую фразу: «Людочка, ну что же вы прячете туда, куда все лазают?!» Ну, а куда же ещё было прятать? Больше некуда. Всё остальное – обязательно осматривали.

В общем, я тогда благополучно ушла. И после у кого-то в квартире я радостно рассказала, как меня отпустили с «Хроникой», а я всё время слышала, как она шуршит. А когда меня вызвали в связи с чем-то на допрос, то мой опер¹ начал разговор именно с этого: «Людмила Михайловна, вы не заметили, что мы к вам хорошо относимся? Когда вас задержали вместе с Чалидзе и привезли в милицию, мы вас отпустили, несмотря на то, что были подозрения, что у вас с собой что-то есть». Они где-то это услышали. Прослушки же были в квартирах. Я ответила: «Ну, что об этом говорить? Что с возу упало, то пропало». Потому что отнекиваться было бесполезно. К тому же в тот момент у меня всё было в порядке, с «Хроникой» на допросы я не ходила.

– Следующий этап диссидентского движения – появление Инициативной группы...

– Да, про создание Инициативной группы². Был очередной суд, я уже не помню даже над кем. Около суда, как всегда, толклись

¹ «Опер» в данном контексте – оперуполномоченный, следовательно, персональный куратор в КГБ.

² «Инициативная группа по защите прав человека в СССР» – первая в СССР независимая гражданская ассоциация. Возникла в мае 1969 в Москве. Представляла собой авторский коллектив, готовящий тексты открытых обращений (по преимуществу, адресованные ООН), содержащих сведения о политических преследованиях в СССР. Деятельность группы продолжалась до 1976, когда ее общественная функция фактически перешла к Московской Хельсинкской Группе. Практически все участники Инициативной группы подвергались разного рода репрессиям; 11 из 15 ее членов были арестованы и осуждены.

люди. Я тоже туда пришла. Там был и Петя Якир¹, который сказал мне, вот, дескать, мы написали письмо, и собираемся послать его в комитет по правам человека ООН. Про то, что, под письмом стояла подпись «Инициативная группа» он мне ничего не сказал. Кстати, те, кто подписали это письмо, даже и не думали, что это будет постоянная группа. В общем, сама идея мне понравилась. К тому времени уже осточертело подписывать письма в советские инстанции, которые не давали никаких результатов, кроме репрессивных мер. Я даже стала отказываться от подписания таких писем. И я Пете говорю: «Правильно, надо в Комитет по правам человека писать. Я тоже хочу подписать это письмо». Он очень обрадовался и побежал куда-то звонить. Потом вернулся и говорит: «Извини, письмо уже отправили». Так я не стала членом Инициативной группы.

Да, и ещё хочу сказать, что, не будучи членом Инициативной группы, я сыграла роль в том, что она стала Инициативной группой! А получилось это вот как. Летом мне пришло письмо от Толи Марченко, которое он сумел бросить где-то в щель вагона с просьбой: прошу послать по такому-то адресу, и написал мой адрес. И кто-то, спасибо ему, положил это письмо в конверт и отправил. Из письма я поняла, что Марченко арестован, я взволновалась и решила, что надо обеспечить как можно больший резонанс. А какой отклик тогда мог быть самым весомым? Инициативная группа! Они же подписались как Инициативная группа! В общем, я решила, что нужно обратиться к ним, чтобы они это письмо про арест Толи написали от себя. Я побежала туда, сюда – никого нет. И нашла лишь одного человека из Инициативной группы – Наташу Горбаневскую². Говорю ей, вот такое дело, нужно письмо от вас. Она меня поддержала, правильно, говорит, надо. Я написала фабулу письма. И тут как раз выходил очередной выпуск

¹ Якир Петр Иванович (1923-1982). Историк. В 1968-1972 — одна из центральных фигур диссидентского движения. Инициатор создания Инициативной группы по защите прав человека в СССР. Арестован в июне 1972, и с первых месяцев заключения Якир и его одноделец Виктор Красин стали активно сотрудничать со следствием. По делу Якира и Красина было допрошено свыше 200 человек. Это дело, по замыслу КГБ, должно было развалить гражданскую оппозицию в СССР.

² Горбаневская Наталья Евгеньевна (р.1936). Поэт, переводчик, журналист. Основатель и первый издатель самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий». Участница «демонстрации семерых» на Красной площади 25.08.1968. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

«Хроники», куда разместили это письмо, подписав «Инициативная группа». И письмо пошло!

Наступил сентябрь, возвращается в Москву Таня Великанова¹, встречается со мной и говорит: «Люда, это ты письмо написала?» «Я», – отвечаю. «Но почему же ты подписалась Инициативной группой?» Ну, я ей и рассказала, как пошла в Инициативную группу, никого не нашла, кроме Наташи. Она сказала, что хорошо было бы написать от имени Группы. А тут как раз «Хроника» выходит. Ну что же, до следующей «Хроники» оставлять это письмо, не публикуя? В общем, Таня вошла в моё положение, но больше, говорит, так не делай. Я ответила, что больше не буду. И вот после этого им всем ничего не оставалось, как стать Инициативной группой! Ведь под письмом не стояло подписей, там было указано просто «Инициативная группа».

Позже Таня мне говорила, что они не собирались быть группой. А я их восприняла именно как группу. Когда Петя предлагал мне подписать письмо, он не говорил про группу. И если бы я его подписала, то оказалась бы членом Инициативной группы.

Хотя, не исключаю, что мне сознательно не предложили войти в Инициативную группу. А дело было вот в чём. У меня некоторое время назад, состоялся спор с Виктором Красиным² и генералом Григоренко. Когда посадили Яхимовича³, то генерал, который с ним очень дружил, хотел создать Комитет защиты Яхимовича. Для этого он собрал какое-то количество людей из нашего круга, рассказал об этой идее и спросил: «Кто войдёт?» Я же сказала: «Считаю, что Комитет создавать не надо. Ведь создание организации моментально ставит под удар тех людей, которые в нее войдут. Это будут первые кандидаты на арест. Я понимаю, что это не довод против создания. Но если вы мне чётко скажете: чем группа людей, назвавшаяся Комитетом, будет эффективнее? Что Комитет сможет делать такое, чего мы не можем делать сейчас?» Я помню, что и Петру Григорьевичу Григоренко, и Красину очень не нравилась моя позиция. Вероятно, поэтому, когда они подписывали письмо, под которым была ука-

¹ Великанова Татьяна Михайловна (1932-2002). Программист, математик. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В течение многих лет – организатор выпуска «Хроники текущих событий».

² Красин Виктор Александрович (р. 1929). Экономист, узник сталинских лагерей, автор и распространитель самиздата. Инициатор создания Инициативной группы по защите прав человека в СССР. Одноделец Петра Якира.

³ Яхимович Иван Антонович (р. 1931). Учитель. Председатель колхоза. Снят с должности, объявлен психически невменяемым.

зана «Инициативная группа», помня мою тогдашнюю позицию, они даже предлагать мне подписывать не стали, т.к. считали, что я априори не кандидат в члены этой группы.

Но вот когда Инициативная группа уже появилась, то я поняла: объединение людей даёт какое-то новое качество. Я изменила своё мнение, и уже жалела, что не вошла в группу. И к самой группе относилась с большим пиететом, ведь они стали своего рода рупором правозащитного движения в стране, к ним обращались как к некоему исполнительному комитету. И я поняла, что это дорогого стоит, за это можно и рисковать. Сама жизнь дала мне ответ на тот вопрос, на который не смог мне ответить Григоренко: зачем нужна организация? В общем, когда много позже ко мне обратился Юра Орлов¹ с предложением вступить в Московскую Хельсинкскую группу², у меня ни малейших сомнений не было. И готовность эта была обусловлена опытом моего осмысления Инициативной группы, её задач и возможностей.

– Людмила Михайловна, расскажите, как же Вы во второй половине 60-х стали одним из центров организации помощи политзаключённым? Это ведь было задолго до появления солженицынского Фонда помощи. Как это произошло?

– Началось всё с ареста Юлика Даниэля и Андрея Синявского. Значительная часть московской интеллигенции им сочувствовала. И у некоторых сочувствие выливалось в том, что они приходили к Ларе, жене Юлика, и спрашивали: а не надо ли вам денег? Лара вначале говорила: нет, не надо. Потому что, действительно, кроме трат на адвокатов, никаких сверхрасходов не было. Ларка же к тому времени защитила диссертацию, стала получать больше, и ей казалось, что она безумно богата.

Когда же Даниэля с Синявским стали отправлять в лагерь, то стали прибегать разные люди и приносить вещи: кто связал

¹ Орлов Юрий Фёдорович (р. 1924). Физик, правозащитник. Основатель и руководитель Московской Хельсинкской группы. Общественный деятель.

² «Московская Хельсинкская группа» (Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, МХГ) – независимая правозащитная ассоциация. Основана 12.05.1976 в Москве. Организатором и первым председателем МХГ стал Юрий Орлов. Деятельность МХГ инициировала создание аналогичных групп в республиках СССР. За время своей работы, группа выпустила 195 информационных документов. Вскоре после образования МХГ началась репрессивная кампания по ликвидации Хельсинкского движения в СССР. Более 10 членов группы были осуждены, несколько человек были вынуждены уехать из СССР. В 1982 группа прекратила свое существование. Была воссоздана в 1989, с 1996 ею руководит Людмила Алексеева.

тёплые носки, кто принёс бурки, кто какую-то чудную шапку и т. д. Ну, это брали, конечно, но впихнуть всё не удалось. Да и не всё можно было отправлять.

Собирая вещи, мы с ужасом думали: боже мой, им там сидеть со всякими убийцами и ворами! Мы и понятия не имели, что существуют политические лагеря. И вдруг приходит первое письмо от Юлика, а потом второе, третье... Он, конечно, не писал, что здесь политические лагеря, потому что была цензура. Но он писал, что вот, пригласил меня на чашечку кофе¹ поэт с какой-то невероятной литовской фамилией. Или – познакомился с художником таким-то. Кто же там сидит в этих лагерях?

Наконец, Лара поехала на первое свидание, и всё стало ясно. Когда она приехала, она нам объяснила, что есть мордовские лагеря, что там есть, конечно, и уголовные зоны, но именно там находится целый конгломерат политических лагерей. И примерно объяснила, кто там сидит. А дальше – больше. Юлик, широкая душа, стал давать многим Ларин адрес. Ведь родственники всех тех, кто сидел, откуда бы они ни ехали на свидание к мужьям и сыновьям, они все ехали через Москву. И вот, стали приезжать эти люди – жёны, матери – у которых близкие были в лагерях. Мы узнали, что там сидят за «национальные дела» и прибалты, и куча украинцев, и грузины, что есть там и узники, сидящие «за веру», и ребята из подпольных кружков. У многих из этих людей, нередко сидящих с 1953 или 1956 годов, уже никого не было, и никто им ничего не посылал. Так, от приезжающих родственников и от самого Юлика на свиданиях, мы узнали, кто в этих лагерях остро нуждается в помощи.

По закону с половины срока можно было посылать заключённым раз в полгода посылку, а раз в месяц бандероль. И в бандероли могли быть не только книги. В бандероль можно было положить что-то сухое и сладкое: шоколадно-вафельный торт – фанера, намазанная чем-то коричневым – или коробку конфет или шоколадную плитку, а также какие-то вещи: шарф, носки, майку. И мы с энтузиазмом начали слать эти бандероли в невероятном количестве! И уже вот тут, когда люди обращались и говорили, не надо ли вам денег, то мы говорили: «Надо, на посылки и бандероли политзаключённым».

Но в посылках тоже ведь слать можно лишь что-то сухое. Масло, например, уже не пошлешь. Да, и что там эта посылка? Раз

¹ «Чашечка кофе» в данном контексте – образное выражение. Имеется в виду приглашение пообщаться.

в полгода. Но ведь в лагерях работали вольные. И если иметь какие-то деньги, то можно было заказать вольному что-то купить: колбасу, шпик, масло, папиросы, чай... Короче, надо иметь деньги. Но ты платишь за пачку чая, и примерно столько же надо дать этому вольному, то есть всё стоило вдвое больше. Конечно, передавать деньги, было запрещено. И я научилась, это была моя специальность, тайно посылать деньги в бандерольках и посылках: под бумажной обложкой книг, внутри пакетиков с сухими супами, под обёрткой коробки с шоколадными конфетами, внутри тюбика с зубной пастой – разные были способы.

Во-первых, я свои книжки посылала, а, во-вторых, в какую бы семью не приходила, то тут же обращала внимание на книжную полку. Меня абсолютно не интересовало содержание книги, меня интересовала обложка. Иногда встречались очень хорошие книжки, куда много можно было вложить. Я брала ее, держала над паром, внутренняя часть обложки отходила, я вкладывала туда купюру, а потом так же аккуратненько, чтобы, упаси Бог, следов клея не осталось, заклеивала. И посылала эту книжку бандеролью.

Первый раз я послала Юлику учебник по физике для 8 класса. Думала: «Очень хорошо, что книжка такая странная. Он же умный, поймет, зачем я ему это прислала. Решит её исследовать и найдёт деньги». Не писать же ему в письме: отдери обложку. Через некоторое время он сообщает: «Люда, ты мне прислала такую странную книжку! Я её отдал парню, который учится в вечерней школе». Вот так дела! Пишу ему письмо, в котором говорю: «Конечно, я понимаю, что ты уже закончил среднюю школу. Но учебник по физике для 8 класса, он самоценен, я бы его оценила в 25 рублей, не меньше». Когда Юлик получил это письмо, то тут же бросился к тому парню, забрал учебник, разорвал и нашёл 25 рублей. И дальше уже всё, что присылала я, прежде чем отдавать кому-либо, просвечивал на свет.

Кстати, для этой цели я не только книжки использовала. Например, в бандеролях можно было слать сухие супы. И я ходила по магазинам и искала такие пакетики, которые плохо запечатаны, которые легко раскрыть, а потом обратно заклеить. Первый раз, когда я послала деньги в пакетике с супом, чуть не случился ужасный курьёз. Мы узнали эту историю через Арину Жолковскую, когда она ездила на свидание к Алику Гинзбургу, и он ей рассказал. Помните, в советское время были венгерские куриные супы в упаковке из фольги с ярким петухом? Они хорошо расклеивались, и

я сунула в такой пакетик 25 рублей. По тем временам это были большие деньги. В лагере в это время собралась тёплая компания, многие из наших уже сидели, и Алик у этой компании был шеф-поваром. Он радостно открывает над кипятком присланный суп, и оттуда вываливаются 25 рублей. В общем, он чуть не сварил эти деньги, буквально в последний момент, подхватив их на ладошку. Позже они уже понимали, что вначале следует осмотреть пакет, и лишь потом кидать его содержимое в кипяток.

– Но, наверное, разные были «статьи расходов»?

– Конечно, деньги нужны был на самые разные нужды! Бандероли и посылки мы посылали, можно сказать, потоком, очень много всего. У нас даже появился такой вид общественной работы для женщин: носить эти бандероли на почту и отправлять. Ведь там надо было отстоять очередь, запаковать, к тому же, это не в каждом отделении принимали.

Кроме того, они же все безумно много читали! Значит, нужна была подписка. Подписку на газеты и журналы в лагерь можно было делать два раза в год. И мы к этому времени копили деньги. Конечно, Юлика мы могли подписать на собственные деньги, а вот целые лагерь – уже нет. К тому времени мы знали не только о том лагере, где сидит Юлик. На каждый лагерь полагалась одинаковая сумма. И всё вместе это были очень большие траты. Ведь люди разные! Одному надо Литературную газету, другому – газету автолюбителя.

Ещё мы выяснили, что многие из вновь арестованных по политическим статьям остро нуждаются в деньгах на адвокатов, т.к. у семьи, как правило, средств не было. Ведь те, кого арестовывали, как правило, уже были выгнаны с работы. И жили неизвестно на что. Естественно, после ареста, денег на адвокатов у них не было.

И ещё, хочу сказать, что когда женщины ехали в лагерь, они ночевали в Москве у кого-то из нас. У меня, например, был «украинский постоянный двор». Но ведь они же до Москвы ехали в поезде, и у них за это время припасённые продукты нередко портились. И мы, естественно, самыми разными способами собирали продукты, которые эти женщины могли взять с собой. Я, например, приходила к кому-нибудь в гости, а там ставят на стол сервелат, ну я и говорю: «А можно я вот это кушать не буду, а возьму, чтобы в лагерь отправить?» Вариант был почти

беспроегрышный. Обычно хозяева распахивали холодильник и говорили: «Вот, у нас ещё осталось полкило, возьмите». Мы всё это хранили в холодильнике, а потом отдавали тем, кто едет на свидания.

– ...И тут наступило 25 августа 1968 года.

– Да, наступило 25 августа¹. Лара, вышедшая на Красную площадь в числе тех семерых, кто протестовал против вторжения советских войск в Чехословакию, была арестована. И буквально тут же, через несколько дней, стали приходиться самые разные люди, которых я до того никогда не видела, и говорить: «Мы отдавали Ларе деньги на политзаключённых, а теперь куда?» Я вначале несколько растерянно говорила: «Ну, давайте, мне». Знала, на что эти деньги тратились. До того ведущей была, безусловно, Лара, а я – как бы её заместителем. Ещё, конечно, разные женщины вокруг.

Так как у нас не было формальной организации, а всё было построено на дружеских связях, то в ситуации, когда посадки были неизбежны, это был хороший способ преемственности: всегда был человек, который в деталях знал, что делал тот, которого посадили. И я оказалась таким вот человеком, который смог подхватить дело снабжения лагерей.

В общем, теперь я осталась одна и как человек, склонный к систематизации, решила этот процесс несколько формализовать. Каждого, кто приносил деньги, я спрашивала: «Это одноразовый взнос или вы приносите деньги систематически?» «Систематически», – нередко слышала я в ответ. В то время это была обычная история, когда какая-то лаборатория, институт, кафедра собирали деньги: скидывались по трёшке или пятёрке. Важно, чтобы какая-то сумма, пускай маленькая, но поступала регулярно, ежемесячно. Чтобы я знала, что такую-то сумму получу, и могла на нее рассчитывать.

Были люди, которые очень аккуратно приносили деньги. Одна пожилая женщина, ей тогда было лет 70, обязательно приносила каждый месяц. Она их собирала в каком-то НИИ. Я

¹ 25 августа 1968 года состоялась «демонстрация семерых» – манифестация протеста против вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию, произошедшая на Красной площади в Москве. Участники демонстрации развернули на парапете у Лобного места плакаты с лозунгами, протестующими против вторжения. Все демонстранты были схвачены и арестованы. Шестеро из них были осуждены по статье 190 УК РСФСР.

даже не знала её фамилии. Ведь тогда была ситуация полностью противоположная нынешней. Это сейчас дают деньги с непременно условием, чтобы указали «спонсор такой-то». А тогда люди давали деньги и говорили: «Я очень надеюсь, что вы никому об этом не скажете». И я должна сказать, что когда люди приходили, приносили деньги и говорили такую фразу, это была для меня большая честь. Потому что это значило: они верили мне, они мне буквально свою судьбу вручали. Понимаете?

– А как же Вы вели учёт полученных и потраченных денег? Ведь это было очень опасно?

– Вы правы – опасно. И поскольку собирали широко – по трёшкам, да по пятёркам – очень многие люди в Москве знали о сборе денег. Знали и других таких, но и меня знали тоже. Узнала об этом и Софья Васильевна¹. Она позвала меня к себе, и сказала: «Люда, я не знаю, как ты там всё это устраиваешь, но я хочу тебя предупредить. Если будут доказательства, что ты собираешь деньги, и не дай Бог, узнают, кто тебе эти деньги даёт, то на этих людей нажмут, и они могут выступить с заявлением, что ты – мошенница, что деньги брала на одно, а тратила их на другое. Поэтому ни в коем случае нигде не должно оставаться никаких следов! Ты нигде не должна записывать, кто и сколько дал, на что и сколько ты потратила!»

Но надо сказать, я так и делала: никакого формального, бухгалтерского учёта я не вела. Были деньги – тратила, не было – ждала новых поступлений. Ведь мы постоянно жили с угрозой того, что придут с обыском. Я откладывала деньги только на подписки, т.к. требовалась достаточно большая сумма в определённое время. И, конечно, я не всё сама подписывала. Мы распределяли почтовые отделения, и каждый делал по 2-3 подписки. Я хорошо понимала, что такие вот знаки нельзя оставлять, да и большую очередь надо было отстоять в почтовых отделениях.

– Как же Вы всё запоминали?

– Признаюсь, я не очень хороший бухгалтер. Изредка, бывало, ошибалась. И тогда приходилось восполнять «недоста-

¹ Каллистратова Софья Васильевна (1907-1989) – адвокат, выступала на многих политических процессах конца 1960-х – начала 1970-х. Член Московской Хельсинкской группы.

чу» из своих денег: в семье до получки наступали постные дни. Потому что как мы жили? От получки, до получки деньги на еду рассчитывали.

Но я придумала простой способ: я завела два кошелька – чёрный и красный. В одном кошельке были свои деньги, а в другом – казённые. Всё, я перестала волноваться, что перепутаю. И я никогда себе не позволяла, когда кончились деньги в своём кошельке, взять из другого, с мыслью, что я после получки положу. Записывать нельзя, а я могу забыть. И поэтому, если в своём кошельке денег не было, то я ходила и одалживала деньги, даже если в том другом кошельке были. Если же в том кошельке денег не было, то бывало, что я клала немного своих, считая, что я поучаствовала в сборах.

Между тем, как и предсказывала Софья Васильевна, ко мне пришли с обыском. Это было в мае 1969 года. Конечно, они знали, что я занимаюсь деньгами. Потому искали отнюдь не только Самиздат, искали всякие подтверждения денежных дел. Как они обрадовались, когда нашли сберегательную книжку! Это была та книжка, на которую я получала алименты от своего бывшего мужа. И снимала их ровно в тот день, когда они приходили. «Это что за книжка?» – спрашивают. «Алименты», – отвечаю. Они полистали: одна и та же сумма ежемесячно, проверить – легче лёгкого. Отступились.

И вдруг – вот удача – они находят красный кошелёк! А в красном кошельке было, скажем, 300 или 500 рублей. Приличная сумма по тем временам. Это как раз было накануне времени очередной подписки. Сумму в кошельке посчитали, и заносят в протокол. Я спрашиваю: «Будете конфисковывать?» «Да, – отвечают, – откуда у вас такие деньги?» «На отпуск, – говорю, – копим. Собираемся поехать в бархатный сезон». А сумма, была, конечно, несопоставимая с нашим семейным доходом. Мы реально не могли такую сумму скопить. Но я возмущённо так говорю: «Вы что же, считаете, что в нашей стране два работающих советских человека не могут скопить приличную сумму на отпуск?» Дама, проводящая обыск, передёрнулась, и, несмотря на то, что зафиксировала всё в протоколе, кошелёк с деньгами отдала обратно. Конечно, она всё поняла, ведь она делала обыск, открывала шкаф, а там висело одно моё платье и один костюм Коли. Закрыв, она сказала: «Тоже мне деятели, у них один костюм и одно платье».

– Сколько лет Вы всем этим занимались?

Я оставила это дело в 1970-м. Точнее перестала быть организационным центром такой вот разветвлённой сети сбора средств на помощь политзаключённым. Сама я продолжала посылать посылки лишь нескольким «своим». Но хочу сказать, что, конечно, были и другие люди, кто считал своим долгом заниматься помощью политзаключённым. Было несколько таких центров. А вот уже где-то на рубеже 1973/1974 годов появился «Фонд помощи политическим заключённым и их семьям», основанный Александром Солженицыным на средства от издания «Архипелага ГУЛАГ». И здесь уже наша спонтанная общественная помощь жертвам политических преследований приобрела более организованный характер.

Надо сказать, что первый распорядитель Фонда, Александр Гинзбург, обратился ко мне с просьбой взять на себя украинский отдел Фонда. У меня, как я уже говорила, издавна останавливались украинцы, едущие в лагеря, и, естественно, я была в курсе их дел. Таким образом, я ещё какое-то время занималась организационной работой, связанной с помощью.

– Скажите, а не жалко было, когда кончилось всё это, а началось нечто другое? Когда деньги собираются вот так вот, по трёшке, по пятёрке в курилках, это же некоторый знак активности общества, доверия, участия. И совсем другое дело, когда появляется организованный Фонд, созданный одним человеком...

– Конечно, было некоторое сожаление об этом, но, безусловно, было и громадное облегчение. Ведь из нашего общественного фонда мы никогда не могли помогать семьям. У нас не было финансовой возможности. Семьи – для нас это была бы уже роскошь. Помогали только самим политзаключённым. Когда же появился солженицынский Фонд¹, это было

¹ «Фонд помощи политическим заключённым и их семьям» – благотворительная организация, основанная зимой 1973/1974 Александром Солженицыным на средства от издания «Архипелага ГУЛАГ»; в кассу Фонда вливались также другие добровольные пожертвования, в том числе собиравшиеся внутри страны. С возникновением Фонда спонтанная общественная помощь жертвам политических преследований приобрела организованный характер. Деятельностью Фонда внутри СССР руководил распорядитель, в ряде городов страны работали региональные распорядители. Распорядители и активисты Фонда постоянно подвергались преследованиям; в 1983 под нажимом властей его открытая деятельность в СССР прекратилась. В начале 1990-х Фонд возобновил свою работу в России.

такое счастье, что можно что-то дать семьям! Ведь люди так тяжело жили, а у многих оставались ещё и малолетние дети. Из средств Фонда выделялась ежемесячная сумма на каждого ребёнка, кажется, по 30 рублей. Это было закономерным развитием идеи помощи.

– Людмила Михайловна, расскажите о том, как появился домик в Чуне?

– После участия в демонстрации 25 августа на Красной площади, Лара Богораз была арестована и осуждена по статье 190-1¹ УК РСФСР на четыре года ссылки. Она отбывала срок в посёлке Чуна Иркутской области. Там она сняла угол у одной семейной пары. Взяли Лару летом, но ведь наступала зима, а у неё ничего с собой зимнего не было. Соответственно, к ней срочно надо было ехать, всё везти, и я, конечно, поехала. Я думала, что не всегда же она будет жить у чужих людей, нужно ей какое-то своё жильё, но тогда нужно будет и постельное бельё, и посуда, и прочее. Ведь там, на месте, ничего нельзя было купить.

Мы объявили сбор вещей. В итоге разные люди принесли столько, что мы упаковали два больших чемодана и рюкзак: это были вещи и продукты для Лары. Каждое из этого я с трудом могла поднять по одному, а всё вместе, естественно, вообще поднять не могла. А ехать надо было так: вначале до Красноярска, а там делать пересадку до Чуны. Я поехала на поезде, с таким багажом в самолёт не пустили бы. Это была середина января 1969 года, ведь я собрала вещи и поехала сразу, как Лара позвонила.

Здесь, в Москве, меня проводили и посадили на поезд. Ехала и думала, что в Красноярске возьму носильщика, т.к. меня никто не встречал. Приехала, оглядываюсь, а носильщиков там просто нет! Проводники помогли вытащить чемоданы, точнее, буквально выкинули меня с багажом на перрон. Дальше я действовала так: брала один чемодан, переносила его на пять шагов, потом возвращалась, брала следующий и тащила его

¹ Статья 190-1 УК РСФСР – «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». С момента введения стала одним из двух основных (наряду со ст. 70 УК РСФСР) инструментов уголовного преследования инакомыслящих, однако намеренно не была отнесена к «политическим» статьям УК, и отбывание наказания по этой статье происходило не в политических, а в обычных уголовных лагерях.

до места, куда перенесла первый. Вот так я добралась до камеры хранения. Оставила вещи там, и пошла компостировать билет. В точности также я донесла эти вещи от камеры хранения до поезда, который шёл в Чуну, где уже меня должны были встретить.

Доехала до Чуны, вышла, мои тюки выкинули на перрон, а там никого нет. Пришлось опять, тем же способом по пять шагов, добираться до камеры хранения. Там я оставила все тюки и отправилась по адресу, который у меня, к счастью, был. Чуна, слава Богу, оказалась невелика, и нужный адрес нашла легко. Там стоял крепкий дом, за крепкой изгородью. Я стала колотить в ворота кулаком, потом уже каблуком – никто не открывает. А так как это продолжалось достаточно долго, то со всей Чуны сбегались собаки, штук пятнадцать, которые окружили меня и лаяли. Похожи они были на волков: лохматые и злющие. Наконец, вижу, кто-то идёт. Вышел дядя за дровами, услышал меня, и открыл ворота. А я уже не меньше, чем полчаса там стояла, замёрзла, как зверь, и, главное, надрожалась из-за собак!

Короче, они ждали меня на следующий день. Ларка перепутала. Ой, а мы, говорит, готовимся, ждём, обсуждаем какие пироги печь! Я их, конечно, легко простила.

Ларка снимала такой угол: полог, за которым стояла кровать полутороспальная. И больше ничего не было. Гости должны были спать вместе с хозяйкой на этой кровати. Как раз, когда я там была, выяснилось, что вот этих тётю и дядю, хозяев дома, кто-то вызывал и велел за Ларой следить. Они, конечно, были напуганы, ходили, отчитывались. В общем, было понятно, что оставаться в этом доме нельзя. Они хорошие люди, но просто очень боялись. И я решила, что снимать нужно целый дом. Однако из разговоров с дядей Женей, хозяином дома, и другими жителями выяснила, что это невозможно. Понятия «снимать» тут просто не знали. Дом можно только купить. Мне сказали, что несколько домов в Чуне продаются, и дали адреса. Мороз – градусов 45. А у меня были такие французские сапоги, очень красивые, но уж точно не на 45 градусов. Потому на меня надели валенки, полушубок дяди Жени, и я в таком вот виде, этакая кулёма, отправлялась по Чуне на осмотр продающихся домов. В итоге один из них присмотрела, с огородом, всё как полагается, по адресу, кажется, Ленина, 47. Домик хлипкий,

конечно, но ничего ещё. И у меня возникла такая вот коммерческая комбинация: ссылка же не на века, она кончится, мы домик продадим, а к тому времени кто-то другой в ссылке окажется, и можно будет ему домик купить! Сейчас вот, главное, на первый собрать. Потом другой отсидит, для следующего дом купим в ссылке.

– Да уж, пример исторического оптимизма...

– Я рассказала Ларке о своей идее, и ей очень понравилось. В общем, я присмотрела домик. Стоил он 1 700 рублей. Не так уж дорого. Но у меня, например, тогда зарплата была 95 рублей в месяц. То есть это был мой доход за полтора года. И я стала собирать в Москве деньги. Причём, надо было собрать в довольно короткий срок. Я там задаток какой-то маленький оставила, типа, рублей 50, и надо было срочно искать всю сумму. Если через два месяца за дом не уплачу, то задаток пропадает, и они могут продать дом кому-то другому.

Выручил какой-то незнакомый человек большой суммой в долг. Этого человека кто-то ко мне привёл. Я объяснила ему всё, как есть. Что нужна сразу большая сумма, чтобы дом не пропал. Сказала, что обязуюсь вернуть деньги через полгода, и сдержала своё слово – за полгода частями вернула. Он согласился дать деньги, но с условием, что я никому никогда не скажу, кто именно дал в долг. И я так прочно забыла, что теперь и вправду не помню, кто это был. Чей-то знакомый, не мой. Я, конечно, была несказанно благодарна этому незнакомому человеку и за доверие, и за помощь в нужный момент. Очень ценю, когда люди преодолевают страх. Да, очень многие боялись, боялись больше, чем надо. Все были очень запуганы. А вот такими людьми я восхищалась. Я же сама тоже боялась.

Наш круг был очень узок, но если бы не было людей, которые преодолевали свой страх, чтобы нам помочь, мы бы не удержались. Потому что мы на сочувствии огромного числа людей, как на подушках воздушных держались.

А идея покупки дома для следующего ссыльного вполне реализовалась. Когда у Ларки кончилась ссылка, этот дом в Чуне продали, и деньги реально пошли на какой-то ссыльный дом, но этим уже не я занималась. Я даже не помню, кому из ссыльных был куплен дом на эти деньги. Но он точно был куплен.

– Кажется, ещё Владимир Альбрехт какие-то деньги собирал на детей политзаключённых?

– Да, да, это было ещё до появления Фонда Солженицына. Кстати, Альбрехт¹ даже прозвище получил «Дед Мороз» за то, что помогал семьям с детьми, например, ёлки для детей устраивал. Он начал собирать деньги где-то в 1969 году. Как раз тогда он и ко мне приходил за консультациями о том, как это делается. Я ему, конечно, рассказала. Правда, не знаю, воспользовался он или нет. Кажется, он какой-то другой принцип положил в основу. Например, он устраивал на детских ёлках что-то типа благотворительного базара изделий, сделанных своими руками, а вырученные деньги шли в его детский фонд.

А ещё Альбрехт устраивал домашние концерты, и сборы с этих концертов тоже шли на детей. Но именно по этому поводу я несколько повздорила с ним.

Дело в том, что как раз в это время отовсюду выгнали бедного Галича². И вот Галич, который привык жить достаточно хорошо, т.к. он был и популярен и востребован, оказался совершенно на мели. А Володя Альбрехт, узнав об этом, пришёл к нему и говорит: «Давайте, я устрою вам концерт». Галич очень обрадовался, а Альбрехт поставил условие, что за организацию концерта половина всей выручки пойдёт на помощь детям политзаключённых. И Галич согласился. А что ему было делать? Он ведь не может бегать по всей Москве и концерты себе устраивать!

И вот на какой-то из этих домашних концертов, по-моему, это было в доме у Надежды Марковны Улановской³, пригласили и меня. Я тоже внесла деньги, «купила билет», так сказать, в общем, всё как полагается. И уже потом после концерта, по-моему, сам Альбрехт мне и сказал, что он берёт с Галича

¹ Альбрехт Владимир Янович (р.1933). Преподаватель, участник правозащитного и Еврейского эмиграционного движений, один из организаторов помощи семьям политзаключённых, «общественный юрисконсульт» инакомыслящих. Секретарь советской секции «Международной амнистии».

² Галич Александр Аркадьевич (1918-1977). Поэт, сценарист, драматург, автор и исполнитель собственных песен.

³ Улановская Надежда Марковна (1903-1986). Переводчица, разведчица, преподаватель английского языка. Автор мемуаров. Жена выдающегося секретного агента Александра Улановского. Узница сталинских лагерей. В 60-70-х её квартира была известным местом встреч диссидентов и правозащитников. Преследовалась властями за хранение и распространение самиздатовских материалов.

половину всей выручки в детский фонд. Я говорю: «Как половину? Вот вы получаете зарплату, вы платите с неё половину в свой детский фонд?» «Нет», – отвечает Володя. «А у Галича ведь это тоже деньги на жизнь. Почему с него половину берёте? Так нельзя!» – возмутилась я. Короче, спор наш кончился тем, что я через Льва Зиновьевича Копелева вышла на Галича (они жили рядом и общались) и сказала: «Давайте я буду устраивать Ваши концерты. И буду отдавать вам всю сумму. Если дадите что-то на политзаключённых – хорошо. А нет – так и не надо». Александр Аркадьевич очень обрадовался, и я стала его импресарио.

Между прочим, первый концерт я у себя дома устроила. У меня была тогда восемнадцатиметровая комната. Сколько в неё можно было поместить людей? Мне хотелось как можно больше, чтобы и он побольше денег заработал, и чтобы большому числу людей удовольствие доставить. Ведь концерт Галича – это очень весомое событие! Что мы сделали? Мы большую часть мебели, кроме тумб, что были по периметру комнаты, вынесли в маленькую (8,5 метров) комнату сына, всю её при этом забив мебелью. Здесь же поставили доски, опиравшиеся на кухонные табуретки, по периметру можно было сесть на тумбы, а перед досками положили матрац, на который могла сесть молодёжь. Самому Галичу поставили кресло около окна и бутылочку коньячку. Он любил так немного пить и петь, петь и пить. Я сказала: «Ребята не курите, потому что тяжело петь – очень тесная комната...» В общем, в мою восемнадцатиметровую комнату набилось 50 человек!

Да, а наш дом на улице Удальцова, где я и устроила тот самый концерт, был КГБшным домом. В большинстве квартир проживали сотрудники госбезопасности. В этот дом я переехала с Войковской. А в соседнем кооперативном доме от Академии наук жила дочь Софьи Васильевны Каллистратовой. И когда я ей сообщила: «Софья Васильевна, я меняюсь на улицу Удальцова в дом шесть». Она мне ответила: «Люда, ты с ума сошла! Это же КГБшный дом». Причём весь этот разговор по телефону был. А я ей сказала: «Софья Васильевна, Вера Фигнер¹ всегда снимала комнаты у жандармских полковников. Потому что к ним на квартиры никогда не приходили с обысками»....

¹ Фигнер Вера Николаевна (1852-1942), русская революционерка, член Исполкома «Народной воли», позднее эсерка.

Ну, ко мне всё же пришли. Это не помешало. И даже прослушку поставили.

Так вот в этом КГБшном доме, когда у нас шёл концерт, мы открыли окно, чтобы было чем дышать: всё-таки 50 человек в комнате. А кресло Галича стояло буквально под окном, и он гремел своей гитарой и голосом на всю улицу. И Коля меня спрашивает: «Не заявятся ли к нам с протестами наши соседи-КГБшники?» Я говорю: «Ну, заявятся, так попрём». Но никто не заявился. А через пару дней, я открыла окна проветрить и слышу: из какого-то окна несётся концерт Галича со всеми репликами, какие были у меня в квартире! То есть кто-то выставил быстренько магнитофон и записал весь концерт! Всё-таки мы жили в фантастической стране.

– Людмила Михайловна, Вы как-то участвовали в обсуждениях будущей «Хроники текущих событий»?

– Нет, я в этих разговорах совершенно не участвовала. И было забавно, когда шло расследование дела по «Хронике», то ко мне очень долго приставали на допросах с тем, участвовала ли я в совещании, на котором решили, что будет «Хроника». Такие показания якобы дали Якир и Красин. Но я-то как раз не была на этом совещании и упорно стояла на своём. В конце концов я уже рассердилась и говорю: «Слушайте, за всеми ведь велось оперативное наблюдение. Ну, проверьте по своим сводкам!» И, знаете, они от меня отстали. Действительно, наверное, проверили.

Вообще, надо сказать, в зарождающемся правозащитном движении руководителей не было. Но какая-то иерархия всё-таки была. Определённый круг людей считался не то чтобы лидерами, а они были какие-то более представительные что ли. И я в этот круг не входила. Трудно судить, как эти градации определялись, но какие-то признаки играли свою роль. Частично, это была родовая или биографическая известность. Почему был на слуху Петя Якир? Из-за папы¹. Почему быстро стал известен совсем молодой Паша Литвинов? У него – дедушка². У

¹ Якир Иона Эммануилович (1896-1937). Советский военный деятель, командарм, видный военачальник времён Гражданской войны, расстрелян в 1937. Отец Петра Якира.

² Литвинов Максим Максимович (1876-1951). Революционер, советский дипломат и государственный деятель. В 1930-1939 – нарком иностранных дел СССР, в 1941-1943 – посол СССР в США. Дед Павла Литвинова.

Лары Богораз был арестован муж, Юлик Даниэль. Я же вошла в круг известных участников правозащитного движения благодаря тому, что тесно подружилась с Ларой. В общем, я твёрдо знаю, что в круг «лидеров» я тогда не входила. И никогда к этому не стремилась.

Помню, как увидела «Хронику». Паша Литвинов принёс первый номер. И против всех правил конспирации сказал: «Смотри, что Наташка¹ сделала!» Я посмотрела, пришла в восторг и сказала: «Оставь мне, я перепечатаю». Он ответил: «Ну, конечно. Потому что у нас есть только столько экземпляров, сколько вошло у Наташи в первую закладку. Это тоже из неё». И я села печатать первый выпуск «Хроники».

Это было моё совершенно естественное волеизъявление. Потому что «Хроника» не была вымученным проектом. Для него абсолютно назрело время. Он родился из обстоятельств, стихийно и естественно, в самый срок. Ведь к этому времени мы через лагеря и разными другими способами стали обладать очень большим объёмом самой разнообразной информации, не доступной человеку, не входящему в этот круг, скрытой от общества. И те способы, которые существовали до сих пор, когда мы собирались компаниями, разговаривали или звонили друг другу по телефону, были уже явно недостаточными.

И, конечно, меня привело в восторг то, как это было сделано! Документальный стиль, который Наташа установила с первого же номера, настолько соответствовал назначению издания, настолько был изысканным и изящным, что сохранился до самого последнего выпуска бюллетеня, сколько бы редакторов не менялось. Андрей Дмитриевич Сахаров в своё время сказал: «Хроника» – это самое лучшее, что сделано правозащитниками». И я с ним согласна.

– Давайте вернёмся в май 1968 года. Вот Вы перепечатали этот самый первый выпуск. А что с ним дальше было?

– Один экземпляр я себе оставила, остальные обратно Паше Литвинову отдала. А последующие выпуски они уже приносили, зная, что я готова перепечатать. И, надо сказать, что первые номера «Хроники», я даже не по одной закладке печатала: они были короткие, и поэтому я радостно их щёлкала по две-три закладки. Какие-то после отдавала, какие-то сама

¹ Имеется ввиду Наталья Горбаневская.

распространяла. А когда выпуски стали уже по 100 страниц, то, конечно, одну закладку сделаешь и чувствуешь, что большую глыбу свернула с места.

– **А Вы сами какие-то номера «Хроники» редактировали?**

– Да. И вот как это получилось. Когда Наташу посадили, практически был готов одиннадцатый номер «Хроники», а материалы двенадцатого номера готовились. К Наташе пришли с обыском, перевернули весь дом. Как у нас было заведено, на обыск к ней кто-то из своих прибежал и сидел у неё. А когда в конце обыска Наташе предъявили ордер на арест и собрались её уводить, она, прощаясь, показала глазами на ящик письменного стола. Ребята открыли ящик, а там лежит практически готовая «Хроника»! Эти идиоты проверили всё, кроме ящика письменного стола, потому что никому не пришло в голову, что она держит бумаги не в грязном белье, а в письменном столе. Так, благодаря оплошности сыщиков, появилась на свет следующая «Хроника».

Когда мне её принесли, я ужасно возмущалась. Потому что выглядело это так, что... ну, сразу видно, что делали не специалисты! Ира Белгородская¹ мне не сказала, что участвовала в создании этого номера вместе с Ирой Якир². Я же ругалась и говорила: «Что среди нас не хватает профессиональных редакторов? Какие-то сапожники взялись за это дело? Что за безобразие такое?» Я и не знала, что это делала Ирка, потому не щадила её самолюбие и ругалась всякими словами.

Прошло какое-то время, звонит Ира Белгородская и говорит: «Слушай, приезжай сегодня к Ирке Якир в гости на Рязанский проспект». Я спросила адрес, уже понимая, раз говорят «приезжай», значит, не чай пить зовут. Захожу – сидят Ира Якир и Ира Белгородская (они дружили «не разлей вода»). Вот они мне и говорят: «Ты ругалась на двенадцатую «Хронику»? Вот ты тринадцатый выпуск и сделай. Ты же профессиональный редактор!» Я отвечаю: «Ну и правильно, что отругала. Не обижайтесь, но ведь плохо же сделано было. Это же уметь надо». В общем, мы сели, они мне отдали всё, что они подобрали к

¹ Белгородская Ирина Михайловна (р. 1938). Инженер. Политзаключённая. Участница подписантских кампаний.

² Якир Ирина Петровна (1948-1999). Правозащитница, редактор «Хроники текущих событий». Дочь Петра Якира, жена Юлия Кима.

этой «Хронике», и стали мы редактировать. Материалов было жидковато, потому «Хроника» получилась небольшая. И времени было мало – всего один вечер.

Но посидеть над материалами пришлось капитально. Уехала только в шесть утра. А так как у них не было телефона, то домой не позвонила. В результате, когда приехала домой, Коля открыл дверь и сказал: «Убить тебя мало!» Он думал, что меня арестовали, раз не явилась домой и не позвонила.

И ещё с «Хроникой» примерно в это же время была связана одна драматическая история. Уже были арестованы Якир и Красин, и от них стали приходиться письма¹. Одно письмо Андрею Дмитриевичу, потом письмо Юлику Киму². Они писали, что вы должны разоружиться, давать показания, что за каждую следующую «Хронику» будут сажать, причём не обязательно тех, кто её делал, а кого-нибудь «брать в заложники». Я помню, что тогда на квартире Якира, на Автозаводской, собралась большая компания, где-то человек двенадцать, обсуждали: что делать? Кто-то говорил: «Надо бросить, раз такое дело. Мы не можем ставить под угрозу других». Другие отвечали: «Надо наплевать на эти угрозы и делать дальше». В общем, мы, конечно, большие конспираторы, потому что квартира эта прослушивалась! А мы оралли как сумасшедшие, спорили, гвалт стоял невообразимый. Это было осенью 1973 года.

– Людмила Михайловна, по каким делам Вас вызывали?

– По делу о «Хронике» вызывали. Вначале стали вызывать в Лефортово. Выписывали пропуск, и надо было пройти через какие-то такие ворота. Это, видимо, для психологического давления делалось: заходишь в ворота, и там другая жизнь начинается.

¹ Высшее партийное руководство придавало огромное значение делу П. Якира и В. Красина. Оно, по замыслу КГБ, должно было развалить гражданскую оппозицию в СССР. С этой целью через подследственных на волю передавались предложения прекратить правозащитную активность. Так, в ноябре 1972, на очной ставке с дочерью, Якир заявил, что каждый следующий выпуск «Хроники» повлечет за собой новые аресты, причём не обязательно тех, кто был к этому выпуску причастен. В апреле 1973 А.Д. Сахарову было доставлено письмо П. Якира из тюрьмы, в котором он призывал признать поражение «демократического движения» в СССР и обсудить с властями условия «почетной капитуляции».

² Ким Юлий Черсанович (р.1936). Поэт, драматург. Один из классиков жанра авторской песни. В 1970-1971 годах – активный участник издания «Хроники текущих событий».

Да, к этому времени у меня уже свой кум¹ был. Кум у меня появился, ещё когда Толя Марченко освобождился, и его надо было прописывать. Так как ему нельзя было жить в Москве, он нелегально жил у меня на Удальцова. И когда кто-то приходил ко мне, то он заходил в Мишкину маленькую комнату, чтобы его никто не видел. Вот, в это время меня вызвали и первое, что сказали: «Ну, мы же знаем, что у вас Марченко живёт». Я, надо сказать, очень испугалась.

А потом арестовали Иру Белгородскую. Вот тут было тяжело. Ира попала на том, что дала печатать какой-то малоизвестной машинистке очередную «Хронику», и та её заложила. В общем, Ира стала давать показания, в том числе и про то, что мы троём изготовили тринадцатую «Хронику».

А меня, соответственно, снова стали вызывать на допросы. Говорят: «Вы делали тринадцатую «Хронику». Я отвечаю: «Ничего подобного». Они и так и сяк – не получается. И вот в очередной раз кум мне говорит: «Людмила Михайловна, вы можете Ирочке помочь. Моё вам честное слово, что мы её отпустим, если скажете нам, или даже не скажете, а можете по телефону позвонить, или написать, или как-то иначе, ну, в общем, сообщите: где делают «Хронику»?» Я отвечаю: «А я не знаю». И я, правда, не знала.

И вот вызывают в очередной раз. Спрашивают: «Вы делали тринадцатую «Хронику»?» «Нет», – отвечаю. А они говорят: «Ира сказала, что это было там-то и такого-то числа» Я отвечаю: «Это неправда». Они говорят: «Ира ваша подруга?» Я: «Да». – «Вы друг друга любите?» – «Да». – «Она на вас за что-то сердится?» – «Надеюсь, что нет». – «Но почему она тогда даёт такие показания?» Я говорю: «А какие показания она даёт?», «Ну, а если мы сделаем очную ставку?» – спрашивают. Я говорю: «Буду очень рада повидать подругу». Вот, в конце концов, они поговорили так со мной раза три. А я всё на своём стою.

И вот вызывают меня на очередной допрос и говорят: «Сейчас будет очная ставка с Ирой Белгородской». Я вхожу, Ирочка очень весёлая. Ей тоже хотелось меня повидать. Мы сразу кинулись обниматься, целоваться. Нам говорят, что нельзя, и развели по разные стороны стола. Её посадили с одной стороны, меня напротив, а сами сели у меня за спиной, чтобы я их не видела, и не стеснялась. Но я и не думала стесняться!

¹ «Кум» в данном контексте означает оперуполномоченный, следовательно, персональный куратор в КГБ.

Потому что ситуацию я себе представляла. Понимала, что они, конечно, всё знают, ведь в квартире Иры Якир явно была прослушка. И убедить их, что этого не было, не могу. Могу только не давать им подтверждений, которые им нужны, чтобы их знания превратились в документ. Ведь насколько я понимала, если там были трое, то двое должны подтвердить, а показаний одного недостаточно. В общем, я села к ним спиной, и Ира мне говорит: «Им можно всё рассказывать, они обещали, что никого не посадят». Я говорю: «Ирочка, как ты можешь верить этим крокодилам?» – И слышу: крокодилы за спиной зашевелились. – Ты же потом выйдешь, и будешь всю жизнь с этим жить. Я, конечно, понимаю, какое у тебя сейчас тяжёлое положение. И не осуждаю. Но как ты можешь им верить?»

Очная ставка продолжается. Они задают вопрос: «Ирина Михайловна, вы такого-то числа вместе с Людмилой Михайловной и Ириной Петровной изготавливали «Хронику» номер тринадцать?» Она отвечает: «Да». Задают вопрос мне: «Людмила Михайловна, вы такого-то числа вместе с Ириной Михайловной и Ириной Петровной изготавливали «Хронику» номер тринадцать?» Я отвечаю: «Нет». Вот так мы посидели. И должна сказать, что ни один мускул на моём лице не дрогнул. Уверена, что и на детекторе лжи у меня тоже бы ничего не дрогнуло. Потому как для того, чтобы врать им, мне никакого усилия делать над собой не приходилось. Моя совесть была абсолютно чиста. А самое главное, я ведь знала, что они всё знают. Поэтому, мне не надо было как-то ловчить. Надо было лишь твёрдо говорить «нет», что я и делала.

А позже они мне устроили очную ставку с Ирой Якир. И тут мы уже вместе сидели и говорили: «Нет, не было такого». Они просто из себя выходили! Но что они могли с нами сделать? Мы обе говорили, что не было, и их дело разваливалось.

Где-то осенью, кажется, в сентябре 1973 года, когда допросы уже прекратились, меня вновь вызвали. На работе я бывала редко, трудилась дома. В общем, они подкараулили меня и вызвали в первый отдел¹. Когда я пришла туда, то там сидел какой-то тип из КГБ, который сказал, что просит меня проехать с ним в его учреждение: молодой какой-то парень, не то лейтенант,

¹ Первый отдел – отдел в советских организациях, осуществляющий контроль за секретным делопроизводством, обеспечением режима секретности, сохранностью секретных документов.

не то капитан, в общем, не велика птица. Ну, мне ничего не оставалось, как сесть и поехать. Он посадил меня в чёрную «Волгу», как положено, и мы поехали с улицы Фрунзе на Лубянку. Пока мы ехали, я его без конца ругала: «Зачем вы меня с работы вызываете? Не могли из дому вызвать? Зачем это надо, чтобы первый отдел знал, что меня вызывают в КГБ на допрос?!» – «Людмила Михайловна, ну почему они обязательно должны думать, что на допрос? Может, вы у нас работаете?» Я крайне возмутилась: «Этого мне ещё не хватало!» Короче, я его всё ругала и ругала. А он, надо сказать, очень какой-то робкий был КГБшник: очень переживал, что я его ругаю, и прощения просил. Потом он меня привёл, я даже уже не помню толком в какое здание, кажется, в тот красивый особняк на Малой Лубянке, который буквой «П» стоит.

Этот молодой КГБшник хлопнул каблуками и ушёл. А какой-то другой их сотрудник, но не мой кум, сказал, что он зачитает мне предупреждение: на меня готово дело по статье 70 УК РСФСР¹. Я сказала, что должна ознакомиться внимательнее с бумагой. Он мне её дал, но с некоторой опаской. Я два раза прочла, с тем, чтобы дать текст в «Хронику» как можно точнее. Потом, задрвав нос, гордо отказалась подписать эту бумагу. В нашем кругу был такой обычай: не подписывать. Если бы такого обычая не было, я бы подписала, не сообразила бы. А тут помогает: когда есть обычай, то уже знаешь, как себя вести. И вот, я гордо отказалась подписать, быстренько удалилась оттуда и написала всё для «Хроники», пока не забыла.

– В своих мемуарах Сергей Адамович Ковалёв вспоминает некий эпизод, когда Вы тоже редактировали и одновременно перепечатывали «Хронику». Но это был уже где-то 1973-1974 год, незадолго до его ареста.

– Эта история началась весной 1974 года. Лара Богораз мне говорит: «Знаешь, решили возобновить «Хронику». Скоро объявят об этом. Она мне как бы заранее сказала. Я пришла в неописуемый восторг и говорю, что хочу печатать. Это же, как говорится, моя должность – первая закладка. А она отвечает:

¹ Статья 70 УК РСФСР – «Антисоветская агитация и пропаганда». Санкции по статье – лишение свободы на срок до 7 лет. До 1966 служила основным уголовно-правовым инструментом для преследования инакомыслящих. С 1966 (после введения ст. 190-1) по ст. 70 стали караться наиболее опасные с точки зрения власти «антисоветские» проявления.

«Нет. Это я тебе говорю по большому секрету. Ты не будешь в этом участвовать, потому что решили полностью сменить состав, чтобы тех, кто уже «на крючке» по поводу «Хроники», чтобы их среди выпускающих не было». Я так разволновалась и огорчилась, что даже разревелась. И говорю, что же я виновата, что ли? Ведь отпали же от меня, ведь ничего же не было? Почему я не могу снова печатать? Вы говорите, что будут следить. А может, они как раз думают, что никто из старых этим заниматься не будет! Они дали предупреждение, и что, подумают, она идиотка опять за это браться. Они не будут за мной следить! Я считала, что именно я была очень хороша на первую закладку. Ведь я садилась за машинку и печатала до тех пор, пока не допечатаю: заболит спина, я на 10 минут лягу, а потом опять печатаю.

Лара как-то заколебалась, но сказала, что она должна это обсудить... И в первой после возобновления «Хронике», закладку делала не я. И не знаю, кто делал. Но уже потом я со злорадством думала, что, наверное, у них были проблемы. Может, было трудно найти человека, может, долго печатал. Потому что на следующую «Хронику», которая была спецвыпуском по проблемам крымских татар, они пришли ко мне, как миленькие. Эту «Хронику» надо было сделать к 18 мая. И, во-первых, она была толстая, а, во-вторых, она сплошь состояла из татарских имён и фамилий. Это с ума сойти можно!

К тому времени я со своим «ундервудом»¹ практически «прописалась» у Надежды Марковны, с которой очень подружилась. И вот прихожу к ней и говорю: «Можно я вечером приду печатать «Хронику»?» Она отвечает: «Никаких проблем». «Хронику» должен принести Саша Лавут² (теперь я знала, что именно он ее делает). Прихожу к назначенному времени, а Надежда Марковна мне спокойно так говорит: «Ты знаешь, у меня сегодня будут гости». Я говорю: «Как гости? Я же буду печатать сегодня «Хронику»!» – «Ну и что. Ты сядешь в этой комнате, а в другой будут гости». А мой «ундервуд» стучит как пулемёт или даже хуже. Я ей сообщаю это и спрашиваю: «Что делать?» Она

¹ Underwood (англ.) – печатная машинка, производившаяся с 1896 года. Стала первой популярной машинкой с фронтальным расположением рычажно-литерной корзины.

² Лавут Александр Павлович (р.1929). Математик. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. Многолетний участник издания «Хроники текущих событий».

отвечает: «Ничего. Мы там будем разговаривать. Кто же там будет слушать?»

И вот, с опозданием часа на полтора приходит Саша Лавут с толстой пачкой. Я говорю: «Боже мой! Ну, как же я это напечатаю! Ведь надо же к завтрашнему дню». На следующий день на два часа уже назначена пресс-конференция, а «Хроники» ещё нет. Он говорит: «Я буду помогать». И мы с ним печатали так: он сел около меня и читал мне все эти имена, а я со слуха печатала. Было очень жарко, мы открыли окно, и мой «ундервуд» стучал на все Красные ворота. А там собирались гости, и я их узнавала по голосам. Потом они, правда, очень радостно шумели, и я надеялась, что когда они разговаривают, то они эту машинку не слышат или делают вид, что не слышат. А когда кто-нибудь из них выходил в туалет, то я замолкала. Мы за это время быстренько делали очередную закладку, чтобы время потом не тратить: восемь папиросных страниц переложить копиркой – тоже работа. При этом Саша непрерывно курил, и к утру я была уже совершенно обессиленная. Но «Хронику» мы напечатали.

Опять просидела всю ночь. Но, правда, в тот раз я позвонила Коле и сказала, что останусь ночевать у Надежды Марковны. Он знал, зачем я к ней иду. Не думаю, что это была самая спокойная ночь в его жизни, но, по крайней мере, он знал, где я и что делаю. Утром, когда я вышла из комнаты, то ужасно нервничала, потому что не была уверена, что снаружи никто не стоит и не скажет: «Гражданка, пройдите обратно, откуда вы вышли». Ведь закладка осталась там – за ней должны были прийти. Но всё обошлось. И с этого момента, я уже больше не печатала «Хронику».

– Скажите, как и когда Вы приняли решение об эмиграции? Вас к этому подталкивали?

– Это было трудное решение. И с того времени, как впервые об этом заговорили, до момента отъезда, прошло несколько лет.

В 1973 меня опять начал дёргать кум, Владимир Павлович. Одно из наших свиданий я очень хорошо помню, потому что в этот день должен был кто-то из харьковчан уезжать в Израиль. Проводы устраивали у Воронелей¹. А Пашка Марченко, сын

¹ Воронель Александр Владимирович (р. 1931), Воронель Нина Абрамовна (р.1932). Друзья Ларисы Богораз и Юлия Даниэля по Харьковскому университету. В 1965-1966 организовали публикационную поддержку А. Синявскому и Ю. Даниэлю.

Лары и Толи, был ещё совсем маленький, почти грудной. Но Лара очень хотела пойти на проводы, и я ей сказала, что побуду с Пашкой. Пришла ночевать к ней на Ленинский проспект. А накануне позвонил кум. Я ему тогда абсолютно не верила, жуки они все! Но уже потом, по прошествии времени, стала понимать, что кое-где он говорил правду. А я не верила ничему, что он говорил, как и положено. Так вот, в этот раз он мне сказал: «Людмила Михайловна, я сейчас с вами спокойно говорю по телефону, потому что отключил прослушку. Хотел бы с вами встретиться не у меня в кабинете, а в нейтральном месте, потому что у меня к вам конфиденциальный разговор. Знаете, где Боткинская больница? Там есть ворота с улицы. Завтра возле этих ворот буду вас ждать». Отвечаю: «Хорошо».

Я считала, что Ларка придёт где-нибудь к часу ночи. Потому уложила Пашу и сама, даже не раздеваясь, прикорнула на диване. Думала, она придёт – сразу же уйду. А она пришла только утром, когда уже поезда метро начали ходить, и разбудила меня. Я вскочила: «Ой, мне же к куму надо». Короче, помятая, так как в платье спала, зубной щётки с собой нет, да ещё влопыхах пояс от платья не нашла. Так и помчалась в эту самую Боткинскую больницу. На улице весна, сирень цветёт, птички поют, а я с кумом встречаюсь в Боткинской больнице! Сели мы на лавочку под цветущую сирень. А он такой импозантный мужчина: всегда хорошо одет, носки в тон костюму, галстук хорошо подобран, чисто выбрит. А я сижу мятая с нечищеными зубами и в платье без пояса.

И он мне говорит: «Людмила Михайловна, я к вам очень хорошо отношусь. Но вы неправильно себя ведёте. У нас было совещание в Лефортово, и мы решили, что крови не жаждем, никого не собираемся сажать, но нам только нужны гарантии. Вот вы не хотите давать показания на других. И я уважаю вашу позицию. Но вот, посмотрите». И показывает мне листочек.

В общем, это была записка Юры Шихановича¹. Не к кому-то, а вообще. Он мне показывает и спрашивает: «Вам знаком этот почерк?» А у Шихановича был очень запоминающийся почерк, готический такой. Я посмотрела и, поскольку, это был не допрос, и там ничего записать было нельзя, ответила: «Не помню». Обычно, когда на допросах начинали спрашивать про

¹ Шиханович Юрий Александрович (1933-2011). Математик, педагог, редактор. Распространитель самиздата, с начала 1970-х – участник выпуска «Хроники текущих событий». Политзаключённый.

других людей, я говорила: «Отказываюсь отвечать по этическим соображениям».

Он говорит: «Ну, прочтите содержание записки». Я прочла. Юра там писал, что, дескать, в таком-то документе порочится всё самое святое, что у нас есть: Коммунистическая партия. И потому я обязуюсь больше никогда такого не делать и т.д. И вот мой кум говорит: «Вот если бы вы написали что-то подобное, нам этого было бы достаточно, чтобы мы просто закрыли ваше дело. А так вы просто идёте на арест. Если хотите, не отвечайте сразу, подумайте, посоветуйтесь с мужем, поговорите с друзьями. Если надумаете и что-то подобное напишете, то мы ваше дело закроем».

Я снова прочла эту записочку, потому что мне надо было в «Хронику» сообщить как можно точнее всё, что в ней написано, и говорю ему: «Владимир Павлович, спасибо, что объяснили моё положение. И спасибо вам, что вы мне даёте такую возможность – закрыть дело. И я вам со своей стороны самым твёрдым образом обещаю: как только я почувствую, что Коммунистическая партия стала для меня самым святым, я тут же вам об этом сообщу». Он просто покотился от хохоту, мой кум.

А я так и не почувствовала, что КПСС для меня самое святое, потому он не получил от меня записочку. И на этом всё кончилось. Думаю, с этого момента Владимир Павлович стал вести меня на эмиграцию.

– Тем не менее, несколько лет потребовалось, чтобы уехать...

– Нас бы отпустили раньше! Это же я сама упиралась. Разговор с кумом был в середине 1973, когда всю шли допросы. А уже с осени того же года, когда Якир и Красин стали давать показания, Коля заладил: «Лагерь – не место для женщины. Лагерь – не место для женщины». Я засыпала и просыпалась под эту фразу. «Мы должны уехать», – говорил он. И на то, чтобы я это поняла, ушло целых четыре года: мы уехали 22 февраля 1977 года.

– Людмила Михайловна, а как получилось, что меньше чем за год до отъезда (ведь уже было ясно, что всё-таки уедете) Вы стали членом Московской Хельсинкской группы?

– Юра Орлов хотел организовать Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР¹ так, чтобы в неё вошли опытные люди. Он ничего не изобретал, он просто концентрировал наши усилия. В группу вошли люди (Пётр Григоренко, Александр Гинзбург, Елена Боннэр² и прочие), уже много лет участвующие в правозащитном движении. Он как бы придал новый ракурс движению за права человека, дав возможность западным политикам конкретизировать требования к Советскому Союзу по соблюдению прав человека.

Он предложил мне войти в Группу. Я ответила ему, что, безусловно, готова вступить, но моё участие может оказаться недолгим, поскольку моя семья собирается эмигрировать. На что Юра ответил, что Группе понадобится представитель за границей.

Мы ограничили свою активность гуманитарными статьями соглашений: стали собирать информацию о нарушении этих статей внутри страны, составлять отчёты, знакомить с ними западную общественность и стараться доводить информацию до правительств стран-партнёров, подписавших Заключительный акт.

С моим вступлением в Группу, наша семья оказалась совершенно лишена частной жизни. Квартира круглосуточно прослушивалась. Бесконечно приходили какие-то иностранные корреспонденты и ходоки из разных городов страны. Пресс-конференции Хельсинкской группы часто проводились в большой комнате нашей квартиры. В общем, жили как на сцене.

– Скажите, а что задерживало отъезд? Ведь жить под постоянным «прицелом», наверное, просто невозможно?

– Знаете, мне не то, чтобы ужасно не хотелось уезжать, я просто безумно боялась. Сейчас это даже представить невозможно, но я боялась эмиграции гораздо больше, чем ареста. Я вот как рас-

¹ 1 августа 1975 года СССР, США и ещё 33 страны в Хельсинки подписали Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот акт подтверждал признание послевоенных границ в Европе и призывал к разоружению, укреплению экономического сотрудничества, свободному обмену информацией и большему уважению прав человека. Полный текст документа был опубликован во всех центральных советских газетах. Это был первый международный документ, в котором вопрос о правах человека рассматривался в контексте сохранения мира и стабильности.

² Боннэр Елена Георгиевна (1923-2011). Врач-педиатр, литератор, общественный деятель. Жена и соратник А.Д. Сахарова. Член Московской Хельсинкской группы, основатель Фонда помощи детям политзаключенных.

суждала: «А кто не сидел? Все сидели! И ничего, выдюжили. А там непонятно что! Как я туда поеду? Что я там буду делать? Что это за мир? Я его совсем не знаю». В общем, не хотела ехать. А Коля, наоборот, именно это считал единственно возможным вариантом, и убедил сына Мишу, который стал ему вторить. Мишка очень хотел уехать, потому что у него собственная судьба не складывалась из-за мамани. И он понимал, что не сложится никогда. Кто же знал, что всё это рухнет? Толя с Ларой тоже говорили: «Ехала бы ты, голубушка». И все вокруг говорили: «Надо ехать». А я отвечала: «Ну, хорошо, но вы сами-то здесь остаётесь? А я ехать должна?» Боялась я, да и часть моих родных оставались в Москве: мама, старший сын Серёжа с семьёй. Представить, что я больше никогда их не увижу, было просто невыносимо!

Но как говорится «человек предполагает, а Бог располагает». То, чего я боялась, оказалось во благо и мне, и моим детям. Оказалось, что это совсем не страшно, что жить там можно, и дело себе по душе найти можно – полезное и заслуживающее усилий¹.

г. Москва

НАЗОВИТЕ МЕНЯ НЕВЕСТОЙ!

Интервью с Ариной Жолковской (Гинзбург).

Арина Сергеевна Жолковская (Гинзбург) – филолог, журналист. Родилась в 1937 году. С конца 1960-х – одна из ключевых фигур в организации общественной помощи политическим заключенным и их семьям. В 1977-1980 – распорядитель Фон-

¹ В 1977-1984 годах, будучи представителем МХГ за рубежом, Людмила Алексеева подготовила полное издание документов группы, а также выпустила сборник по делу Юрия Орлова. Была консультантом различных международных правозащитных организаций, таких как «Human Rights Watch Helsinki» и «Free Trade Union Institute». С 1977 вела правозащитные программы на радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода», печаталась в газетах «Новое русское слово», «Русская мысль», в журналах «Новый американец», «Континент», «СССР. Внутренние противоречия», а также в английской и американской прессе.

С 1977 по 1984 годы работала над обширной монографией «История инакомыслия в СССР. Новейший период». Эта книга стала первым и до сей поры самым полным историческим исследованием на данную тему. Монография была переведена на английский язык. В России эта книга была издана лишь в 1992 году.

да помощи политическим заключенным и их семьям. Жена Александра Гинзбурга.

– **Арина Сергеевна, расскажите, как Вы оказались в кругу диссидентов?**

– Я попала в диссидентское движение немножко необычно: как попадали те, кто невольно должен был оказаться там, когда арестовывали мужа, брата, кого-то из друзей. Были люди, которые начинали какую-то деятельность в соответствии с собственными убеждениями и становились частью диссидентства. Вот, например, мой муж Алик Гинзбург¹.

*Арина Гинзбург (Жолковская).
Август 1969 г.*

Мы познакомились с Аликом между его первой и второй посадкой. Первый раз его посадили совсем молодым: ему было всего 23 года. Он выпускал неподцензурный сборник стихов «Синтаксис»², за него и был арестован. Освободился Алик в 1962. И вскоре мы с ним познакомились. В эти годы он кем только не работал: и токарем, и осветителем на телевидении, и рабочим в Литературном музее. Пытался организовать просмотр французского кино в одном из Домов культуры. А в 67-м году, в январе, мы должны были пожениться.

¹ Гинзбург Александр Ильич (1936-2002). Журналист, общественный деятель, политзаключенный. Основатель жанра диссидентской самиздатской периодики и документальных сборников, посвященных политическим преследованиям. Центральная фигура на «процессе четырех» — одном из самых громких политических процессов 1960-х. Первый распорядитель Фонда помощи политзаключенным и их семьям. Член Московской Хельсинкской группы.

² «Синтаксис» — самиздатский машинописный журнал. В 1959-1960 годах вышло три номера, тираж достигал 300 экз. Сборник состоял почти исключительно из стихов московских и ленинградских поэтов, публикация которых встречала препятствия со стороны цензуры. «Синтаксис» являлся первым самиздатским проектом, который вызвал значительный резонанс в кругах творческой интеллигенции. Это был также первый неподцензурный журнал, в котором указывались имя и адрес составителя. Во время работы над очередным номером «Синтаксиса» А. Гинзбург был арестован по сфабрикованному уголовному обвинению.

За пять дней до нашей свадьбы, 23 января, его арестовали за составление «Белой книги» – сборника материалов и документов по делу А. Синявского и Ю. Даниэля¹. «Белая книга» была не только составлена, но и разослана в официальные советские инстанции, передана некоторым деятелям культуры и опубликована за границей.

Должна сказать, что я до сих пор не понимаю: как это вообще можно было сделать. Собрать документы, систематизировать... И сделано это было, во-первых, очень быстро, во-вторых, профессионально и, в-третьих, ни один человек не знал о его работе в целом. То есть знали, конечно, что он интересуется процессом. Записывали процесс жены писателей – Лариса Богораз² и Мария Розанова³. Кроме того, ходили открытые письма в защиту писателей. Но вот западная пресса... До сих пор удивляюсь: как можно было в те годы в Советском Союзе собрать западную прессу, найти людей, которые тебе переведут статьи и совершенно никого не засветить! До сих пор неизвестно, кто это делал. Не так давно, уже перед смертью, я у него спросила: «Слушай, ну кто же все-таки это переводил?» Он ответил: «Ну, какая разница, уже все так давно было, не стоит об этом даже и говорить».

Так вот, возвращаясь к аресту: это произошло за пять дней до нашей свадьбы. И я попробовала сразу же ходатайствовать о том, чтобы нашу регистрацию провели в тюрьме, потому что я понимала: статус жены даст мне те права, которых в иной ситуации просто не будет⁴. Ну и они, конечно, тоже не дураки!

¹ «Дело Синявского и Даниэля» – судебный процесс двух литераторов, Андрея Синявского и Юлиа Даниэля, обвиненных в публикации под псевдонимами «антисоветских» произведений за границей. Делу был придан публичный характер, в советской печати началась пропагандистская кампания против обоих писателей. Процесс проходил в феврале 1966. Обвинительный приговор (7 лет лагеря Синявскому и 5 лет Даниэлю) произвел шокирующее впечатление на мировое общественное мнение. В СССР он вызвал первую открытую петиционную кампанию в защиту осужденных; дело Синявского и Даниэля дало решающий импульс к возникновению советского правозащитного движения. Материалы, связанные с этим делом, вошли в составленный А. Гинзбургом документальный сборник, который был издан за рубежом под названием «Белая книга».

² Богораз Лариса Иосифовна (1929-2004). Филолог, общественный деятель. Одна из авторов обращения «К мировой общественности». Участница «демонстрации семерых» манифестации протеста на Красной площади в Москве 25.08.1968. Жена Ю. Даниэля.

³ Розанова Мария Васильевна (р.1930). Искусствовед. Жена А. Синявского.

⁴ Речь идёт о том, что свидания (как личные, так и общие) были разрешены только с родственниками.

Они прекрасно понимали, что им это совершенно невыгодно, и начали морочить голову вначале мне, а потом уже и адвокату – замечательнейшему человеку Борису Золотухину¹: изолятор – это и есть изолятор, специальный режим, вот приедет ваш жених в лагерь, тогда ради Бога.

Мы им, конечно, не поверили, ну, а что сделаешь, если говорят «нет». Решили ждать. Борис Андреевич по просьбе Алика сыграл со мной такую шутку: он долго меня уговаривал, чтобы я отказалась от идеи замужества, потому что будет плохо во всех отношениях. А я работала в это время преподавателем Московского университета со студентами-иностранцами. Закончила филфак МГУ, и вот работала с иностранцами. И от меня на работе тоже требовали, чтобы я покаялась, отказалась. Они сказали прямо, что у советского преподавателя два лица: одно – профессиональное, другое – политическое. С точки зрения профессионального лица, их все устраивает, а вот с точки зрения политического, они считают, что меня нельзя выпускать к иностранцам. Потому что лицо выглядит не так, как надо. И в результате с кафедры меня всё-таки выгнали, поскольку я отказалась отречься от Алика. Они меня провели через три Ученых совета: сначала кафедры, потом факультета, потом всего университета. Последний, впрочем, был очень доброжелателен. В ученом совете Московского университета заседали крупные профессора, они-то много, конечно, знали о ситуации в стране, потому были ко мне благосклонны, но все равно с работы убрали. Слава Богу, что не выгнали совсем из университета, а перевели в «подвал» – в хранилище библиотеки.

Я же упорно продолжала добиваться того, чтобы нас зарегистрировали. И вот тут-то, когда меня уже перевели работать в книгохранилище, Борис Андреевич стал меня уговаривать отказаться от идеи регистрации брака с Аликом. Когда же я сказала, что все это ерунда, то он засмеялся и сказал: «Ну, слава Богу! Я свою миссию выполнил. Я Алику пообещал, что попробую вас уговорить».

¹ Золотухин Борис Андреевич (р.1930). Юрист, правозащитник, политический деятель. Его имя получило известность в диссидентских кругах после выступления на «процессе четырех», в качестве адвоката А. Гинзбурга. Впервые в истории «показательных» судов, слушающих дело по обвинению в «антисоветской агитации», потребовал полного оправдания своего подзащитного.

– А как реагировали на это Ваши родители?

– Мои родители требовали, чтобы я отказалась от замужества. Я же стояла на своём. И тогда моя семья от меня «отказалась». Они сказали, что я их всех под удар ставлю. Я же продолжала писать бесконечные письма и заявления в Прокуратуру, в КГБ и иные инстанции о том, что я настаиваю на регистрации брака с Аликом. Меня поддерживала близкая подруга – Наташа Светлова¹, будущая Солженицына. Мы вместе с ней писали у них на кухне. А поскольку я преподаватель по профессии, и привыкла писать на доске, то почерк у меня был очень четкий. И Наташа говорила: «Ну, вот они, наверное, смотрят и думают: какая-то деревенская дурочка, которая пишет таким квадратным почерком. А этот вертопрах московский ее соблазнил, а теперь жениться не хочет». И мы смеялись.

– Сам Александр тоже что-то делал, чтобы вы смогли пожениться?

– Да, рассказываю. Алика, тем временем, после приговора суда² отправили в лагерь. Их вместе с Юрой Галансковым³, его подельником по «процессу четырёх»⁴, отправили в лагерь, в котором уже сидели Юлий Даниэль⁵ и Валерий Ронкин⁶. Это политический лагерь в Мордовии под названием «Озерный». Его ещё называли «гадюшником», так как туда отправляли самых «отъявленных» политических. Тогда уголовников в этом лагере было мало: в основном те,

¹ Солженицына (Светлова) Наталья Дмитриевна (р.1939). Математик, общественный деятель. Жена А.И. Солженицына. Руководитель Фонда помощи политзаключённым и их семьям (Фонда Солженицына).

² Александр Гинзбург был признан виновным по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») и приговорен к 5 годам лишения свободы.

³ Галансков Юрий Тимофеевич (1939-1972). Поэт, публицист, составитель самиздатских альманахов. Один из подсудимых на «процессе четырех». Первый диссидент, погибший в лагерях брежневской эпохи.

⁴ «Процесс четырех» – суд над Ю. Галансковым (центральный пункт обвинения – составление альманаха «Феникс» – 1966), А. Гинзбургом (составление и публикация за границей «Белой книги»), А. Добровольским (авторство одного из текстов, помещенных в «Фениксе» – 1966) и В. Лашковой (перепечатка обоих сборников). Суд состоялся в январе 1968. Подсудимые обвинялись по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

⁵ Даниэль Юлий Маркович (1925-1988). Переводчик, прозаик, поэт. Политзаключённый. Дело писателей А. Синявского и Ю. Даниэля дало решающий импульс к возникновению советского правозащитного движения.

⁶ Ронкин Валерий Ефимович (1936-2010). Инженер-химик. Основатель и лидер подпольной марксистской группы «Лига коммунаров» (группа журнала «Колокол»). Политзаключённый.

которые из уголовной зоны стремились попасть в политическую – что-то такое специально сделали, чтобы попасть под политическую статью.

Так вот, там сошлась совершенно замечательная компания: литовцы, латыши, украинцы¹. Валера Ронкин и Сергей Мошков² – это «колокольчики» из Ленинграда. Юлик Даниэль, Алик, Юра Галансков. Ну, и время было такое относительно, как говорят, вегетарианское. Мы им посылали книжки, журналы, кучу открыток. Интенсивность переписки была невероятная! Все эти письма у меня сохранились. И ещё у меня осталась такая толстая тетрадь: я в неё записывала, когда отправляла письмо и что в нём, потому что письма время от времени пропадали (в смысле их изымали). Можно сказать, что это были счастливые времена: мы могли им писать сколько угодно. Но заключенных, конечно, ограничивали, я уже стала забывать, кажется, раз в две недели они могли отправлять письмо.

В общем, привезли Гинзбурга туда. Даниэль увидел его и Галанскова, и воскликнул: «Господи! Детей сажать стали». Они, действительно, оба очень молодо выглядели. Им было под тридцать, но выглядели, как совершеннейшие пацанята.

...И вот мы приехали на первое свидание. Свидания были общие и личные. На первое общее свидание мы приехали с мамой Алика, с родителями и женой Юры Галанскова. И меня не пустили, сказав, что никаких прав на свидание вы не имеете. Даже более того, они мне сказали: «Вот если бы вы проживали вместе...» Я и говорю: «Ну, как же, проживали, и у нас было совместное хозяйство». Это меня адвокаты научили очень важной формулировке: совместное проживание и хозяйство. На самом деле было, конечно, не так, мы вместе не проживали. Они же мне говорят: «Если вы вместе проживали, могли бы и справочку, между прочим, взять». Я потом ходила, какие-то справочки у соседок брала, что мы якобы жили вместе. Но свидания с Аликом всё равно не разрешали, никак. И так продолжалось довольно долго: 1967, 1968 год... Кроме того, меня прогнали и из университетской библиотеки.

И тогда решил действовать Алик. Он объявил голодовку протеста с требованием, чтобы нас зарегистрировали. Голодовка началась в июне 1969-го года. Он договорился с друзьями,

¹ Имеются в виду политзаключённые – участники национально-освободительных движений в республиках бывшего СССР.

² Мошков Сергей Николаевич (р.1939). Активист подпольной марксистской группы «Лига коммунаров» (группа журнала «Колокол»). Политзаключенный.

что каждый день, начиная с третьего дня его голодовки, по одному к нему будут присоединяться всё новые и новые люди, и голодовка станет групповой. Те же, кто не мог по состоянию здоровья голодать, например, Юлик Даниэль, они ежедневно забрасывали администрацию этого лагеря и всего Дубровлага¹ письмами и заявлениями о происходящем.

Об этой коллективной голодовке довольно быстро стало известно, о них стали передавать зарубежные радиостанции. В общем, довольно большой шум поднялся. И тогда меня стали вызывать на разговоры. Раньше, когда я приходила в соответствующую службу Управления лагерей, и говорила сидящему там мрачному майору: «Здравствуйте, вы меня помните? Я невеста Гинзбурга». Он поднимал голову, смотрел с презрением и отвечал что-то типа: «Умирать буду – не забуду». А тут они стали полюбезнее. В это время они ещё реагировали на то, что на западе писали и говорили о какой-то ситуации внутри страны.

И вот в какой-то момент нас с мамой Алика, Людмилой Ильичиной, вызвали в Прокуратуру, и попросили написать ему письмо с тем, чтобы он снял голодовку. «Если он снимет голодовку – тогда мы вам разрешим зарегистрироваться». Я же отвечала: «Не могу вам поверить. Вы много раз обещали и много раз обманывали. Вначале говорили, что в следственном изоляторе регистрироваться нельзя, можно в лагере. Когда же Алик оказался в лагере, то мне отвечали, дескать, раньше надо было думать, оформлять брак пока он был в тюрьме. Конечно, я могу прямо при вас написать Алику открытку, что нахожусь на приеме в Генеральной Прокуратуре, и мне обещают, что если ты снимешь голодовку, тогда они разрешат нам зарегистрировать брак». Пишите, говорят.

...Никакую открытку они, конечно, не послали, и Алик продолжал голодать. Мне кажется, что голодовка продолжалась около трех недель, или даже чуть ли не до тридцати дней. Где-то в это время, Алик написал стихотворение:

Она, безусловно, дороже Парижа,
Загадка, в сравнение легка и проста.
Он стоит обедни, а наша Ариша,
Великого стоит поста.

¹ Дубравлаг – Дубравное лагерное управление с центром в посёлке Явас Зубово-Полянского района Республики Мордовия. Представляет собой комплекс исправительных учреждений. Кодовое название – ЖХ-385. В 1960-1980 годах в состав Дубравлага входили колонии для осуждённых по «политическим» статьям.

Конечно, это был не Великий пост, в смысле – не так долго, но всё-таки достаточно. Алик к концу был ну абсолютно худой! Он никогда плотным не был, а тут уж совсем...

– И когда же кончилась голодовка?

– А кончилось всё совершенно неожиданно. Однажды вечером мне вдруг позвонили по телефону. Вообще, телефон, как правило, был отключен, но иногда, время от времени, почему-то они приходили и включали. Похожая ситуация была у Андрея Дмитриевича Сахарова¹, его домашний телефон в ссылке в Горьком, естественно, был отключён. Накануне исторического звонка Горбачева телефон «неожиданно» включили². И здесь вот тоже...

Мне сказали, что меня ждут в Главном управлении лагерей на Бронной, и что я должна подойти к генералу Кузнецову. Я пришла. Теперь они уже совсем не говорили всяких нелюбезностей, не кривили свои физиономии. Вели по каким-то коридорам, лестницам, переходам, и это продолжалось, мне казалось, неслыханное количество времени. Наконец, вводят в какой-то кабинет, где из-за стола встает такой... прям как у Галича, «представительный мужчина»³. Он, широко улыбаясь, протягивает мне руку и говорит: «Ну, поздравляю, вы своего добились». Просто так сказал, будто дочь замуж выдаёт.

Было принято решение о том, что нам разрешают зарегистрироваться в лагере 21-го августа 1969 года, то есть в годовщину вторжения советских войск в Чехословакию⁴. Они небезосновательно предполагали, что в этот день в лагере будет какая-то акция. Хотя точно не знали. К слову, Валера Ронкин как-то

¹ Сахаров Андрей Дмитриевич (1921-1989). Советский физик, академик АН СССР и политический деятель, диссидент и правозащитник, один из создателей советской водородной бомбы. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год.

² В 1980 году Сахаров был задержан и сослан вместе с женой Еленой Боннэр в г. Горький. 15 декабря 1986 года в его горьковской квартире неожиданно установили телефон (во время всей ссылки телефона у него не было), перед уходом сотрудник КГБ сказал: «Завтра вам позвонят». На следующий день действительно раздался звонок М.С. Горбачева, разрешившего Сахарову и Боннэр вернуться в Москву.

³ «И представительный мужчина тот протокол положит в стол...» – строчка из песни А.А. Галича «Счастье было так возможно».

⁴ 21 августа 1968 года начался ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию, положивший конец реформам Пражской весны. 25.08.1968 на Красной площади в Москве произошла диссидентская манифестация протеста против этого вторжения («Демонстрация семерых»).

замечательно сказал вохре: «Все равно вы нас не перехитрите. Ведь вы думаете лишь семь часов на работе и за деньги, а мы двадцать четыре часа и за удовольствие». В общем, они не знали, что будет, но боялись, что будет нечто дерзкое. Поэтому ровно на 21-е число назначили нашу регистрацию, велел мне представить кучу каких-то совершенно идиотских справок. Сказали, что бракосочетание состоится в поселке Озерный Мордовской АССР.

– Как же это было?

– Мы поехали туда с мамой Алика, которую обещали пустить на «церемонию». Еще с нами поехал в качестве сопровождающего Боря Шрагин¹. Борю, конечно, на само действие не пустили, он бегал под окнами и ужасно негодовал.

Вообще это было очень забавно. В каждой зоне существует так называемый «дом свиданий». Это тем более смешно стало, когда мы уехали во Францию, потому что «дом свиданий» в прямом переводе с французского языка означает «публичный дом». Так вот, «дом свиданий» находился практически в зоне. Проходишь вахту и там, у входа в зону, расположен этот домик. Маленький такой деревянный домик, в котором две комнаты. Да, а чуть отдельно ещё была отдельная комнатка, где обычно шмонают. Что-то типа красного уголка. И вот там как раз и происходила наша регистрация. А уже потом нас заводят в домик, запирают дверь, и мы оказываемся вот в этих двух комнатках. Из них вход в малюсенькую кухню и в сортир, который представляет из себя такое вот деревянное очко.

Меня на эту свадьбу собирала, ну, просто вся Москва! В смысле наш круг, который довольно широким уже к этому времени был: до того отдельные группки уже одним миром стали. Внутри огромной страны, такой страшной, у нас существовала какая-то своя страна. В этой стране были свои герои, свои правила чести, своя дружба. И вот меня собирали все: кто принёс баночку икры, кто испек пирожки, кто котлеты и пр. Тем более Алик мне написал, что ему обещали принять после свидания передачу (кажется, пять кило можно было). Мало того, что нам дадут трое суток личного свидания, но еще позволят взять с собой в зону передачу! Никогда в жизни они этого не разрешали политическим, а тут вот, значит – гулять, так гулять! В связи с

¹ Шрагин Борис Иосифович (1926-1990). Философ, искусствовед, публицист Самиздата, правозащитник, общественный деятель.

этим нам было перечислено, кто и что из наших в зоне любит: кто сыр рокфор, кто кофе какой-то особенный. Короче, собирали все. Мне же какое-то специальное белое платье соорудили, чтоб всё было по-человечески.

В общем, мы приволокли на себе огромные рюкзаки. А ведь ехать надо было о-го-го! Вначале садишься на Казанском вокзале и едешь до станции Потьма, страшной такой станции. На ней поезд в шесть утра оказывался. Потом нужно через пути перейти, а там мордовское такси. Там на станции всегда женщины такие были, закутанные от холода в трико и рейтузы ниже колена, в полосатые чёрно-белые платки, в тужурки какие-то. Они подбегали к поезду, который стоял там одну минутку. Подхватывали наши пожитки и бежали. Надо было бежать по путям, подлезая под поезд, что было очень опасно. Все на Потьме очень торопились, потому что в районе восьми уходила «кукушка», которая от Потьмы шла вдоль всех лагерей. Опоздать на нее нельзя было.

Потом нам нужно ехать еще до станции с названием Явас. И уже оттуда на грузовике добираться до «Озерного». Расстояние около 20 километров, но преодолеть его было непростым делом. Во-первых, надо какую-то машину найти. Автобус все время ломался. Так вот, мы туда ехали на грузовике, который вез уголь. Замечательный свадебный картеж: мы с кучей рюкзаков в машине с углем!

И вот приехали на место. В отведённой комнатке прошмонали наши огромные рюкзаки. И потом мне сообщили, что я должна пройти в красную комнату – Ленинский уголок, в который привели Гинзбурга. Когда Алика ввели, я чуть не упала от смеха. И вот почему. В лагере существовал такой порядок: когда человека выводили на личное свидание, его должны были переодеть. Потому что мало ли что он в швах мог спрятать... И для этой цели существовала одна форма на всех – среднего размера, поскольку были и высокие, и низкие, и толстые, и худые. Алик был невысокий и очень худой, и потому в этой форме смотрелся, ну очень комично. А так как это была тюремная форма, то и ремни, и пуговицы, и шнурки, естественно, на ней отсутствовали.

Так вот, значит, вошел человек в тюремной форме, а я в английском белом платье, которое мне специально подарили к свадьбе друзья. Он же одной рукой поддерживает брюки,

чтобы не упали, а другой на груди придерживает эту самую робу. Первый вопрос жениха невесте был: «У тебя нет английской булавки?» У меня, конечно, никакой английской булавки не было, потому так ему, бедному, и пришлось простоять всю церемонию. Но зато он принес, и это было очень трогательно, букет цветов.

– Но как он нашёл цветы в лагере?

– Нормальные ээки, чтобы как-то себя занять, летом выращивали цветы. Менты поощряли это занятие, потому что они перед 1 сентября их срезали, и их детки шли в школу с этими цветочками. Но поскольку на календаре было ещё 21-е августа, то цветочки ээки срезали сами. В общем, букет, который держал Алик, был просто замечательный – он был составлен из маленьких букетиков от разных групп: букетик от литовцев, букетик от латышей, букетик от украинцев и т.д. Так вот жених и явился, поддерживая руками жуткую одежду, но с роскошным букетом.

Регистрировала нас начальница специальной части, этакая страшная громадная баба с несколькими золотыми зубами. Когда она открывала пасть – было жутко. Присутствовали ещё какие-то люди: старший лейтенант – Кишка, начальник отряда, ещё кто-то... Они попробовали воспроизвести ритуал советского бракосочетания в ЗАГСе, что выглядело, конечно, безумно смешно. «Ваше место работы?» – спрашивают меня. А я хоть и была уже фактически уволена, но ещё формально числилась в МГУ. Потому отвечаю: «Сотрудник Московского университета в городе Москве». «Ваше постоянное место работы?» – спрашивают у Алика. Он отвечает: «ЖК-385, дробь 17». И вот так все дальше: «Ваша профессия?» – «Преподаватель». «Ваша профессия?» – «Швей-моторист»... Наконец, встала эта баба с золотыми зубами, она была очень растрогана всей этой историей, и сказала: «Пусть то чувство, которое привело вас сюда, останется с вами на всю жизнь». И тут мама Алика чуть не упала в обморок.

Тюремщики ещё не успели закончить регистрацию, как из-за забора стали раздаваться голоса, такие дружные мужские голоса. Лагерь, хоть не очень большой, но все-таки человек семьдесят, наверное, в нём было, а потому хором получалось достаточно громко. Они громко скандировали: «Горько, горько!» Алик очень оживился и говорит: «Горько!» кричат,

целоваться пора!» Мрачная женщина с золотыми зубами сказала: «Ждали долго, еще подождете». И продолжила «церемонию». А через какое-то время вдруг раздались звуки аккордеона. Кто-то очень красиво играл на аккордеоне, и весь лагерь дружно запел песню: «Из какого же вы из далёкого края прилетели сюда на ночлег, журавли?»¹ Это было, ну, совершенно невероятно: трогательно и красиво.

Наконец, они кончили всю формальную процедуру, нас с Аликом отпустили, и мы пошли в крохотную комнатку, где нам предстояло провести три дня. Алик меня предупредил: «Знаешь, у нас через час с чем-то будет одно мероприятие. Предыдущими постояльцами проверено, что в сортире, между деревянной дыркой и стенкой, есть место, чтобы поставить табуретку. И если на эту табуретку встать, то наверху через крошечную форточку-щель можно что-то на зоне видеть. Мы с ребятами договорились, ты встанешь на эту табуретку и высунешься (я буду тебя держать), а они все будут там стоять. И ты сможешь познакомиться с ними. Они на тебя посмотрят, а ты на них».

И действительно, у нас состоялся такой «сеанс связи». Мы, как следует, протёрли это запыленное окошечко, и я сквозь него смотрела. Как сейчас помню, стояли там все ребята. Юлик Даниэль был голый до пояса, загорелый (он очень легко загорал и старался всякую возможность использовать, чтобы позагорать), голову прикрыл красивой наполеоновской треуголкой из какой-то местной газеты. Они все кланялись, представлялись, прижимали руки к сердцу. Ну, и я соответственно тоже. Они каждый про себя кричали кто он, чтобы я могла узнать. Так вот это было. А затем ночью уже начали вохры стучаться и говорить: «Гинзбург, давай выносить будем!» Они знали, что им тоже перепадут кофе, чай, какие-то продукты. Выносили довольно много, потому что им пообещали. Да, а друзьям Алика выкатили ведро кофе, и весь лагерь гулял. Все торжествовали, так как это действительно была общая победа!

Мы пробыли в этом домишке три дня. На второй день там появились Гасюки, совершенно прелестная пара, Слава² и

¹ Песня на основе стихотворения А. Жемчужникова «Осенние журавли» (1871). С начала 1950-х получила широкое хождение в СССР «на ребрах» – кустарных пластинках из использованной рентгеновской фотопленки, которые делали подпольно и продавали на толкучках. Кроме того, возникли и «лагерные» варианты этой песни, в том числе «Журавли над Колымой».

² Гасюк Ярослав Михайлович (р. 1925).

Галя. Они были западные украинцы. У Славы это был второй срок. Первый раз он сидел за участие в освободительном движении на Западной Украине. А потом его сослали в Воркуту, к нему приехала жена, и вот они там жили, но и в Воркуте они продолжали что-то делать. Славу снова арестовали, новый срок. И вот Галя, прелестная такая женщина, приехала к нему на свидание. Она и говорит: «Весь лагерь живёт вашей свадьбой. Я вот иду в магазин, а там, на улице, дети играют в свадьбу». Обычно местные дети играли в лагерный конвой.

Когда я первый раз приехала в лагерь к Алику, то была потрясена тем, что увидела. Насмотревшись всяких фильмов, представляла себе что-то типа немецкого концлагеря. А это оказалась крошечная мордовская деревня домов на десять. Пыль по щиколотку, вокруг всё в пыли. Под заборами сидят какие-то голопузые и бесштаные дети. Свиньи чешутся об эти заборы. И вообще всё так жарко, пыльно и буднично, что даже не страшно. Никаких вышек, все какое-то покосившееся, деревянное. Так вот, Галя зашла в этой деревушке в магазин что-то купить и слышит: «У нас свадьба здесь, у нас свадьба». Для них это было событие, сравнимое с тем, как вот в Париж принцесса Диана приехала! И спрашивают Галя: «А невесту видели? А какая она? А что там сейчас происходит?»

...Когда наши трое суток подошли к концу, они пришли и говорят: «Пора, Гинзбург, собирайтесь». Я говорю: «Как? Вы же обещали еще пять килограмм продуктов взять?» «Да, давайте», – отвечают. У нас уже все было уложено. Мы выходим, они ставят это на весы, – знаете, такие старой формы весы были, – с другой стороны ставят гирию на пять килограмм, и весы перекашиваются. Конечно, там не пять килограмм было, а больше. И тут вдруг Галя, эта украинская темпераментная женщина, на них прямо таки набросилась: «Милый! Да свадьба же! Свадьба! Да неси же, неси же скорей! Свадьба же!» Они несколько опешили от такого натиска, и унесли все оставшиеся продукты в зону. Ну, слава Богу!

И вот, кончились наши три дня. Вечереет. Иду я по темнеющей дороге, навстречу какой-то мужичок маленький идет. «Здорово!» – говорит. Я отвечаю: «Здравствуйте». – «Ты меня не узнаешь? Я тебя шмонал». Я говорю: «Неужто я буду помнить, кто меня шмонал?!» А он говорит: «Да, ты что! Мы вечером,

когда была ваша свадьба, за тебя всю ночь на вахте пили. Вот, бабы бывают!» Он имел в виду, не конкретно меня, а то, что одни бабы бросают мужика в несчастье, а другие, наоборот, едут в зону выходить замуж.

– Ваш муж до конца срока находился в этом лагере?

– Вскоре после регистрации Гинзбург записал в лагере две магнитофонные пленки. Это известная история, вы её, конечно, знаете. Алику принесли чинить магнитофон, а в нем оказалась не серьёзная поломка, а всего лишь тараканы или клопы. Остальное все было в порядке. Алик почистил магнитофон и использовал его по назначению. Микрофон ему, конечно, не дали, но он что-то чуть-чуть переделал, и какая-то деталь стала работать как микрофон. Он записал две пленки: на одной Даниэль читал стихи латышского поэта Кнутса Скуениекса, которые были написаны в лагере, на другой было Обращение к мировой общественности. Плёнки передали на волю. Одна из них довольно быстро попала на «Голос Америки», и после следы ее затерялись. А вторая сохранилась в архиве «Мемориала», её хорошо реконструировали.

Так вот за эти плёнки Гинзбурга отправили из лагеря во Владимирскую тюрьму для ужесточения режима содержания. Оттуда он и освободился в 1972 году.

– Арина Сергеевна, расскажите, как Александр Гинзбург стал распорядителем общественного «Фонда помощи политическим заключенным и их семьям», созданного Александром Солженицыным?

– В Москве освободившимся политзэкам жить не разрешалось, надо было выбирать 101-й километр. И мы поселились в городке Таруса Калужской области. Власти долго сопротивлялись тому, чтобы мы осели именно там. Таруса была местом, где постоянно жили всякие неблагонадёжные. В общем, здесь был круг общения. Но, в конце концов, Алик их поборол. И мы до следующего ареста там жили. Но обо всём по порядку.

Приехали в Тарусу в январе 1973-го. Начали обживать. И вот однажды, уже где-то летом, Алик ушел на работу. Он устроился там работать электромехаником, поскольку имел к этому склонность (в лагере он был известен как «русский умелец

Гинзбург»). Возвращается вечером и говорит мне: «Сегодня приезжал Солженицын¹. Его на машине друзья привезли». А Солженицын тогда жил такой жизнью, что за ним особо тщательно следили. Потому его приезд в Тарусу был абсолютно секретен. Они с Аликом сидели где-то на тарусских просторах, в оврагах, и Солженицын сказал, что он закончил «Архипелаг ГУЛАГ». Книгу уже передали на Запад, но еще было непонятно, как скоро ее опубликуют. Но он сказал, что уже сейчас принял решение: за эту книгу он не возьмет ни копейки. Это, безусловно, уникальный случай в истории России, потому что «Архипелаг» был его главным произведением. А ведь у Солженицына была семья, в которой двое крошечных детей, и вот-вот должен появиться третий. И, конечно, ясно, что для семьи доход от публикации очень важен. Но решение принято: основная часть гонораров от публикации за рубежом «Архипелага ГУЛАГ» должна пойти в Общественный фонд помощи политзаключённым (позже Фонд был официально зарегистрирован в Швейцарии). Он сказал Алику, что его единственная забота сейчас – найти человека, который согласился бы быть распорядителем такого Фонда. И предложил Алику стать этим человеком. Алик, безусловно, понимал, что это следующий срок, но немедленно согласился. Сказал, что он готов, что это честь для него.

Мы продолжали жить в Тарусе. Где-то в конце лета рукопись «Архипелага» попала в руки госбезопасности. После того, как Александр Исаевич узнал об изъятии рукописи, он распорядился о том, чтобы рукопись, экземпляр которой уже был передан на Запад, начинали публиковать. В декабре 1973-го в парижском издательстве русской книги «ИМКА-Пресс» вышел первый том «Архипелага ГУЛАГ». Тогда же текст книги стал доступен в СССР, благодаря передачам зарубежных радиостанций. Книга произвела ошеломляющее впечатление. В феврале 1974 года Солженицына арестовали, предъявили обвинение в «измене родине» и выслали из страны.

Первого марта должна была уехать его жена, моя подруга Наташа. Видимо за время, прошедшее с ареста Александра

¹ Солженицын Александр Исаевич (1918-2008). Писатель, публицист. Автор нескольких романов и ряда публицистических статей, а также историко-публицистического исследования «Архипелаг ГУЛАГ». Основатель Общественного фонда помощи политическим заключенным и их семьям.

Исаевича и до отъезда Наташи, а это чуть меньше трёх недель, Алик о многом успел с ней договориться относительно будущего Фонда, но о начале его деятельности пока не объявляли. На Алика выписали генеральную доверенность на ведение всех дел после их отъезда. Ведь они уезжали, не забравши практически вообще ничего из своей квартиры. К слову, через несколько лет мы уезжали так же.

Мы вернулись из аэропорта, проводив Наташу, а в их квартире в ванной висят мокрые пеленки, стоит стол, на котором остались чашки после того, как утром мы все завтракали... У меня была просто истерика: были друзья – и нет друзей. В общем, Алик должен был проследить за тем, чтобы все оставленные вещи быстро раздать людям, которым это обещано. И, кстати, все это время гэбисты его не трогали, дали возможность всё развести. Конечно, ребята из нашего московского круга помогали. Мы убирались в квартире, а мужики развозили вещи людям. Управились, кажется, в течение всего двух дней.

Привели квартиру в нормальный вид, и тут вспомнили, что забыли замечательный приёмник, по которому слушали западные радиостанции, как там Солженицын приземлился, как его встретил Генрих Бёлль¹ и т.д. И, естественно, вернулись за приемником. И вот когда Алик вышел, его остановили и предъявили обвинение в том, что он покинул Тарусу без разрешения и что он не имеет права находиться в Москве. А уехал он, услышав по западному радио о том, что Солженицына арестовали и силой увезли. Алик рано утром, точнее даже ночью в четыре часа, вышел, и кружными путями через соседние деревни пешком добрался к первой электричке на Москву. Соседи потом сказали, что уже в шесть утра в Тарусе к нему в дом пришли, чтобы поставить охрану и его не выпускать. Но когда уже он жил у Солженицыных в Москве, тут его не трогали, хотя он действительно совершил формальное нарушение.

– А почему он всё это время жил у Солженицыных?

– Ну, потому что мы боялись, ведь там оставалась вся семья Александра Исаевича: жена Наташа, ее мама, трое крошечных детей и Наташин старший сын – Митя, которому было на тот момент лет 10. И Алик жил с ними всё это время, до их отъезда,

¹ Генрих Бёлль (1917-1985). Немецкий писатель (ФРГ), переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1972).

и всё это время Алика не трогали. Но когда мы вернулись за приёмником, его и схватили, сказав, что под конвоем отправляют в Тарусу, где он должен жить и не имеет права выезжать. Конечно, мы передали это Солженицыным на Запад. Да в это время западные корреспонденты были постоянно в курсе всего происходящего вокруг Солженицына, потому что они отлично понимали, в какой знаковой истории принимают участие.

У Алика договоренность с Солженицыными была такая, что пока его не трогают, о Фонде объявлять не надо, чтобы он успел хоть что-то сделать. И, действительно, все это время он тратил на то, чтобы составлять списки, потихонечку налаживать какие-то контакты и т.д. Ну, а тут Солженицын решил, что наступило время объявить. И он сделал заявление об учреждении Фонда, о том, что из средств Фонда будет оказываться помощь политзаключенным и их семьям, и что распорядителем этого Фонда будет Александр Гинзбург – подлинный и настоящий герой. Мы потом всё время над Аликом подшучивали: «Подлинный и настоящий, сходи за картошкой».

Вот так и началась деятельность Фонда.

– Как же удавалось организовать работу Фонда в ситуации запрета на такую деятельность, да ещё сам Александр Гинзбург находился под надзором в Тарусе?

– Это была замечательная, поразительная история. Как в своё время было поразительно то, что ему удалось сделать первый неподцензурный документальный сборник – «Белую книгу», так поразительно и это – организовать в Советском Союзе помощь политзаключённым. Это же деньги. Это реальная материальная помощь огромному количеству людей в разных республиках и городах огромного СССР. Людей было очень много, и при этом, надо точно знать состав семьи и персональные ситуации. Отдельные суммы полагались на свидание родственникам, на детей. Если человек освобождался, на это также полагалась отдельная сумма, чтобы он смог как-то одеться, чтобы имел возможность первое время не голодать, пока не найдёт работу. На праздники – Рождество, Новый год, Пасха – старались сделать подарки детям. А ведь надо было знать и возраст, и рост, и пол ребёнка, т.к. дарили и одежду, и игрушки.

Зачатки такого рода деятельности – материальной помощи политзаключённым, существовали и раньше, еще в 60-е годы. Толчок всему дал процесс А. Синявского и А. Даниэля. Это было начало, рубежная веха в истории как бы человеческого пробуждения. Ведь диссиденты просто показали обществу, что можно жить по-другому: ты живешь, что-то делаешь для себя и для людей и не боишься. Конечно, кого-то арестовывают, но людей, которые остаются на воле и продолжают что-то делать гораздо больше.

– **Вы имеете в виду кассу взаимопомощи?**

– Да, все по немного скидывались. Круг тех, кому нужно помогать, все расширялся. Наши мужья и друзья подсовывали все новых и новых клиентов, как мы говорили. Вот, например, замечательная история про Балиса Гаяускаса¹. Алик пишет мне из лагеря: «Помнишь ли ты, что было в 1948-м году?» Я, конечно, не помню, что было в 48-м году, хотя уже ходила в школу, и была существом вполне сознательным (родилась в 1937). И он говорит: «А вот у нас сидит человек, который непрерывно сидит с 1948-го года. Это литовец Балис Гаяускас. Я хочу ему сделать мороженое в подарок к Новому году. Поэтому прошу тебя, пожалуйста, пришли сухие сливки». Для того времени это довольно редкий был продукт. Они в таких небольших пакетиках продавались. Но возникал вопрос: как послать? Просто в посылке такой продукт не пошлешь, да и объём, и количество посылок были ограничены.

И мы делали так: брали книгу, вырезали внутри страницы по размеру пакета, и вкладывали туда продукт. Так мы посылали сухой кофе, сливки, яичный порошок, какао. Конечно, проверявшего бандероли цензора подкупили. У него была слабость – авторучки, которые, если перевернешь, то голая девочка получается. Естественно, не советские, а западные. Нам их западные журналисты привозили в больших количествах. Мы закладывали эти ручки в бандероли. Бандероль приходила кому-нибудь, например, украинцу Левко Лукьяненко², он забирал из бандероли всё, а ручки отдавал цензору, все аккуратно. Цензор за это «проверял» как надо.

¹ Гаяускас Балис (р.1926). Основатель подпольной группы сопротивления в Литве, собиратель и распространитель документов, связанных с сопротивлением. Член Литовской Хельсинкской группы. 35 лет провел в советских тюрьмах и лагерях.

² Лукьяненко Левко Григорьевич (р.1928). Юрист. Основатель и лидер подпольной группы, член-учредитель Украинской Хельсинкской группы. Политзаключённый.

И вот, мы послали эти самые сливки в книгу. Алик их получил. Механизм изготовления мороженого и все ингредиенты описать не берусь. Но знаю, что они попросили у охраны небольшую старую кастрюлю, замешали туда смесь из сухих сливок, из нескольких трусов соединили длинную-длинную резинку, привязали её к кастрюле и до предела закрутили. Получилось вращение, которое всё быстрее и быстрее набирало обороты. А поскольку на улице был мороз, то таким образом взбивалось мороженое. Менты ходили вокруг и смотрели сумасшедшими глазами, но поскольку они за это своё получили, чай или авторучку, то ребят не трогали. И вот что-то похожее на мороженое Алик таким образом изготовил.

Это происходило, когда никакого фонда Солженицына ещё не было, а самая разная помощь уже организовывалась. В любое время дня и ночи можно было позвонить кому-то из нашего круга и попросить помочь. Например, у вышеупомянутого Балиса Гаяускаса, который просидел уже бессчётное количество лет, была мама. Она всю жизнь его ждала, он был ее единственным сыном. И вот едет мама Балиса, позвонили нашим из Вильнюса. Значит, надо кому-то из Москвы ехать сопровождать её. Санька Даниэль¹ очень часто ездил сопровождать, т.к. он тогда был у нас самый молоденький.

Поездка на свидание немосковских родственников всегда сопровождалась определёнными тратами и помощью. Надо найти провожатого для них, нужны деньги на поездку, нужно помочь что-то купить, чтобы взять с собой и т.д. Мы старались всегда что-то иметь в холодильнике, чтобы не бегать по магазинам, не искать в последний момент перед чьим-то отъездом. Да ведь в магазинах могло и не быть ничего пригодного для поездки на свидание! Покупали тогда, когда какой-то продукт появлялся. Например, старались держать запасы сухой копчёной колбасы, т.к. она долго хранится. То есть вот: собирали деньги, абсолютно добровольно ехали в Дубравлаг сопровождающие, кто-то пускал к себе в Москве пожить приезжих родственников. Было замечательное братство, такая «круговая порука добра»! Удивительное время, такого времени в моей жизни больше не было...

¹ Даниэль Александр Юльевич (р.1951). Математик. Сын известных советских диссидентов Юлия Даниэля и Ларисы Богораз. Участник и историк диссидентского движения. Член Правления Международного Мемориала.

И потом уже, когда появился Фонд помощи, часть людей, которые и раньше этим занимались, включились в его работу. У каждого свои подопечные. Например, у Нины Петровны Лисовской¹ было пять человек, которых она курировала: вела переписку с ними, переписывалась с их родственниками. Она знала кто, к кому и когда поедет и прочее.

На первое время деньги Фонда были оставлены Алику непосредственно. Естественно, это были советские рубли, а не валюта – она была запрещена...

– Алик организовывал пресс-конференции? Где?

– Пресс-конференции проходили у нас дома. На них Алик отчитывался, называл суммы, которые были истрачены. Первая пресс-конференция состоялась в начале февраля 1977. Это было накануне ареста. Он уже понимал, что его арестуют. Так вот, он ту пресс-конференцию закончил словами: «Я прошу вас с любовью и сочувствием отнестись к моему преемнику». Ещё было непонятно, кто будет его преемник, но он таким вот образом дал понять, что близок арест.

И когда он назвал большие суммы, потраченные на помощь политзекам, то журналисты, ну, просто вытаращили глаза. Ведь на все должен быть отчет! Наташа Солженицына, живя в Швейцарии, с помощью юристов официально зарегистрировала Фонд. Наталья стала его руководителем. И все это было сделано, естественно, в рамках закона с соблюдением мельчайших правовых деталей. Потому, конечно, мы посылали ей отчеты. И это была очень-очень большая проблема.

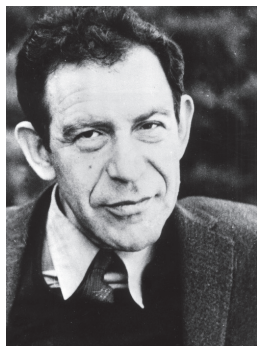
– Наверняка записывать было очень опасно, ведь такие записи для госбезопасности могли стать прямой уликой против десятков людей. Как тогда вообще возможно было организовать отчётность?

– Алик, будучи распорядителем Фонда на территории Советского Союза, всё равно был вынужден вести записи. Конечно, это было очень опасно. И каких только способов не изобретали –

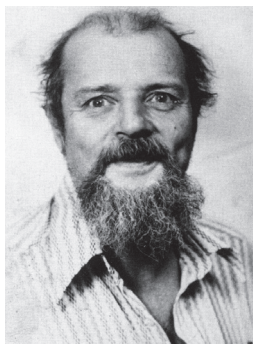
¹ Лисовская Нина Петровна (1917-2007). Ученый-биолог, участница правозащитного движения в СССР, сотрудник Общественного фонда помощи политическим заключенным и их семьям.

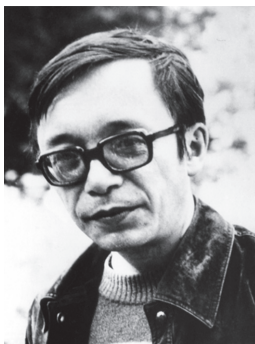
*Петр Григоренко.
1967 г.
Фото Ю. Гримма.*

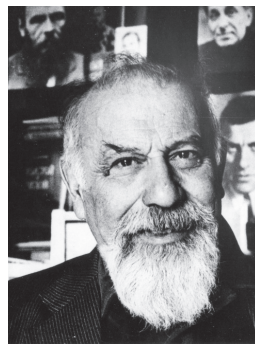
*Юлий Даниэль.
1970-е годы.*

*Александр
Есенин-Вольпин.
Начало 1970-х.*

*Юлий Ким. Вторая
половина 1970-х.*

*Лев Копелев.
28 октября 1980 г.*

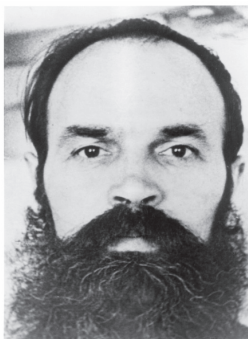
*Мальва Ланда.
Конец 1970-х.*

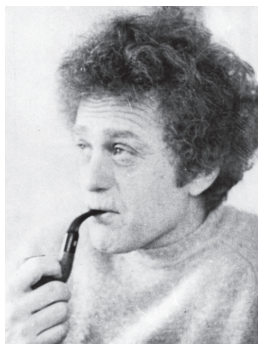
*Павел Литвинов.
Не позднее 1968 г.*

*Анатолий Марченко и Лариса Богораз.
1970-е годы.*

*Анатолий Марченко.
1976 г. Чуна.*

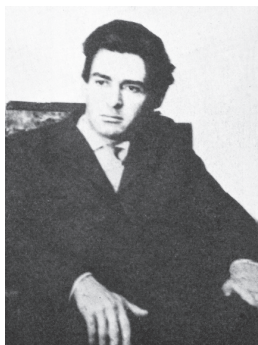
*Юрий Орлов.
Январь 1977 г.*

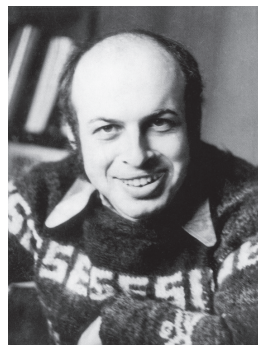
*Андрей Синявский.
1965 г.*

*Надежда Улановская.
1955 г.*

*Валерий Чалидзе.
1970 год.*

*Анатолий Щаранский.
1975 год.*

*Анатолий Якобсон.
1967 год.*

просто уму непостижимо! Иногда случались накладки и казусы. Одна наша знакомая прятала записи в своих перчатках, однажды она их выстирала вместе с отчетом. Но такое бывало редко. Как правило, всё получалось. Много было разных способов, как эти записи прятать, сводить воедино, передавать...

В какой-то момент становилось известно, что на запад поедет человек. Значит, нам надо было всю информацию по стране сводить. Собирать все бумажки и сводить. Компетентные органы были несколько ошарашены такой ситуацией: Фонд есть, никакой документации, подтверждающей его работу, нет, но есть публичный отчёт. Они, не сразу поняли: как им быть. Как и за что арестовывать Гинзбурга? Придумали лишь тогда, когда Алик стал одним из основателей Московской Хельсинкской группы.

– И что же они придумали?

– Сделано это было так. В один из дней зимой 1976-1977 года нас позвали на дачу Сахаровы. Алик тогда числился секретарем у Андрея Дмитриевича. Они позвали нас к себе на детский праздник. Андрей Дмитриевич был Дедом Морозом. В общем, наша квартира весь день стояла пустая. И в этот день они тайно зашли к нам в квартиру, чего мы, естественно, не знали. Вернулись домой вечером, никаких следов не заметили.

Наутро Алик очень рано уехал к Копелеву¹. Лев Зиновьевич куда-то переезжал, и надо было что-то перевозить. Все всем всегда помогали: переезды, ремонты, какие-то семейные мероприятия... Например, когда нам надо было переселяться в Тарусе. Мы купили полдома с благословения Флоры Павловны Литвиновой². Миша Левин³ – ее друг, отличный ученый, по её просьбе взял взаймы деньги, и дал нам на покупку дома. К слову, потом, когда дом продали, мы их вернули назад Мише. У этой развалюхи ничего не было, даже уборной. И все к нам ездили помогать. Виктор Сокирко⁴ просто подвиг совершил: за

¹ Копелев Лев Зиновьевич (1912-1997). Узник сталинских лагерей, филолог-германист, переводчик, автор Самиздата, мемуарист, общественный деятель.

² Литвинова Флора Павловна (р.1918). Мать Павла Литвинова.

³ Левин Михаил Львович (1921-1992). Доктор физико-математических наук, профессор.

⁴ Сокирко Виктор Владимирович (р.1939). Инженер, экономист, автор, редактор и распространитель Самиздата. Общественный деятель, журналист.

одну ночь он и его семья вырыли огромную яму для туалета. И все тогда этим поступком просто гордились, говорили: «Сокирко просто герой!»

Короче говоря, в тот день Алик уехал помогать Копелевым в каком-то переезде. И где-то совсем утром, часов в восемь-девять, раздаётся звонок. Да, а телефон у нас уже к тому времени был давно отключен, позвонить кому-то и сообщить я не могла. Я спрашиваю: «Кто там?» Мне отвечают: то ли почта, то ли телеграмма. Я приоткрыла дверь, и тут же они вставили ножку. Дверь распахнули и говорят: «Товарищи, пройдёт!» Мы жили на восьмом этаже, и товарищи эти сверху, из пролёта девятого этажа, просто посыпались, как мне показалось, целым потоком. Они вошли и, не заходя в квартиру, проследовали в туалет. Там Алик сделал полки, на которых стояли всякие краски, лежали остатки обоев, ещё что-то. И вот там они заранее подложили конвертик. Господин в белоснежных манжетах достал чистенький беленький пакетик, сказав: «Так, все видели? Прошу удостоверить, все видели? Открываем, считаем». Там было сто немецких марок и примерно тридцать долларов. Совсем небольшая сумма, но это неважно – валюта. За валютные операции человека можно было спокойно арестовать.

Одновременно они готовили аресты ещё нескольких человек. Через несколько дней взяли Юрия Орлова¹. Где-то через месяц Толю Щаранского². И уже пошли аресты членов Хельсинкской группы... В случае с Аликом – подбросить ему конверт с валютой – это был единственный способ, который они нашли для того, чтобы прицепиться к его деятельности как распорядителя Фонда. А так – ничего незаконного не происходило, никого ни на чем не поймали.

– И Ваш муж был вновь арестован?

– Арестовали Алика в самом начале февраля 1977 года. Они его очень долго терроризировали тем, что будут судить по статье УК, высшая мера по которой – расстрел. Конечно, пугали, т.к. даже тот злосчастный конверт не смогли толком «пришить» к делу. В общем, провалилась их операция. Главным пунктом

¹ Орлов Юрий Фёдорович (р.1924). Физик, правозащитник. Основатель и руководитель Московской Хельсинкской группы. Общественный деятель.

² Щаранский Анатолий Борисович (р.1948). Активист еврейского эмиграционного движения. Правозащитник. Член-основатель Московской Хельсинкской группы. Политический деятель Израиля.

обвинения у Алика было участие в составлении документов Московской Хельсинкской группы. Историю с Фондом ему не смогли поставить в вину.

Следствие шло очень долго – полтора года. По делу Алика допросили огромное количество политзаключенных. И некоторые вполне приличные люди, рассказывали, что они получали от Алика деньги. И что они знали, что это средства солженицынского фонда. Но деньги-то все они получали в рублях! В самом крайнем случае, талоны «Внешпосылторга», а это тоже официальная валюта, которая ходила в Советском Союзе. Так что ничего доказать нельзя. Фонд – это был интересный жизненный опыт. Просто поразительно, как это удалось, наверное, с Божьей помощью.

В июле 1978-го Алика признали виновным по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР и приговорили к 8 годам колонии особого режима с последующей ссылкой на 3 года. В сентябре его привезли в лагерь особого режима в Мордовии, и, как выяснилось позже, уже в октябре начались переговоры между Америкой и СССР. Итогом переговоров стал обмен пяти советских политзаключенных на двух советских шпионов, осуждённых в США. Алик был среди этих пятерых. В апреле 1979 года его просто вывезли.

У меня с ним было одно свидание до этого. Я успела к нему съездить, и как раз тогда я Алику сказала, что если тебя будут высылать, то надо обязательно записать Сережу – нашего приемного мальчика. Алик ответил: «Никуда не хочу ехать. Потому меня не вышлют. Не представляю, чем буду заниматься на Западе. Нет, этого не будет». Но, тем не менее, это случилось... Среди мотивов, которыми власти руководствовались, было и то, как мне позже сказали, что после ареста Алика я занималась Фондом, а при высылке они «убивали двух зайцев» – одновременно избавлялись и от меня.

Этот третий процесс для Гинзбурга был очень тяжелым...

Да, очень, очень. Для Алика, в первую очередь. Он готовился к суду всё то время, сколько шло следствие. Запросил огромное количество документов и материалов о положении в лагерях. Он хотел с документами в руках доказывать, что там нарушались нормы питания, условия содержания и прочее. На бумажках-то, в инструкциях, конечно, у них все было соблюдено: нормы питания были такими, что человек должен жить

в лагере хорошо и активно перевоспитываться. И вот он готовил какие-то совершенно безумные доклады: сидел неделями и месяцами, составляя, сопоставляя и т.д.

И всё это время они его кололи, пользуясь тем, что у него слабые легкие. Именно это, в конце концов, и свело Алика в могилу, уже здесь в эмиграции у него развился рак лёгких. А тогда его арестовали, когда у него была ярко положительная туберкулезная проба. У него после реакции Манту вся рука была раздута. И именно под видом того, что у него не в порядке легкое, его якобы кололи антибиотиками, а на самом деле – нейролептиками.

Сам судебный процесс, который проходил в Калуге в июле 1978 года, был очень серьёзным испытанием. Алик договорился с адвокатом Резниковой о том, что она официально начинает процесс вместе с ним. А потом в какой-то момент, когда нужно будет давать показания, он скажет: «Я отказываюсь от адвоката и сам буду защищать себя». Потому, что произносить все то, о чем он собирался сказать, значило бы подвергать её очень большой опасности. Адвокат мне накануне об этом сказала.

...Когда Алика ввели, мы увидели: у него была длинная седая борода. Он в тюрьме стал абсолютно седой. Они его почему-то не стригли, и вот этот вот вид: длинные волосы, борода – это было непростое зрелище. На плече он нес наволочку полную книг, поскольку ему было нужно огромное количество книг, инструкций, Уголовный кодекс и пр.

Говорить он толком не мог из-за своего физического состояния. Он даже стоять не мог, а они ему не разрешали сесть. Он стоял, дрожал и говорил так, как душевнобольные, наверное, говорят. Его голос как бы «разъезжался», артикуляция отсутствовала. Мне знакомые врачи сразу сказали: «Нейролептики». И вот в таком состоянии он оказался на суде. В какой-то момент он сказал: «Все, я отказываюсь от аргументов». В зале была просто чудовищная обстановка! Вся эта подставная толпа орала, меня вывели из зала и запретили там находиться, потому что я, выходя каждый раз, давала западным корреспондентам информацию. Меня даже на объявление приговора не пустили.

Алик от последнего слова отказался – он только сказал, что не виноват, но не просит никакого снисхождения. И это, в общем-то, правильно, потому что доказывать что-либо – только

собственные последние силы расходовать. Все уже было пред-
решено.

Алика увели из зала. И дальше произошло следующее. По правилам, приговор должны читать примерно через два-три часа. На политических процессах всё, конечно, заранее было заготовлено, и никакого времени на обсуждение и написание им не требовалось. И в это время Алик у них там потерял сознание. Он упал, ему сделали укол, он заснул и не просыпался. Они просто не знали, что с ним делать.

Мы же стояли в вытоптанном скверике перед красивым старинным зданием Калужского губернского суда. На суд приехало много людей, в том числе, западных журналистов, хотя им запретили туда ехать. Когда его везли на воронке, мы все кричали: «Алик, Алик», чтоб он слышал, что мы стоим около суда. Мы скупили все цветы на Калужском рынке и всем раздали по букетику. И уже вот тут, у суда, сразу стало понятно, кто свои, а кто чужие. На суд подогнали огромную толпу подставной публики, как это обычно бывало на политических процессах. И эти люди вели себя просто хамски. Люсю Боннэр и Андрея Дмитриевича чудовищно оскорбляли. Мне говорили: «Жидовка, слава Богу, что ты детей не привезла, а то сейчас мы бы им показали кузькину мать».

И вот, стоим мы с этими цветочками напротив суда, в скверике, а время идёт и идёт. Западные журналисты интересуются, что происходит, а им отвечают: «У подсудимого давление 240 на 200». Но я про себя думаю, что если бы это действительно было так, они бы никогда не сказали, потому что это давление прединсультное. На самом деле он просто лежал без сознания. В итоге ему наделали каких-то уколов и вывели на чтение приговора. Он стоял, ничего не видя и не слыша. Нас никого не пустили. И когда все вышли, после оглашения приговора, Людмила Ильинична плакала навзрыд. Ведь говорили: «Ну, он в лагере долго не проживет». Потому что он был в ужасном состоянии! Когда я его увидела там, на суде, было ощущение, что человека подняли из гроба, поставили и повели.

...И тут из ворот суда выезжает фургон. Мы все кинулись с цветами к фургону и стали бросать их под колеса. Вся мостовая оказалась засыпана цветами, и все кричали: «Алик! Алик!» За Андрея Дмитриевича мне было тогда просто страшно, что у него сердце не выдержит. Он так надрывно кричал: «Алик!»

Необыкновенный был человек... И вот, они открыли воронок, а там – пустая стеклотара из-под продукции, которую в столовую завозили. «Вот он, ваш Алик!» – ржала вся подставная публика. Мы стояли по одну сторону мостовой, они стояли по другую. И какой-то мужик с той стороны говорит: «Эх, хорошо встали! Сейчас бы так пулеметиком вас всех».

Алика ещё долго держали в здании суда и вывезли, когда мы уже стали расходиться. Иностранных журналистов здесь в Калуге собрали на пресс-конференцию, где им сообщили, что Гинзбургу дали срок восемь лет, что он дал показания на Анатолия Щаранского. Все, конечно, понимали, что это не так. Западные журналисты сделали следующее, они дождались нас с мамой Алика, Людмилой Ильиничной, чтобы взять комментарий у нее и у меня и передать их в свои редакции вместе со словами судьи.

К счастью, на следующий день Толя Щаранский на своем суде в последнем слове сказал: «Я счастлив, что судьба свела меня с такими людьми, как Юрий Орлов и Александр Гинзбург, что нас судили вместе». И всем стало понятно, что информация о показаниях, которые якобы дал Алик – это очередная дешевая ложь.

Наутро, нам дали свидание с Аликом. Его к тому времени уже накололи какими-то укрепляющими, и выглядел он лучше, был бодр, нас подбадривал, говорил, что все хорошо. После этого его увезли, и он почти год, до апреля 1979 года, пробыл в лагере особого режима в Мордовии.

– Вашего мужа выслали из страны, отправив прямо из лагеря?

– Да. 27-го апреля я гладила пеленки и включила «Голос Америки». Это была пятница. Обычно в пятницу ко мне приходили ребята, которые занимались Фондом помощи. Сидели на кухне, пили чай, кто-то передавал какие-то листочки, отчеты, сведения, ну, и просто встречались. Поздно вечером все разошлись, и я включила радио, чтобы послушать передачу для полуночников. И вот, слушаю и вожу утюгом по пеленкам. Вначале передавали новости, потом обзор прессы, и вдруг слышу: «Мы прекращаем нашу передачу для экстренного сообщения: только что стало известно, что пять известных советских политзаключенных обменяли на двух граждан СССР, обвиненных

в США в шпионаже. Вот их имена: Александр Гинзбург...» Тут я воскликнула: «Боже мой!»

– То есть даже семьи не знали о готовящейся операции, не говоря уже о согласии самих политзаключённых?

– Конечно! Это была секретная операция, о которой никто ничего не знал. Более того, они ещё и спектакль устроили. Накануне ко мне подослали надзирателя из лагеря, который якобы привез мне письмо от Алика, – ксиву. Я поехала с ней к Сахаровым. Люся Боннэр посмотрела это «письмо», громко расхохоталась, и прямо у них под микрофонами стала читать эту записку со словами: «Нет, Андрей, ну ты только посмотри!» Я в испуге говорю: «Люся, что ты делаешь?» А она отвечает: «Арин, ну, неужели ты веришь, что это настоящая записка? Ты же видишь, что там написано». И правда, написана она была странно. Смысл записки заключался в том, чтобы показать, что Алик ещё в лагере, на случай, если к нам просочится какая-то информация об обмене. В общем, приехал надзиратель, который сказал, что Алик в лагере и вот передаёт вам записочку. А между тем Алика к этому времени в лагере уже не было. Их уже вывезли: посадили в воронок, увезли из лагеря, в Потье соединили всех и посадили на поезд. Они думали, что их везут на новое следствие.

И вот, ребят привезли в Лефортово¹. Они просидели там полдня и ночь. К утру их вызвал начальник Лефортовской тюрьмы, и там же были представители президиума Верховного Совета СССР. Им объявили о лишении гражданства. И один из ребят, Кузнецов², спросил: «А когда нас вышлют?» Они ответили: «Через несколько часов». А он говорит: «А раньше нельзя?» Кто знал, за что он сидел, мог оценить юмор. Он сидел как раз за «раньше нельзя», т.е. за попытку угона самолета.

Далее их на машинах отправили из Лефортово в аэропорт, каждый ехал в отдельной черной «Волге». Привезли в Шереметьево и посадили на рейсовый самолет «Москва – Нью-Йорк», но в отдельный салон, отгородив занавесками. Алик потом рассказывал, что когда занавесочки слегка отгибались, он видел,

¹ Лефортово – один из следственных изоляторов в Москве. Находится в районе Лефортово.

² Кузнецов Эдуард Самуилович (р.1939). Инициатор и руководитель попытки группы евреев-«отказников» и бывших политзаключенных захватить самолет для побега из СССР. Журналист.

что в основном в самолёте летели американские старушки-пенсионерки, которые путешествовали. Но в целом вначале всё было совершенно непонятно, однако перед отлетом самолета к ним подошли американские дипломаты, собрали с них точные анкетные данные. А к Алику подошли и сами сказали: «Вы - Александр Гинзбург, ваших детей зовут Саша и Алеша, а жену Арина». Просто нас к этому времени уже многие знали. И Алик понял, что их везут в Америку.

В самолёте их рассадили таким вот причудливым образом. Каждый сидел у окна, а рядом два чекиста. Потом свободный ряд, потом сидит опять политзэк, два чекиста, снова свободный ряд и так далее, – чтобы они не могли друг с другом разговаривать. Но они всё равно что-то говорили друг другу, особенно с Кузнецовым все время переговаривались: «Ну, как ты думаешь, похоже, Америка, да?» Ну а гэбэшники сидят рядом. Когда принесли обед, а обед был с икрой, ещё с чем-то дефицитным, то наших ребят поразило, что все чекисты сразу открыли свои дипломаты и аккуратно туда сложили свою икру и все деликатесы, чтобы домой семье привезти.

Когда стали подлетать к Нью-Йорку, то стало известно, что там в аэропорту объявлена готовность номер один. То есть такая, как будто прилетал глава иностранного государства. И вот наших вывели и загнали в какой-то угол аэропорта. А дальше, Алик рассказывал, произошло следующее. По другой лестнице подняли двух советских шпионов, и чекисты исчезли. Было такое впечатление, что они исчезли в одну минуту, как дьявольская шайка. А по другой лестнице к ним подошли представители Госдепартамента США и сказали: «Добро пожаловать, вы в Америке».

Алик очень смешно рассказывал все эти истории с их перелётом и о первых днях в Америке. Например, история с Вале́й Турчиным¹. Одна женщина из Госдепартамента сказала ему: «Валентин, вы не могли бы подъехать ко мне 27-го апреля во столько-то?» «Да, конечно», – ответил Валя. Приезжает, и сидит внизу в вестибюле. Тут звонит эта дама и говорит так спокойно: «Не хотите ли подняться на шестой этаж? Здесь ваш друг Гинзбург». Валя рассказывал, что у него просто чуть сердечный

¹ Турчин Валентин Фёдорович (1931-2010). Математик, философ, автор Самиздата, правозащитник. Основатель и первый председатель советской секции «Международной амнистии».

приступ не случился! Тут же приехали Павлик Литвинов¹ и другие, в общем, друзья, которых вытолкнули в эмиграцию еще раньше.

Дальше были пресс-конференции, которые показали по американскому телевидению. Сейчас смотришь на эти плёнки, и ужас охватывает, ребята все худущие, как из Освенцима.

– А как Вы с детьми пережили этот период до вашего отъезда?

– Вначале расскажу о той ночи, когда узнала, что Алик выслан. Я провела за одну ночь две пресс-конференции. Нашими соседями были Бабёнышевы, тоже люди из нашего круга. Так вот Алику Бабёнышеву² позвонила мама, которая в это время была в Переделкино и услышала по радио новость про Гинзбурга, и сказала: «Беги к Арине, посиди с мальчиками, а она пусть от нас звонит». И я побежала к ним звонить, ведь наш телефон был уже давно отключен. Я позвонила Сахаровым, ещё кому-то... Приехала куча журналистов, и я провела две пресс-конференции подряд...

А наутро у меня была сильнейшая ангина. Мы даже думали дифтерия, потому что очень тяжёло она проходила. Но это явно было что-то психосоматическое. Я долго болела. А нам сообщили, что мы должны последовать за своими мужьями за границу. Но я начала тормозить процесс, потому что хотела вывезти Сережу, приёмного мальчика, который жил в нашей семье. И эта борьба продолжалась девять месяцев до самого декабря 1979 года, когда советские войска вступили в Афганистан. Стало понятно, что борьба практически бесполезна.

Меня вызвали в президиум Верховного Совета и сказали, что если мы до 1-го января не уедем, то соглашение между Америкой и Советским Союзом закончится этим годом, и мы уже не уедем никогда. Я же просто с ума сходила всё это время! Мама Алика, Людмила Ильинична, была очень больна (она здесь за границей прожила у нас меньше года) и очень сильно переживала. Три раза она ждала его из тюрем и лагерей.

¹ Литвинов Павел Михайлович (р.1940). Преподаватель физики, общественный деятель. Один из авторов обращения «К мировой общественности». Участник «демонстрации семерых» на Красной площади 25.08.1968. Внук наркома М.М. Литвинова.

² Бабёнышев Александр Петрович (р.1938). Автор Самиздата, член редакции самиздатского журнала «Поиски и размышления».

Он был у неё единственный сын, и она одна его воспитала. С другой стороны – мои мальчишки. Лешку, младшего, чуть не отравили на улице: подошла женщина и прыснула ему что-то аэрозолью. На старшего, Сашу, на улице наехала машина, которая оказалась КГБшной. Сережу никак не выпускали, мысль, что придётся оставить его здесь, была просто невыносима. В общем, история с Серёжей плохо кончилась: его пришлось оставить в Союзе, а через несколько лет он погиб.

...И вот, я в очередной раз пошла в Американское посольство со своей проблемой про разрешение на выезд Серёжи. Там был консул, который мне сказал: «Хорошо, я попробую в последний раз». Звонит и говорит: «Моё правительство заинтересовано в этом деле...» Наши же вели себя нагло и грубо отказали ему. Но сказали: «Передайте своему правительству, что если они хотят, чтобы семья Гинзбург уехала, то последний срок – это 1 февраля». А у нас ещё была квартира, дом в Тарусе. Надо было как-то решать все эти хозяйственные и организационные вопросы. Кстати, дом в Тарусе не был продан, там после того, как мы уехали, продолжали жить зэки, он как бы переходил по наследству другим, вернувшимся из заключения политзакам. Например, там уже после нас жил Кронид Любарский¹.

1-го февраля 1980 года мы покинули пределы нашей Родины, и приземлились в Париже, потому что в Нью-Йорк из Москвы самолеты уже не летали в связи с бойкотом по поводу Олимпиады. На следующий день мы вылетели в Америку к Алику. Ну, вот, так вся наша семья оказалась за границей.

– Арина Сергеевна, давайте вернемся в «довыездные» времена. Поговорим о диссидентской повседневности, о тех нормах и правилах, в соответствии с которыми строилась жизнь вашего круга. И в связи с этим: кого вы называете «наш круг»?

– Знаете, если бы не этот круг, социальная среда, в которой всё происходило, то, наверное, ничего и не было бы вообще. И поразительно то, что, в общем, почти не случалось никаких

¹ Любарский Кронид Аркадьевич (1934-1996). Ученый-астроном. Распространитель Самиздата. Один из инициаторов учреждения Дня политзаключенного в СССР. В 1977 – один из распорядителей Фонда помощи политическим заключенным и их семьям. Журналист, издатель, общественный и политический деятель.

накладок. Не было случаев, чтобы кто-то кого-то обманул. Это было совершенно поразительное сообщество.

Многие из нас жили на Юго-Западе Москвы, там были такие «интеллигентские выселки». Разные свободомыслящие профессора, огромное количество отказников. Юра Орлов жил в соседнем доме. И постепенно всё больше и больше притягивалось людей к диссидентскому ядру. Сами они в большинстве случаев, не считали себя диссидентами. Кто-то помогал прятать номера «Хроники»¹, кто-то собирал для «Хроники» информацию. Кто-то хранил у себя деньги Фонда, кто-то получал талончики «Внешпосылторга»... Все они, в отличие от таких семей, как наша, не находились под пристальным наблюдением госбезопасности. И только благодаря им, этому слою порядочных интеллигентных людей, наша деятельность и была возможна.

Может, я идеализирую то время. Но это была высшая точка проявления моей личности, моей индивидуальности. Это то, для чего я, наверное, была создана и подготовлена, где я себя вложила больше всего. И мне казалось, что это все очень чисто, нравственно. Мы жили идеей солидарности, милосердия, бескорыстной взаимопомощи. И от этого становилось хорошо. Совсем не было такого: я сделал добро, значит, вы меня хвалите и обязательно сделайте мне добро в ответ.

В нашем кругу было принято, например, помогать семьям. Вот у нас росли дети. Алика арестовали, когда мальчишкам было четыре и два года. Боже мой, они практически были «дети полка»! К нам приезжало столько народу, привозили всякие вещи, фрукты, овощи, ходили с ребятами гулять, ходили в какие-то походы, где пекли картошку и прочее и прочее.

А еще были дома, своего рода «центры притяжения», где собирались разные компании. Скажем, был дом Тани

¹ «Хроника текущих событий» (ХТС) – машинописный информационный бюллетень, издававшийся в Москве. Основное периодическое издание советских правозащитников. Первый номер бюллетеня датирован 30.04.1968. Выпуски ХТС распространялись в СССР в самиздате и переиздавались за границей. Имена участников издания не оглашались. ХТС положила начало правозащитной периодике Самиздата, консолидировала правозащитное движение в стране и была летописью этого движения. Лица, причастные к изданию ХТС, ее корреспонденты и распространители подвергались систематическим преследованиям, потому состав людей, принимавших непосредственное участие в подготовке выпусков, часто менялся.

Великановой¹ или квартира мамы Алика, Людмилы Ильиничны. Людмила Ильинична открыла свой дом для всех, туда можно было прийти в любое время. Она всегда всех поила замечательным кофе. Еды особой у неё не было. А вот кофе – да.

У Петра Якира² – другой дом, другие нравы. Там довольно много выпивали, появлялись западные журналисты, разные случайные люди. Но многие из нас туда не ходили. Хотя у Пети был самый развеселый дом, с распахнутыми дверями.

У Зинаиды Михайловны Григоренко³ собирались, потому что Пётр Григорьевич⁴ почти всё время сидел. Мой дом тоже был достаточно открытый. Но у нас в основном собирались те, кто имел отношение к Фонду помощи – тоже довольно-таки широкий круг.

У Подъяпольских⁵ вообще было то, что в старину называли журфиксами. В один из дней, кажется, по пятницам, Маша Подъяпольская всегда пекла пирог. Она очень любила и умела это делать, и пироги у неё были просто великолепные! И «на пирог» всегда собиралась публика.

И вот за чашкой кофе, за пирогами, происходило общение. Практически каждый вечер можно было пойти в какой-то из домов. Туда приносили письма, пришедшие из лагерей, открытые письма для подписания, кто-то приносил самиздат... Вот так общение и происходило. Поэтому многое становилось моментально известно. Скажем, если к кому-то приходили с обыском, то через час уже туда начинали съезжаться друзья. Иногда их пускали, иногда не пускали, потому что наши иногда «хулиганили»: ходили за обыскивающими, подкалывали, шуточки какие-нибудь отпускали.

¹ Великанова Татьяна Михайловна (1932-2002). Программист, математик. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В течение многих лет – организатор выпуска «Хроники текущих событий».

² Якир Петр Иванович (1923-1982). Историк. В 1968-1972 – одна из центральных фигур диссидентского движения. Инициатор создания Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

³ Григоренко Зинаида Михайловна (1909-1994). Жена П.Г. Григоренко.

⁴ Григоренко Петр Григорьевич (1907-1987). Военный и политический деятель, правозащитник, публицист, мемуарист. Подвергался политическим преследованиям с использованием психиатрии. Член Московской Хельсинкской группы.

⁵ Подъяпольский Григорий Сергеевич (1926-1976). Ученый, поэт. Правозащитник, один из основателей Инициативной группы по защите прав человека в СССР, член Комитета прав человека в СССР.

Подъяпольская Мария Гавриловна (1922-2011). Жена Г.С. Подъяпольского.

...А вот что было замечательно в моём муже Алике, так это то, что в нём не было абсолютно никакого оттенка нелегальности, скрытности. Все было весело, душевно. Мы нередко собирались вместе, собирали детей на праздники, Юлик Ким¹ пел им песни. Дети наряжались, читали стихи, дружили между собой. Ездили отдыхать целыми компаниями, в которых оказывалось семь-восемь детей и несколько взрослых. Конечно, в диссидентском движении были самые разные оттенки, и разные группы. Но вот в том кругу, к которому принадлежала я, не было никакой конспиративности, это была просто жизнь. Это была нормальная и интересная жизнь.

– Петиционные кампании были неотъемлемой частью жизни диссидентов. Письма протеста писались в самые разные инстанции. Каким образом происходил процесс написания коллективных писем?

– Я никогда не принимала участия в составлении коллективных писем, поэтому могу чего-то не знать. Нет, я, конечно, написала массу личных писем по поводу Алики и всех наших дел, но в остальных случаях только подписывала тексты. Но вообще, всё было очень по-разному. В основном, идея обсуждалась группой. Иногда кто-то предлагал вариант, в котором людей, желающих подписать письмо, что-то не удовлетворяло. Тогда в конце письма помимо подписи указывали, с чем конкретно не согласны. Конечно, нередко спорили, ссорились, и кто-то говорил, что вот в таком варианте письмо не подпишет.

Кстати, по поводу последствий подписания писем есть такая удивительная история. Было одно коллективное письмо, которое касалось пакта Молотова-Риббентропа. Его в основном подписали литовцы, эстонцы, латыши, и лишь небольшая группа москвичей, человек 6-7, среди которых была и я. Это письмо отправили в Совет Европы, и через некоторое время было принято специальное постановление Совета Европы о ситуации в Прибалтийских странах. И с этого момента прибалты отсчитывают время, когда Совет Европы начал бороться за их независимость.

Много позже, в 90-е годы, Литва решила наградить всех, кто подписал это письмо, высшим орденом своего государства – Литовским крестом, который был основан ещё в 1919 году. Они

¹ Ким Юлий Черсанович (р.1936). Поэт, драматург. Один из классиков жанра авторской песни. В 1970-1971 годах – активный участник издания «Хроники текущих событий».

считают, что мы внесли свой вклад в независимость их страны. Мне крест вручили во Франции, в посольстве Литвы. По этому поводу был очень трогательный и сердечный прием. Я сказала, когда мы подписывали, что такого даже предположить не могли.

– К кому было прилично обратиться за подписью? Или предлагали любому человеку, готовому подписать?

– В нашем кругу, конечно, любому предлагалось. А вот во внешнем круге – далеко не всем. Ведь у человека всегда были определённый имидж и репутация. То есть понимали, кто есть кто. Например, к какому-нибудь известному журналисту, но про которого все знали, что он на КГБ работает¹, к нему никто бы не пошел. А вот, скажем, к крупному учёному, у которого репутация приличного человека, ходили. В каком-то смысле тогда всё было проще, было понятно, где добро, а где зло, и какие люди к каким группам принадлежат.

– Но было ли какое-то самоограничение? Ведь предлагая подписать письмо, диссидент, наверное, понимал, что он тем самым побуждает человека рисковать. В общем, чувствовали ли ответственность?

– Но ведь человек, которому обычно предлагали подписать, был не совсем чужой. Он делал какие-то другие дела. Он ведь не говорил: «Оставьте меня в покое, я к вам не имею никакого отношения». Да, конечно, ощущалась ответственность! Я, например, всегда очень стеснялась предлагать людям подписать письмо. Мне было гораздо проще попросить другое: сохранить книжки, закинуть на антресоли какой-нибудь рюкзачок с самиздатом или с какими-нибудь бумажками. Это проще, хотя тоже страшновато. Всегда немножко страшно, если есть вероятность, что человек из-за тебя «погорит»: вылетит из института или с работы, попадёт под надзор и т.д.

– Вы записали ход судебного процесса над Александром Гинзбургом. Вы сделали это по примеру жён А. Синявского и Ю. Даниэля?

– Отчасти, конечно, да. Но уже даже не столько по примеру жён Синявского и Даниэля, сколько под влиянием «Белой

¹ Подразумевается, что через таких журналистов КГБ запускало по стране и на запад нужную им информацию.

книги». Поскольку уже было ясно, что необходимо собирать все материалы, что общественность должна знать, что происходит. Родственники, которые присутствовали на процессах – все старались записывать. Началось всё, безусловно, с Марии Синявской и Лары Богораз, и их поступок вызвал всеобщее восхищение. Но им ещё довольно легко это было делать, власть ещё так не следила. А нас уже очень сильно обыскивали. И приходилось прибегать к самым разным хитростям. Например, в 1968 году на процессе, когда Алика судили вместе с Юрой Галансковым и ещё двумя ребятами, была мама Юры – очень простая женщина, уборщица. Так вот она приходила на судебное заседание в таком большом фартуке, с громадными карманами, и в валенках. Мы с женой Юры, Ольгой, записывали, а она потом запиховала бумажки себе в валенки, в карманы и выносила. Её не обыскивали, а нас с Ольгой обыскивали.

В общем, все уже пытались записывать в то время. И я, естественно, тоже. Конечно, делалось это не в открытую, и каждый раз разными способами. Пытались даже на магнитофон записывать. Иногда это выходило, но, как правило, не выходило. Потому что магнитофоны они уже научились отбирать. Я записывала на листочках. Эти листочки потом как-то рассовывали. Меня никогда не обыскивали догола. В лагере, правда, пытались, но тоже у них не получилось. Поэтому пытались сунуть... куда только можно было. И когда мы шли на процесс, то одевались по возможности так, чтобы на одежде были всякие карманы, ниши, какие-то места, куда можно засунуть листочки.

Так же, кстати, и из лагеря информацию вывозили. Из лагеря ещё тяжелее вывезти. Но, вывозили! Поскольку документы попадали на волю, даже плёнки, как вы знаете. Я, честно признаюсь, никогда ничего не глотала. Просто не могла. Но были жёны, которые заглатывали эти самодельные капсулы с материалами из лагеря. Потом они выходили... естественным путём. Но я не могла. Господи, мы так многому научились! Думаю, власти просто не ожидали, не были готовы к такой самоотверженности и изобретательности.

– А какие моменты диссидентской жизни всё-таки оказались для Вас тяжёлыми?

– Самый тяжёлый и самый мучительный момент я пережила, когда нам с Серёжей Ходоровичем¹ надо было подписать письмо о том, что мы после ареста Алика, берём на себя Фонд. Продолжаем его работу. Это уже после того, как заставили уехать Татьяну Ходорович² и Кронида Любарского, после ареста Мальвы Ланды³. То есть всем понятно: тут «пахнет горячим».

А у меня было двое совсем крошечных детей. Я понимала, что если арестуют, моя мама, моя семья не поддержат, поскольку отношения были порваны... Мама Алика же была очень старенькая и болела. Вот тогда я помню, сидела ночь в раздумьях... Но с другой стороны я понимала, что Солженицыным очень важно, чтобы именно я этим занималась. Ведь все связи с западными корреспондентами, связи с самими Солженицыными у меня... То есть в Фонде должен был остаться такой человек, который был бы в курсе многих вещей. А я, конечно, знала, и как Алик отчёты отправлял, и как составлял, и как деньгами распоряжался...

Но для меня это был, ой, какой тяжёлый момент! Я в отличие от Натальи Горбаневской⁴, которая пошла на демонстрацию с грудным Осей, и по её словам, для неё это абсолютно нормальный поступок, ей не было страшно. Для меня же это было совсем другое дело! Пока я была одна – не знала страха, но, вот, когда появились дети... Нет, я подписала, конечно, письмо, в котором мы заявили, что берём Фонд на себя. Но это был один из самых драматических моментов в моей жизни.

– Расскажите, как складывались после замужества ваши взаимоотношения с друзьями, с теми, с кем Вы были знакомы в юности?

– Они почти все со мной порвали. Старый круг моих знакомых на кафедре и университетских подруг, можно сказать,

¹ Ходорович Сергей Дмитриевич (р.1941). Инженер-программист. Правозащитник. Один из распорядителей Фонда помощи политическим заключенным и их семьям. Политзаключенный.

² Ходорович Татьяна Сергеевна (р.1921). Лингвист-диалектолог. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В 1977 – распорядитель Фонда помощи политическим заключенным и их семьям.

³ Ланда Мальва Ноевна (р.1918). Геолог. Правозащитница, публицист Самиздата. Член Московской Хельсинкской группы.

⁴ Горбаневская Наталья Евгеньевна. (р.1936). Поэт, переводчик, журналист. Основатель и первый издатель самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий». Участница «демонстрации семерых» на Красной площади 25.08.1968. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

исчез. Две-три из них сказали, что они меня поддерживают, но нам лучше не видется. Одна очень близкая и любимая подруга, и тогда и сейчас живёт в Италии, она замужем за итальянским коммунистом. Она жила там с мужем, но регулярно приезжала в Москву: ей разрешали встречаться с роднёй. И вот её муж, очень стесняясь, сказал мне, что она просила меня больше с ней не общаться. Она ужасно это переживала и переживает до сих пор. Но в ином случае её не будут пускать в Москву, а у неё здесь большая старая мама и две сестры. И её муж меня вот так прямо попросил... Видно было, как ему это тяжело и неприятно... Но по-другому было нельзя.

Что касается моей семьи, то мама потребовала, чтобы я отказалась от Алика. Она мне предложила следующий вариант: дать ему знать, что я его жду, но не добиваться официальной регистрации, свиданий, не ходить на процесс и прочее. Ей казалось, что так правильно: Алик будет сидеть, и ему самому будет легче от того, что я не подвергаюсь опасности. И, кроме того, не подвергаю опасности семью.

Они считали, что их всех сразу же арестуют. Их мучил абсолютный, немотивированный страх. И вот тогда у нас состоялся тяжёлый разговор. Я сказала, что так не сделаю, не могу. Но, главное, это было глупо и нецелесообразно. Я представила себе, что поступаю так, как советует моя мама. Но им-то нужно, чтобы я от него официально и публично отказалась! И они бы, конечно, именно этого требовали, а потом требовали бы, чтобы я писала открытые письма с разоблачениями и т.д. В общем, сказавши «а», думаю, пришлось бы сказать и «б». У меня, надо сказать, даже и сомнений никаких на этот счет не было.

И меня забрали к себе Светловы, Наташа и её мама. Я жила у них. Александра Исаевича Солженицына тогда ещё в нашей жизни не было.

Да, а большинство старых друзей отошли... Но зато был огромный диссидентский круг! Появилось много новых друзей. Наташа Светлова появилась как раз незадолго до ареста Алика. Так что я не чувствовала ни озлобленности, ни досады, у меня не было ощущения, что старые друзья поступили со мной плохо. Понимала, что они боятся, что у них собственная жизнь, что у них свои представления о жизни. А у меня было настолько чёткое представление, как в такой ситуации должен действовать человек,

что я не сомневалась, и вообще была довольно спокойна тогда. Кстати, много позже некоторые бывшие друзья проявились, многие из них просили прощения. Родители тоже в годы перестройки говорили, что они были неправы...

– А с коллегами по работе как складывались Ваши взаимоотношения?

– Нас, выпускников одного курса, человек восемь, приняли на кафедру преподавания иностранцам русского языка. И вот на службе от меня сначала потребовали, чтобы я отказалась от Алика на заседании нашей кафедры. Там было человек 30-40. Я, естественно, сказала, что не могу, т. к. отказываться от человека, который сидит в тюрьме, нечестно и непорядочно. Они понимали, конечно, двусмысленность ситуации. Но были партийные дамы, которым просто надо было сыграть роль обличителя, были и те, которые меня клеймили, исходя из своих убеждений. Они говорили, что я помогаю врагам своей Родины, что я предаю свою Родину. Но все при этом подчёркивали, что моё профессиональное лицо им очень импонирует, что работаю я очень хорошо и они мной довольны.

Потом прошло собрание факультета, на котором присутствовало человек 100. Там я уже, кстати, записывала. И они кричали: «Посмотрите, она пишет. Я не удивлюсь, если завтра вечером это передадут по «Би-Би-Си». Их аргументация была, ну, просто примитивнейшая, как зубная боль. Они говорили: «Это наши враги, они хотят завоевать советское государство, захватить и подавить нашу демократию. А вот всякие гинзбурги, которые им помогают, – враги народа. И непонятно, как русская девушка, положительная, с высшим образованием могла связаться с таким (Алика выгнали с факультета журналистики с третьего курса, когда его первый раз арестовали). Он еврей, а вы русская...».

Последнее повторялось потом много раз. Ко мне подсылали «доверительно поговорить» самых разных людей, чтобы объяснить мне, что просто ничего я в жизни не понимаю и что я абсолютно заклинилась... Идея была такая, что я всем вокруг приношу вред: своей семье, своим друзьям. Что, заняв такую позицию, ставлю под удар других людей. Я отвечала, что сейчас не сталинские времена, что сейчас никого просто так сажать не будут и т. д.

Потом состоялся большой Учёный совет, на котором присутствовали самые известные пожилые профессора. Они были необычайно любезны и хороши. Задавали вопросы с явной симпатией в голосе: «А как же вы будете без работы? А как же вам придётся жить?» И, как я уже говорила, они отправили меня работать вниз, в библиотеку. После всего этого ректор Петровский¹ вызвал меня к себе. Это было очень забавно. У него был такой огромный приёмный зал, где все ждали, потом шёл маленький переход-коридорчик, а потом опять такой же огромный личный кабинет. А сам он был такой невысокий, бритый налысо.

И вот я зашла в кабинет, а он так вот, встав коленками на стул, говорит: «Ну, рассказывайте». Я несколько даже растерялась. Он меня расспрашивал с большой симпатией, а потом уже, когда провожал, и мы проходили через этот его коридорчик, шепотом сказал: «Если нужны будут деньги, вы мне сообщайте, я из ректорского фонда могу дать денег. И вообще, когда надо будет ехать на свидание, учтите, что они вас пускать не будут. Потому приходите прямо ко мне. Должно быть распоряжение ректора». Ничего не могу сказать, он вёл себя просто замечательно! И я, действительно, несколько раз приходила к нему и говорила, что должна ехать на свидание. Он отвечал: «Да, пожалуйста, на три дня я вас отпускаю».

Но всё-таки в научной библиотеке Московского университета я проработала недолго. Там была вот такая ситуация. Меня перевели работать в библиотеку, оставив мою преподавательскую зарплату, кажется, это было 105 рублей. В библиотеке, конечно, зарплаты были гораздо ниже. И я получала столько, сколько у них не получала заведующая отделом. Этого они, конечно, перенести не могли. И они придумали какую-то административную проверку, по итогам которой меня уволили за несоответствие занимаемой должности. Несоответствие выразилось в том, что я таскала книжки, а зарплата у меня была больше, чем у заведующей отделом. Всё было сделано чисто.

И тогда меня взял к себе секретарём один замечательный человек. Он был ещё другом И. Мандельштама и М. Цветаевой с 30-х годов. В нашем кругу вообще очень волновалась,

¹ Петровский Иван Георгиевич (1901-1973). Выдающийся советский математик. С 1951 по 1973 г. ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

как в такой ситуации жить, поскольку за тунеядство в СССР могли посадить, как, кстати, посадили Андрюшу Амальрика. Потому меня и устроили личным секретарём к тому, кому по закону можно было его иметь, но фактически я ничего не делала. Просто по бумагам числилась его личным секретарём, и считалось, что я ему помогаю обрабатывать мемуары. Он мне, естественно, ничего не платил, поскольку сам жил более чем скромно. В общем, благодаря ему, формально я уже по поводу работы не волновалась. А Тошка Якобсон¹, которого к этому времени тоже уже отовсюду погнали, отвалил мне от своего запаса учеников. До того он преподавал в школе для математических вундеркиндов, и у него была масса учеников, которых надо было дрессировать по русскому языку. То есть теперь я зарабатывала репетиторством.

Когда же Алика арестовали в последний раз, я вообще обнаглела и стала давать уроки иностранным журналистам и дипломатам. Терять уже нечего, поскольку они забрали у нас все деньги, когда делали последний обыск. Они же не понимали, где фондовские деньги, где не фондовские. Денег Фонда помощи у нас в доме, естественно, не было, были лишь свои какие-то сбережения, но они забрали всё до копейки. И мне ничего не оставалось, как браться за ту работу, которая сама шла в руки. И я давала уроки русского языка.

– Арина Сергеевна, Вы принимали какое-то участие в издании «Хроники текущих событий»?

– В «Хронике» я принимала участие самое второстепенное. Я, конечно, во все периоды знала тех, кто делал «Хронику»: обрабатывал, печатал, помогал... Но вот что я делала регулярно – поставляла информацию, которая у меня появлялась в значительном количестве: про лагеря, про заключённых, про их быт. Иногда это было устно, иногда письменно...

Потом добавилась информация, которая поступала ко мне через каналы Фонда помощи. Например, если человек, связанный с нами по Фонду, нам доверял, он мог позвонить или передать через кого-то, или как-то письменно сообщить, что вот у них в городе такого-то арестовали, такого-то выгнали с работы.

¹ Якобсон Анатолий Александрович (1935-1978). Педагог, литературовед, поэт-переводчик. Автор Самиздата, публицист. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, редактор «Хроники текущих событий».

У Фонда особенно были тесные отношения с адвентистами, пятидесятниками, со свидетелями Иеговы¹. То есть очень много информации по религиозному инакомыслию к нам приходило. Эти люди дружили с Фондом при том, что сами в деньгах Фонда не нуждались. У всех религиозников были свои фонды и очень хорошие. Но они нуждались в контактах, в круге распространения своей литературы, особенно много своих изданий было у баптистов. Они нуждались в том, чтобы информация о них уходила на запад через журналистов или в составе «Хроники». И для этих целей они общались с фондовцами.

В общем, так вот информация скапливалась: приходила естественным путём, ничего специального для её сбора мы не предпринимали. Кто-то приезжал и мне нечто рассказывал. Дальше я, не ссылаясь на этого человека, либо пишу, либо встречаюсь с кем-то из тех, кто собирает информацию для «Хроники», и сообщаю, что мне доподлинно известно – в этом городе то-то и то-то. В общем, это всё была такая никем не организованная, но хорошо налаженная система.

– Скажите, как рядом с Фондом помощи появлялись люди, добровольные помощники?

– Невидимки, как назвал их Солженицын. Ну, во-первых, ещё раньше до солженицынского фонда в интеллигентской среде существовала некая система помощи политзаключённым. Я вам о ней немного говорила. Но тогда помогали только самим политзаключённым. На семьи, для помощи детям, престарелым родителям средств, конечно, тогда не было. А вот уже с появлением Фонда структура помощи начала складываться несколько по-другому. Например, кто-то брался кому-то что-то передать. Например, кто-то соглашался передать нечто маме Балиса Гаяускаса в Литве, потому что туда ехал. Нередко такой человек после говорил: «Ребята, я могу так вот передавать раз в месяц». Вообще полагалось помощь раз в месяц, но если этот человек договаривался с получателем, что он привозит сразу за два месяца или ещё как-то – такое тоже было.

Ещё очень много людей бралось вот откуда. Люди ездили на свидания. Даже если денег у семьи не было, они целый год

¹ Адвентисты седьмого дня, Пятидесятники (Христиане веры евангельской), Свидетели Иеговы – религиозные организации протестантского направления. Их деятельность на территории СССР была запрещена.

копили, и на свидание раз в год ехали обязательно. Проезжали всегда через Москву. Они обычно ни на что не рассчитывали, а я, к примеру, говорю: «У нас есть колбаса для свидания, у нас есть немного денег, у нас есть то-то и то-то». И у нас с этими людьми налаживались отношения. Они тоже подключались и искали варианты, каким образом можно было бы нечто передать. Подключали своих знакомых. В общем, знаете, это вот, как грибница, образовывалось. Никаких особых усилий никто не предпринимал, чтобы выискивать героических людей, согласных взять на себя миссию. Это были самые обычные люди. Потому что все были глубоко уверены, что это не криминальная, не противозаконная, а нормальная человеческая жизнь: помогать друг другу. Для людей такая помощь была естественной. Это же не бомбы хранить! Хотя, конечно, как всегда и везде были и люди, которые говорили: «Я боюсь, я не могу». Бывало и такое. Но отказывались очень немногие.

– У Вас у самой были допросы?

– Конечно. Первый допрос был в странном месте – в МГУ. Меня вызвали к ректору, и оказалось, что там сидит мужик из КГБ, который требовал, чтобы я отказалась от Алика. У него была такая задача. Он, конечно, не предполагал, что столкнётся с такой «дурочкой». Был уверен, что объяснит мне, как мама Алика плохо ко мне относится, а моя мама плохо относится к Алику, что вот он еврей, а я русская и всякое такое. А я ему с тупостью идиотки повторяла: «Понимаете, вот он вернётся из тюрьмы, и тогда мы это обсудим. Как его мама ко мне относится, или как моя мама к нему относится. Но когда человек в тюрьме, его никак нельзя бросать». Он и так, и так пытался – не получается. И тут он кулаком по столу как бабахнет и говорит: «Я понял, вы жертва ложно понятого чувства долга». Вот так он меня обозвал, и ровно на этом его миссия завершилась. Какие же все эти люди, выполняющие подобную работу, примитивные!

Потом были обыски: в квартире мамы на площади Маяковского, в моей однокомнатной кооперативной квартире, которую я незадолго до этого построила от Университета. Успела. В ходе обысков абсолютно ничего не нашли. И вот потом стали меня таскать. Называли они меня «близкая связь». Я говорю: «А почему вы так меня называете? Почему не можете назвать

меня, допустим, невестой?» «Это такой юридический термин: есть дальние связи и близкие связи», – отвечают.

И вызывали. Как всегда, задавали свои дурацкие вопросы: где, кто, откуда, видели ли того и другого и т.д.? Как вести себя на допросе меня обучил друг и поделщик Алика, Юра Галансков: «Понимаешь, Арина, вот ты придёшь, и перед тобой будет сидеть человек, очень симпатичный и расположенный к тебе. Очень воспитанный и даже добрый. Он будет тебя жалеть и сокрушаться: как же вы попали! Конечно, теперь как-то надо эту ситуацию исправлять. И начнёт подлавливать тебя на крючок и так, и так. В какой-то момент, ты, как нормальный человек, начинаешь отвечать на его вопросы. И вдруг явственно видишь – это ловушка! И вот тогда ты скажи ему какую-нибудь дерзость. Ну, например: «Ну какой вы следователь? Никаких следователей в советском правосудии нет. У вас у всех одна идея – побольше людей запихнуть в тюрьму. А следствие для установления истины вас вовсе не интересуется». И вот тогда он начнёт орать. Тут-то ты увидишь, что это такая грубая харя, что это твой враг, и дальше тебе уже будет легко с ним говорить слегка насмешливо. Например: «Ну, знаете, на этот вопрос я отвечать не могу».

И это мне помогло. Я-то вообще говорила: «Это мой жених, и я не могу отвечать на такие вопросы. Жёны вообще могут отказываться давать показания. Они не имеют права давать показания по близким им людям».

Один раз вообще был какой-то непонятный допрос. Вызвали на Лубянку по делу какого-то пятидесятника. Алик тогда сидел уже в третий раз. Зимой, когда, видимо, уже шли переговоры об обмене. Я тогда первый раз была на Лубянке. Впервые увидела страшное зрелище: этакое гэбистское гнездо. И человек, который меня вызывал, вдруг говорит мне: «Подождите, вы ведь жена Гинзбурга? Но, кажется, ведь вашего мужа выслали за границу?» И вот тут я поняла, что это была своего рода «проверка на вшивость». Знаю ли я что-нибудь? Я говорю: «Нет, нет, он в лагере».

Так же вызывали по «Делу о Красной площади»¹. Ну, там я вообще говорила, что ничего не знала, со мной никто из участ-

¹ «Демонстрация семерых» – манифестация протеста против вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию, произошедшая на Красной площади в Москве 25.08.1968, через четыре дня после ввода войск. Участники демонстрации развернули на парашюте у Лобного места плакаты с лозунгами, протестующими против вторжения. Все демонстранты были схвачены и арестованы

ников демонстрации на эту тему не разговаривал и не советовался.

– Вашу линию поведения на допросе в большей степени определял коллективный опыт диссидентского круга или Вы действовали по ситуации?

– На самом деле надо было следовать собственной интуиции, которая подсказывала самый простой путь: как можно меньше с ними иметь дело. На все их вопросы отвечать, что на это я не могу ответить, этого я не знаю и т.д. Причём совершенно неважно, верят они тебе или нет. Я этого не помню, не знаю, такого не было и всё. То есть самое простое, по-моему, было – от всего отказываться, не острить, не пытаться их унижить, не блистать интеллектом, а просто не иметь никакого дела с ними.

Конечно, все понимали, что показания давать нельзя, что это плохо во всех отношениях. А дальше, кто какую интонацию себе выбирал – это зависело от свойств личности. Вот, например, известная история, с Машей Слоним¹. Её вызвали на допрос, она зашла в кабинет, а следователь говорит ей: «Извините, звонок, я сейчас приду». Кстати, это был очень пространённый приём: испытывать, как ты будешь себя чувствовать в этом кабинете 15, 20, 30 минут. Вот, а Маша села и начала что-то увлечённо писать. Не знаю, что уж она там писала? А они, видимо, как-то следят за тем, что происходит в кабинете. Минут через 15 заходит следователь и спрашивает: «Что вы там записываете?» А она отвечает шуточкой: «Ну, такое наше шпионское дело». Ей всё это сошло.

Они вообще старались людей поддеть и раскрутить на их же собственных слабостях. Неуравновешенных пытались завести, задёргать. То есть нужно стараться не показывать свои слабости, хотя у всех у нас они есть. Просто говорить: я этого не знаю, не помню, на эту тему говорить не буду и так далее.

Вы знаете, у меня никогда не было ощущения зависимости от них или страха. Я совершенно несмелый человек, абсолютно не героический, но вот страха перед ними не было. Старалась вести себя абсолютно естественно. Говорила: «Когда человек в тюрьме, его бросить нельзя, не правда ли?» Ну, это

¹ Слоним Мария Ильинична (р. 1945) Журналистка. Двоюродная сестра Павла Литвинова.

же такая простая вещь, трудно не согласиться! А дальше они могли привести мне хоть 55 аргументов, а я всё равно им говорила, исходя из базового утверждения: сейчас бросить не могу. И в этом не было ни героизма, ни вызова, ни страха, я говорила нормальным человеческим языком, опираясь на общечеловеческие аргументы, и тот, кто вёл допрос, не мог мне возражать. А что он мне на это скажет? Я говорила, что так меня воспитала моя семья и русская литература: нельзя предавать людей, которые находятся в тяжёлом положении. Ну, ведь не скажет же он мне, что можно! Он ведь тоже свою роль играл.

Но это – мой личный опыт и моя тактика. Были же самые разные варианты. Были люди, которые с ними пытались играть. Вот Мария Синявская, например, и не скрывает того, что хотела их обыграть. Она составляла какие-то головоломки, придумывала какие-то ситуации, в которых она хотела поймать их на лжи и прочее, и прочее. Были люди, которые, пользуясь необразованностью следователей, на допросах всякую тюльку гнали часами. Например, на вопрос «Кто такая Горбаневская?» отвечали: «Горбаневская – это великая поэтесса, которая умерла в прошлом веке. Она повлияла на развитие русской поэзии. А вот Ахматова – она молодая, у неё ещё всё впереди. Мандельштам, её близкий друг, – тоже». И это всё записывалось в протокол. И только когда через два-три месяца приходил кто-то вышестоящий, проверить, почему допросы идут, а дело не двигается, читал всё это и хватался за голову. Следователя, который аккуратно записывал это в протокол, тут же убрали.

Хочу сказать, я не встречала ни одного сколько-нибудь интеллигентного следователя, который мог бы вызвать простой человеческий интерес. Не специальный (как у одной восточно-германской диссидентки – любовный, к своему следователю), а обычный человеческий интерес, чтобы было, например, интересно узнать: что он думает по тому или иному поводу. Они были для меня просто инопланетяне какие-то: грубые, примитивные существа. Всех нас они считали продавшимися западу или кому-то другому. Иного варианта просто предположить не могли. У них не вмещалось в голове, что человек может действовать по собственной воле и совести. Что человек может любить и быть верным своей любви.

г. Париж

«ДЛЯ МЕНЯ «ХРОНИКА» ВОЗНИКЛА САМОЗАРОЖДЕНИЕМ. ПОЧТИ КАК СТИХИ...»

Интервью с Натальей Горбаневской.

Наталья Евгеньевна Горбаневская – поэт, переводчик, журналист. Основатель и первый издатель самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий». Участница «демонстрации семерых» на Красной площади 25.08.1968. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

*Наталья Горбаневская.
Март 1973 г.*

– Наталья Евгеньевна, расскажите, как вы оказались в кругу диссидентов?

– Слово «диссиденты», видимо, появилось где-то в 1970-1971-м годах, поскольку, когда в декабре 1969-го меня посадили, этого слова ещё не было, а когда я вышла в феврале 1972-го – оно уже было. Слово это я очень не люблю, но его активно применяют для описания определённого социального явления в советской истории, и с этим уже ничего не поделаешь.

...В конце 1950-х – начале 1960-х все мы были более или менее молоды, мобильны и не сидели по домам. Компьютеров у нас не было, к экранам телевизоров мы тоже не прилипали. Я вообще не помню, чтобы в домах, где я бывала, кто-то смотрел телевизор.

В молодости вообще так происходит – всегда появляются новые знакомые, знакомые знакомых, складываются какие-то новые компании. Знакомились мы в самых разных местах. На Пушкинскую площадь я, например, не ходила. Но люди ходили. И там встречались. Знакомились в домах. Например, с Ларисой Богораз¹, Толей

¹ Богораз Лариса Иосифовна (1929-2004). Филолог, общественный деятель. Одна из авторов обращения «К мировой общественности». Участница «демонстрации семерых» на Красной площади 25.08.1968.

Марченко¹ и Пашей Литвиновым² я познакомилась в один и тот же день, в феврале 1967-го года, когда пришла к матери арестованного Алика Гинзбурга³, Людмиле Ильиничне. И там увидела массу людей, ведь её навещали многие, чтобы узнать новости об Алике. Надо сказать, что дом Гинзбургов вообще был одним из географических центров создания сообщества. В моём же случае Алик Гинзбург был старым другом. Мы познакомились через круг молодых поэтов.

То есть это была масса пересекающихся множеств. Кто-то кому-то больше нравился, кто-то кому-то меньше. Кто-то ходил в одни места, кто-то в другие. У многих людей, у меня особенно, всегда было несколько компаний, и я всегда людей знакомила, чем и была знаменита. В компании обычно ходили повидать людей, поговорить, послушать. В общем, это была просто жизнь. Это не была специальная общественная деятельность.

– Но всё-таки к концу 1960-х годов сформировалось сообщество, которое своими действиями выделялось из общего круга либеральной московской интеллигенции. Сообщество диссидентов... Как оно появилось?

– Думаю, где-то в 1967-м всё-таки начало формироваться что-то похожее на сообщество. Очень фрагментарное, но всё же... Конечно, очень многие занимались самиздатом. Но самиздат был естественным занятием интеллигенции в то время! Им занимались все. А вот первая точка, когда наше сообщество начало немножко «слепляться в тесто» и выделяться – это был декабрь 1967-го года, первое большое коллективное письмо. До этого в 1966-1967 годах были, конечно, коллективные письма, но под ними в основном подписывались известные деятели. А тут в начале декабря объявили, что вот-вот состоится суд

¹ Марченко Анатолий Тихонович (1938-1986). Мемуарист, публицист. Автор первой документальной книги о политических лагерях послесталинского периода. Последний советский политзаключенный, погибший в неволе.

² Литвинов Павел Михайлович (р. 1940). Преподаватель физики, общественный деятель. Один из авторов обращения «К мировой общественности». Участник «демонстрации семерых» на Красной площади 25.08.1968.

³ Гинзбург Александр Ильич (1936-2002). Журналист, общественный деятель, политзаключённый. Основатель жанра диссидентской самиздатской периодики и документальных сборников, посвященных политическим преследованиям. Центральная фигура на «процессе четырех» – одном из самых громких политических процессов 1960-х. Первый распорядитель Фонда помощи политзаключенным и их семьям. Член Московской Хельсинкской группы.

над Аликом Гинзбургом и Юрой Галансковым¹, и что он будет закрытым. Так вот, это было письмо протеста против закрытого суда. Под ним, кажется, больше ста человек подписалось, чего до тех пор ни разу не было. И подписались люди типа меня, которые раньше не подписывали писем в связи с тем, что считали: свою подпись должны ставить знаменитости. Думали, кому нужна моя никому не известная фамилия? А тут я поняла (и, думаю, у многих подписавших был именно такой мотив), что я ставлю свою подпись, потому что считаю это нужным, потому что мне совесть не позволяет поступить иначе.

Активная фаза подписантства – времени, когда зафиксировано наибольшее количество писем протеста и подписей под ними, – длилась недолго, пожалуй, лишь до осени 1968 года. Например, когда осенью судили демонстрантов², то под письмом в их защиту стояло всего несколько десятков подписей (ранее были письма, под которыми собиралось и до двухсот подписей). Вот она, разница – чуть больше чем за полгода климат в обществе значительно изменился.

Да, позже ещё стали знакомиться друг с другом у судов. И это тоже связывало сообщество. Например, я первый раз была у суда в сентябре 1967-го года, когда судили Володю Буковско-го³, Вадима Делоне⁴ и Евгения Кушева⁵. Там я познакомилась с какими-то людьми. В частности, с Ниной Ивановной Буковской⁶.

¹ Галансков Юрий Тимофеевич (1939-1972). Поэт, публицист, составитель самиздатских альманахов. Один из подсудимых на «процессе четырех». Первый диссидент, погибший в лагерях брежневской эпохи.

² Имеется в виду «Демонстрация семерых» – манифестация протеста против вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию, произошедшая на Красной площади в Москве 25.08.1968. Участники демонстрации развернули на парапете у Лобного места плакаты с лозунгами, протестующими против вторжения. Н. Горбаневскую задержали с остальными демонстрантами, но отпустили, вероятно, сочли, что арест матери двух малолетних детей даст повод, как тогда говорили, «к антисоветской шумихе» за рубежом. Спустя четыре месяца, в декабре 1969, Н. Горбаневскую арестовали и поместили в Казанскую спецпсихбольницу.

³ Буковский Владимир Константинович (р.1942). Правозащитник, публицист, политический и общественный деятель. В начале 1960-х один из организаторов регулярных неформальных встреч молодежи у памятника Маяковскому в центре Москвы.

⁴ Делоне Вадим Николаевич (1947-1983). Поэт. Участник двух публичных акций протеста: демонстрации на Пушкинской площади 22.01.1967 и «демонстрации семерых» на Красной площади 25.08.1968.

⁵ Кушев Евгений Игоревич (1947-1995). Поэт, писатель, автор самиздата. Член неформальных литературных объединений середины 1960-х. Участник первых правозащитных демонстраций.

⁶ Буковская Нина Ивановна (р.1913). Мать Владимира Буковского, радиожурналист, член Союза журналистов Москвы. Член КПСС (1962-1971 гг.).

И в какой-то момент появились первые диссидентские организации...

Мы как огня боялись слова «организация»! Потому первая организация после жарких дебатов была создана лишь в мае 1969-го года. Это была Инициативная группа по защите прав человека в СССР. Получилось это достаточно случайно, т.к., в общем, никто не хотел организации. И не только потому, что боялись 72-й статьи УК¹. Каждый хотел оставаться свободным от обязанностей и запретов, налагаемых организацией. Например, после августовской демонстрации 1968-го года были разговоры на тему, кому можно было в ней участвовать, кому нет. Что вот, может, если бы была организация, какой-то «комитет», можно было бы запретить кому-то из нас туда ходить или, во всяком случае, настоятельно рекомендовать этого не делать. Но это же немыслимо! И, во-вторых, у нас перед глазами был печальный пример молодежных организаций конца 50-х - начала 60-х годов. То есть организовываться никто не хотел.

– Как же вы оказались в составе Инициативной группы?

– Ситуация с созданием этой организации сложилась такая, что сказать «нет» было невозможно. Она появилась в информационном пространстве, по сути, раньше, чем мы дали добро. Было много споров, недоразумений. Кто-то выходил из Инициативной группы, снова входил, опять выходил. Однако когда членов группы начали одного за другим выдергивать и сажать, уже нельзя было уходить. Но это, по-моему, единственная организация, в которой я участвовала в Советском Союзе. И то почти не по своей воле. Действительно, я неорганизованный человек... (Улыбается)

В общем, сообщество было. Но в нём все делалось естественным порядком, никто никому ничего не поручал. Думаю, что и в Московской Хельсинкской группе, которая была первой и начала Хельсинкское движение, тоже не было никакой обязательности. Всё естественно.

– Наталья Евгеньевна, как появилась идея издания «Хроники текущих событий»?

– Идея «Хроники» к началу 1968 года буквально носилась в воздухе. Во всяком случае, с тех пор, как у нас появилось в распоряжении много сведений о лагерях. Сначала появилась

¹ Статья 72 УК РСФСР: «Создание или участие в антисоветской организации».

самиздатская статья¹ Лары Богораз о поездке к Юлию² в лагерь и «Репортаж из заповедника имени Берия» Валентина Мороза³. Кроме того, вышел из лагеря Толя Марченко и написал «Мои показания». Но все равно еще много разных сведений оставалось необработанными. И чувствовалось, что надо бы это как-то систематизировать, какой-нибудь бы бюллетень...

Параллельно этому в стране начались первые внесудебные репрессии. Они стали результатом подписантской кампании. Мы передавали, сколько могли, эту информацию, в итоге что-то возвращалось по западному радио. И при этом все говорили: «Вот бы бюллетень!» Но руки ни у кого не доходили. И тут я вышла в декретный отпуск.

На самом деле, может, и я не взялась бы за это в другое время, хотя мне очень хотелось. Дело в том, что меня уже тогда в нашем кругу ценили как редактора, часто показывали какие-то материалы. Скажем, обращение Ларисы Богораз и Павла Литвинова «К мировой общественности». Лара мне показала его накануне отправки, и мы вместе его отредактировали. А на следующий день я же передала его корреспондентам. (Улыбается) ...Мы пошли в закусочную гостиницы «Ленинградская», и я передала обращение корреспондентам «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» в пачке из-под сигарет «Мальборо», как сейчас помню. Я тогда еще была не очень заметным человеком за Ларисой, за Павлом. Потому как-то так вот... прошло. Возвращаясь к редакторству, в общем, к тому времени уже многие ребята периодически просили меня посмотреть какие-то коллективные документы, что-то поправить. И я была одним из авторов письма после процесса А. Гинзбурга-Ю. Галанскова, под которым было собрано больше всего подписей⁴.

¹ «Об одной поездке» (1967, текст см. http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/bogoraz/statyi/vchk-cat-names-bogoraz-publ-one_jorney.html). Любопытно, что и статья Л. Богораз, и репортаж В. Мороза появились почти синхронно, оба текста датированы апрелем 1967 года.

² Даниэль Юлий Маркович (1925-1988). Переводчик, прозаик, поэт. Политзаключённый. Дело писателей А. Синявского и Ю. Даниэля дало решающий импульс к возникновению советского правозащитного движения.

³ Мороз Валентин Яковлевич (р. 1936). Украинский историк, публицист, поэт. Политзаключённый. Отбывая срок в Мордовском лагере, написал памфлет «Репортаж из заповедника имени Берия» (1967, текст см. <http://antology.igrunov.ru/authors/moroz/beria.html>).

⁴ Данное обращение известно как «Письмо 170-ти», позднее число подписей достигло 227.

– Скажите, как определился формат – периодический информационный бюллетень?

– В это время свои информационные бюллетени уже были у крымских татар, у баптистов... Мы как раз к 1968-му познакомились и очень подружились с крымскими татарами. Потому идея информационного бюллетеня была, скорее всего, заимствована у них.

– А название «Хроника текущих событий» откуда взялось?

– На одной из встреч, в Долгопрудном, в доме какого-то друга Петра Григоренко¹, все в очередной раз говорили: надо что-то издавать, надо информировать. Кажется, именно там кто-то сказал: «Ну, и назвать это «Хроникой текущих событий». Дело в том, что это было название рубрики из информационной передачи BBC.

И «Хроника» в самом её начале так не называлась! Она называлась «Год прав человека в Советском Союзе». «Хроника текущих событий» – подзаголовок. Во второй год издания я вставила название «Год прав человека в Советском Союзе продолжается», но потом это ушло в шапку, а «Хроника...» стало названием.

– Значит, слоган «Год прав человека в Советском Союзе» пришёл в голову именно вам? Откуда?

– Мне, конечно, мне. Все, что есть в первом выпуске «Хроники», все пришло в голову мне, я его делала единолично. Что же касается смысла фразы, то всё дело в том, что 1968-й год ООН объявила Годом прав человека во всем мире. Вот и появился такой заголовок.

– Ну вот, идея бюллетеня в сообществе оформилась, какая-то информация для первых выпусков собрана, и дальше...?

– ...И я поняла, что готова за это взяться. Но все-таки не решалась начать совсем одна, хотела получить благословение. Было это на Автозаводе, то есть в квартире Юлика Кима² и

¹ Григоренко Петр Григорьевич (1907-1987). Военный и политический деятель, правозащитник, публицист, мемуарист. Подвергался политическим преследованиям с использованием психиатрии. Член Московской Хельсинкской группы.

² Ким Юлий Черсанович (р.1936). Поэт, драматург. Один из классиков жанра авторской песни. В 1970-1971 годах – активный участник издания «Хроники текущих событий».

Иры Якир¹. Был Павел Литвинов, может быть, был Илья Габай² и ещё кто-то. Виктора Красина³ не было точно, и Петра Якира⁴ тоже не было. Я сказала: «Ребята, я вот действительно собираюсь попробовать какой-то информационный бюллетень. Как, даете добро?» Мне дали «добро». Слов точных не помню, но добро мне дали. И я потихоньку начала.

Почему я одна боялась? Может, зная свою самонадеянность? Трудно сказать... Моя мама всегда про меня говорила: «Поперек батьки в пекло лезешь». Ну, так я и хотела, чтоб все-таки меня чуть-чуть благословили.

– В диссидентской среде «Хронику» сразу оценили?

– ...Вот пример, насколько не была оценена «Хроника» сразу. Дело в том, что первый выпуск «Хроники» я датировала 30-м апреля, сознательно уйдя от даты 1-е мая. Отпечатала первые семь экземпляров: шесть раздала, седьмой себе оставила. У себя дома печатать не могла, т. к. жила с мамой и сыном в одной комнате. А у Павлика Литвинова тогда стояла практически пустая квартира (он жил у своей будущей жены), и он дал мне от неё ключи. Я приходила туда и перепечатывала очередную закладку (т.е. очередные семь экземпляров). И вот прямо там, на двенадцать дней раньше, чем я ожидала, у меня начались схватки – 13-го мая вечером. Я поехала домой: думаю, может, отлежусь. Легла: нет, не проходит. Встала и пошла в роддом. Пришла в роддом, а в час тридцать родила сына Осю.

Ушла же из-за машинки я, наверно, в девятом часу вечера. При этом вторая закладка «Хроники», допечатанная до половины, осталась в машинке. Ну, думаю, кто-нибудь из своих увидит (Павлик в квартире назначал свидания разным людям) и догадается допечатать. Я же сижу дома с Осей.

¹ Якир Ирина Петровна (1948-1999). Правозащитница, участник и один из редакторов «Хроники текущих событий» в 1970-1972 годах.

² Габай Илья Янкелевич (1935-1973). Педагог, поэт, сценарист. Участник «митинга гласности» 05.12.1965 и демонстрации 22.01.1967. Автор и соавтор публицистических текстов, распространившихся в Самиздате. Один из первых участников издания «Хроники текущих событий».

³ Красин Виктор Александрович (р. 1929). Экономист, узник сталинских лагерей, автор и распространитель самиздата. Инициатор создания Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

⁴ Якир Петр Иванович (1923-1982). Историк. В 1968-1972 – одна из центральных фигур диссидентского движения. Инициатор создания Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

Недели через три, а то и больше, первый раз выскочила из дома на журфикс к Павлику. Журфиксы проходили у Павла именно в этой квартире. Вот я приехала – там полно народу. Смотрю: машинка стоит, а в ней заложенная «Хроника» ровно на той строчке, на которой я остановилась! Как можно увидеть непечатанный текст и не сесть за машинку?! Я бы тут же села и допечатала! Так что – вначале не было реакции. Я, правда, надеялась, что с тех шести экземпляров, которые раздала, где-то кто-то уже печатал. Вот. Ну а дальше я как-то всех уже расшевелила, чтоб собирали информацию и прочее...

– Наталья Евгеньевна, сколько номеров «Хроники» сделали Вы?

– Я целиком писала первый, второй и с четвертого по десятый (за небольшими вставками в десятый, которые сделали после того, как я улетела в Сибирь) номера. Их писала целиком. Где-то, скажем, в 1969-м году я просто с черновика диктовала тексты Наде Емелькиной¹. Причём это всё были не тексты, подготовленные кем-то, а обработка информации, резюме текстов. То есть для меня это был еще и личный литературный труд. Моя первая серьезная стажировка в журналистике, в публицистике.

Третий выпуск «Хроники» я не делала сама. Поскольку пошла на демонстрацию², то не знала, вернусь ли. И отдала накануне все материалы, которые у меня уже были подготовлены. После демонстрации и до выхода «Хроники» (31 августа) я тоже не могла ею заниматься, потому что меня все время вызывали на допросы, и было неизвестно, останусь на свободе или нет. Делали третий выпуск Пётр Якир с Юликом Кимом и Ильёй Габаем. Потому этот выпуск стилистически выбивается из общей череды. ...У Пети и Илюши очень сильна была склонность к «поэтике эпитетов» и революционному пафосу. В свою очередь, именно революционный пафос всегда был противопоставлен моему этосу.

– То есть фактографический стиль подачи информации в «Хронике» заложили вы?

¹ Емелькина Надежда Павловна (1946-2010). Распространительница Самиздата. Жена В. Красина.

² Имеется в виду «Демонстрация семерых» (см. прим. № 6).

– Да, это мой стиль, я его заложила. И это все сознавали: и читавшие, и те, кто в будущем его перенимали и старались его продолжить (даже несмотря на то, что в «Хронике» появлялись новые разделы). Все, в общем, считали, что я нашла как раз нужный стиль.

– Вы это как-то устно характеризовали или письменно?

– Нет, люди сами понимали. Но у меня были какие-то возможности сказать. Скажем, когда я писала заметку по поводу самиздатского документа «О русских фашистах»¹, я написала, что «Хроника» обычно избегает оценок, но здесь мы вынуждены дать оценку этому самиздатскому документу.

– «Хроника» за довольно короткий промежуток времени стала бюллетенем, сполна насыщенным информацией. Кто и как её поставлял?

– К 1969-му году людей, приносивших информацию, конечно, стало больше. Я уже плохо помню, тем более, что старалась не запоминать. Зачем знать лишнее? Если мне кто-то в Москве что-то отдавал, я не спрашивала, у кого он это получил. В пятом выпуске «Хроники» я даже сделала заметку про то, как передавать информацию в «Хронику»: передайте её тому, у кого вы взяли «Хронику», а он передаст тому, у кого он взял «Хронику», и т.д., только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача². Поэтому, думаю, ко мне попадала информация от немногих людей.

На самом деле, добиваться помощи от окружающих в плане сбора информации местами бывало очень трудно. Больше всего информации, как ни странно, доставлял Пётр Якир. Он виделся с разными людьми, приносил что-то на каких-то клочках бумаги, полуразборчиво, но я разбиралась. Ведь люди, кто хотел что-то передать, ездили к тем, о ком они слышали в радиопередачах «голосов». В частности, многие люди из провинции к Якиру приезжали. Через него шёл очень большой поток информации.

¹ «Своя своих не познаша» См. «Хроника текущих событий» № 7 (1969, <http://www.memo.ru/history/diss/chr/chr7.htm#p8>)

² См. «Хроника текущих событий» № 5 (1968, <http://www.memo.ru/history/diss/chr/chr5.htm#p6>).

Андрей Амальрик¹ был одним из немногих, кто серьёзно трудился над самиздатскими документальными текстами. Ленинградцы² тоже в этом плане были активны, но их очень быстро посадили. А вообще, скажу вам, весь этот самиздат, всю кропотливую работу тянули на себе, в основном, женщины: Галка Габай³, Ира Якир, Надя Емелькина... Главной тягловой силой так называемого диссидентского движения были женщины. При известных исключениях, конечно. Но все-таки... (Улыбается) При этом я не только не феминистка, я антифеминистка.

– Как появилась идея рубрик? Вы с кем-то это обсуждали? Или вы просто логично разделили имеющийся у вас в руках материал?

– Ну, как это могло обсуждаться! Я разделила. Появлялся материал, который не влезал в эти рубрики – ставилась новая рубрика. И потом, по мере разрастания, уже после меня, всё новые и новые рубрики появлялись.

– И всё-таки после выхода в свет первого номера, который вы сделали в одиночку, вы с кем-то обсуждали, скажем, идеологию издания, жанровые характеристики и прочее?

– Нет. Обсуждения «Хроники» начались только в 1969-м году, когда была уже Инициативная группа. Тогда делался где-то восьмой или даже девятый выпуск. Собрались у меня и начали обсуждать. Во-первых, была идея сделать «Хронику» от имени Инициативной группы. Я сказала: «Ни в коем случае. Она должна быть совершенно независима от всего». Была какая-то критика и по существу издания. Чем были недовольны, уже и не помню. Я соглашалась с какой-то критикой, с какой-то нет... И продолжала делать.

¹ Амальрик Андрей Алексеевич (1938-1980). Историк, публицист, драматург. Первый диссидент, который открыто общался с иностранными журналистами и дипломатами в Москве, передавая им информацию о борьбе за права человека в СССР.

² Гендлер Юрий Львович (1936-2011), Квачевский Лев Борисович (р.1939). Осуждены в конце 1968 года по ст. 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда»).

³ Габай Галина Викторовна (р.1937). Педагог, автор и распространитель Самиздата. Жена И. Габая.

– Расскажите о своих постоянных помощниках. О тех, кто систематически вам помогал делать «Хронику». Были ведь такие?

– Мне не нужно было много помощников. Мне нужны были люди, у которых были свои «узелки», так сказать, центры сбора информации. Такие, например, как Арина Гинзбург¹: через ее дом проезжали жены политзэков на свидания и со свиданий. Но помощники другого плана, конечно, были. Вот Надя Емелькина, Галя Габай. Надя много печатала с машинописи. Нулевую закладку делала я, а она уже печатала семь копий с одного из моих нулевых экземпляров. Галя тоже очень много всего делала. Она и печатала много, и доставляла материал. Да и всем помогала просто по-человечески. Например, вот приехали ко мне забрать на допрос по поводу демонстрации. Я им говорю: «Я одна с двумя детьми. Вы что, с ума сошли? Никуда не поеду». Они: «Ну, звоните друзьям». Позвонила. А дело было 5-го сентября 1968-го года. Ребята пришли, а мой старший сын Ясик им говорит: «Вы ко мне на День рождения приехали?» У него в этот день – День рождения. Вот, а я с Оськой на допрос поехала. Так Галя приехала прямо туда и, пока меня допрашивали, она сидела с Оськой. Она же была со мной, когда я была на амбулаторной экспертизе в институте Сербского. Иной раз как подумаешь: кого попросить помочь? Конечно, Галю Габай. Ещё Ира Якир помогала. Она нередко ездила на Украину, многое узнавала, после чего, естественно, приезжала и рассказывала, и записывала.

– Скажите, вам было в какие-то моменты страшно?

– Был один жуткий момент, когда у меня под кроватью в комнате, где мы жили уже вчетвером с мамой и сыновьями, лежали семь экземпляров и оригинал перепечатанной первой половины книги «Полдень»². То есть пока я не закончила книгу «Полдень», мне всё время снились обыски. А как отдала ее – всё, перестали. И когда ко мне действительно пришли с обыском, даже после этого обыски уже никогда не снились.

¹ Жолковская (Гинзбург) Арина Сергеевна (р.1937). Филолог, журналист. С конца 1960-х – одна из ключевых фигур в организации общественной помощи политическим заключенным и их семьям. В 1977-1980 – распорядитель Фонда помощи политическим заключенным и их семьям.

² «Полдень» – книга-сборник Натальи Горбаневской о «демонстрации семерых» на Красной площади 25.08.1968.

– Одиннадцатый выпуск «Хроники» уже без вас заканчивали?

– Да, без меня. Одиннадцатый выпуск начинался сообщением о моем аресте. Я довольно много материала уже набрала. Но точно знала, что считанные дни осталось ходить на свободе. Я не знала сколько, может, успею доделать, может, нет. Потому все время искала кого-то, кому можно передать. И, в общем-то, все вокруг уже говорили, что нельзя, чтобы Наташка делала, надо передать кому-то...

Я передала Гале Габай, потому что никто больше не соглашался. К Гале Габай тут же пришли с обыском. Её мама, как известно, утопила материалы к «Хронике» в кастрюле с супом. У них после ареста Ильи¹ прошло четыре или пять обысков. У меня же все-таки за всё время был только один обыск, в октябре 1969-го. И Галя мне говорит: «Невозможно мне передавать». Я снова ищу. И вот, буквально на вечер 24-го декабря мы договорились с Володей Тельниковым², что он ко мне придет, я ему все покажу, всему научу. Ну, а они пришли за мной утром 24-го.

...Конечно, я понимала, что когда меня после демонстрации, в конце концов, оставили на свободе - это только отсрочка. Что они подождут, пока обо мне подзабудут на Западе и пока младший сын чуть-чуть подрастёт, чтобы не было страшного скандала (на момент моего ареста Осе было год и семь с половиной месяцев). Я же два с лишним года сидела и не знала: спаслись материалы к 11-му выпуску «Хроники» или нет. Спаслись! Это была фантастика. Ведь там были уже десятки почерков. Это был такой материал для КГБ!³

¹ Илья Габай был арестован в январе 1967 года за участие в демонстрации на Пушкинской площади 22.01.1967.

² Тельников Владимир Иванович (1937-1998). Член молодежной подпольной группы конца 1950-х, политзаключенный. Правозащитник, автор Самиздата. Переводчик, журналист.

³ Все материалы к 11-му выпуску «Хроники» – черновики на листочках, на обрывках, написанные множеством почерков – были аккуратно сложены в обычном конверте, который чудом не был изъят из ящика стола во время обыска у Н. Горбаневской. Кроме того, в кармане зимнего пальто (оно висело на вешалке в коридоре коммунальной квартиры) лежала груда лагерной информации, записанная накануне со слов Леры Айдовой, жены политзаключенного, возвращавшейся со свидания. Когда Горбаневскую увели, Ира Якир, срочно приехавшая на обыск, вынула бумаги из кармана пальто и конверт из ящика стола (Горбаневская уходя, надела куртку, указала Ире глазами на карман пальто и шепнула про стол).

...Конечно, мне было трудно найти преемника, потому что в 1969 году все время шли аресты. И очень много в 1969-м было «невменяемых». У них тогда пошла линия на невменяемость¹: начиная с Ивана Яхимовича² и кончая мной.

– Расскажите, как решался для «Хроники» вопрос анонимности издания и публичности информации?

– Где-то к концу 1968-го года уже вся Москва знала, кто издает «Хронику текущих событий», не говоря о том, что КГБ об этом знал еще раньше³. Потому что первые показания о том, что я делаю «Хронику», были даны осенью 1968-го года в Ленинграде... С другой стороны, очень многие знали, что я издаю «Хронику», от меня самой, потому что я активно собирала материал, раздавала готовые выпуски. В общем, это был общеизвестный факт. И если на «Хронике» не стояла фамилия редактора, в противоположность «Белой книге»⁴ и «Фениксу»⁵, это потому, что я настаивала: «Хроника» должна быть безымянной. И мне было очень трудно объяснить, почему. Но оказалось, что это была очень здравая идея. Благодаря этому, «Хроника» прожила пятнадцать лет, меняя редакторов и оставаясь безымянной.

Но если какие-то вещи не являлись предметом конспирации, то, скажем, каналы получения информации и распространения готовых выпусков – это совсем другое дело! Скажем, у меня были друзья, мои очень старые друзья⁶, которые давно занимались распространением самиздата. И только перед своим отъездом из страны, т.е. через семь лет после начала издания «Хроники», я свела их с Таней Великановой⁷, «передала» их. Я никому их не открывала.

¹ Речь идёт о применении психиатрии как политической репрессивной меры.

² Яхимович Иван Антонович (р. 1931). Учитель. Председатель колхоза. Снят с должности и объявлен психически невменяемым.

³ О первом выпуске «Хроники» Ю. Андропов доложил в ЦК КПСС 11.06.1968 (см. <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/445685.html>).

⁴ «Белая книга» – документальный сборник материалов, связанных с делом А. Синявского и Ю. Даниэля. Составитель Александр Гинзбург. Издан за рубежом.

⁵ Феникс – самиздатский литературно-публицистический сборник, выпущенный в Москве Ю. Галансковым.

⁶ Речь идёт о подруге Н. Горбаневской Ирине Родионовне Максимовой и ее муже Викторе Александровиче Сипачеве.

⁷ Великанова Татьяна Михайловна (1932-2002). Программист, математик. Член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В течение многих лет – организатор выпуска «Хроники текущих событий».

Или вот ещё история. В какой-то момент мы искали новых людей в «Хронику». Я говорю одним своим знакомым¹: «Ребята, вы не могли бы помочь «Хронике»?» Они говорят: «Нет». Ну, нет, так нет. И только перед моим отъездом в 1975-м они мне сказали: «Наташа, ты знаешь, почему мы отказались тогда? Мы давно уже работаем на «Хронику!» ...И это было правильное поведение, чтобы случайно не подвести людей. Точнее техническое правило издания. Зачем знать то, что тебе знать не нужно?

– Что Вам лично дал процесс издания «Хроники»?

– Для меня «Хроника» возникла как бы самозарождением. Почти как стихи. Ну, на стихи я, правда, ни у кого не спрашивала благословения. На «Хронику» спросила – тут уж надо было.

...Я люблю писать. Особенно когда находится ниточка, за которую потянуть, а потом уже пишется. А там легко было находить ниточку, там столько было ниточек, за какую ни дерни – начинаешь писать! При этом эмоции у меня безусловно были, но я их старалась спрятать поглубже. Никому не нужны мои эмоции – эмоции пусть будут у читателя. Разумеется, этот сравнительно сухой безоценочный стиль тоже производил на читателя впечатление. Это вообще производит впечатление всегда гораздо большее, чем эмоциональный язык.

– Скажите, после освобождения Вы принимали какое-то участие в издании «Хроники»?

– В 1974-1975 годах я была негласным сотрудником «Хроники». Мне Таня Великанова приносила материалы. Но кроме Тани об этом никто не знал, ни одна живая душа. Таня мне приносила, скажем, много материала по какому-то из судебных процессов, и я из этого материала делала статью для «Хроники». Так я делала статью о процессе Михаила Хейфеца² и о процессе пятидесятника Ивана Федотова³. Ещё что-то было... Это было довольно трудно – из такой груды обрывочного материала сделать один связный текст.

¹ Речь идёт о Наталье Симонович и её муже Марке Гельштейне.

² Хейфец Михаил Рувимович (р. 1934). Писатель и историк. Автор самиздата, журналист. Политзаключенный. См. «Хроника текущих событий» № 34 (1974; <http://www.memo.ru/history/diss/chr/XTC34-3.htm>).

³ Федотов Иван Петрович (р. 1929). Пресвитер Церкви Христиан Веры Евангельской – пятидесятников. Подробности процесса см. «Хроника текущих событий» № 36 (1975; <http://www.memo.ru/history/diss/chr/XTC36-15.htm>).

– А у Вас не было желания (пусть и неосуществимого) снова весь процесс издания взять в свои руки?

– Нет. Зачем? Если бы я видела, что иначе она не может существовать... Зачем, если она выходит и все нормально?

– Даже в те полтора года, когда «Хроника» не выходила?

– Да, полтора года между моим освобождением и моей эмиграцией «Хроника» не выходила. Это правда. Они намеренно арестовали Иру Белгородскую¹, про которую прекрасно знали, что она отошла от дел «Хроники». Решили «брать заложников». Вот человек отойдет, следующий номер «Хроники» выйдет, мы его возьмем. Это была очень хитрая идея – брать не людей, делающих «Хронику», а людей, переставших её делать. Они понимали, что это может подействовать.

У меня же в то время, после освобождения, уже не было и каналов. Нет, я, конечно, понимала, что они где-то есть, но что и как в ту пору делалось – уже не знала. Вообще нужно сказать, когда летом 1972 года пошли разговоры о закрытии «Хроники» в обмен на то, что таких-то освободят, я была против (заметьте, эти разговоры начались ещё до того, как она была действительно «завешена» на полтора года). Как человек, вышедший из тюрьмы, я была против. Ведь люди сидят и знают, что есть «Хроника», которая о них пишет! Как можно закрыть?! И многие были против. Кстати, в момент этих разговоров Алик Гинзбург говорил, что если кто-то прекратит «Хронику», он возьмётся ее издавать. И вот после 27-го выпуска издание «Хроники» было временно прекращено. Кто взял на себя ответственность за это «временное прекращение»? Как, когда и кем это всё будет возобновлено? Было непонятно... Ну, а потом, перед возобновлением, я уже знала, что где-то номера втайне готовились... Мне Таня Великанова сказала.

– Наталья Евгеньевна, а была ли какая-то специальная этика диссидентских действий?

– Что касается, условно говоря, диссидентской этики, или, как любят говорить поляки, – этоса, то я себе это представляю так (ведь у каждого из нас могут быть свои варианты). Первое, каждый волен действовать или бездействовать согласно своим

¹ Белгородская Ирина Михайловна (р.1938). Инженер. Политзаключённая. Участница подписантских кампаний.

убеждениям. Второе, никто никого ни к чему не должен принуждать. Никому ничего не запрещать, никого ни на что не толкать. Затем – никогда и ни по какому случаю никто не должен давить на совесть.

При этом самому нужно иметь совесть и ответственность. Если у человека есть совесть – он плохого не захочет. Плюс ответственность за себя, за других, за то, что происходит в стране. Вот. Думаю, больше ничего особенного в этом это-се не было. Это основные вещи. Ну и, конечно, никогда не говорить тому, кому не надо, то, чего ему не следует знать. То есть мне представляется, что минимум конспиративный всё-таки должен быть. ...Последнее, конечно, соблюдали далеко не все.

г. Париж

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Тайна пустых кенотавий..... 3

НЕ ЗАБУДЬТЕ НАС!

Валерий Константинович Архапчев. «Потому и выжили...».. 10

Борис Павлович Дроздов. «Хождение по мукам»..... 21

Наталья Васильевна Красноперова. «Здравствуй, дедушка!» 32

Владимир Гладышев, Александр Калих. «Он напоминал самолет, который не просит посадки»..... 37

Ирина Кизилова. «Фрау Меркель» 46

Эмма Викторовна Никитина. «Вечная память!»..... 59

Игорь Рогожников. «Мы помним вас, кумиры былых баталей» 66

Лев Иосифович Яблошевский. «Всю жизнь искал отца» ... 70

Н.В. Петров, А.Б. Рогинский (НИПЦ «Мемориал»). «Польская операция» НКВД 1937-1938 гг.»..... 84

Виталий Гармаш. «Скажи спасибо, что не дали «вышку». Стихи. 90

ТЮРЬМА НКВД № 2: ИСТОРИЯ В СУДЬБАХ..... 95

Михаил Юрьевич Цирульников. «Аннушку» создавали заключенные». 98

Лев Николаевич Правдин. «Жажда творчества». 100

Эльвина Георгиевна Тихомирова. «Ждали, верили, надеялись»..... 102

Нана Кирилловна Кашлявик. «Попытался вырваться...»..... 103

Галина Тиунова. «Я была поражена их стойкостью, мужеством...» 105

Герман Васильевич Мельников. «Нас называли «контриками» 110

Нонна Петровна Потапова. «Я поняла, что осталась одна...» 111

Сергей Шевырин. «Пермские «шарашки». 114

НОВОМУЧЕНИКИ 119

Владимир Гладышев. «Коноплевы». 120

Наталья Трясцина. «Тайна рождественской открытки» 127

ПОЭЗИЯ НЕВОЛИ. СТИХИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ 139

«XIX партсъезд»..... 141

На смерть уса.....	142
Ликуй, Москва. Москва, ликуй.....	143
Романс.....	145
Ребенок.....	146
Закон.....	147

ВЛАСТЬ ДОНОСА.....	149
Анна Кимерлинг. «Власть доноса». Анонимное письмо во власть.....	150
Владислав Шабалин. «От дискуссий к подполью».....	161

«УВАЖАЕМЫЙ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ!» Обращения бывших политических заключенных в органы власти.....	183
«Били по голове, чем попало». Заявление Иллариона Ивановича Чекмарева.....	186
«Я работал актером». Заявление Ивана Васильевича Голынец.....	188
«Вас следует изолировать». Заявление Корнея Яковлевича Генрихса.....	190
«Заставлял давать ложные показания». Заявление Якова Яковлевича Генрихса.....	192
«Мое дело сфабриковано». Заявление Виллибальда Николаевича Фейста.....	193

ЧЕКИСТЫ. Раздел ведет Владимир Гладышев.....	197
Конец наркома.....	199
Печать, как капля крови.....	204
«...Страшно было осознать, где я? В своей ли стране?»	
Письмо Василия Ивановича Лаищева в Прокуратуру Пермской области.....	225
Хватит романтизировать террор!.....	238

ДИССИДЕНТЫ. Раздел ведет Елена Скрыкова.....	245
Три судьбы.....	246
«Я стала участвовать в правозащитном движении раньше, чем это движение поняло, что оно движение». Интервью с Людмилой Алексеевой.....	249
«Назовите меня невестой!» Интервью с Ариной Жолковской (Гинзбург).....	306
«Для меня «Хроника» возникла самозарождением. Почти как стихи...» Интервью с Натальей Горбаневской.....	353

ГОДЫ ТЕРРОРА
Книга памяти жертв политических репрессий
Часть шестая
Том 4

Редактор
А.М. Калих

Корректор
Т.Н. Назукина

Верстка
Е.И. Галиевой

Дизайнер
Д.В. Савельева

Подписано в печать 08.10.2012 г. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$
Бумага ВХИ. Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № 6348.

ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова»
614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 27
Тел. 212-44-53, 294-1140